ВОСТОЧНЫЙ ТУРКЕСТАН И СРЕДНЯЯ АЗИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ВОСТОЧНЫЙ ТУРКЕСТАН И СРЕДНЯЯ АЗИЯ

ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРА. СВЯЗИ

Под редакцией
Б. А. Литвинского

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1984

ПРЕДИСЛОВИЕ

Советские ученые много и плодотворно работают над исследованием истории и культуры Центральной Азии, и в том числе — Восточного Туркестана (по административно-географической терминологии — Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР). Для изучения его исторических судеб очень важное значение имели связи со Средней Азией, что прослежено в работах ряда ученых — дореволюционного периода и советских (Н. Я. Бичурин, В. В. Григорьев, В. В. Радлов, В. В. Бартольд, А. Н. Бернштам и др.). Получены серьезные результаты в исследовании и интерпретации археологических, иконографических и архитектурных памятников, происходящих с территории Восточного Туркестана, письменных памятников на различных языках, в изучении политической, социально-экономической, этнической и культурной истории, а также этнографии и антропологии. Изданы крупные монографии, множество статей.

Вместе с тем в истории и культуре Восточного Туркестана осталось немало «белых пятен», некоторые важнейшие проблемы все еще ждут своего решения. Настоящий сборник объединяет статьи, посвященные разработке именно таких сюжетов и проблем. Его хронологический диапазон очень широк: от каменного века до этнографической современности. Статьи написаны на основании разнообразных источников, с учетом результатов исследований как отечественной, так и зарубежной, в том числе китайской, науки. Авторы и ответственный редактор видят цель этого сборника в строго научном, абсолютно объективном освещении некоторых узловых проблем древней и средневековой истории и истории культуры Восточного Туркестана.

Конкретное исследование привело авторский коллектив к заключению о существовании в древности и средневековье не только чрезвычайно тесных исторических, культурных и этнических связей между народами Восточного Туркестана и Средней Азии, но и единого этнокультурного и исторического региона, при наличии у каждой из его двух частей специфических традиций и особенностей.

Вся подготовительная работа по комплектованию сборника и предварительному редактированию осуществлена Е. В. Антоновой и Л. А. Чвырь. Иллюстрации выполнены художником Т. П. Удымой.

Ответственный редактор
Член-корреспондент АН ТаджССР
Б. А. Литвинский

9 (М)
В 78

Сборник посвящен исследованию узловых проблем истории и культуры преимущественно Восточного Туркестана, а также Средней Азии в хронологическом диапазоне от каменного века до этнографической современности. В сборнике представлены как статьи по истории культуры, так и по социально-экономической, этнической и культурной истории, а также по этнографии.

В 0507000000-049 / 013(02)-84 136-83

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984.

Б. А. Литвинский

ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА И СРЕДНЕЙ АЗИИ

(проблемы этнокультурной общности)

Среднюю Азию[1] русские и западноевропейские авторы XVIII — первой половины XIX в. часто называли «Большой Бухарией», земли же к востоку от нее — «Малой Бухарией»[2]. В китайских источниках нового времени вторая из них, после присоединения ее в середине XVIII в. к Китаю, получила название Синьцзян («Новая граница» или «Новая территория»).

Как название «Малая Бухария», так и «Синьцзян» — искусственные образования, они не являлись местными топонимами, не были известны местным жителям и не употреблялись ими. В XVIII—XIX вв. на Востоке, а затем и в Европе и России обе эти области стали называть Туркестаном, иногда различая «Бухарский Туркестан» и «Китайский Туркестан»[3]. В 1829 г. Н. Я. Бичурин в одной из своих первых крупных книг выступил с очень важным утверждением: «Здесь приличнее было бы назвать Бухарский Туркистан западным, а Китайский восточным... Принимаемое у нас название Китайского Туркистана подлежит изменению...» [25, с. 12].

В трудах выдающегося русского востоковеда второй половины XIX в. В. В. Григорьева термины «Западный Туркестан» и «Восточный Туркестан» в полной мере обрели права гражданства. В названиях его печатных исследований встречаются как тот, так и другой термины. Именно В. В. Григорьев впервые в мировой науке написал детальную историю Восточного Туркестана [17; см. также 56, с. 287—546]. Эта история, скромно озаглавленная «Дополнения» (к книге Риттера), представляет том в 525 с. Здесь собран огромный материал по древней и особенно средневековой и новой истории Восточного Туркестана. Книга В. В. Григорьева и спустя полстолетия после выхода в свет сохраняла, по словам В. В. Бартольда, свое значение свода исторических данных о Восточном Туркестане, причем он писал, что «...ни на одном из европейских языков нет труда о Восточном Туркестане, который по точности и полноте собранных в нем сведений мог бы сравниться с этой книгой» [4, с. 462]. Такая оценка В. В. Бартольдом труда В. В. Григорьева остается в известной степени справедливой и в наши дни. Следует добавить, что В. В. Григорьев, глубокий знаток исторического прошлого Средней Азии и Восточного Туркестана, сформулировал в своей книге проницательные суждения, которые стали путеводной нитью при последующем изучении истории Восточного Туркестана. Он полагал, что древнее население Средней Азии и Восточного Туркестана было «однородным», принадлежало к «арийской», т. е. индоевропейской, семье и достигло высокого

[1] О термине «Средняя Азия» см. [21, с. 14—16; 62; 63; 173, с. 1—5]. В настоящей статье имеется в виду территория, куда входит и Южный Казахстан, термин «Средняя Азия» применен для краткости.

[2] В 1697 г. в Тобольской приказной избе казак Федор Скибин, вернувшийся из Казачьей орды, сообщил некоторые сведения о «Болшей Бухарии» (текст см. [59, с. 265—266]). В 1696 г. С. Ремезову было поручено «написать степи от Табольска до Казачьей Орды, и до Бухарии Болшей, и до Хивы, и до Еика, и до Астрахани» (цит. по: [61, с. 39]).

[3] Критические замечания против использования термина «Малая Бухария» высказывались в 20-е годы XIX в. неоднократно, например, Е. К. Мейендорфом.

уровня материального и духовного развития [17, с. 13]. «...Восточный Туркестан уже в глубочайшей древности был страною, не уступавшею соседней с нею Бактриане ни гражданственностию, ни культурою, и населялся если не искони, то по крайней мере с исторических времен народами Арийской Семьи (по современной терминологии — индоиранцами.— *Б. Л.*)...» [17, с. 16].

В. В. Григорьев сам указал на многие пробелы в своей истории Восточного Туркестана, которые, по его словам, «...остается пополнить — Бог даст, трудами русских исследователей» [17, с. VI].

Действительно, русская наука внесла огромный, по некоторым направлениям — решающий вклад в исследование исторических судеб Восточного Туркестана, языков и культуры населявших его народов и племен. Достаточно указать на труды В. В. Бартольда, В. В. Радлова, С. Ф. Ольденбурга, К. Г. Залемана в области истории, лингвистики и археологии. Мы не имеем возможности дать этим трудам даже самую краткую характеристику, но, может быть, в этом и нет особой необходимости — они хорошо известны специалистам, отечественным и зарубежным. Обобщая результаты своих собственных исследований историко-культурного прошлого Средней Азии и Восточного Туркестана и научные достижения других востоковедов, лингвистов и археологов, наиболее компетентный знаток истории Востока В. В. Бартольд пришел к важным заключениям. Указав, в частности, что новая сводная работа по истории Восточного Туркестана может быть написана лишь в связи с результатами исследования прошлого Средней Азии, В. В. Бартольд обосновывал это следующим образом: «*В обеих частях Туркестана жили народы одного и того же происхождения и действовали одни и те же культурные факторы*» [4] [6, с. 521].

Начиная с 20-х годов XIX в. и вплоть до 80-х годов XX в. велась интенсивная разработка письменных источников по истории Восточного Туркестана — в ней наряду с русскими востоковедами участвовали также ученые из западноевропейских стран, Китая, Японии и Индии. В результате были собраны, переведены, прокомментированы и проанализированы сведения из китайских, греко-латинских, тибетских, арабских, персидских, тюркоязычных и других источников.

Параллельно многочисленными экспедициями был собран огромный фонд археологических материалов, изучены памятники искусства и археологии и извлечены из земли разнообразные памятники письменности [5].

Русские ученые сыграли в этом особую роль. Достаточно назвать имена Ч. Ч. Валиханова, Н. М. Пржевальского, М. В. Певцова, В. И. Роборовского и др. [26; 58]. Первая, специально археологическая, экспедиция в Восточный Туркестан также была отправлена из России. Это произошло при следующих обстоятельствах. В 1896 г. в Русское географическое общество поступил мешок с обрывками санскритских, уйгурских и китайских рукописей, приобретенных во время экспедиции 1894—1895 гг. В. И. Роборовским и П. К. Козловым в Турфанском оазисе. Акад. В. В. Радлов, участвовавший в их разборе, сделал в Академии наук доклад об этих рукописях, а затем вместе с К. Г. Залеманом и В. Р. Розеном выступил с предложением об организации специальной экспедиции по исследованию древностей Турфана. Срок экспедиции был определен в четыре месяца. Главой экспедиции назначался Д. А. Клеменц, в экспедиции принимали участие его жена и М. С. Андреев. Ход и результаты экспедиции были зафиксированы в дневнике начальника экспедиции, записях о древностях Турфана, альбоме с рисунками, фотографиях. Экспедиция привезла большую коллекцию памятников искусства и письменности, археологических материалов. Был опубликован небольшой по объему, но достаточно детальный отчет [6]. Экс-

[4] Курсив наш.

[5] Объем статьи не позволяет привести ссылки даже на основные публикации, поэтому они вынужденно носят выборочный характер.

[6] Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan. H. 1. St.-Pbg., 1899. Первую часть этой книги составляла работа Д. А. Клеменца: D. K l e m e n z. Turfan und seine Altert-

педиция Д. А. Клеменца, работая очень интенсивно, обследовала не менее полутора десятков комплексов, в том числе такие важные, как старый город на Яре (Яр-хото) и памятники в его окрестностях, Идикутшари, Сенгим-Агыз, Безеклик (Муртук), Туюк-Мазар и др. Экспедиция не имела возможности проводить раскопки. Осуществлялось описание, фотографирование, графическая фиксация (в том числе снимались планы и производились разрезы), делались эстампажи с надписей, совершались покупки предметов и рукописей. Д. А. Клеменц привез некоторое число настенных росписей, выполненных в разных манерах. С. Ф. Ольденбург собирался издать научный каталог рукописей и других находок экспедиции Д. А. Клеменца.

Сам Д. А. Клеменц скромно называл свою экспедицию рекогносцировочной. Так оно и было, однако непременно следует добавить, что Д. А. Клеменц впервые дал обзор археологических памятников Турфана, притом выполненный на высоком для своего времени уровне. Именно Д. А. Клеменц обнаружил и описал некоторые памятники. Он собрал и проанализировал обширный материал, высказав много ценных соображений. Экспедиция Д. А. Клеменца показала, сколь богат Восточный Туркестан первоклассными археологическими памятниками [7] и сколь перспективным может стать его углубленное археологическое изучение.

Экспедиция Д. А. Клеменца и выход в свет ее отчета, опубликованного на немецком языке, имели серьезные научные и научно-организационные последствия.

Прочитанный в 1899 г. на XII (римском) международном конгрессе ориенталистов доклад о древностях Турфана явился одним из серьезных доводов в пользу организации международной ассоциации для изучения Средней и Восточной Азии. Решение об этом было принято в 1902 г. на следующем, XIII (гамбургском) конгрессе ориенталистов. Ассоциация состояла из национальных комитетов, причем центральным являлся Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях (1903—1923 гг.). Главной целью ассоциации было изучение памятников Восточного Туркестана [5, с. 503—505].

Открытие рукописей (о них — ниже) и особенно результаты экспедиции Д. А. Клеменца в Турфан повлекли за собой также организацию во многих странах крупных, хорошо оснащенных экспедиций в Восточный Туркестан, многие из которых работали длительное время [8]. Немецкие экспедиции начали свою работу через четыре года после экспедиции Д. А. Клеменца. Как писал А. Грюнведель, первоначальный план первой немецкой экспедиции был разработан в 1899 г. после бесед с посетившими тогда Берлин В. В. Радловым и Д. А. Клеменцем [107, с. 3, примеч. 1] и с учетом опыта и результатов русской экспедиции. Как и экспедиция Д. А. Клеменца, немецкие экспедиции сосредоточили свое внимание на древностях Турфана, лишь впоследствии расширив область своих работ. Первая немецкая экспедиция работала в оазисе Турфан с ноября 1902 до марта 1903 г. (ее возглавлял А. Грюнведель) [9]. Вторая экспедиция действовала в сентябре 1904 — декабре 1905 г. в оазисе Турфан и в районе Комула (руководитель А. Лекок). Третья экспедиция производила работы в декабре 1905 — июне 1907 г. в оазисах Кучи, Карашара, Турфана и Комула (в ней участвовали А. Грюнведель и А. Лекок). Район работ четвертой экспедиции включал оазисы Кучи и Маралбаши, она длилась с января 1913 до конца 1914 г. Экспедиции привезли свыше 430 крупных ящиков с различными материалами (настенная живопись, скульптура, деревянные и метал-

---

hümer (с. 1—53; 24 рис., 8 табл., 1 карта), вторую часть — работа В. В. Радлова, посвященная памятникам древнеуйгурской письменности из Турфана: W. R a d l o f f. Altuigurische Sprachproben aus Turfan (с. 55—83). Анализ результатов экспедиции, проведенный С. Ф. Ольденбургом, см. [50]. В статье объемом 13 стр. С. Ф. Ольденбург использовал, помимо печатных, рукописные материалы экспедиции.

[7] В частности, это и погребальные памятники в районе Урумчи — см. [127, с. 22, 44].

[8] Подробно об этих экспедициях см. [89].

[9] Об этой экспедиции см. [107].

лические изделия, керамика, древние рукояти и др.). Бесценны полевые описания памятников, фото- и графическая фиксация, цветные копии живописи [10].

С 1900 г., раньше, чем немецкие ученые, начал организовывать свои экспедиции в Восточный Туркестан А. Стейн. Три его экспедиции (1900—1901; 1906—1908; 1913—1915) охватили почти всю территорию Восточного Туркестана. Им опубликованы научно-популярные и научные книги об этих экспедициях — более полутора десятков огромных томов, целая библиотека.

Если немецкие ученые занимались преимущественно памятниками искусства (А. Лекок кроме того — и письменности), то диапазон научных интересов А. Стейна был несравненно шире. Его интересовали все виды археологических памятников, в ряде случаев он произвел раскопки. Обнаруженные материалы были обработаны им самим и целым коллективом ученых — экспертов в области нумизматики, синологии, тюркологии, иранистики и т. д. Кроме того, А. Стейн в своих трудах разрабатывал вопросы истории и исторической географии важнейших областей Восточного Туркестана [176—178] [11].

Помимо немецких и английских ученых, исследованием археологии Восточного Туркестана занимались французские [114; 150; 151], шведские [81; 183], японские [148; 179] и китайские [123; 192—194] ученые.

Мы не можем здесь, даже вкратце, остановиться на результатах этих экспедиций. Скажем лишь несколько слов о самой крупной из русских экспедиций — экспедиции С. Ф. Ольденбурга 1909—1910 гг. Ее руководитель С. Ф. Ольденбург в конце XIX — первой трети XX в. являлся одним из крупнейших в мире специалистов в области буддизма, индийской культуры и искусства. В состав экспедиции входили художник и фотограф С. М. Дудин и горный инженер Д. А. Смирнов. Экспедиция проделала огромную работу. Были детально обследованы архитектурные комплексы в округе Карашар, особенно Шикшин с его наземными и пещерными сооружениями. В Турфане изучался старый город на Яре, Идикутшари, Безеклик, Сенгим-Агыз, Туюк-Мазар и др. Производились съемка планов комплексов и отдельных сооружений, фотофиксация расчистки отдельных участков. С. Ф. Ольденбург и отчасти С. М. Дудин много времени уделяли описанию как самих сооружений, так и особенно скульптуры и живописи. В Петербург была привезена огромная коллекция, состоявшая из памятников искусства, материальной культуры и рукописей [19; 20; 49] [12].

В последние десятилетия на территории Восточного Туркестана проводятся значительные и важные археологические работы китайскими археологами [13].

Помимо экспедиций, часть археологических материалов была получена путем приобретения у местных жителей. Систематическое собирание древностей Восточного Туркестана осуществлял русский консул в Кашгаре Н. Ф. Петровский [14]. Эта коллекция, как и коллекции некоторых других собирателей, хранится сейчас в Государственном Эрмитаже. Известен и ряд зарубежных коллекций такого рода [15].

Все это вместе взятое составляет обширный фонд материалов по археологии, истории архитектуры и искусства Восточного Туркестана. При всей исключительной ценности этого фонда, следует вместе с тем отметить, что он далеко не равноценен. Даже большинство ключевых памятников еще не

---

[10] Основные работы А. Грюнведеля по Восточному Туркестану — см. [107—109]. Библиографию археологических работ А. Лекока и их оценку см. [37, 38]. Значительно менее результативной в археологическом отношении была пятая экспедиция под руководством Э. Тринклера в 1927—1928 гг. (о ней — [106]).

[11] Подробнее об А. Стейне см. статью Н. П. Кочергиной в настоящем сборнике.

[12] Отчетные материалы экспедиции С. Ф. Ольденбурга хранятся в Архиве АН СССР; систематизированные копии — в Отделе Востока Государственного Эрмитажа.

[13] Публикации, главным образом, в журналах «Вэнь у» и «Каогу».

[14] О нем см. [48; 57], о коллекции — [22; 27].

[15] См., в частности, [122].

подвергалось систематическим или сколько-нибудь крупным раскопкам; сами раскопки в большинстве случаев не отвечали современным требованиям. Вследствие этого хронологическая и историко-культурная интерпретация связаны с серьезными сложностями и не всегда могут быть осуществлены с той степенью точности и определенности, какие были бы возможны, если бы полевые исследования проводились так, как, скажем, советскими археологами изучаются памятники Средней Азии.

Параллельно происходило обнаружение письменных документов. В 1890 г. английский офицер Боуэр около Кучи открыл санскритскую рукопись [46; 121]. Вслед за этим последовал непрерывный ряд открытий многочисленных документов, написанных на известных и ранее неизвестных языках. Это были памятники письменности на индийских языках, санскрите и пракрите, самого разнообразного содержания, религиозные и светские. Особое значение имеет открытие группы документов, выполненных письменностью кхароштхи из Нии и других областей [16]. Обильными были находки памятников письменности на иранских языках: среднеперсидском и парфянском [52; 55; 65; 82; 149; 163; 164; 165; 180; 182; 182а и др.], согдийском [53; 79; 80; 103; 116, 118; 160; 172; 188 и др.], хотаносакском [13; 15; 16; 68; 69; 71; 73; 74; 77; 92; 93; 94; 96; 129; 130 и др.], бактрийском (эфталитском) [92; 117], а также новоперсидском [23; 146]. Параллельно были обнаружены огромные серии документов в соседних с Восточным Туркестаном областях, особенно в Дуньхуане. В этих документах содержится множество сведений по истории и культуре Восточного Туркестана.

Памятники письменности дали представление о ранее неизвестном индоевропейском языке, который получил в науке название тохарского [99; 138; 169; 170; 171; 190 и др.]. Были найдены многочисленные памятники письменности на тюркских языках [119; 156—159; 175 и др.], тибетском [102; 186; 187 и др.], китайском [86; 88; 145; 168; 185 и др.], сирийском [51 и др.] и т. д.

Изучение этих памятников письменности потребовало кропотливой, длившейся десятилетиями работы нескольких поколений лингвистов и историков. Дешифровка, издание и интерпретация их далеко еще не завершены; многие сотни документов ждут своего издания и исследования. Но и то, что уже сделано, имеет огромное значение. Наряду с литературными и религиозными памятниками, на основании которых можно судить об идеологии населения Восточного Туркестана в древности и раннем средневековье, в распоряжении историков оказались обширные серии разнообразных документов, связанных с государственным управлением, дипломатией, обзорами территорий, устройством и функционированием религиозных учреждений, торговлей, ремеслом, налогами и податями, земельными отношениями и т. д. Документы содержат неоценимые данные этнолингвистического характера.

Раньше сведения об истории Восточного Туркестана в значительной степени основывались на отрывочных сообщениях китайских хронистов и китайских путешественников, которые отличались неполнотой, специфической выборочностью и во многом — ярко выраженной тенденциозностью. Местные же документы (в том числе разнообразные и многочисленные документы на китайском языке) позволяют не только заново критически оценить сообщения китайских хроник и путешественников, но и наполнить недавно еще прерывистые силуэты восточнотуркестанской истории конкретным содержанием, представить не только детальную внешнеполитическую историю Восточного Туркестана, но и политическую историю многих государственных образований и владений, существовавших на территории Восточного Туркестана; дать развернутую характеристику экономики и социальных отношений, религий, культурной истории, лингвоэтнической ситуации и т. д.

Конечно, анализ этих источников и сопоставление их между собой и

---

[16] Об этих документах см. статью М. И. Воробьевой-Десятовской в настоящем сборнике.

с китайскими — дело необычайно сложное, еще большие трудности возникают при попытках использовать для создания синтетической картины истории народов Восточного Туркестана археологические, нумизматические, иконографические, архитектурные и антропологические материалы. Именно это, вероятно, служит основной причиной того, что, хотя имеются добротные исследования истории отдельных народов и владений, например Кучи [140], Уйгурского царства [102] и др., а также по многим частным проблемам (см., например, хороший обзор материальной культуры, включая архитектуру и искусство, Турфана [144]), обобщающей работы по древней и раннесредневековой истории Восточного Туркестана, выполненной на современном научном уровне, не существует [17]. Именно это открывает простор для необъективных, ненаучных построений, которые были распространены в китайской историографии и пропагандистской литературе последних десятилетий. В них, в частности, история и культура Восточного Туркестана трактовались односторонне, принижались или полностью отрицались роль народов Средней Азии в истории Восточного Туркестана, древность, глубина и многосторонний характер древних этнокультурных и политических связей между этими двумя областями [18]. Советские историки, развивая достижения дореволюционного русского востоковедения, всегда были сторонниками объективного, строго научного освещения проблем истории Восточного Туркестана. Впервые и наиболее глубоко основные проблемы изучения истории и культуры Восточного Туркестана были сформулированы три с половиной десятилетия назад А. Н. Бернштамом, одним из крупнейших исследователей истории и культуры Средней Азии и Казахстана. Ученый ясно показал глубину и объем многосторонних историко-культурных связей, объединяющих племена и народы этих двух стран [7]. Он справедливо полагал, что «в сложной истории Восточного Туркестана отчетливо выступают разносторонние связи с народами Средней Азии, особенно для северных оазисов... особенности исторического развития народов Восточного Туркестана приводили к все более нарастающим общностям культурного и этнического характера, ярче всего раскрываемым в возникновении и развитии уйгурского народа и его культуры. Уйгурский народ и его культура целиком и полностью были связаны с историческими судьбами народов Средней Азии, предков современных казахов, киргизов, узбеков». А. Н. Бернштам подчеркивал, что исследование проблем истории Восточного Туркестана это «в первую очередь задача советского востоковедения, а в их разрешении должен участвовать солидный коллектив ученых разнообразных специальностей...» [7, с. 71]. Сформулированные А. Н. Бернштамом основные выводы и задачи исследований сохранили актуальность и в наши дни, хотя, разумеется, уровень современной науки побуждает внести серьезные коррективы в концепцию, поставить иначе вопрос об истоках этнического субстрата, подчеркнуть значение близости или единства путей социально-экономического развития, отказаться от свойственных многим работам того периода излишней прямолинейности и категоричности.

Остановимся на некоторых имеющихся в нашем распоряжении материалах.

Даже из тех неполных сведений, которыми мы располагаем, ясно, что в бронзовом веке Восточного Туркестана [19] представлены по крайней мере две культурные традиции. Одна из них — это традиция степных культур евразийских степей, прежде всего — ареала андроновской и близких ей среднеазиатских культур (тазабагъябской, кайраккумской и др.). Другая — традиция культур расписной керамики, получившая новый импульс в конце бронзового века, когда возникла серия локальных очагов такой куль-

[17] Примером несерьезного отношения к разработке этой темы является опубликованная в 1964 г. работа В. Самолина [166]. Богато иллюстрированный труд «Центральная Азия» [66], созданный под руководством Л. Хамбиса, носит научно-популярный характер и наиболее интересен с точки зрения истории искусства.

[18] Критический разбор подобных утверждений см. [41].

[19] Они приведены и проанализированы в статьях Е. В. Антоновой и С. Кучеры, входящих в состав этого сборника.

туры, в том числе на северо-востоке Средней Азии — в Ташкентском оазисе и в Фергане. Ареалы расселения носителей среднеазиатских и южноказахстанских культур андроновского типа вплотную примыкают к территории Восточного Туркестана; то же, по существу, можно сказать о среднеазиатских культурах расписной керамики. Происходящие из Восточного Туркестана материалы показывают, что на его территории, особенно в западной и северной частях, жили племена, родственные, а отчасти, по-видимому, и идентичные среднеазиатско-казахстанским племенам. В условиях единства культур предшествующей эпохи каменного века и географической близости такая картина для эпохи бронзы представляется естественной. Разумеется, это не отрицает существования и местной, восточнотуркестанской, традиции и возможности влияний, идущих с востока, но они не являлись определяющими [20].

Восточнотуркестанские археологические комплексы эпохи бронзы, их облик и генетические связи приобретают серьезное значение в связи с тохарским пластом населения Восточного Туркестана.

В начале 90-х годов XIX в. С. Ф. Ольденбург опубликовал фотографию одной рукописи из собрания Н. Ф. Петровского. После этой первой публикации последовали другие, была выделена группа рукописей, написанных письменностью брахми, но не поддающихся чтению на индийских или иранских языках. Наконец А. Лекок, а затем Ф. В. Мюллер предположили, что это особый индоевропейский язык. Вскоре, в 1908 г., Э. Зиг и В. Зиглинг определили особенности этого индоевропейского языка, принадлежащего к группе centum, и установили наличие в нем двух диалектов — А и В (сейчас они считаются отдельными, хотя и родственными языками). Они предложили называть этот язык «тохарским» (на основании толкования уйгурского колофона одной рукописи) и связали его с историческими тохарами. И хотя последнее не имеет убедительных оснований (поэтому название «тохарские языки» отвергается многими учеными; позже было установлено самоназвание носителей языка В — «кучанский»), решающий шаг был сделан. Э. Зиг и В. Зиглинг, а вслед за ними С. Леви, Х. Педерсен, А. Ван Виндекенс, В. Краузе, Э. Бенвенист, В. И. Георгиев, В. В. Иванов и др. детально разработали проблемы, связанные с лингвистической характеристикой тохарских языков, их положением в системе индоевропейских языков, происхождением и соотношением с другими европейскими и неиндоевропейскими языками.

Рукописи с текстами на тохарских языках встречаются на севере Восточного Туркестана, преимущественно в районах Кучи, Карашара, Турфана. Эти рукописи относятся к V—VII (может быть, и VIII) вв. н. э. [60; 99; 131; 132; 137; 138; 152; 169; 170; 177; 190].

Однако первоначальный ареал тохарских языков был значительно шире, включая, в частности, юго-восток Восточного Туркестана. Это следует из того, что в языке пракритских надписей из Нии и из района оз. Лобнор имеется неиндийская лексика (около 100 слов и свыше 1000 имен собственных) субстратного характера, которую определяют как тохарскую [67; 84]. Исходя из дат указанных надписей, тохарский язык на этой территории (и, очевидно, на значительной части территории Восточного Туркестана) должен был быть распространен во всяком случае еще до рубежа н. э.

Для более точной датировки прихода прототохарцев на территорию Восточного Туркестана существенны несколько обстоятельств лингвистического характера. Большинство лингвистов полагает, что весьма архаические черты тохарских языков можно объяснить лишь в том случае, если предположить, что они очень рано отделились от индоевропейской языковой общности, причем появление на востоке носителей тохарских языков произошло намного раньше, чем индоиранцы вторглись в эту область.

«...Некоторые черты этих двух (тохарских.— *Б. Л.*) языков,— пишет Т. Барроу,— кажутся очень древними, что указывает на их происхождение

[20] Об одном из свидетельств этих связей см. [30, с. 263].

от сравнительно древней формы индоевропейского. Отсюда следует, что переселение тохарцев произошло сравнительно давно; таким допущением лучше всего объясняется большое различие между тохарским и индоиранским. Мы должны предположить, что какая-то восточная индоевропейская диалектальная группа существовала обособленно на протяжении столетий, до того как началась относительно более поздняя миграция, которая занесла индоиранский в Азию из центрального индоевропейского ареала» [3, с. 21].

Отмечавшиеся в литературе тохарско-дравидийские соответствия можно объяснить, если признать, что, как мы писали еще в 1963 г., «...в эпоху бронзы население юга Средней Азии говорило на протодравидских языках» [29, с. 128] [21].

И, наконец, анализ китайских источников показывает, что контакты древних китайцев с тохароязычным населением были очень ранними. По мнению Э. Г. Пуллиблэнка, прототохарцы должны были расселиться в Восточном Туркестане, может быть, проникнуть и далее на восток вплоть до земель, заселенных китайцами, в то время, когда произошло арийское завоевание Индии, во II тысячелетии до н. э. или даже ранее [155, с. 35—36; 14, с. 23—26].

Предстоит еще выявить археологические следы этих передвижений [22]. Вероятно, они были составной частью обширных этнических передвижений из европейского ареала расселения индоевропейцев — на восток и юг [23], совпадая по времени или даже предшествуя протоиндийской волне [39, с. 160]. Передвинувшаяся на восток прототохарская этническая общность едва ли была очень многочисленной, но все же она была достаточно велика чтобы, расселившись, занять почти весь Восточный Туркестан, а также обширные территории Средней Азии, в частности в Фергане.

Таким образом, носители тохарских языков — древнейший этнический пласт восточнотуркестанского населения (разумеется, смешавшийся с еще более древним местным субстратом). Следует добавить, что много позже, в раннем средневековье, по крайней мере часть из тохарцев называла свой язык kucaññe — «кучанский» [12, с. 304—308].

Японский специалист по истории Центральной Азии проф. Ханеда Акира, касаясь этнического аспекта древнейшей истории Восточного Туркестана, резюмировал: «О древних жителях Таримского бассейна можно сказать, что... их языки принадлежали к индоевропейской семье... жители Трансоксании были иранцами. Хотя мы не знаем, были они аборигенами в строгом смысле слова или нет, именно они оставались оседлыми жителями во многих маленьких оазисах, которыми была окружена пустыня Такла-Макан, со II в. до н. э. и до середины IX в. н. э.» [115, с. 1].

Следует лишь добавить, что этот субстратный пласт был, возможно, доминирующим или, во всяком случае, одним из ведущих компонентов этноса Восточного Туркестана со II тысячелетия до н. э.

Вторым очень древним этническим пластом был иранский, представленный прежде всего хотаносакским населением. При исследовании группы письменных документов, вывезенных из Восточного Туркестана, индолог Р. Хёрнле обнаружил, что тексты написаны языком, близким к иранским. Изучение их было продолжено Э. Лейманом, который назвал этот язык вначале «северноарийским». Э. Лейман первым выявил его особенности. Французские ученые называли его «восточноиранским».

В 1909 г., говоря о своих находках новых рукописей, сделанных во время экспедиции, А. Лекок сделал такое заключение: «Здесь были также найдены несколько фрагментов (рукописей.— *Б. Л.*), написанных гуптским письмом и на языке, названном Лейманом „Sprache II“, который, как я предполагаю на основании географических и исторических соображений, яв-

[21] Сейчас эту идею воспринял и развил В. М. Массон [42].

[22] Некоторые предположения по этой части см. [29, с. 128].

[23] См. материалы сборника, посвященного этническим проблемам истории Центральной Азии в древности [64].

ляется исчезнувшим языком саков» [134, с. 318]. Эта гипотеза была поддержана Г. Людерсом. Именно Людерс показал, что существовали близкие соответствия между этим языком и языком древних саков, что явствует из их имен [24].

Дальнейший прогресс в изучении этих памятников связан с трудами норвежского исследователя С. Конова, опубликовавшего очень много нового материала, а также грамматику хотаносакского языка [129; 130].

Современный этап в изучении хотаносакского языка связан прежде всего с именем Г. Бейли и его ученика Р. Эммерика. Именно им наука обязана публикацией текстов, их переводов и большим количеством исследований, посвященных рассмотрению лингвистических проблем и содержащих великое множество фактов по истории культуры [25]. Занимались и занимаются хотаносакскими памятниками и их языком и советские ученые — В. С. Воробьев-Десятовский, М. И. Воробьева-Десятовская, В. А. Лившиц и др. Л. Г. Герценбергу принадлежат сводные очерки хотаносакского языка [15; 16].

Все эти тексты, происходящие из Хотана и Тумшука, записаны индийской письменностью брахми и датируются VII—X вв. н. э. (или V—X вв.). Сакское население названных областей приняло буддизм задолго до времени написания этих рукописей, и они, по преимуществу, являются переводами буддийских санскритских сочинений, хотя имеются и документы светского содержания. Хотаносакский язык в документах имеет особое название: hvatanau, hvaṃno.

Этот язык относится к числу восточноиранских и находится в среднеиранском состоянии. За то время, для которого наука располагает его памятниками, он прошел три стадии [68, с. 923; 72, с. 131—133] [26]. Позже Г. Бейли предложил выделить по меньшей мере две, а скорее четыре ступени языкового развития, причем на ранних этапах, считает он, многие явления в языке родственны еще древнеиранским, на поздних же — приближаются к новоиранским [27].

Часть рукописей, найденных на северо-западе Восточного Туркестана, к востоку от Кашгара (Тумшук, Маралбаши и Муртук), опубликована С. Коновом. Тексты также написаны письмом брахми и отличаются, как отмечает Г. Бейли, системой орфографии и, по выражению того же исследователя, отражают «четко отличающийся диалект» сакского языка [70, с. 650]. Тумшукско-сакский язык, по мнению С. Конова, близкородственный хотаносакскому диалекту, но во многих деталях отличающийся от него [129, с. 1—2], является в целом более архаичным, чем хотаносакский [72, с. 134—135].

В надписях I—III вв. н.э. на кхароштхи из области Крорайна (к востоку от Хотана) — множество иранских слов. Изучение этих слов показывает различие в словаре с хотаносакским. «В Крорайне мы имеем, очевидно, третью форму сходного иранского (сакского?) языка» [70, с. 651]. Носители сакских языков и диалектов появились в этом регионе раньше, чем элементы их языка вошли в язык Крорайны. Согласно некоторым данным, уже в III в. во главе Хотана стояли правители хотаносакского происхождения. Полагают, что поздняя (VII в. н. э. и позже) традиция, независимо отразившаяся в разных источниках, которая сообщает об основании Хотанского царства в III в. до н.э., может считаться отражающей историческую реальность [95, с. 167—168].

Мы не имеем пока данных о том, когда заселили территорию Хотана племена, говорившие на «хотанском» языке. Но, несомненно, прав Р. Эмме-

---

[24] См. об этом [143, с. 403—408, особенно с. 426—427]. Подробнее об истории изучения этого языка [128, с. I; 130, с. 57].

[25] См. принадлежащий ему сводный очерк сакских языков [72] и огромный словарь [77]. См. также грамматику Р. Эммерика [93].

[26] «Датировка лингвистических фактов хотанского языка помещается в пределы 300—1000 гг. н. э.» [77, с. VIII].

[27] См. об этом у Л. Г. Герценберга [15, с. 36—37]. Ср. [72, с. 135].

рик, указавший в этой связи на странствования древнейших иранцев во II тысячелетии до н.э. [96, с. 3.]

По авторитетному мнению В. И. Абаева, «тот факт, что сакский (хота носакский.— *Б. Л.*) не разделяет некоторых фонетических процессов, которые в европейско-скифском определились очень рано, говорит в пользу большой давности разрыва между „прасакским" и остальными скифскими наречиями». Отделение «прасакского» от общескифского должно было произойти во всяком случае «до V в. до н. э.» [1, с. 12—13, 138].

Можно предположить, что в процессе распространения иранских племен в Средней Азии в конце II или начале I тысячелетия до н. э. больший массив «праскифов» расселился в Восточном Туркестане, заняв преимущественно его западную и южную части, тогда как северная являлась основной территорией тохарцев. Именно тогда предки будущих носителей хотаносакского языка отделились от остальных «праскифов», в том числе среднеазиатских. Однако в культуре сохранилось много общих элементов.

Известна целая серия находок отдельных предметов VI—III вв. до н. э., принадлежащих к сакской культуре (бронзовые наконечники стрел общескифских или специфических сакских типов, бронзовые чеканы, бронзовые печати с зооморфными изображениями, выполненными в сакской манере, и др.). Все эти предметы обнаружены в разных местностях Восточного Туркестана.

Недавно Институт археологии Академии общественных наук Синьцзяна начал изучать могильники в Тацкургане — Таджикском уезде Синьцзян-Уйгурского автономного района. Были осуществлены раскопки курганов в местности Сянбяобао, находящейся в районе вблизи стыка границ СССР, КНР и Афганистана, на террасах р. Ташкурган. Вскрыто 40 могил, отмеченных на поверхности полусферическими насыпями или оградками. Автор китайской публикации Чэнь Гэ сопоставляет раскопанные им курганы с курганами Восточного Памира, ссылаясь на книги А. Н. Бернштама и автора настоящей статьи. Учитывая четыре радиокарбонные даты, китайский археолог предполагает, что вскрытые им погребения относятся к эпохе Чунь цю — Чжаньго, т. е. к VIII—III вв. до н. э. Исходя из географического положения, он атрибутирует эти захоронения как принадлежащие сэ (т. е. сакам) или кян'ам (пратибетцам) [195, с. 189—215].

Мы детально проанализировали материалы интересной китайской публикации. Выяснилось, что по всем позициям (устройство могильного сооружения, погребальный обряд, погребальный инвентарь) курганы, расположенные в Восточном Туркестане, необычайно близки (во многом даже идентичны) к сакским курганам Восточного Памира. Лишь отдельные находки свидетельствуют об определенном (этнографическом) своеобразии ташкурганских сакских захоронений. В несколько большей степени это своеобразие прослеживается в отношении погребального обряда, хотя и здесь основа — общая. Имеющиеся отличительные признаки находят соответствия в культуре других территориальных групп среднеазиатских саков.

Таким образом, ташкурганские курганы подтверждают, что на территории этой части Восточного Туркестана проживало сакское население, являвшееся, вместе с восточнопамирским, органической частью обширной группировки сакских племен. Сакские же племена, как известно, в свою очередь, были одной из группировок скифо-сакских племен, проживавших в огромной полосе степей (отчасти гор), простиравшейся от Северного Причерноморья до Алтая.

Мы можем теперь утверждать, что на западе, севере и в центральной части Восточного Туркестана, на равнинах и высокогорных пастбищах, с VIII—VII вв. до н. э. и почти до рубежа н. э. обитали ираноязычные кочевники-саки («сэ» китайских источников).

Таким образом, уже начиная с рубежа II и I тысячелетия до н. э. на территории Восточного Туркестана складывается индоевропейский массив населения — абсолютно доминирующий этнический субстрат на протяжении

полутора тысячелетий, вплоть до того времени, когда с середины I тысячелетия н. э. все убыстряющимися темпами развертывается процесс тюркизации населения (начало его относится к рубежу н. э.).

Сложившийся уже в I тысячелетии до н. э. индоевропейский пласт населения Восточного Туркестана впоследствии расширяется за счет значительного притока иммигрантов из Индии [28] и Средней Азии (в частности, согдийцев). Этническая общность, или родственность, усиливается в периоды объединения Средней Азии, Северной Индии и Восточного Туркестана в составе обширных государственных образований, таких, как Кушанская империя, Эфталитское государство, Тюркский каганат. Из исторических источников известно о расселении в Восточном Туркестане и Средней Азии помимо указанных выше родственных этнических массивов одних и тех же племен и народов, как в смежных областях (усуни), так и в отдаленных (малые и большие юэчжи).

Исследование этнических процессов показывает, что они протекали в Восточном Туркестане и Средней Азии параллельно на базе принципиальной общности или близости субстратных пластов. В дальнейшем, в период развитого и позднего средневековья в Восточном Туркестане происходит почти тотальная тюркизация населения, чего не было в Средней Азии.

Что касается китайского этнического элемента, то он появляется в отдельных пунктах Восточного Туркестана начиная с I в. до н. э. Постепенно, хотя и с большими и длительными колебаниями, он возрастает, особенно в танское время. Это явствует из китайских письменных документов, анализа могильных сооружений [29] и т. д. Затем, с падением танской гегемонии, он вновь уменьшается. Но даже в периоды наибольшего прилива китайского этнического элемента он составлял этническое меньшинство. Встречающиеся в современной историографии суждения противоположного характера являются чисто умозрительными, а с научной точки зрения — некорректными [30]. Этнические китайцы не играли сколько-нибудь существенной роли в этногенезе населения Восточного Туркестана: об этом свидетельствует как совокупность письменных источников, так и лингвистические и антропологические материалы. Важным аргументом является и конечный итог этногенетического развития. По данным на 1953 г., т. е. до широкой китаизации Восточного Туркестана, которая происходит в последние два десятилетия, уйгуры составляли 74,7% населения, казахи — 9,7%, монголы — 2,5%, киргизы — 1,4%. В целом некитайское население Восточного Туркестана достигало 94%. Китайцы жили в основном в городах; больше половины их проживало в городах Урумчи и Баркуль [8, с. 91, 93]. Если к этому добавить, что по этнографическим и культурным характеристикам тюркоязычное население Восточного Туркестана (уйгуры, казахи, киргизы) близко, а иногда и неотличимо от среднеазиатского, значимость этого аргумента в ретроспективном отношении еще больше возрастает.

Следует отметить, что и в политическом отношении Восточный Туркестан на всем протяжении своей древней и раннесредневековой истории, вплоть до нового времени, был связан с Китаем лишь в отдельные, обычно не очень длительные промежутки времени. Племена и народности Восточного Туркестана уже прошли огромный период исторического развития, уже сложился их этнокультурный облик и возникли местные государства-пазисы, когда в конце II в. до н. э. они впервые попадают в поле военно-политической экспансии ханьского государства. Вся дальнейшая история

[28] См. об этом статью М. И. Воробьевой-Десятовской в настоящем сборнике.

[29] См. статью Е. И. Лубо-Лесниченко в настоящем сборнике.

[30] Главным аргументом в такого рода рассуждениях является значительное количество найденных в Восточном Туркестане документов на китайском языке, наличие элементов китайской административной терминологии в некитайских документах и др. При этом игнорируется то обстоятельство, что все это в значительной мере связано с экстралингвистическими и экстраэтническими факторами. Китайский язык в ряде областей Центральной Азии выполнял некоторые из тех функций, что латинский в средневековой Европе. Совершенно очевидно, что китайский язык и терминология были распространены здесь шире, чем китайский этнос.

взаимоотношений Восточного Туркестана и Китая состоит из попыток китайских императоров подчинить себе народы Восточного Туркестана, основать там свои военные форпосты с китайскими гарнизонами, что осуществлялось путем военной экспансии и дипломатическим путем, причем китайские военные экспедиции часто завершались их разгромом [141, т. 1, с. 51]. Собственно китайские военные контингенты были в Восточном Туркестане незначительны [124, с. 65].

В связи с этим уместно процитировать мнение М. Лёве, лучшего современного западноевропейского знатока древней истории Центральной Азии: «Начало I в. до н. э. и последующее время было периодом, когда китайские попытки экспансии и колонизации Центральной Азии были отмечены заметными успехами. Тем не менее, общим результатом этих авантюрных предприятий было скорее временное проникновение, зависящее больше от локальных и нестабильных факторов, чем постоянная и твердо установленная китайская оккупация. Китайские династийные истории постоянно подчеркивают опасности, с которыми сталкивались отдаленные китайские аванпосты или миссии, если местные общины оказывались враждебными... В эпоху Младших Хань успех китайских предприятий зависел от случайностей или непостоянных факторов, и они были отмечены даже еще менее постоянными результатами. В обстановке династического упадка и административной слабости, которые сопровождали последние десятилетия ханьской власти, трудно было ожидать успешных предприятий в этих отдаленных областях». Эпоха «Трех царств» была «еще менее благоприятной» для таких предприятий, хотя отдельные успехи бывали [142, с. 92—93].

В большей степени Восточный Туркестан оказывается в зависимости от Танской империи, особенно в 630 — ок. 751 гг., но и в этот период не было полного и непрерывного подчинения.

Вместе с тем элементы материальной и духовной культуры Китая находят себе дорогу в Восточный Туркестан. Это касается одежды, оружия, зеркал, текстильных изделий и т. д. Многое поступает в результате торговли; кое-что распространяется и заимствуется от китайцев-поселенцев. В ряде случаев наблюдается синтез китайских и местных элементов культуры.

Обращает, однако, на себя внимание то обстоятельство, что, как показывает материал, китайские элементы соседствуют с местными, которые, как правило, доминируют. Более сильным было влияние китайского искусства, особенно в VIII—IX вв.

Несмотря на завоевательные походы иноземцев, основные владения Восточного Туркестана, как правило, продолжали свое существование, лишь на некоторое время признавая номинальный суверенитет Китая. Именно поэтому исключительный интерес представляет история каждого владения, особенно внутренняя. Так, например, история Хотана может быть освещена на основании материалов из хотаносакских документов, документов на кхароштхи из Крорайны, китайских сообщений, тибетских источников, особенно тибетского перевода буддийских хотанских монастырских анналов (первоначально написаны на хоганосакском языке, но оригинал утрачен) и др. Это государство, судя по легендам, приводимым в разных исторических источниках, возникло в III в. до н. э. Анализ совокупности текстов позволяет выявить важнейшие факты внутренней истории Хотана: систему политического и административного устройства, хронологию, генеалогию и матримониальные связи хотанского царского дома Вижу, типы и терминологию населенных пунктов, устройство армии, вооружение, хозяйство и торговлю, культурную историю, литературу, пережитки древнеиранской религии, буддийские монастыри и монастырскую жизнь и др., причем многое из перечисленного — в деталях [69, IV; 75; 76; 95; 153, с. 408—425 и др.; см. также 126; 161].

Подробными сведениями наука располагает для Крорайны [31], Кучи с ее царским домом Бо [137; 140; 152] и ряда других владений.

[31] См. статью М. И. Воробьевой-Десятовской в наст. изд.

На протяжении многих веков Восточный Туркестан и Средняя Азия неоднократно оказывались в составе одних и тех же крупных государственных образований, так было в течение почти всего средневекового периода. В древности же к особо серьезным последствиям привело включение Восточного Туркестана в Кушанскую империю. Выше уже упоминалось, что, по мнению ряда исследователей, именно в кушанское время переселяется в юго-восточную часть Восточного Туркестана значительный массив индийского населения, распространяются индийская речь и памятники письменности (кхароштхи и брахми) [32], усиливается приток выходцев из Средней Азии. В денежном обращении участвуют кушанские монеты и монеты с надписями на китайском и пракрите (кхароштхи) [33], для весовых обозначений применяется в документах кхароштхи на кроранйни термин «drakhma» и «trakhma» — драхма (от греч. δραχμή), в хотаносакских документах: «draṃmaa» и «draṃmajā» — драхма — обозначение монеты; в хотаносакском языке для золотой монеты употребляется происходящее от римского «динариуса» слово «dīnarā» — [69, т. 4, с. 10—11].

В местной административной системе, титулатуре и многих других сторонах государственной и социальной жизни кушанские соответствия отражены в многочисленных документах [34]. Интенсивно функционировал Великий шелковый путь, торговый обмен между народами Восточного Туркестана и Средней Азии достигал большого количественного размаха и велся по многим направлениям. Еще шире и разнообразнее было культурное взаимодействие. Упомянем лишь об одном-двух фактах. Зарождение монументального искусства в Восточном Туркестане обязано волне буддийского гандхарского искусства. Новые открытия памятников настенной живописи в Хорезме (особенно Топрак-кала) и в Бактрии (особенно Фаяз-тепе) показывают, что древнейшая в Восточном Туркестане миранская живопись развилась на той же базе, что и среднеазиатская, возможно, под ее влиянием. Этот тезис верен и для скульптуры. В дальнейшем, уже в период раннего средневековья, монументальная живопись Средней Азии и монументальная живопись Восточного Туркестана развивались как два параллельных близкородственных ряда и оказывали значительное влияние друг на друга [40].

Так, например, живопись Тохаристана (юг Узбекистана и Таджикистана и север Афганистана), представленная такими замечательными комплексами, как Балалык-тепе, Аджина-тепа, Калаи-Кафирниган, Дильберджин и др., безусловно оказала серьезное воздействие на развитие восточнотуркестанского искусства. Сопоставление, в частности, живописи второго слоя помещения 16 северо-восточного культового комплекса Дильберджина (северная стена) [28, рис. 2—3], относящейся, по нашему мнению, к V в. н. э., и живописи Кизыла, прежде всего «Пещеры шестнадцати меченосцев» [135, 4, таб. IV—V] и «Пещеры с изображением Майи» [109, табл. XLVIII—XLIX], а также аналогичных изображений в других комплексах Восточного Туркестана [135, т. 7, табл. 14] ясно показывает безусловную связь как в общей композиционной схеме, так и в ряде существенных деталей. Эта композиционная схема развивалась в Восточном Туркестане, во многом отталкиваясь от образцов, которые представлены в Тохаристане (Дильберджин).

Культовая архитектура Восточного Туркестана распадается на пещерную и наземную.

Вопрос о происхождении и распространении среди буддийского населения Восточного Туркестана идеи пещерных монастырей уже ставился исследователями. «Происхождение идеи высекать буддийский храм в камне,— писал А. Лекок,— нужно искать в Индии. Оттуда она, вместе с необходи-

---

[32] См. статью М. И. Воробьевой-Десятовской в наст. изд.

[33] По убедительному заключению Е. В. Зеймаля, одним из прототипов этих «сино-кхароштхийских» монет были монеты Куджулы Кадфиза [24; ср. 97].

[34] Для документов на кхароштхи из Кроранйни см. статью М. И. Воробьевой-Десятовской; для хотаносакского см. [69, т. 4, с. 4—7], но в нем ряд терминов восходит к тому же источнику, что и кушанские.

мым для этого принесенным с запада искусством обработки хрупкого материала, проникла в Бактрию (Афганистан). Мы убеждены, что непосредственные прототипы пещерных монастырских комплексов Восточного Туркестана следует искать главным образом в Бактрии (меньше — в самой Индии)» [135, т. 3, с. 10]. Слова А. Лекока можно с полным правом назвать пророческими.

К этому вопросу обращались практически все ученые, занимавшиеся пещерными монастырями Восточного Туркестана и Северного Китая. Так, например, японские ученые С. Мизуно и Т. Нагарихо в пещерах Юнгана находят следы опосредованного влияния индийского искусства, пути которого простирались через Афганистан — Туркестан — Дуньхуан, а также прямое воздействие индийского искусства [147, т. 6, с. 88, 89]. Им вторит американская исследовательница: «Подобно самому буддизму, идея вырубать пещеры в наземных скалах пришла в Китай из Индии. Длинная цепь пещерных памятников простирается от Индии через пустынные оазисы Бамиана, Кучи и Турфана до северо-западного Китая, где первым был сооружен пещерный монастырь в Дуньхуане...» [125, с. 24].

Об индийских прототипах пещерных монастырей Центральной Азии пишет и А. Габен [102, с. 76].

Нельзя, однако, не заметить, что все эти утверждения носят слишком общий характер. Попытаемся привлечь более конкретный материал.

«Традиция пещерной архитектуры развилась в Индии в период Маурьев в Магадхе и вблизи от нее, т. е. в современном Бихаре. В последующие столетия она распространилась по трем главным направлениям: южнее [Магадхи], через Ориссу до побережья современной Андры; с буддийскими миссионерами, но в сильно ослабленной форме — на юг полуострова и на Цейлон; через Декан на западе до Сауращтры. Эта третья группа количественно и стилистически наиболее важная» [90, с. 13]. Таким образом, пещерные монастыри появляются уже в середине III в. до н. э., при Ашоке. Ранний период их истории — период окончательного сложения принципов пещерной архитектуры, падает на время примерно от 120 г. до н. э. до 200 г. н. э. [90, с. 9].

Ранние буддийские монастыри простираются от Карадха на юге до Аджанты и Паталкхоры на севере, до Сауращтры на западе. Выявлено двенадцать ранних пещерных монастырей. В отдельных монастырях — от четырех до двенадцати пещер, общее количество обнаруженных пещер — около тысячи. Они вырублены в базальтовых породах горных цепей Декана. Эти породы, в которых чередуются твердые и мягкие слои, очень удобны для устройства пещер. Важно также отметить, что ранние пещерные монастыри расположены вдоль древних торговых путей, связывающих порты с крупными материковыми городами [90, с. 12, 30—31].

Ранние пещерные сооружения Западной Индии были буддийскими монастырями. Каждый монастырь состоял из одного или нескольких святилищ (*чайтья*) и нескольких помещений для проживания монахов (*вихара*).

Наиболее ранние чайтья (около 250 г. до н. э.) — это пещерные монастыри Судама и Ломаса Риши в Барабарских холмах в Бихаре. Они состояли из прямоугольной камеры, где могли собираться верующие, и маленькой круглой купольной камеры, вход в которую был в одном из торцов. Предполагают, что там, как и в поздних сооружениях такого типа, помещалась круглая в плане ступа [90, с. 71]. В дальнейшем главное помещение чайтьи приобрело вытянуто-апсидиальную форму с круглой ступой и округлым торцом на отдаленной от входа стороне. Вдоль периметра зала, исключая входную сторону, шел ряд колонн, огибавших ступу. План в результате стал трехнефным, образовался своего рода обходной коридор для выполнения церемонии pradakṣiṇā. Вокруг центрального зала иногда группировались связанные с ним проемами небольшие целлы [90, с. 71—74, рис. на с. 72; 98, с. 175—176].

Затем, уже во II в. н. э. появляются прямоугольные чайтья — в пещере XLVIII в Шивнери у Джуннара. Прямоугольная пещера размером 6×9,5 м

имеет вестибюль, отделенный двумя колоннами и двумя пристенными полуколоннами от святилища, у задней стены которого — круглая ступа. *Чатра* ступы рельефно вырезана на плоской крыше; ступа как бы подпирает ее [90, с. 89, рис. на с. 72, табл. 67]. Чайтья IX Аджанты — прямоугольная, но с колоннами по периметру и вокруг ступы [98, с. 289—290; табл. XXVIII]. Пещера VI в Куда также прямоугольная, но более сложная в своей планировочной схеме. Веранда открывается в большой (8,8 × 8,8 м) квадратный зал, затем следует узкий, перпендикулярный главной оси вестибюль и прямоугольное святилище (4,6 × 4, 6 м) с такой же, как в Шивнери, ступой. Из вестибюля — вход в малую целлу.

Различные варианты этих двух типов прямоугольных чайтья представлены в пещерах I, IV, IX в Куда, в пещере XV в Леньярди у Джуннара, пещере XVII в Насике, пещере в Шеларвади, пещере XLVIII в Карадхе и др. [90, с. 89—90; 98, с. 204—209].

Исключительный интерес представляет одна из пещер близ Джуннара. Она имеет узкий вестибюль, перпендикулярный оси сооружения. Вестибюль снаружи ограничен двумя колоннами в центре и двумя примыкающими к стенам полуколоннами. Из него вход в вытянутое вдоль продольной оси прямоугольное святилище (3,7 × 10,1 м), несколько расширяющееся в задней части. Там, близ задней стены, оставлена масса скалы в виде прямоугольного устоя (1,7 × 2,4 м), перед которым располагается грубо высеченная скульптура. Судя по надписи, расположенной рядом с пещерой, и архитектурным деталям, ее можно отнести к I (может быть, II?) в. н. э. [98, с. 261—262]. Это показывает, что восточнотуркестанские пещеры распространенных типов являются не просто «упрощенным вариантом» индийских пещер со ступой, а находят прямые прототипы в некоторых ранних индийских буддийских пещерах, во всяком случае именно в Индии находятся истоки пещер этих типов. Последнее подкрепляется материалами по ранним индийским пещерным сооружениям типа вихары.

Стандартная вихара ранних индийских буддийских монастырей — квадратная по форме. Типичный пример — вихара XIX в. в Насике. Она состоит из квадратного зала (4,2 × 4,2 м), на одной стороне его — вход, по трем другим сторонам — по две целлы. Та же схема в Аджанте XII, где с каждой стороны по четыре целлы, в Насике III — по шесть целл и т. д. Есть и другие схемы: длинный вестибюль-коридор, в задней стене которого — входы в целлы и т. д. [90, с. 93—94, рис. на с. 94]. Они постепенно увеличиваются в размере и становятся двухэтажными [90, с. 93, 113]. В более позднее время в задней стенке вихары устраивается пещера — чайтья [90, с. 93—94]. Все это показывает, что сходство с пещерами Восточного Туркестана прослеживается не только на уровне типологии элементарных, но и композиционных схем.

Из Западной Индии обычай высекать пещерные буддийские храмы распространяется и на север, на территорию древней Гандхары (современный Западный Пакистан и Юго-Восточный Афганистан), а затем далее на север — вплоть до Бактрии.

В восточной части Гандхары (сейчас Пакистан) известен лишь один пещерный монастырь — Кашмир-Смаст (в 75 км к северо-востоку от Пешавара). Здесь открыты две пещеры: одна огромная пещера естественного происхождения, с выстроенным внутри святилищем, и одна искусственная, трапецеидальная в плане (высота 3,4 м, ширина 2,5—3,4 м). На верхней площадке холма — буддийские святилища. Предполагают, что весь комплекс относится к V—VI вв. н. э., но мог использоваться и позже, в VII—VIII вв. [112, с. 95—103, планы 11—13].

Остановимся на буддийских пещерных комплексах, находящихся в западной Гандхаре (Афганистан).

Пещерный комплекс Фил-хана находится в холмах, возвышающихся над рекой Кабул рядом с современным г. Джелалабадом. В песчанике вырублены прямоугольные и прямоугольно-вытянутые пещеры. Пещера № 16 подквадратная (12,5 × 12,8 м), в центре ее квадратный столб-устой (4 × 4 м),

обходная часть — сводчатая. По трем сторонам вели проходы в 10 крошечных целл. На верхней площадке холма находились по крайней мере две буддийские ступы. Пещера № 6, полагает С. Мизуно, восходит к пещерным сооружениям типа вихары в Индии. Датировка комплекса Фил-хана (по эпиграфике и находкам) — около 200 г. н. э. [120, с. 68—77, планы 7—11].

Вблизи от Фил-ханы, особенно в Сиякухе, несколько мелких групп пещер. Каждая группа состоит из крупной квадратной пещеры со столбом-устоем в центре и нескольких прямоугольных пещер — жилищ монахов. На верхней площадке холма — одна или несколько ступ [78, с. 123—124, рис. 45, табл. 32, план 19].

Буддийский комплекс Лалма, входящий в группу буддийских памятников Хадды, находится в 10 км к югу от Джелалабада. Здесь, на поверхности холмов, образованных конгломератами, руины ступ, пещеры, главным образом прямоугольные со сводчатым перекрытием. В некоторых случаях пещера состоит из двух святилищ — прямоугольных помещений, находящихся на одной оси. Иногда пещеры имеют большие ниши. Раскопки ступ дали материал и монеты, которые датируют монастырь 300—400 гг. н. э. [91, планы 4,5].

Обширный пещерный комплекс в Басавуле (50 км юго-восточнее Джелалабада, по дороге к Хайберскому перевалу) устроен в сланцевых холмах на берегу р. Кабул. Наряду с пещерными, здесь есть и каменные постройки, но их взаимоотношение не выяснено. Пещеры и постройки распадаются на восемь групп (в одной из них пещеры не обнаружены). Пещеры трех типов: 1) квадратные, они наиболее декорированы и являются культовыми; 2) прямоугольные, менее украшенные, их большинство — это жилища монахов; 3) подквадратные или прямоугольные с центральным столбом-устоем в центре и обходным коридором одинаковой ширины со всех сторон. Это дальнейшее развитие типа, представленного в Фил-хане; в Басавуле уже нет целл для монахов вдоль стен, в конечном счете и этот тип восходит к индийским пещерам типа вихары. В Басавуле пещеры типа 3 служили для собраний *сангхи* и выполнения ритуальных обрядов, в частности *прадакшины*.

Интересно, что пещеры типа 3 занимали доминирующее положение в каждой группе.

Датировка — на основании остатков скульптуры гандхарского типа — очень неопределенная: конец IV — начало V в. [78, т. 1, с. 101—105; 78, т. 2, табл. 1—13, планы 1—20].

Таким образом, в Гандхаре уже вполне сложились многие из тех принципов устройства пещерных буддийских монастырей, которые свойственны восточнотуркестанским пещерным монастырям, в частности наличие подпорного столба-устоя, вокруг которого совершалась церемония обхода. Полную аналогию именно в них находит схема планировки восточнотуркестанских пещер типа 3.

В Бамиане [105; 110] преобладают квадратные и прямоугольные целлы, с нишей на противолежащей входу стороне. Встречаются также круглые и полигональные в плане целлы, иногда со множеством ниш по окружности (периметру). В трех случаях — целлы с устоем-столбом, на передней стороне которого — постамент скульптуры, а с боковых и задней сторон — сводчатый обводной коридор [184, т. 1, с. 34, 35; 184, т. 2, табл. Д-14]. Обычная датировка Бамианского комплекса — V—VIII вв.

Имеются буддийские пещеры и в Бактрии. В ее южной части (Афганистан) назовем пещеры в Хайбаке. Хайбак расположен в оазисе Хульм. Здесь открыта группа пещер. Одна из них (№ 1) имеет прямоугольный вестибюль, из которого ведет вход в круглую целлу (диаметр 10,5 м), свод ее украшен изображениями лотосов. В нишах располагались скульптуры (не сохранились). Большинство пещер прямоугольные или подквадратные, иногда они объединены в группы. Выделяется расположенная на вершине пещера 6. Она состоит из входного туннеля длиной 17 м, который вел к коридору (ширина 2 м), окружавшему массив круглой в плане ступы (диаметр

28 м). Ступа и коридор были врезаны в скалу, но не имели перекрытия, находились на открытом воздухе. Вход в пещеру 2 ремонтировался сырцовым кирпичом. Наряду с пещерами культового характера, были и жилые пещеры. Проблема датировки очень сложна, скорее всего «после V в. н. э.» [100; 112, с. 85—92].

В 15 км к северо-западу от Хайбака расположены пещеры Хазар-Сум, каждая из которых состоит из трех связанных прямоугольно-вытянутых помещений, «нанизанных» на продольную ось. Предположительная датировка — «раннеисламский период» или несколько раньше. Данных для буддийской атрибуции нет (или не сохранилось) [154, с. 59—67, рис. 14, планы 1—6].

В Северной Бактрии имеется прекрасный образец пещерно-наземного буддийского монастыря Кара-тепе в Термезе (II—IV вв. н. э.). В результате многолетних раскопок здесь открыты пещеры различных типов. Наибольший интерес представляют большие квадратные пещеры. внутри которых находится массивный квадратный устой, занимающий всю центральную часть пещеры. Между устоем и стенками камеры — обходной коридор; внутри устоя — целла. Пещерные части являются органической частью комплекса, в который входят и наземные пахсово-сырцовые постройки [9 — с подробной библиографией]. Эта специфическая черта почти несомненно возникла в Бактрии, а затем распространилась на северо-восток — в Восточный Туркестан.

На территории Бактрии и Маргианы открыты и другие пещерные комплексы, но ни один из них не может уверенно атрибутироваться как буддийский. Нет никаких сомнений, что в дальнейшем такие комплексы будут обнаружены как в этих, так и в других областях Средней Азии. Таким образом, имеющийся сейчас материал позволяет не в виде догадки или гипотезы, а с полной определенностью обнаружить конкретные прототипы восточнотуркестанских сооружений в индийской пещерной буддийской архитектуре, выявить пути распространения буддийских пещерных сооружений — в северо-западную Индию, юго-восточный и центральный Афганистан, а затем на север — вплоть до среднеазиатской территории. На этом пути, в частности в Бактрии, пещерная буддийская архитектура обрела многие специфические черты, свойственные восточнотуркестанской пещерной архитектуре, а затем получила дальнейшее развитие уже на почве Восточного Туркестана. Практика сооружения пещерных буддийских монастырей из Восточного Туркестана распространилась затем по всему Северному Китаю, что сыграло огромную роль в развитии китайского искусства и архитектуры IV—X вв.

Таким образом, идея пещерных буддийских монастырей берет начало в Индии; на ранние формы восточнотуркестанских, а также северокитайских монастырей оказала серьезное влияние бактрийская строительная практика. В наземной культовой архитектуре, как показало проведенное нами исследование, роль среднеазиатских прототипов была еще более значительной.

Прав был А. Лекок, который писал: «Все без исключения [буддийские] храмы во всех поселениях Восточного Туркестана, вне зависимости от того, к какому времени они относятся и в какой местности находятся, сооружены по иранским или индийским прототипам; *повсюду отсутствует в их архитектуре даже малейший след китайского влияния*» [35] (подчеркнуто А. Лекоком). Следует лишь, в свете новейших открытий, заменить слово «иранский» на «среднеазиатский» и подчеркнуть также наличие местной традиции, что вело к определенной специфике.

Буддизм в Восточный Туркестан пришел из Средней Азии и Северной Индии [75; 139; 191]. Ученые и переводчики — уроженцы Средней Азии и Восточного Туркестана — оказали решающее влияние на распространение

[35] «Sämtliche Tempel in allen Siedlungen Ostturkistan, gleichviel welchem Zeitalter und welcher Örtlichkeit sie angehören, sind nach iranischen oder indischen Vorbildern errichtet; *überall fehlt in ihrem Architektur selbst die geringste Spur chinesischer Elemente*» [135, 3, с. 10].

буддизма в Китае, на дальнейшее развитие доктрины разных буддийских школ [36]. Из Средней Азии в Восточный Туркестан, а затем в Китай распространились также христианство [37] и манихейство [87]. Местные верования коренного населения Восточного Туркестана, в том числе восходящие к древнеиранским, отличались своеобразием и при этом были близки или идентичны верованиям среднеазиатских народов. В качестве примера можно указать на погребальный обряд и связанный с ним комплекс обычаев и обрядов [38].

Ученые уже неоднократно обращались к произведениям искусства как источнику для выявления верований населения Восточного Туркестана [39].

В этой связи обращают на себя внимание изображения на шкатулке, привезенной первой экспедицией Огани из Субаши (область Кучи). Эта шкатулка — sarira — состоит из цилиндрического корпуса диаметром 37,3 см, высотой 27,3 см и конической крышки высотой 14 см. Шкатулка деревянная, обклеенная белой тканью, по которой была сделана роспись, покрытая затем прозрачным составом (это так называемая litharge technique). На крышке — четыре медальона, в кругах из перлов — фигуры стоящих на коленях обнаженных крылатых мужских фигур, которые играют на музыкальных инструментах. Чередуются фигуры с желтым телом и зелеными крыльями и фигуры, у которых зеленое тело и светлые крылья. Шея охвачена ожерельем, другая нитка (одинарная или двойная) украшений спускается до низа живота. Между медальонами — противостоящие спаренные фигуры павлинов (самца и самки), с головками то обращенными друг к другу, то повернутыми в противоположные стороны.

На стенке корпуса размещены 21 фигура музыкантов и танцоров. Среди них — две фигуры с жезлами-бунчуками, фигуры музыкантов с различными инструментами и фигуры танцоров с надетыми на голову масками, изображающими демона, птицу, зайца. Б. Роуленд предлагал датировать реликварий IV—VI вв. [162, с. 148—149, 152—153], японские исследователи — VI в. [148, табл. 8; 180, табл. 140, *1—17*], М. Буссальи — VII в. [85, с. 83, 86—87, 89].

Персонажи на реликварии отличаются исключительным динамизмом, экспрессией, что характерно, в частности, для изображений крылатых нагих музыкантов. Следует отметить хорошее знакомство с анатомией человеческого тела, сложные ракурсы изображений. Безусловно, все это восходит к эллинистическо-римской традиции.

Анализ показывает, что изображения на шкатулке связаны с живописью пещеры меченосцев у Кизыла — на это обратил внимание Б. Роуленд. Вместе с тем некоторые моменты указывают и на связь со среднеазиатской живописью и текстильным искусством (особенно с Балалык-тепе [40], Калаи-Кафирниганом [40], а также Афрасиабом).

Существенно, что крылатые персонажи имеют характерную прическу — голова наполовину выбрита (или волосы коротко подстрижены), один локон — на лбу, другой — сзади, и, главное, длинные узкие локоны-бакенбарды. М. Буссальи отметил сходство этой прически с прической персонажей на одном гандхарском горельефе из Пешаварского музея, на слоновой кости из Беграма, на живописи из Мирана. В целом же особо подчеркивается иконографическая близость к Мирану [85, с. 86—87; 113, с. 267].

Каков смысл этих изображений?

---

[36] При этом следует иметь в виду, что, как пишет индийский ученый Будда Пракаш, «центральноазиатский буддизм развил свою собственную литературу, с присущими ей своими собственными легендами, традициями и мотивами, происходящими, главным образом, из местных источников» [83, с. 25]. Эта тема разработана во многих трудах С. Леви и других ученых.

[37] См. статью А. Никитина в настоящем сборнике.

[38] Так, например, обстояло дело на первом этапе функционирования могильника Астана (см. статью Е. И. Лубо-Лесниченко в наст. изд.), в могильниках Лоулани и др. (см. также статью Е. В. Антоновой в наст. изд.). Сопоставление типов гробов см. [32, с. 74—80].

[39] См., например, [21].

[40] Ср. стоящую фигуру, изображенную в [180, табл. 140, *8*], и мужские фигуры Балалык-тепе [2].

В китайских источниках сообщается, что в танское время в Куче исполнялась музыкальная композиция «Великое примирение», которую называли также «Танцем львов пяти небесных направлений». Исполнители надевали шкуру льва и принимали позу сидящего или лежащего льва, которого якобы другие исполнители дрессировали. Двое держали веревку и опахало, они делали вид, что дразнят и приручают «льва». Каждый из пяти «львов» был окрашен соответственно тому или иному небесному направлению. 140 человек пели песню «Великое примирение» и следовали за «львами» (т. е. также, очевидно, танцевали), прихлопывая в ладоши (по другому источнику — щелкая пальцами), для того чтобы выдержать такт. Судя по другим сообщениям, изготовлялись крупные фигуры львов; за каждой такой фигурой следовали, танцуя, по 12 юношей, которых называли «юноши-львы». Но это, вероятно, специальная церемония, обычно же кучанский оркестр состоял из 20 человек [140, т. 1, с. 106—107, 206—207, т. 2, с. 268].

Бесспорны определенные совпадения деталей сцены на корпусе шкатулки, где некоторые персонажи как бы щелкают пальцами или хлопают в ладоши, с описаниями в текстах. Но вместе с тем ясно, что на шкатулке изображена какая-то иная театрализованная церемония [41]. Японский исследователь Н. Кумагаи считал ее сценой дионисийского характера [133, с. 261], М. Буссальи — изображением кучинского магическо-ритуального погребального танца, связанного с пережитками шаманизма [85, с. 87]. Б. Роуленд, вслед за М. Буссальи, также пишет о ритуальных траурных танцах [162, с. 153] [42]. Во всяком случае, это магическая музыкальная пантомима, подобная тем, что исполнялись в Средней Азии вплоть до современности [45]. В Куче она, возможно, была связана с новогодним пантомимическим циклом [140, т. 1, с. 170].

Широкий диапазон соответствий, аналогий и тождеств обнаруживается при сопоставлении материальной культуры древнего Восточного Туркестана и Средней Азии: от бус до предметов вооружения [43].

Основные линии социального и экономического развития Восточного Туркестана очень близки к среднеазиатским. Мелкооазисное расселение и земледелие, основанное на искусственном орошении, сочетались здесь с большой ролью кочевого скотоводства и кочевой степи. Вслед за сложением двухкомпонентной системы хозяйства (земледельческий оазис — кочевая степь) последовало, как и в Средней Азии [33], выделение в качестве самостоятельного, третьего члена, городского организма. Города постепенно превратились в важнейшие центры экономической, административной и социальной, в том числе религиозной жизни. Социально-экономические модели развития Средней Азии и Восточного Туркестана на всем протяжении древности и средневековья были одинаковыми.

В свете всего вышесказанного представляется бесспорным, что исследование древней и средневековой истории Восточного Туркестана должно проводиться с самым широким использованием результатов, достигнутых советской наукой в деле историко-культурного изучения Средней Азии.

Работы обширного коллектива советских исследователей (археологов, этнографов, лингвистов разных профилей, нумизматов, антропологов, историков искусства и архитектуры, китаистов и др.), работающих над изучением истории и культуры Восточного Туркестана, тщательный учет научных

---

[41] Установлено, что из «всех музыкальных культур Серинди и именно кучинская оказала наибольшее влияние на китайскую» [167, с. 52]. Известны названия и даже описания некоторых кучинских музыкально-балетных представлений — см. [167, с. 54—55].

[42] На хорезмийской чаше VI—VII вв. из Верхне-Березовского клада есть изображение стоящего человека с козлиной личиной и жезлом с развевающимися лентами — см. [18, с. 113—114, рис. 14, 2]. В «Зале танцующих масок» Топраккалинского дворца «стены были украшены шестнадцатью барельефными панно с изображением пляшущих попарно женщин и мужчин с козлиными ушами. Между панно располагались одиночные фигуры танцовщиц». Культ имел «...дионисийский (в широком смысле этого понятия) характер»; цикл культов, связанных с дворцом, имел мистериальный характер [54, с. 232, 236].

[43] Нам уже приходилось попутно останавливаться на этом в некоторых своих работах [31; 32; 34; 35; 36].

исследований западноевропейских, японских, индийских и особенно китайских ученых [44] позволяют сделать несколько важных заключений.

Восточный Туркестан лишь со второй половины XVIII в. (1760 г.) был включен в состав Цинской империи и ему было дано (что весьма показательно) наименование Синьцзян — «Новая граница» или «Новая территория», но и после этого господство Китая над данной территорией на длительное время прерывалось в результате успешных восстаний местных жителей.

С древнейших времен на территории Восточного Туркестана проживало индоевропейское население, и оно составляло в древности основной пласт в оазисах Восточного Туркестана — тохары, хотаносаки, согдийцы, а также индийцы. В средние века на территории Восточного Туркестана последовательно оседают несколько тюркоязычных и монголоязычных волн: уйгуры, карлуки, монголы и др. Все названные выше местные народы развивали свою государственность и культуру в обстановке теснейших связей с племенами и народами Средней Азии, а также Индии, народами из Южной Сибири и Монголии, в определенной степени — Тибета.

Разумеется, имелось и китайское население, количество его менялось, но его удельный вес в восточнотуркестанской этносистеме не был особенно значительным. Большее значение имели китайский язык, китайская письменность, ряд элементов китайской культуры, которые в отдельные периоды сыграли значительную роль в развитии восточнотуркестанской цивилизации.

Сопоставление восточнотуркестанских и среднеазиатских археологических, историко-архитектурных, историко-этнографических материалов позволяет со всей очевидностью показать наличие в древности и в средние века одинаковых моделей экономики и общих этноязыковых, культурных и исторических пластов, что значительно усиливает значение совместного вхождения Средней Азии и Восточного Туркестана в состав многих государственных образований.

Отсюда следует вывод: *этнокультурная и историческая общность со Средней Азией была доминирующей константой истории Восточного Туркестана с древнейших времен до нового времени. В древности и в средние века сформировался и существовал среднеазиатско-восточнотуркестанский этнокультурный регион.*

1. Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М., 1965.
2. Альбаум Л. И. Балалык-тепе. Таш., 1960.
3. Барроу Т. Санскрит. Пер. с англ. М., 1976.
4. Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России.—Сочинения. Т. 9. М., 1977.
5. Бартольд В. В. Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. 1903—1909 гг.— Сочинения. Т. 9. М., 1977.
6. Бартольд В. В. Состояние и задачи изучения истории Туркестана.— Сочинения. Т. 9. М., 1977.
7. Бернштам А. Н. Проблемы истории Восточного Туркестана — ВДИ, 1947, № 2.
8. Брук С. И. Этнический состав и размещение населения в Синьцзянском Уйгурском автономном районе Китайской народной республики.— СЭ. 1956, № 2.
9. Буддийские памятники Кара-тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1974—1977 гг. М., 1982.
10. Воробьев-Десятовский В. С. Тибетский документ на дереве из района озера Лоб-Нор [I], II, III.— ЭВ. 7, 1953; 8, 1953, 10, 1955.
11. Воробьев-Десятовский В. С. Коллекция тибетских документов С. Е. Малова из района озера Лоб-Нор.— УЗИВАН. Вып. 7. 1956.
12. Воробьев-Десятовский В. С. Памятники центральноазиатской письменности.— УЗИВАН. Вып. 16. 1958.
13. Воробьев-Десятовский В. С. и Воробьева-Десятовская М. И. Сказание о Бхадре (Новые листы сакской рукописи «Е»). М., 1965.
14. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Миграции племен — носителей индоев-

[44] Речь идет об учете материалов научных публикаций и исследований, среди которых имеются капитальные труды.

ропейских диалектов с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии.— ВДИ. 1981, № 2.
15. Герценберг Л. Г. Хотаносакский язык. М., 1965.
16. Герценберг Л. Г. Хотаносакский язык.— Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 1981.
17. Григорьев В. В. Дополнения. [К кн.: К. Риттер. Землеведение. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россиею]. Вып. 2. СПб., 1873.
18. Даркевич В. П. Художественный металл Востока VIII—XIII вв. М., 1976.
19. Дудин С. М. Архитектурные памятники Китайского Туркестана (из путевых заметок). Пг., 1916 (отд. отт. из журн. «Архитектурно-художественный ежегодник». 1916, № 6, 10, 12, 19, 22, 28, 31).
20. Дудин С. М. Техника стенописи и скульптуры в древних буддийских пещерах и храмах Западного Китая.— Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук. Т. 5. Пг., 1917.
21. Дьяконова Н. В. Фольклорные мотивы и апотропеи в изобразительном искусстве Восточного Туркестана.— Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978.
22. Дьяконова Н. В., Сорокин С. С. Хотанские древности. Каталог хотанских древностей, хранящихся в Отделе Востока Государственного Эрмитажа. Терракота и штук. Л., 1940.
23. Залеман К. По поводу еврейско-персидского отрывка из Хотана.— ЗВОРАО. Т. 16. 1904.
24. Займаль Е. В. «Сино-кхароштийские» монеты (к датировке хотанского двуязычного чекана). —СНВ. Вып. 10. 1971.
25. Иакинф. Описание Чжуньгарии и Восточного Туркистана в древнем и нынешнем его состоянии. Ч. 1. СПб., 1829.
26. Исхаков Г. М. Этнографическое изучение уйгуров Восточного Туркестана русскими путешественниками второй половины XIX в. А.-А., 1975.
27. Кизерицкий Г. Хотанские древности из собрания Н. Ф. Петровского.— ЗВОРАО. Т. 9. 1826.
28. Кругликова И. Т. Настенные росписи в помещении 16 северо-восточного комплекса Дильберджина.— Древняя Бактрия. Вып. 2. М., 1979.
29. Литвинский Б. А. Бронзовый век.— История таджикского народа Т. 1. М., 1963.
30. Литвинский Б. А. [Рец. на:] Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы.— СА. 1965, № 4.
31. Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.
32. Литвинский Б. А. Курганы и курумы Западной Ферганы (Раскопки. Погребальный обряд в свете этнографии). М., 1972 (Могильники Западной Ферганы, I).
33. Литвинский Б. А., Древний среднеазиатский город (Местные традиции и иноземные модели).— Древний Восток. Города и торговля. (III—I тыс. до н. э.). Ер., 1973.
34. Литвинский Б. А Керамика из могильников Западной Ферганы (первое тысячелетие н. э.). М., 1973 (Могильники Западной Ферганы, II).
35. Литвинский Б. А. Украшения из могильников Западной Ферганы. М., 1973 (Могильники Западной Ферганы, III).
36. Литвинский Б. А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы (Археологические и этнографические материалы по истории культуры и религии Средней Азии). М., 1978 (Могильники Западной Ферганы, IV).
37. Литвинский Б. А. По страницам одного издания.—ИАН ТаджССР. ООН. 1980, № 4.
38. Литвинский Б. А. Труды Альберта фон-Лекока по древней культуре восточного Туркестана.— НАА, 1981, № 4.
39. Литвинский Б. А. Проблемы этнической истории Средней Азии во II тысячелетии до н. э. (Среднеазиатский аспект арийской проблемы).— Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М., 1981. [Труды Международного симпозиума по этническим проблемам Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.)].
40. Литвинский Б. А. Настенная живопись Калаи-Кафирнигана.— Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1981.
41. Литвинский Б. А. Проблемы древней истории и культуры Восточного Туркестана в отечественной и зарубежной науке.— НАА. 1982, № 1.
42. Массон В. М. Печати протоиндийского типа из Алтын-депе (К проблеме этнической атрибуции культур расписной керамики Ближнего Востока).— ВДИ. 1977, № 4.
43. Миронов Н. Из рукописных материалов экспедиции М. М. Березовского в Кучу.— ИАН. 1909, № 8.
44. Мушкетов И. В. Туркестан. Т. I. Ч. 1. Изд. 2. Пг., 1915.
45. Нурджанов Н. Таджикский народный театр по материалам Кулябской области. М., 1956.
46. Ольденбург С. Ф. [Сообщение о находке Боэра].— ЗВОРАО. Т. 6. 1892.
47. Ольденбург С. [Ф.] Отрывки кашгарских санскритских рукописей из собрания Н. Ф. Петровского.— ЗВОРАО. Т. 8. 1893.
48. Ольденбург С. Ф. Памяти Николая Федоровича Петровского. 1837—1908.— ЗВОРАО. Т. 20. 1912.

49. Ольденбург С. Ф. Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 г... Краткий предварительный отчет. СПб., 1914.
50. Ольденбург С. Ф. Экспедиция Д. А. Клеменца в Турфан в 1898 г.— Известия Восточно-Сибирского отдела РГО. Т. 45. Иркутск, 1917.
51. Пигулевская Н. В. Сирийские и сиро-тюркский фрагменты из Харо-Хото и Турфана.— СВ. 1940, № 1.
52. Рагоза А. Н. К истории сложения коллекции рукописей на среднеиранских языках из Восточного Туркестана, хранящихся в рукописном отделе ЛО ИВАН СССР.— Письменные памятники Востока. Ежегодник. 1969. М., 1972.
53 Рагоза А. Н. Согдийские фрагменты центральноазиатского собрания Института востоковедения. М., 1980.
54. Рапопорт Ю. А. Некоторые итоги изучения дворца на городище Топрак-кала.— Культура и искусство Древнего Хорезма. М., 1981.
55. Расторгуева В. С. Среднеперсидский язык. М., 1966.
56. Риттер К. Землеведение. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россиею. Восточный или Китайский Туркестан. Перевел с присовокуплением критических примечаний, и дополнил по источникам, изданным в течение последних тридцати лет, В. В. Григорьев. Вып. 1. Перевод и примечания. СПб., 1869 (примечания В. В. Григорьева — с. 287—546).
57. Семенов А. А. Николай Федорович Петровский. – ЭО. Т. 79, № 4.
58. Семенов П. П. История полувековой деятельности имп. Русского географического общества. 1845—1895. Ч. 2. СПб., 1896.
59. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI—XVII вв. Л., 1932 (Материалы по истории народов СССР. Вып. 3. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1).
60. Тохарские языки. Сборник статей. Под ред. и с вступит. статьей В. В. Иванова. М., 1959.
61. Федчина В. Н. Как создавалась карта Средней Азии. М., 1967.
62. Шпринцин А. Г. Обозначение топонимов «Средняя Азия» и «Центральная Азия» в различных языках.— СНВ. Вып. 18. 1976.
63. Энциклопедический словарь географических названий. М., 1973.
64. Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н.э.). М., 1981 (Труды Международного симпозиума по этническим проблемам Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.)].
65. Andreas F. C., Henning W. B. Mitteliranische Manichaica aus Chinesisch Turkestan. 1—3. B., 1932—1934 (SPAW. Phil.-Hist. Klasse, 1932—1934).
66. L'Asie Centrale. Histoire et civilisation. P., 1977.
67. Bailey H. W. Agnean and Kuchean.— BSOS. Vol. 8. P. 1. 1936.
68. Bailey H. W. Hvatanica.— BSOS. Vol. 8. P. 4. 1937.
69. Bailey H. W. Khotanese Texts. 1—6. Cambridge, 1945—1967.
70. Bailey H. W. The Tumshuq Karmavācanā.— BSOAS. Vol. 13. P. 3. 1950.
71. Bailey H. W. Khotanese Buddhist Texts. L. 1951.
72. Bailey H. W. Languages of the Saka.— Handbuch der Orientalistik. Bd 4. Iranistik. Abschnitt 1. Leiden — Köln, 1958.
73. Bailey H. W. Saka Documents. Plates. 1—4. L., 1960—1967 («Corpus Inscriptionum Iranicarum» P. 2, vol. V).
74. Bailey H. W. Saka Documents. Text Volume. L., 1968 («Corpus Inscriptionum Iranicarum». P. 2, vol. V).
75. Bailey H. W. The Culture of the Iranian Kingdom of Ancient Khotan in Chinese Turkestan. The Expansion of Early Indian Influence into Northern Asia.— MRDTB. № 29. 1971.
76. Bailey H. W. The Kingdom of Khotan.— Papers on Far Eastern History. 1971, № 4.
77. Bailey H. W. Dictionary of Khotan Saka. Cambridge — London — New York — Melbourne, 1979.
78 Basawal and Jelalabad — Kabul. Buddhist Cave Temples and Topes in South-East Afghanistan Surveyed Mainly in 1965. 1—2. Kyoto, 1971.
79. Benveniste E. Textes Sogdiens, édites, traduits et commentés. P., 1940.
80. Benveniste E. Codices Sogdiani. Manuscrits de la Bibliothèque Nationale (Mission Pelliot) reproduits en fac-similé, avec une introduction. Copenhague, 1940.
81. Bergman F. Archaeological Researches in Sinkiang Especially the Lob-Nor Region. Stockholm, 1939 (Sino-Swedish expedition. № 7. VII, Archaeology).
82. Boyce M. A Catalogue of the Iranian Manuscripts in Manichaean Script in the German Turfan Collection. B., 1960.
83. Buddha Prakash. India and the World. Researches in India's Policies, Contacts and Relationships with other Countries and Peoples of the World. Hoshiappur, 1964 (Vishveshvaranand Vedic Research Institute, Vol. 1. Series — 31).
84. Burrow T. Tokharian Elements in the Kharoṣṭhī Documents of Chinese Turkestan.— JRAS. 1935.
85. Bussagli M. Die Malerei in Zentralasien. Genéve, 1963.
86. Chavannes E. Les documents chinois découverts par Aurel Stein dans les sables du Turkestan Oriental. Ox., 1913.
87. Chavannes E., Pelliot P. Un traité Manichéen retrouvé en Chine.— JA. Sér. 10. T. 18. 1911; JA. Sér. 11. T. 1. 1913.

88. Conrady A. Die chinesischen Handschriften — und sonstige Kleinfunde Sven Hedins in Lou-lan. Stockholm, 1920.
89. Dabbs J. A. History of the Discovery and Exploration of Chinese Turkestan. The Hague, 1963 (The Central Asiatic Studies, VIII).
90. Dahejia, Vidya. Early Buddhist Rock Temples. A Chronology. L., 1972.
91. Durman Tepe and Lalma. Buddhist Sites in Afghanistan Surveyed in 1963—1965. Ed. by S. Mizuno. Kyoto, 1968.
92. Emmerick R. E. The Book of Zambasta. A Khotanese Poem of Buddhism. L., 1968.
93. Emmerick R. E. Saka Grammatical Studies. L., 1968 (London Oriental Series, 20).
94. Emmerick R. E. Saka Documents, 5. L., 1971 («Corpus Inscriptionum Iranicarum». P. 2, vol. V).
95. Emmerick R. E. The Historical Importance of the Khotanese Manuscripts.— Prolegomena to the Sources of the History of Pre-Islamic Central Asia. Ed. by Harmatta. Budapest, 1979.
96. Emmerick R. E. A Guide to the Literature of Khotan. Tokyo, 1979 (Studia Philologica Buddhica. Occasional Paper Series, III).
97. Enoki E. On the So-called Sino-Kharoṣṭhī Coins.— EW. Vol. 15. Roma, 1965, № 3—4.
98. Fergusson J., Burgess J. The Cave Temples of India. Reprint. Delhi, 1969.
99. Filliozat J. Fragments des textes koutchéens de médicine et de magie. P., 1948.
100. Foucher A. Notes sur les antiquités bouddhiques de Haiba (Turkestan, Afghan.).— JA. T. 205. 1924.
101. Francke A. H. Tibetische Handschriftenfunde aus Turfan.— SPAW. Phil.— Hist. Klasse. B., 1924.
102. Gabain A. Das Leben im uigurischen Königreich von Qočo (850—1250). Textband. Wiesbaden, 1973 (Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. Bd 2).
103. Gershevitch I. A Grammar of Manichean Sogdian. Ox., 1954.
104. Gershevitch I. Bactrian Inscriptions and Manuscripts.— «Indo-germanischen Forschungen». Bd 72. H. 1—2. B., 1967.
105. Godard A., Godard Y., Hackin J. Les antiquités bouddhiques de Bāmiyān. P., 1928 (MDAFA. T. 2).
106. Gropp G. Archäologische Funde aus Khotan Chinesisch Ostturkestan. Die Trinkler-Sammlung in Übersee-Museum Bremen. Bremen, 1974.
107. Grünwedel A. Bericht über archäologische Arbeiten in Idikutschari und Umgebung im Winter 1902—1903. München, 1905 (ABAW. 1. Kl. Bd 24. Abt. 1).
108. Grünwedel A. Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch-Turkestan. B., 1912.
109. Grünwedel A. Alt-Kutscha. B., 1920.
110. Hackin J. et Carl J. Nouvelles recherches archéologiques à Bāmiān. P., 1933 (MDAFA, III).
111. Hackin J. Recherches archéologiques en Asie Centrale 1931.— Revue des arts antiquités. 9—10. P., 1935—1936.
112. Haibak and Kashmir-Smast Buddhist Cave-temples in Afghanistan and Pakistan Surveyed in 1960. Ed. by S. Mizuno. Kyoto, 1962.
113. Härtel H., Auboyer J. Indien und Südostasien. B., 1971 (Propyläen Kunstgeschichte. Bd 16).
114. Hallade M., Gaulier S., Courtois L., Boisselier J. III. Koutscha Temples construits; Douldour-Aqour et Soubachi. Planches. P., 1967.
115. Haneda Akira. Introduction.— Acta Asiatica. Bulletin of the Institute of Eastern Culture. Tokyo, 1978 (Special Issue: «Historical Studies on Central Asia in Japan»).
116. Hansen O. Berliner soghdische Texte [1]. B., 1941 (APAW. Phil.-hist. Kl., № 10); 2. Wiesbaden, 1954 (Abhandlungen der Geistesund Sozialwissenschaftlichen Klasse der Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz. Jg. 1954, № 15).
117. Hansen O. Die Berliner Hephtaliten-Fragmente.— F. Altheim. Aus Spätantike und Christentum. Tübingen, 1951.
118. Harmatta J. Sogdian Sources for the History of Pre-Islamic Central Asia.— «Prolegomena», 1979.
119. Hazai G. Édition des textes Ouïgours de Tourfan à Berlin.— JA. T. 269. 1981, fasc. 1—2.
120. Hazār-Sum and Fīl-Khāna. Cave-cities in Afghanistan Surveyed in 1962. Ed. by S. Mizuno. Kyoto, 1967.
121. Hoernle A. F. R. An Instalment of the Bower Manuscript.— JASB. Vol. 60. P. I, 1891.
122. Hoernle R. A Collection of Antiquities from Central Asia.— JASB. Vol. 68. 1899, № 1.
123. Huang Wen-pi. The Exploration around Lob Nor. Peiping, 1948.
124. Hulsewé A. F. P., Loewe M. A. N. China in Central Asia. The Early Stage: 125 B. C.— A. D. 23. An Annoted Translation of Chapters 61 and 96 of the History of the Former Han Dynasty by A. F. P. Hulsewé with Introduction by M. A. N. Loewe. Leiden, 1979.
125. Juliano A. L. Buddhism in China.— «Archaeology». 1980, № 3.
126. Klaproth J. Histoire de la ville de Khotan.— Mémoirs relatifs à l'Asie. 2. P., 1826.
127. Klementz D. Turfan und seine Alterthümer.— Nachrichten über die von der

Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan. H. 1. St.-Pbg., 1899.
128. Konow S. Kharoshthī Inscriptions with the Exceptions of Those of Aśoka. Calcutta, 1929 (Corpus Inscriptionum Indicarum. Vol. 2, p. 1).
129. Konow S. Khotansakische Grammatik. Mit Bibliographie, Lesenstücken und Wörterverzeichnis. Lpz., 1941 (Porta Linguarum Orientalium, hrsgb. R. Hartmann, XXII).
130. Konow S. Primer of Khotanese Saka. Oslo, 1949 (Norsk tidsskrift for sprogvidenskap. Bd XV).
131. Krause W. Zur Frage nach dem Nichtindogermanischen.— «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschungen». Bd 69. H. 3—4, 1951.
132. Krause W. Tocharisch.— «Handbuch der Orientalistik». Bd 4. Abschnitt 3. Leiden, 1955.
133. Kumagai N. A Painted Casket from Kucha, East Turkestan.— «Bijutsu kenkyü». № 91 (March 1957). [Цит. по: HJAS. Vol. 25.1965].
134. LeCoq A. A Short Account of the Origin, Journey and Results of the First Royal Prussian (Second German) Expedition to Turfan in Chinese Turkistan. —JRAS. 1909, April.
135. Le Coq A. Die buddhistische Spätantike in Mittelasien. 3. Graz, 1974; 4. Graz, 1975; 7. Graz, 1975 (Nachdruck).
136. Le Coq A. Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittel-Asiens. Graz, 1977 (Nachdruck).
137. Lévi S. Le «Tokharien B», langue de Koutcha.— JA. Ser. 11. T. 2, 1913, № 2.
138. Lévi S. Fragments de textes koutchéens: Udānavarga, Udānastoira, Udānalaṃkara et Karmavidhanga. P., 1933 (Cahiers de la Société Asiatique. Ser. 1. T. 2).
139. Litvinsky B. A. Outline History of Buddhism in Central Asia. Moscow, 1968.
140. Liu Mau-Tsai. Kutscha und seine Beziehungen zu China vom 2. Jh. v. bis 6. Jh. n. Chr. Bd 1—2. Wiesbaden, 1969.
141. Loewe M. Records of Han Administration. Vol. 1—2. Cambridge, 1967.
142. Loewe M. Chinese Relations with Central Asia, 260—90.— BSOAS, Vol. 32. 1969, № 1.
143. Lüders H. Die Sakas und die «nordarische» Sprache.— SPAW, 23—24, B., 1913.
144. Maillard M. Essai sur la vie matérielle dans l'oasis de Tourfan pendant le haut moyen âge. P., 1973 (Arts Asiatiques. T. 29).
145. Maspero H. Les documents chinois de la troisième expédition de Sir Aurel Stein en Asie Centrale. L., 1953.
146. Minorsky V. Some Early Documents in Persian (I).— JRAS. 1942, October.
147. Mizuno S. and Nagaricho T. Yun-kang. The Buddhist Cave-temples of the Fifth Century A. D. in North China. Detailed Report of the Archaeological Survey Carried Out by the Mission of the Tōhō Bunka Kenkyūsho 1938—45. Vol. 6. Kyoto, 1951; vol. 15. Kyoto, 1955.
148. Monumenta Serindica. Vol. 5. The Ancient Buddhist Arts in Central Asia and Tun-Huang. Kyoto, 1962.
149. Müller F. W. K. Handschriften-Reste in Estrangelo-Schrift aus Turfan, Chinesisch-Turkistan. 1.— SPAW. 9. 1904.
150. Paul David M., Hallade M., Hambis L. Toumchouq. Vol. 1—2. P., 1961—1964.
151. Pelliot P. Mission en Asie Centrale.— CRAIBL. 1910.
152. Pelliot P. Tocharien et Koutchéen.— JA. T. 224. 1934, № 1.
153. Pelliot P. Notes on Marco Polo. Vol. 1. P., 1959.
154. Puglisi S. M. Preliminary Report on the Research at Hazār Sum (Samangan).— EW, N. S. Vol. 14. 1963, № 1—2.
155. Pulleyblank E. G. Chinese and Indo-Europeans.— JRAS. 1966, April.
156. Radloff W. Altuigurische Sprachproben aus Turfan.—Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan. H. 1. St.-Pbg., 1899.
157. Radloff W. Uigurische Schriftstücke, in Text und Übersetzung.— A. Grünwedel. Bericht über archäologische Arbeiten in Idikutschari und Umgebung im Winter 1902—1903. München, 1905 (ABAW. Bd 24. Abt. 1).
158. [Radloff W.] Chuastuanit, das Beichtgebet der Manichäer. Hrsg. und übers. von W. Radloff. St.-Pbg., 1909.
159. Radloff W. Uigurische Sprachdenkmäler. Materialien nach dem Tode des Verfassers mit Ergänzungen von S. Malov herausgegeben. Л., 1928.
160. Reichelt H. Die soghdischen Handschriftenreste des Britischen Museums. 1—2. Heidelberg, 1928—1931.
161. Rémusat A. Histoire de la ville de Khotan tirée des annales de la Chine et traduite du chinois. P., 1820.
162. Rowland B. The Art of Central Asia. N. Y., 1974.
163. Salemann C. Ein Bruchstück manichaeischen Schrifttums im Asiatischen Museum.— «Записки Имп. Академии наук по ист.-фил. отделению». 6. СПб., 1904, № 6.
164. Salemann C. Manichaeica. I—V. СПб., 1907—1913 (ИАН. 1907—1913).
165. Salemann C. Manichaeische Studien. СПб., 1908 («Записки Имп. Академии наук». T. 8, № 10).
166. Samolin W. East Turkistan to the Twelfth Century. A Brief Political Survey. Mouton, 1964 (Central Asiatic Studies. A Monograph Series. IX).

167. Schafer E. The Golden Peaches of Samarkand. A Study of T'ang Exotics. Berkeley and Los Angelos, 1963.
168. Schmitt G., Thilo. Katalog chinesischer buddhistischer Textfragmente. B., 1975 (Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orient. Berliner Turfantexte, 6).
169. Sieg E. Übersetzungen aus dem Tocharischen. 1—2. B., 1943—1951.
170. Sieg E. und Siegling W. Tocharische Sprachreste. Bd 1. Die Texte. A.— Transcription; B.— Tafeln. B.— Lpz., 1921.
171. Sieg E. und Siegling W. Tocharische Sprachreste. Sprache B. H. 1—2. Göttingen, Vandenhoeck und Ruprecht, 1949—1953.
172. Sims-Williams N. Sogdian Manuscript Collections: a Brief Report.— JA. T. 269. 1981, fasc. 1—2.
173. Sinor D. Inner Asia. History — Civilization — Languages. A.— Syllabes. Ed. 2. Mouton, 1971.
174. Soymié M. Recherches sur les manuscrits en chinoisà Paris.— JA. T. 269. 1981, fasc. 1—2.
175. Sprachgeschichtliche Ergebnisse der deutschen Turfan-Forschung. Text-Editionen und Interpretationen von A. A. von Le Coq, F. W. K. Müller, W. Bang, A. von Gabain, G. R. Rachmati, W. Thomsen, Bd 1—2. Lpz., 1972.
176. Stein A. Ancient Khotan. Detailed Report of Archaelogical Explorations in Chinese Turkestan. Vol. 1—2. Ox., 1907.
177. Stein A. Serindia. Detailed Report of Explorations in Central Asia and Westernmost China. Vol. 1—5. Ox., 1921.
178. Stein A. Innermost Asia. Detailed Report of Exploration in Central Asia, Kan-su and Eastern Irān. Vol. 1—4. Ox., 1928.
179. Sugiyama J. Central Asian Objects Brought by the Ōtani Mission. Tokyo, 1971.
180. Sundermann W. Mittelpersische und parthische kosmogonische und Parabeltexte der Manichäer. B., 1973 (Schriften zur Geschichte und Kultur der Alten Orients. 8. Berliner Turfantexte, IV).
181. Sundermann W. Die mittelpersischen und parthischen Turfantexte als Quellen zur Geschichte der vorislamischen Zentralasien.— «Prolegomena...», 1979.
182. Sundermann W. Arbeiten an den iranischen Turfantexten seit 1970.— JA. T. 269. 1981, fasc. 1—2.
182a. Sundermann W. Mitteliranische manichäische Texte kirchengeschichtlichen Inhalts. B., 1981 (Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients. Berliner Turfantexte, 11).
183. Sylwan V. Woolen Textiles of the Lou-lan People. Stockholm, 1941 (Sino-Swedish Expedition. № 15.VII. Archaeology).
184. Tarzi Z. L'architecture et le décor rupestre des Grottes Bāmiyān. 1—2. P., 1977.
185. Thilo Th. Die chinesischen Textfragmente der Turfan-Handschriftensammlung der Akademie der Wissenschaften der DDR.— JA. T. 269. 1981, fasc. 1—2.
186. Thomas F. W. Tibetan Literary Texts and Documents Concerning Chinese Turkestan. Vol. 1—4. L., 1935—1963.
187. Uray G. The Old Tibetan Sources of the History of Central Asia up to 751 A. D.: A Survey.— «Prolegomena...» Budapest, 1979.
188. Utz D. A. A Survey of Buddhist Sogdian Studies. Tokyo, 1980 (Bibliography Philologica Buddhice. Series Minor. III).
189. Verardi G. Buddhist Cave Complex at Homay Qala.— South Asian Archaeology, ed. J. van Lohuizen de Leeuw, 1977.
190. Windekens A. J. Le Tokharien confronté avec les autres langues indo-européenes, I. La phonétique et la vocabulaire. Louvain, 1976.
191. Zürcher E. The Buddhist Conquest of China. The Spread and Adaptation of Buddhism in Early Medieval China (Vol. 1). Text. Leiden, 1956 (Sinica Leidensia. Vol. XI).
192. Хуан Вэньби. Гаочан таоцзи. (Керамика Гаочана). 1—2. [Б. М.], 1933.
193. Хуан Вэньби. Тулуфань каогу цзи. (Археологические заметки о Турфане). Шанхай, 1954.
194. Хуан Вэньби. Талиму пэньди каогу цзи. (Археологические раскопки в Тариме). Пекин, 1958.
195. Чэнь Гэ. Памиэр гаоюань гу му. (Древние могилы Памирского высокогорья).— «Каогу сюебао». 1981, № 2.

С. Кучера

РАННЯЯ ИСТОРИЯ СИНЬЦЗЯНА: НЕОЛИТ — НАЧАЛО ВЕКА МЕТАЛЛА

Одной из новых характерных черт археологической науки КНР последнего времени является заметный рост интереса к изучению окраинных районов страны. Этот факт несомненно имеет определенную политическую подоплеку, однако логика развития науки тоже сыграла здесь немаловажную роль: развернув широкие полевые работы в центральных провинциях, археологи не могли не прийти к необходимости разработки проблем периферийных регионов, ибо понимание многих явлений, имевших место во внутренних землях, невозможно без знания и учета процессов, происходивших на соседних, порою довольно отдаленных, территориях. К числу последних относится и Синьцзян-Уйгурский автономный район, который мы для краткости будем именовать Синьцзяном [1].

Синьцзян расположен на крайнем северо-западе Китая. По площади (1647 тыс. км²) он является самой большой административной единицей КНР, занимая приблизительно шестую часть территории всей страны [41, т. 3, с. 3411; 12, с. 68]. Уже одно это обстоятельство вызывает необходимость крупномасштабного археологического изучения Синьцзяна. Существует, однако, и ряд других, вероятно даже более существенных, причин повышенного интереса археологов к Синьцзяну.

Во-первых, климатические условия этого региона, расположенного в поясе теплого, континентального климата (средняя годовая температура в северной части: +4 — +8° С, в южной: +9 — +12°), с небольшим количеством среднегодовых осадков (на севере 150—250 мм, на юге всего 50—100 мм; для сравнения: в Москве 500—1000 мм), в общем содействуют сохранению скрытых под землей памятников прошлого [см., например, 52, с. 31]. Правда, данная климатическая картина характерна для настоящего времени, в прошлом же она могла быть и иной. Например, в результате анализа фотоснимков, сделанных с искусственного спутника Земли, получены сведения, позволяющие говорить о более влажном климате бассейна Лобнора и большей площади последнего в начале нашей эры и довольно резкой аридизации этого района приблизительно 1600 лет назад [13, с. 34]. Разного рода перемены могли также произойти и в других уголках огромной синьцзянской территории. К сожалению, исследования климата и в особенности палеоклимата Синьцзяна, насколько нам известно, не проводятся достаточно масштабно и глубоко, поэтому многие вопросы остаются неразработанными.

Во-вторых, следствием взаимодействия таких географических факторов, как большая площадь, сложный рельеф [2] и, самое главное, положение в

[1] Синьцзян-Уйгурский автономный район был образован 1 октября 1955 г., однако в китайских публикациях, в том числе и научных, часто встречаются неполные названия: Синьцзянский автономный район и Синьцзян, а также сокращение «Синь».

[2] Рельеф Синьцзяна, который вряд ли существенно изменился на протяжении последних тысячелетий, отличается значительным своеобразием и разнообразием, что образно отражено в китайском выражении *сань шань цзя лян пэнь* — «две впадины, сдавленные тремя хребтами». Две впадины — это, на севере, Джунгарская равнина, центрально-южную

центре азиатского материка, в контактной зоне разных культур континента, является этническая пестрота Синьцзяна. В настоящее время, согласно официальным данным, здесь проживает 12 560 тыс. человек, из них 5 640 тыс. (44,9%) — уйгуры, 5 220 тыс. (41,5%) — китайцы (*ханьцзу*) [3], остальные — казахи, монголы, хуэй, сибо (сибинцы), киргизы, узбеки, таджики, маньчжуры, дауры, татары и другие народности [4]. В неолитической древности количественные выражения и составные компоненты синьцзянского этнического конгломерата были, конечно, иными, однако едва ли можно сомневаться в том, что там проживали различные этнические группы. Косвенным доказательством этого может служить ситуация, сложившаяся к началу нашей эры и отраженная в источниках ханьского времени (206 г. до н. э.— 220 г. н. э.). Например, в разделе «Сиюй чжуань» («Описание Западного края») «Хань шу» («История [Ранней] династии Хань») говорится: «При У-ди (140—87 гг. до н. э.— *С. К.*) впервые была установлена связь с Западным краем. Первоначально [там насчитывалось] 36 государств. Затем [в результате] постепенного дробления [их стало] более пятидесяти. Все они находились к западу от сюнну [и] к югу от усуней» [15, цз. 96а, с. 1218]. 36 стран — это: Жоцян [5], Лоулань, Цемо, Сяоюань, Цзинцзюе, Жунлу, Юйми, Цюйлэ, Юйтянь, Пишань, Уча, Сие, Цзыхэ, Пули, Инай, Улэй, Наньдоу, Даюань, Таохуай, Сюсюнь, Юаньду, Шацзюй, Шулэ, Вэйтоу, Гумо, Вэньсу, Цюцы, Вэйли, Вэйсюй, Яньци, Гуши, Хуху, Цюйли, Улэй (записывается другими знаками, чем первое Улэй), Шань и Цзе [см. 15, цз. 96а — 96б, с. 1218—1228; 31, цз. 123, с. 543—547; 33, т. 14, цз. 88, с. 2909—2938] [6]. По свидетельству древнекитайских хронистов, нравами, обычаями, языком, экономикой и образом жизни эти страны отличались не только от Китая, но и очень часто друг от друга: «Страны Западного края в большинстве [населены] коренными жителями, [ведущими оседлый образ жизни]. [У них] имеются города, хлебопашество и скотоводство. Своими обычаями [они] отличаются от сюнну и усуней» — читаем в «Хань шу» [15, цз. 96а, с. 1218]. В описаниях отдельных стран эти отличия выступают еще отчетливее. Не экстраполируя прямолинейно наблюдений, касающихся современности или ханьского периода, на неолитическое время, мы тем не менее вправе ожидать этнического разнообразия и в ту отдаленную эпоху.

часть которой занимает пустыня Гуэрбаньтунгутэ (Дзосотын-элисун), и, на юге, Таримская равнина, на территории которой находится пустыня Такла-Макан, самая большая в Китае и одна из самых больших в мире. Хребтом Тянь-Шань, тянущимся приблизительно вдоль 42—43 параллелей, Синьцзян разделен на северный и южный. На юге он окружен горными цепями Куньлуня и Аэрцзиня (Алтынтаг), на западе возвышается Памир, а на севере — Алтай. Такой сложный и в общем неблагоприятный для человека рельеф создавал особые условия для проживания, развития, передвижения и контактов первобытных людей внутри самого Синьцзяна и для их связей с внешним миром.

[3] Проживание в настоящее время в Синьцзяне столь значительного количества собственно китайцев (ханьцзу) является результатом переселения туда жителей центральных (включая прибрежные) районов КНР, особенно усилившегося во время «культурной революции». Для сравнения можно указать, что по ориентировочным данным, относящимся к середине 1953 г., из общего количества 4874 тыс. человек населения Синьцзяна уйгуров было 3640 тыс. (74,7%), казахов — 475 тыс. (9,7%) и китайцев — только 300 тыс. (6,1%) [см. 1, с. 91; ср. также 46, с. 32; 48, с. 31; 14].

[4] Большинство этих народностей (казахи, киргизы, татары, узбеки и уйгуры) говорит на тюркских языках, остальные же — на китайском (китайцы и хуэй), маньчжурских (маньчжуры и сибо), монгольских (монголы и дауры) и иранских (таджики) языках. Сведения, касающиеся географии Синьцзяна, этнического состава населения и т. п., почерпнуты из [34; 51; 42, с. 84—85; 41, т. 3, с. 3398а, 3411а; 12, с. 68—69; 47, с. 109—112, 133—134, 150; 56, с. 338, 341—342; 3, карта 16; 54, карта 27].

[5] Мы ограничиваемся приведением современного китайского звучания названий этих стран, поскольку реконструкция древней фонетики, а также идентификации этих наименований, требующие сложного и громоздкого пояснительного аппарата, невозможны в рамках настоящей статьи. Кроме того, китайская транскрипция приводится нами только в одном звучании, которое нам представляется самым аргументированным. Например, Жоцян можно читать также как Чоцян, Эрцян и Жэцян, однако первая версия подтверждается китайскими источниками и поэтому ей отдано предпочтение. К тому же некоторые из этих названий, снабженные дополнительными пояснениями, еще появятся в ходе дальнейшего изложения материала.

[6] Девять из перечисленных стран: Уча, Сие, Цзыхэ, первое Улэй, Наньдоу, Даюань, Таохуай, Сюсюнь и Юаньду находились к западу от современного Синьцзяна.

Впрочем, насколько она отдаленная — сказать трудно из-за отсутствия достаточного количества соответствующих данных.

В-третьих, географические факторы действовали также в сфере контактов насельников Синьцзяна с их соседями. С одной стороны, пустыни и горы, пересекающие и окружающие его территорию, затрудняли передвижение людей и, вероятно, тормозили как миграцию человеческих коллективов, так и обмен материальными и духовными ценностями. Однако, с другой стороны, центральное положение на Азиатском континенте неизбежно должно было вести к пусть ограниченному, но постоянному общению с соседями — представителями разных этносов и культур. Проследить этот процесс на археологическом материале — важная научная задача.

Наконец, сложное прошлое Синьцзяна также привлекает внимание китайских исследователей, включая и археологов. Его древнейший период почти неизвестен. В историческое же время, после первого подчинения Китаю при ханьском У-ди, этот регион то входил в состав китайской империи, то отпадал от нее, становясь объектом экспансии гуннов, сяньбийцев, тюрок, арабов, тибетцев и других могущественных соседей. И лишь в итоге продолжительной борьбы цинским правителям удалось в XVIII в. окончательно присоединить его к Китаю [см. 4].

Все ли из указанных нами обстоятельств сыграли свою роль, сказать трудно, но как бы то ни было, археологическому изучению Синьцзяна было уделено серьезное внимание, особенно в последние годы.

В первые десятилетия существования КНР в этом плане было сделано немного. Проведенную тогда работу с позиций сегодняшнего дня можно оценивать лишь как своего рода подготовительный этап. В 1953 г. по поручению тогдашнего Управления по делам культуры Северо-Западного Китая была организована Синьцзянская группа по разведке и изучению памятников материальной культуры (Синьцзян вэнь у дяоча цзу), которая провела первую довольно всестороннюю археологическую разведку территории провинции [см. 40]. Тогда же был создан Музей Синьцзян-Уйгурского автономного района (МСУАР). В 1956 г. была образована сеть учреждений, призванных заниматься археологическими исследованиями, а также охраной и изучением памятников материальной культуры, как в масштабе всего автономного района, так и на местном уровне. Их персонал комплектовался за счет местных кадров, подготовленных с помощью Института археологии АН КНР и Отдела по охране и изучению памятников материальной культуры (Вэнь у цзюй) Министерства культуры [7]. В 1957 г. был составлен перечень 118 объектов, подлежащих охране, четыре из которых вошли в общегосударственный список главных культурно-исторических памятников страны [8]. В последующие годы собирался подъемный материал, осуществля-

---

[7] С 21 по 27 февраля 1956 г. в Пекине проходила «Первая всекитайская конференция по вопросам археологических исследований», созванная Академией наук и Министерством культуры КНР. Участники ее считали «развертывание археологических работ в районах проживания национальных меньшинств, подготовку кадров из национальных меньшинств для археологических работ» и «проведение археологических работ, связанных с историей национальных меньшинств», одной из центральных задач, стоящих перед археологической наукой КНР [49, с. 15—16; 37, с. 102; 35; ср. также 5, с. 201].

[8] Проблема охраны культурных, исторических и археологических памятников также являлась одним из важнейших вопросов, обсуждавшихся на упомянутой археологической конференции 1956 г. Очевидно, под влиянием принятой ею резолюции Государственный совет КНР уже 2 апреля 1956 г. опубликовал «Сообщение о необходимости повсеместного внимания к охране памятников материальной культуры в ходе сельскохозяйственного производства и строительства». Одновременно соответствующие журналы начали проведение широкой разъяснительной работы (например, в девяти из двенадцати номеров «Вэнь у цанькао цзыляо» за 1956 г. появилось не менее 22 специальных статей). Позднее, 4 марта 1961 г. были изданы правила охраны и декрет, в котором перечислялись 180 памятников, взятых под особую защиту государства. В настоящее время в этом списке числятся: 32 места революционной и боевой славы, 14 пещерных храмов и монастырей, 77 архитектурных памятников, 11 изваяний, стел и т. п., 26 стоянок, городищ и руин, 19 захоронений различных типов.

В этот перечень входят четыре следующих синьцзянских памятника: расположенные в центрально-западной части района Кэцзырские (уезд Байчэн) и Кумутулаские (уезд Куча)

лись небольшие раскопки и проводилась разведка, позволившая, среди прочего, установить, что палеолит на территории Синьцзяна пока не обнаруживается, тогда как следы неолита выступают практически повсеместно. Масштаб всех этих работ был очень ограниченным, а их отражение в печати — еще более скромным и частично без иллюстративного аппарата, хотя их материальный итог являлся, как можно судить по отрывочным данным, довольно внушительным [см., например, 28; 27; 38; 39; 32] [9].

«Культурная революция» не обошла Синьцзян стороной. Нет никаких сомнений в том, что так же, как и по всей стране, там прекратилась научная деятельность. Возобновление ее, наметившееся в КНР в начале 70-х годов и заметно ускорившееся после смерти Мао Цзэдуна и падения «банды четырех» в 1976 г., коснулось и Синьцзяна, хотя, по-видимому, с некоторым опозданием. В настоящее время там имеется филиал Академии наук с рядом технических институтов, включая станцию слежения за спутниками Земли, и филиал Академии общественных наук с институтами: национальностей, религиоведения, археологии и Центральной Азии, вновь работают МСУАР, Синьцзянский университет (и девять других вузов) и Административный комитет Синьцзян-Уйгурского автономного района по охране и изучению памятников материальной культуры [см. 42, с. 427, 479, 482, 555, 622].

В последние годы в полевых работах на территории Синьцзяна появились новые элементы — проведение систематических раскопок и сбор образцов для радиокарбонного датирования. В таблице 2 нами представлен полный свод радиоуглеродных дат для Синьцзяна, имевшихся в нашем распоряжении в начале 1981 г. [10]. Анализ приведенной там сопутствующей информации позволяет сделать ряд интересных выводов.

Во-первых, если сопоставить даты сбора образцов, подвергнутых анализу, то получается следующая картина:

Год сбора	Дата не указана	1961	1972	1975	1976	1977	1978
Количество образцов	6	1	3	1	15	16	12

Как видно, на трехлетний период 1976—1978 приходится 43 образца, т. е. 80% общего количества. Очевидно, что именно в это время произошел значительный рост активности синьцзянских археологов.

Во-вторых, все образцы, за исключением одного (№ 39), были поставлены МСУАРом (иногда именуемым Синьцзянским музеем). Из этого следует, что именно данной организацией была выполнена, если не основная, то, во всяком случае, бóльшая часть археологических работ в Синьцзяне, поскольку она являлась единственным местным центром, обладавшим в той или иной степени подготовленными кадрами. В настоящее время положение несколько изменилось: в 1979 г. в рамках Синьцзянской АОН в Урумчи был создан Институт археологии. У нас нет данных о его деятельности [11], так как со дня его образования прошло слишком мало времени, но нет сомнений в том, что он примет активное участие в полевых и исследовательских работах.

В-третьих, географическое расположение мест сбора образцов (см. схему 1), которое, естественно, не отражает полной картины археологических работ, показывает, что их поиски велись в разных частях района. Это

пещеры тысячи будд и находящиеся в Турфанской котловине руины древних городов Гаочана и Ярху [см. 49, с. 15; 25; 37, с. 104—105; 22; 20; 21; 17; 24; 42, с. 616—618; 26; 6; 7; 11, с. 44—45; 27, с. 11].

[9] Итогу этих работ был, в частности, посвящен специальный, двойной номер (7—8) журнала «Вэнь у» за 1962 г.

[10] Поскольку настоящая статья является первой попыткой исследования ранней археологии Синьцзяна с привлечением радиокарбонных дат, а также и потому, что хронологические границы неолита, энеолита, эпохи бронзы и т. д. для Синьцзяна еще не установлены, мы сочли необходимым привести в таблице 2 (по техническим причинам помещена в конце статьи) в с е радиоуглеродные датировки, известные в момент написания данной работы, независимо от того, к какому историческому периоду они относятся.

[11] Единственным исключением является обзорная юбилейная статья об археологических работах в Синьцзяне, вышедшая под грифом Института и МСУАР [см. 30].

прежде всего широкий пояс между 41 и 44 параллелями, тянущийся через центральные области Синьцзяна от его восточных до западных границ. В нем лежат (с востока на запад): Хами, Баркуль, Мулэй, Турфан, Токсун, Алагоу, Урумчи, Яньци, Куча, Синьхэ, Инин и Чжаосу. На юге находится Хотан, а на крайнем западе — Кашгар и Ташкурган (в китайской транскрипции — Ташикуэрган). Таким образом, результаты этих работ уже сейчас можно считать представительными для всего Синьцзяна или хотя бы для существенной его части.

Последнее обстоятельство, на которое хотелось бы обратить внимание, это незаполненная в таблице 2 рубрика 9 — «Культура, династия, период или эпоха». Отсутствие в ней соответствующих данных наглядно показывает, что изученность открытого до сих пор археологического материала недостаточно глубока и всестороння, и это не позволяет дать его точную классификацию. То же относится и к находкам эпохи неолита, которые лишь по самым общим признакам можно разделить на три большие разновидности.

Первая их них характеризуется наличием микролитических изделий [12]. Если судить по имеющимся в нашем распоряжении в настоящее время данным, это самый распространенный тип неолитических стоянок. Их известно не менее 27, и они разбросаны в широком поясе, протянувшемся с северо-востока на юго-запад Синьцзяна (см. схемы 1 и 2).

Отличительная черта второй — расписная керамика. Более двадцати ее памятников находятся в разных местах, но главным образом они сосредоточены на востоке и в центре автономного района (см. схемы 1 и 2).

Особенность третьей — шлифованные каменные орудия сравнительно крупных размеров. Пока известно лишь несколько местонахождений таких артефактов в западных регионах (см. схемы 1 и 3).

К приведенной классификации, которая имеет рабочий характер и не означает выделения в неолите Синьцзяна археологических культур, необходимо добавить несколько замечаний. Прежде всего, расписная керамика встречается также по меньшей мере на одной стоянке, относящейся к первой разновидности памятников. Затем, на территории Синьцзяна найдены зачатки века металла [13] в виде медных изделий [14]. Таковые обнаружены в памятниках второй и третьей разновидностей. И наконец, на некоторых стоянках второй разновидности имеются даже мелкие железные изделия. Все это показывает, насколько сложным является анализ неолитического материала и насколько предварительны получаемые при этом результаты и формулируемые выводы.

Первая разновидность памятников, которую условно можно бы назвать микролитической, представлена стоянками в уездах: Иу, Хами, Мулэй, Шаньшань (Charklik), Турфан, Урумчи, Инин (Kulja), Яньци (Karashahr),

[12] Среди части китайских археологов наметилась тенденция генетически выводить в общем плане микролитические культуры, обнаруженные в Китае, из района бассейна Хуанхэ, о чем мы уже критически писали [см. 10, с. 51—52]. Правда, Синьцзян в этой связи непосредственно не называется, однако, для избежания недоразумений, хочется заметить, что по крайней мере в настоящее время нет данных, доказывающих хуанхэское начало синьцзянских микролитов. Некоторые же ученые, например Чжан Гуанчжи, считают, что они местного происхождения [см. 55, с. 194].

[13] Это утверждение соответствует нынешнему уровню наших знаний. Не исключено, что дальнейшие полевые изыскания откроют и более развитые формы выделки металлических изделий. На наш взгляд, трудно переоценить значимость обнаружения металлических изделий в Синьцзяне, несмотря на то что имеющиеся материалы не дают окончательного ответа на вопрос о месте их изготовления.

[14] Предвосхищая следующее ниже описание соответствующих находок, мы должны сделать еще одно замечание. В беседе с автором статьи специалист по археологии Средней Азии Б. А. Литвинский высказал убеждение, что параллельное во времени существование эпохи бронзы на соседних с Синьцзяном территориях (в Китае с одной стороны, в Средней Азии и Казахстане — с другой), позволяет интерпретировать синьцзянские материалы как индикатор наличия и там указанной эпохи. Не исключая полностью такой возможности, мы считаем необходимым оговориться, что в использованных для написания настоящей статьи отчетах и сообщениях нет данных, прямо подтверждающих такое мнение. Наоборот, чаще всего в них подчеркивается, что речь идет об изделиях из меди, а не из бронзы. По-видимому, для вынесения окончательного суждения нужно располагать бо́льшим количеством материалов и их точными металлографическими характеристиками.

Аксу, Каши (Kashgar), Пишань (Guma), Хотан, Миньфэн, Цемо (Charchan)[15], а также в районе озера Лобнор и реки Кэлияхэ (Keria daria). В некоторых из них: Цицзяоцзин[16] (уезд Хами), Мулэй, Астана и Ярху (обе вблизи Турфана; см. схемы 1 и 2) — были проведены полевые работы, как правило, небольшие и сводившиеся главным образом к сбору подъемного материала.

Стоянка Цицзяоцзин находится в одноименном городе, в 300 м к востоку от автобусной станции. Ее площадь приблизительно 6000 м². Хотя Цицзяоцзин считается одним из важнейших синьцзянских памятников эпохи неолита, тем не менее, насколько известно, там проводился лишь ограниченный сбор подъемного материала, да и то однажды, в 1959 г. В результате его было получено некоторое количество микролитических каменных изделий: скребков, пластинок, отщепов и нуклеусов. Характерным является отсутствие керамики, даже ее фрагментов [см. 52, с. 22].

Ярху (другое наименование — Яэрхэту) находится в 15 км к западу от Турфана, на равнине между Саньдаогоу и Сыдаогоу[17]. Поверхность стоянки около 1000 м². По ней разбросаны расколотые камни, среди которых в том же 1959 г. удалось найти скребки, остроконечники, нуклеусы и отщепы микролитического характера [см. 52, с. 22].

В отличие от Цицзяоцзина и Ярху, Мулэй и Астана изучены несколько лучше и, кроме того, в них присутствует керамика.

Стоянка Мулэй, обнаруженная в августе 1959 г., находится на восточном берегу реки Мулэйхэ, в Мулэй-Казахском автономном уезде, на расстоянии около полукилометра к югу от уездного города. Ее размеры: около 200 м с севера на юг и 50 м с запада на восток. Собранные там артефакты состоят из небольшого количества кусков керамики и 72 каменных орудий, в большинстве — микролитов. Они изготовлены главным образом из кремня, а также из кремнистого сланца, кварцита, кварца и агата. Четыре орудия — более крупные (приблизительные их размеры: 6,4 см — длина, 4,2 см — ширина, 1,25 см — толщина), оббитые: трапециевидное в сечении тесло и три резца-скребка с одним или двумя рабочими краями. Микролиты представлены четырьмя скребками с прямыми или слегка изогнутыми лезвиями (размеры 2,5 —4,1 × 2,1—2,7 × 0,5—0,8 см), треугольным наконечником стрелы с вогнутым основанием (2,2 × 1,4 × 0,3 см), мелким наконечником стрелы (?), 59 пластинками (0,3—2,5 × 0,48—1,4 × 0,1—0,4 см) и отщепами и одним нуклеусом цилиндрической формы (1,0 × 4,1 см) [см. 32, с. 333—334] (см. рис. 1, *1—5*; рис. 2, *9*).

Последняя стоянка данной разновидности, о которой имеются более подробные сведения, находится в дер. Астана, расположенной приблизи-

---

[15] Некоторые из перечисленных уездов могут быть отождествлены с приведенными выше городами-государствами, существовавшими здесь в Ханьское время. Яньци, Пишань и Цемо сохранили прежние названия, Шаньшань — это Лоулань, Аксу — Гумо, Каши — Шулэ, Хотан — Юйтянь [см. 36, с. 13—14, 24, 30—31, 39, 40, 44, 47; 23, карты 8, 10; 57, карта 16]. Это, конечно, не означает, что территория современных уездов точно совпадает с территорией древних царств, пределы которых установить к тому же очень трудно.

[16] Второй иероглиф этого наименования имеет также чтение *цзюе*, т. е. стоянка может именоваться Цицзюецзин. Мы предпочитаем чтение «цзяо», следуя за новым «Китайско-русским словарем» [см 8, с. 444в, 489в].

[17] Китайские географические наименования нередко ставят исследователя в затруднительное положение, ибо по ним зачастую невозможно установить, какой тип географических объектов ими обозначен. Так, например, Цицзяоцзин означает «Семиугольный колодец», будучи на самом деле названием города. Название Яэрху переводится как «озеро Яр» (т. е. Ярнор), однако, если судить по археологическому сообщению, им обозначен скорее всего не водоем, а суша [см. 52, с. 22], в отличие от упоминающегося ниже Айдинху, действительно являющегося озером. Аналогичная проблема возникает и в связи с названиями Саньдаогоу — «Третий канал» и Сыдаогоу — «Четвертый канал», которые могут быть топонимами водных сооружений, не заполненных водой рвов, населенных пунктов и т. д. Отметим, кстати, что упоминаемое здесь Сыдаогоу, хотя и пишется теми же иероглифами, не тождественно Сыдаогоу, имеющемуся в таблице 2 (№ 10—17) и расположенному в уезде Мулэй, приблизительно в 130 км к северо-востоку от Турфана.

Сложности с синьцзянской топонимикой усугубляются еще и тем обстоятельством, что этот край географически изучен слабо и его карты, изданные в разные годы, в деталях довольно существенно отличаются друг от друга.

тельно в 37 км к востоку от Турфана. Ее размеры: более 1000 м с запада на восток и около 700—800 м с севера на юг. Разведка проводилась там четырежды: в октябре 1959, апреле — июне и ноябре 1960, и в мае—июне 1961 г. Во время этих работ было найдено значительное количество каменных орудий (более 760 подвергшихся вторичной обработке или со следами использования, и кроме того еще некоторое количество отщепов и нуклеусов), 111 фрагментов керамики (и ни одного целого сосуда), а также довольно много курганов и насыпей, высотою 1—3 м. Инвентарь стоянки позволяет предполагать существование более ранних и более поздних элементов, но поскольку раскопки там не проводились и нет ни стратиграфических данных, ни радиокарбонных дат, то многие вопросы, в том числе и хронологии, остаются открытыми.

Каменные орудия изготовлены как из «популярного» сырья: кремнистого сланца (чаще других), кремня, кварца, агата, риолита, так и более редких пород: ортосланца, монцонита, туфа, диабаза, базальта, песчаного туфа и известняка. С точки зрения их обработки, размеров и использования, можно выделить следующие виды: оббитые, микролиты, «граненые» (крупноретушированные?) и украшения — предметы развлечения. Оббитые орудия, вторичная обработка которых заключалась в ударной ретуши или «гранении» [18], разделяются на два типа: орудия из пластин и отщепов — скребки (197 штук), остроконечники (112), ударные (отбойники? 46, одно из них имеет размеры 53 × 4 × 1,4 см) и теслообразные (3); орудия из нуклеусов — рубила (10), остроконечники (5), скребки и скрёбла (4) (см. рис. 2, *1*, *3*, *8*; рис. 3, *1—15*).

Микролиты, найденные в Астане, тоже можно разделить на несколько групп. В первую входят 147 продолговатых тонких пластинок (длина большинства из них 1—3 см, ширина 0,5—1 см, толщина 0,1—0,2 см), 15 мелких нуклеусов длиною 2—5,5 и диаметром 0,7—3,4 см и орудия из последних: 7 скребков и 2 остроконечника. Вторая состоит из изделий, изготовленных техникой отжима и скалывания. Они сравнительно крупные: длина 1,3—7,7 см, ширина 1,2—3,4 см. На основе отчета трудно установить их количество: оно может варьироваться от 109 до 142 штук. Большинство из них — это режуще-скребущие орудия неопределенной формы, но имеются также скребки (21) с пилообразными лезвиями и ножи (7) с одним или двумя лезвиями. Последняя группа включает 54 изделия, выделанных только техникой отжима. Они, как правило, высокого качества и стабильной формы. Сюда относятся 21 наконечник стрел и 19 скребков, а также 14 обломков (см. рис. 2, *2*, *4—7*, *13*, *15*; рис. 3, *16—35*).

В группе «граненых» изделий представлены зернотерки (5 штук), пест и разного рода абразивы (11), наковальня, 7 шаров (*бол*?) весом 411—1111 г и фрагмент орудия (топор?) с отверстием (см. рис. 2, *11*, *16*). Заканчивают список каменных находок две подвески с отверстиями (см. рис. 3, *36*), просверленными с двух сторон, и два ядра (шарики для пращи?).

Астанская керамика целиком сделана из теста с добавлением песка, однако, если в изделия более значительных размеров примешан крупный песок, то выделка мелких сосудов была более совершенной, с применением промывки сырья. Доминирует красная керамика и лишь 5% фрагментов — серого цвета. Черепки твердые, температура обжига высокая. Удалось восстановить только одну круглодонную миску *бо* [19] (см. рис. 4, *21*); превалируют же обломки плоскодонных сосудов (см. рис. 4, *12*, *13*, *15*). Керамика данного типа

[18] Мы предполагаем, что термином *чжо* — «гранить», «полировать», обозначена крупная ретушь. Возможно, однако, что речь идет здесь о какой-то другой технике обработки камня, например подшлифовке.

[19] Используя здесь и ниже систему двойных наименований (миска *бо*, горшок *гуань* и т. п.), мы следуем широко распространенной практике применения китайской классификации всей неолитической керамики. Это объясняется рядом причин, в частности большей дробностью данной классификации, по сравнению с классификациями в других языках. Нам хотелось бы, однако, подчеркнуть, что ее не следует считать безупречной и — что самое главное — из факта ее употребления ни в коем случае не вытекает вывод о тождественности, скажем, синьцзянской миски *бо* с хуанхэской или хуайхэской. Иначе говоря, идентичность названия не означает тождества культурного или этнического.

орнаментировалась в основном в верхней части тулова линейным, штампованным (оттиски плетенки или корзины, круглые и овальные точки и т. п.), гребенчатым, ногтевым и другими видами простого орнамента (см. рис. 4, *36—47*). Самым, пожалуй, существенным является обнаружение в Астане расписной керамики: плоскодонных, с высокой шейкой кувшинов («чайников») *ху* и круглодонных мисок *бо*. Они сначала ангобировались темно-красным цветом, а затем довольно незатейливо расписывались черной краской. Поскольку фрагменты керамики небольшие по размеру, то трудно установить форму рисунков, можно, однако, выделить прямые и перекрещивающиеся линии (сетки), полосы и т. п. [см. 32, с. 337—341] (см. рис. 2, *17*; рис. 4 *а*, *в*, *г*).

Как видно из приведенных материалов, и Мулэй и Астана характеризуются присутствием микролитов, что и позволяет причислить их к первой разновидности неолитических стоянок Синьцзяна. Возможно также, что обе стоянки относятся к сравнительно ранним неолитическим культурам. В то же время между ними существуют и определенные различия в каменном инвентаре, вероятно, в форме хозяйства (предполагается, что насельники Астаны больше занимались охотой и скотоводством, хотя, как и мулэйцы, могли уже быть знакомы с примитивным земледелием), и что самое главное — в знакомстве астанцев с расписной керамикой. Последнее обстоятельство сближает данную стоянку с памятниками второй разновидности. Именно из-за этих различий объединение рассмотренных выше местонахождений в одну единую «микролитическую культуру» представляется в настоящее время необоснованным.

Вторая разновидность неолитических памятников, которую мы в рабочем порядке назовем горизонтом расписной керамики, тоже широко распространена на территории автономного района. В настоящее время ее следы уже обнаружены: в восточном Синьцзяне — водохранилище Убао и дер. Яньбулакэ (см. рис. 5) в уезде Хами, Туэргунь вблизи г. Яньчи в уезде Иу, коммуна Шижэньцзы, производственные бригады Куйсу и Жаньцзяцюй в коммуне Куйсу в уезде Баркуль; в центральном Синьцзяне — Цикэмань (Цикэвань?) в коммуне Ляньмуцинь и Хэшичанцзы в коммуне Лукэцинь (Lukchun) в уезде Шаньшань, Астана, Калахэчжо (Karakhoja), Ярху и оз. Айдинху в Турфанской впадине, Юйэргоу и Алагоу на территории Наньшаньского горнопромышленного района, подчиненного г. Урумчи; в западном и юго-западном Синьцзяне — нижний слой Каладуни (Халадуни?) в уезде Куча и Кэлиян в уезде Гума [см. 30, с. 171; см. также 55, с. 193—194][20] (см. схемы 1 и 2).

Анализ проблем, относящихся к рассматриваемому горизонту, сопряжен с определенными трудностями, поскольку далеко не все из перечисленных мест подверглись систематическим раскопкам или хотя бы обследованию, обнаруженный материал порою довольно скромен, не все отчеты уже опубликованы, а сообщения, появившиеся в печати, иногда чрезмерно лаконичны. И все же одно общее и очень важное обстоятельство сразу бросается в глаза. Дело в том, что в ряде памятников данного горизонта были найдены в небольшом количестве довольно простые медные, а в Юйэргоу даже железные, изделия. Они свидетельствуют, во-первых, о наступлении века металла на территории Синьцзяна, который таким образом наряду с Ганьсу и, возможно, Хэйлунцзяном, Гирином и Тайванем [см. 9, с. 34—37, 53—55, 79—82; 53, с. 6] становится одним из центров обнаружения металлических изделий в пределах Китая[21]; и, во-вторых, об энеолитическом

[20] Здесь можно провести идентификацию еще двух названий в добавление к уже отождествленным в примеч. 15. Баркуль и, по-видимому, Караходжа являлись частью территории Гуши, а Куча — это древнее царство Цюцы [см. 36, с. 20, 38, 40, 47; 23, карта 8; 57, карта 16].

[21] Проблемы века металла как такового не входят в рамки настоящей статьи, поэтому мы ограничиваемся лишь констатацией указанного факта, не затрагивая даже таких основных вопросов, как автохтонный или заимствованный характер синьцзянской металлургии; хронологические границы данного явления; связь с другими центрами обработки металлов и т. п.

и хронологически довольно позднем характере хотя бы некоторых из памятников, представляющих горизонт расписной керамики.

К числу лучше изученных памятников относится Шижэньцзы[22]. Разведка велась там не менее трех раз: в июле 1957 г. [см. 28], в июле 1958 г. (отчет, по-видимому, не опубликован) и в сентябре 1959 г. [см. 32; см. также 30, с. 171]. Первая из них была связана со случайной находкой. Местные крестьяне, раскапывая северный конец лессового холма (высота около 150, диаметр — 50 м), находящегося в 100 м к югу от Шижэньцзы, на глубине двух метров обнаружили могилу со скелетом и сопроводительным инвентарем. Он состоял из выделанной вручную неорнаментированной керамики: горшка *гуань* красного цвета, с двумя ушками, с темно-красным ангобом, высотою 47,5 см; неангобированного черного кубка *бэй* с ручкой, высотою 22 см, и сосуда для хранения жидкостей в форме закрытой лодки с шейкой в центре верхней части, длиною 17 см и высотою 9 см; семи шлифованных каменных изделий, из которых сохранился только топор (длина 15,5 см) с отверстием (диаметр 4 см), просверленным с двух сторон (см. рис. 5, *2—5*).

В 1959 г. была заложена траншея 3 × 1 м, которая, пройдя через единый слой желто-серого мелкого песка, на глубине 1,25 м обнажила материк. При этом были найдены: 84 фрагмента керамики, 112 костей и зубов животных, главным образом баранов и лошадей, некоторое количество каменных орудий, небольшой кусок сильно коррозированной меди, шлак и древесный уголь.

Среди каменных изделий — значительное количество седлообразных зернотерок и 10 пестиков (?). Первые — больших размеров: длина обломка одной из них достигает 90 см, другая, лучше сохранившаяся, имеет размеры 40 × 65,5 см. Пестики, один конец которых толще другого, имеют длину около 14 см (см. рис. 1, *27*, *28*; рис. 2, *12*).

Керамика, целиком лепная, включает два вида красной (41 фрагмент с добавлением мелкого и 35 — крупного песка) и один вид серой (8 фрагментов с добавлением мелкого песка). Особого внимания заслуживает расписная керамика, единая по технологическим характеристикам. Как можно судить по неточным формулировкам отчета, найдено 9 кусков, в том числе горшка *гуань* с двумя ушками, схожего с двуушным красным горшком *гуань*, обнаруженным здесь в 1957 г. (см. выше). У него красный черепок, наружная и верхняя часть внутренней поверхности которого покрыты темно-красным ангобом. На последний черной краской нанесен рисунок: под окрашенным в черный цвет устьем идет непрерывный ряд треугольников, вершинами обращенных вниз. Из вершин по шейке спускаются короткие почти прямые линии. Плечики тоже украшены перевернутыми треугольниками более крупных размеров и не закрашенных целиком, а заполненных сетчатым рисунком. На пустом пространстве между их вершинами проведены три или четыре короткие, горизонтальные, параллельные черточки. На внутреннюю поверхность шейки тоже нанесены короткие, прямые, параллельные линии. Толщина стенок 0,4—0,6 см, диаметр устья 17,2 см.

Остальные фрагменты расписной керамики характеризуются красным черепком из теста с добавлением мелкого песка, темно-красным ангобом и толщиной стенок 0,3—0,7 см. Они небольшие, поэтому сохранившиеся части орнамента не дают представления о полном рисунке. Заметно лишь, что он состоит из линий: коротких отвесных; горизонтальных параллельных; двух перекрещивающихся, помещенных между двумя почти параллельными, слегка скругленными линиями. Эти узоры могут находиться как на внешней, так и на внутренней сторонах керамических кусков (см. рис. 1, *25*, *26*, *29—33*; рис. 2, *18*; 4 *б*). Следует отметить, что вместе с упомянутым выше расписным горшком *гуань* были найдены хорошо сохранившиеся, хотя и сильно карбонизированные, зерна хлебных злаков, скорее всего

[22] Волостной город Шижэньцзы, по которому названа стоянка, лежит в 20 км к востоку от Баркуля.

пшеницы. В отчете не указывается, какие сорта они собой представляют: дикорастущие или культурные; учитывая, однако, весь характер памятника и географические условия местности, мы склонны предполагать второе. Таким образом, Шижэньцзы предстает перед нами как весьма интересный и ценный объект исследования, как важный источник сведений об обработке металлов, расписной керамике и земледелии на территории Синьцзяна.

Материалы, касающиеся других местонахождений расписной керамики, менее подробны, чем относящиеся к Шижэньцзы. В Караходже, приблизительно в 15 км к востоку от Турфана [см. 36, с. 60], в верхнем слое раскопа открыты остатки жилища из самана, фрагменты керамики, каменные орудия, главным образом серпы, медный наконечник стрелы и кости коней и баранов. Среди кусков керамики, которая вся красного цвета, из теста с добавлением песка, можно выделить круглодонную миску *бо*, расписанную черной краской [см. 30, с. 171]. Иначе говоря, и в Караходже заметно наличие трех отмеченных элементов: расписной керамики, металла и зернового земледелия. Для этого памятника имеется одна радиокарбонная дата: 860 г. до н. э. (см. табл. 2, № 9) [23], однако нам неизвестно, как она соотносится с описанными находками.

Энеолитическую эпоху, элементами которой были оседлый образ жизни, занятия земледелием и скотоводством, изготовление расписной керамики и знакомство с металлом, представляют также стоянки Сыдаогоу в коммуне Дунчэн уезда Мулэй и могильники, обнаруженные вблизи водохранилища в коммуне Убао уезда Хами и в местностях Юйэргоу и Алагоу, неподалеку от Урумчи.

Сыдаогоуские материалы, хранящиеся в МСУАРе, насколько нам известно, пока не опубликованы и даже не подготовлены к печати. Имеются, однако, радиокарбонные даты (см. табл. 2, № 10—17), которые позволяют сделать несколько общих наблюдений. Работы велись там в 1977 г. Они были более планомерными и квалифицированными, чем разведка 50—60-х годов, о чем свидетельствует уже сам факт сбора в разных местах восьми образцов для радиокарбонного датирования. На этот раз археологи — сотрудники МСУАРа не ограничились коллекционированием подъемного материала, а, как видно из рубрики 8, провели систематические и довольно масштабные раскопки, что позволило, среди прочего, получить стратиграфические данные. Наконец, определение абсолютного возраста памятника в 2800—1990 лет, относящее его существование к 850—40 гг. до н. э., показывает, что, во-первых, пятый слой Сыдаогоу синхронен (разница в 15 лет не имеет практического значения) Караходже и, во-вторых, сыдаогоуское поселение в целом просуществовало длительное время — не менее 800 лет. Нет сомнения в том, что результаты работ в Сыдаогоу, если они будут полностью опубликованы, серьезно продвинут вперед наши познания об археологическом прошлом Синьцзяна.

Раскопки велись также и в Убао. В 1978 г. сотрудниками Синьцзянского музея там было расчищено 39 земляных могил. Они представляют собою отвесные ямы, в каждой из которых был захоронен один умерший, лежащий на боку с согнутыми ногами. Сопроводительный инвентарь сравнительно беден — небольшое количество деревянных, каменных и керамических, включая расписные, изделий, а также, что заслуживает внимания, морские раковины и мелкие ножи и украшения из меди.

Изделия из дерева — это заостренные орудия для вскапывания земли, резцы, ложки и небольшие бадьи (ведра). Последние почти все в верхней части расписаны линейным узором из треугольников, образующих подобие сеток, весьма напоминающим распространенный в восточном Синьцзяне орнамент расписной керамики (рис. 5, *10*).

[23] В тексте статьи, в согласии с международной практикой, мы будем пользоваться радиокарбонными определениями возраста, основанными на периоде полураспада 5570 (5568 ± 30, «значение Либби»), т. е. рубрикой 13. Следует, однако, иметь в виду, что данные, сообщаемые в графах 10, 11 и 14, являются более точными и близкими к действительным возрастам образцов (подробнее об этих проблемах см. [9, с. 143—147]).

Каменные орудия — это пестики, зернотерки, точильные камни, «рубящие мотыги» [24] и шары. Керамики найдено очень мало. Она представлена горшками *гуань* с одним ушком, прямым устьем, барабанообразным туловом и круглым дном. Они изготовлены из отмученного теста, но с добавлением мелкого песка, ангобированы красным цветом, иногда расписаны черной краской. Сухой климат этого региона обеспечил хорошую сохранность деталей одежды покойников, отчетливо показывающих этническую и культурную самобытность древних убаосцев, по крайней мере в сопоставлении с тогдашними китайцами [см. 30, с. 171—172] [25].

Результаты радиокарбонного анализа убаоских образцов — четыре даты (см. табл. 2, № 5—8) — показывают, что данный памятник в целом несколько древнее Караходжи и Сыдаогоу, но это различие не качественного порядка и более того — они даже в какой-то мере синхронны, как это показывает таблица 1 [26].

Таблица 1

Сопоставление самых древних дат Убао, Караходжи и Сыдаогоу

Памятник	Развернутые даты	
	1 с.о.	2 с.о.
Убао	3110—2940	3195—2855
Караходжа	2910—2710	3010—2610
Сыдаогоу	2870—2730	2940—2660

Из табл. 1 явствует, что Убао в пределах одного с.о. не соприкасается ни с Караходжой (разрыв в 30 лет: 2940—2910), ни тем более с Сыдаогоу (разрыв в 70 лет: 2940—2870). Однако в пределах двойного с. о. положение меняется — даты накладываются в обоих случаях: для Убао и Караходжи на отрезке в 155 лет (2855—3010), а для Убао и Сыдаогоу — в 85 лет (2855—2940). Такое совпадение означает *возможность* синхронности датируемых событий [ср. 9, с. 146].

Крупный могильник был открыт в районе Юйэргоу и Алагоу [27]. В результате нескольких сезонов работ, проводившихся в 1976, 1977 и 1978 гг. силами МСУАРа, было расчищено 78 погребений. Это каменные склепы овальной или продолговатой со скругленными углами формы, с вертикальными стенками, сложенными из речных галек, прикрытые сверху деревянными перекрытиями. Они служили местом групповых захоронений — в каждой могиле находилось от нескольких скелетов до нескольких десятков, положенных иногда в три — четыре слоя. Умершие клались выпрямленными, лицом вверх. Встречаются некомплектные костяки либо скелеты со следами ударов ножом на костях головы и конечностей.

Сопроводительный инвентарь состоит прежде всего из значительного количества керамики и деревянных предметов, а также морских раковин, каменных, резных костяных и мелких медных (ножи, круглые бляшки, кубки с ушками) изделий. Из дерева делались предметы самого различного характера, употреблявшиеся в повседневном быту, необходимые для содержания скота и т. п.: тарелки, большие чаши (лохани?), небольшие ложки, кубки, путы, носовые шкворни, пряслица, головные шпильки, палочки

[24] «Рубящие мотыги» — это, по-видимому, разновидность тяпок, при помощи которых можно обрубать ветки деревьев и т. п.

[25] Отчет о раскопках убаоских могил уже подготовлен к печати. Находки же хранятся в Институте археологии Академии общественных наук Синьцзяна.

[26] Сокращение с. о., использованное в данной таблице и в тексте статьи, означает стандартное отклонение. Подробнее о методах сопоставления радиокарбонных дат см. [9, с. 145—147]. Подсчеты в табл. 1 сделаны на основе рубрики 12 в табл. 2.

[27] Конкретный смысл этих названий, их топография, детали раскопок и т. п. станут известны только после опубликования отчета, уже подготовленного к печати. Реликты хранятся в Институте археологии АОН Синьцзяна.

для добывания огня путем трения (см. рис. 5, *7*, *9*) и др. Их количество и разнообразие свидетельствует о том, что дерево играло в жизни древних жителей этого региона важную роль.

Керамика изготовлялась вручную, как из отмученного теста, так и из глины с примесью песка. Выделывались миски *пэнь* и *бо*, горшки *гуань*, кувшины («чайники») *ху*, кубки *бэй*, а в поздний период — также чаши *доу*. Характерными чертами горшков *гуань* были сравнительно небольшое устье, барабанообразное тулово, круглое или небольшое плоское дно, одно или два ушка (доминируют первые).

Среди керамических сосудов значительное место занимают расписные, из промытого теста. Это горшки *гуань*, кувшины («чайники») *ху*, миски *пэнь* и др. Как правило, на них — красный ангоб и черная роспись, однако есть и небольшое количество сосудов с красным ангобом и красной росписью. Орнамент обычно состоит из перевернутых треугольников; сеток, образуемых треугольниками; спиралей; параллельных вертикальных или коротких, косых линий. Такого рода расписная керамика обнаружена также в Турфане — в памятниках Ярху и Айдинху.

Обращает на себя внимание неодинаковый характер сопроводительного инвентаря, позволяющий разделить захоронения на ранние и поздние. В последних расписная керамика полностью, или почти полностью исчезает, зато появляются чаши *доу*, а также, по-видимому привезенные с Центральной равнины, шелка и лаковые изделия. В некоторых могилах встречаются также железные ножи небольшого размера [см. 30, с. 172—173].

Отмеченные хронологические различия подтверждаются и радиокарбонными датами (см. табл. 2, № 19—35). Десять юйэргоуских дат, на наш взгляд, можно разделить на четыре группы (в годах до н. э. или н. э.): раннюю (625 и 615 гг. до н. э.), среднюю (420 и 350 гг. до н. э.), позднюю (150, 115, 55 гг. до н.э. и, возможно, 60 г. н.э.) и позднейшую (600 и 1425 гг. н. э.). Поскольку две последние группы вряд ли относятся к интересующему нас периоду неолита, то вполне вероятно, что группа ранних дат хронологизирует ранний, а средних — поздний периоды Юйэргоу. В семи алагоуских датах столь существенных и скачкообразных различий не наблюдается, они плавно сменяют друг друга с интервалами в 5—80 лет и только последняя отделена от предыдущей 125 годами. Вероятно, именно ее, а также предшествующие три, находящиеся в пределах IV в. до н. э., можно считать представительницами позднего периода Алагоу, тогда как остальные три, вероятно, отражают его ранний период. Необходимо, однако, оговориться, что окончательную периодизацию Юйэргоу и Алагоу можно будет установить только после опубликования археологического отчета.

Третья разновидность, в отличие от двух предыдущих широко распространенных на территории Синьцзяна, известна пока только по памятникам, расположенным в западной и юго-западной части района: Акэтала (Ak tal?), Вэньгулокэ, Дэволэкэ и Кулукэтала (Kuruk tal?) [28] в уезде Шуфу (Kone shahr) и Калаюйэргунь (Kara-yulghun) в уезде Аксу (см. схемы 1 и 3) [29]. Характерным элементом, который послужил основой для ее выделения, является наличие довольно крупных, шлифованных каменных орудий.

Калаюйэргунь находится приблизительно в 60 км восточнее Аксу. Это небольшая платформа, оставшаяся от прежних песчаных дюн, поросших гребенщиком (*Tamarix chinensis*). Она была открыта зимой 1964 г. сотрудниками Проектного института электроэнергетики Синьцзян-Уйгурского автономного района, проводившими здесь геологическую разведку. Археологическое обследование было осуществлено Археологической группой Синьцзянского отделения АН КНР [30], результаты работы которой,

---

[28] Все четыре памятника находятся на территории производственной бригады Убулатэ коммуны Упаэр (Opal) в районе Кашги (Kashgar).

[29] В дополнение к примеч. 15 и 20 укажем, что Шуфу являлось частью царства Шулэ [см. 36, с. 40; 23, карта 8, 10; 57, карта 16; ср. также 36, с. 39, 56].

[30] Археологическая группа, по-видимому, не подчинялась непосредственно СО АН КНР,

ввиду их скромности, отдельно не были опубликованы. Культурным оказался четвертый слой раскопа, мощностью 0,8—1,3 м, залегающий на глубине более 5 м. Его главное содержание составляют фрагменты керамики: грубой красной и такой же серой, а также серой из отмученного теста. Сосуды: горшки *гуань*, миски *пэнь* и *бо*, кувшины («чайники») *ху*, небольшие кубки *бэй* на поддоне — изготовлялись вручную и обжигались при сравнительно низкой температуре. Они не орнаментировались, и лишь у венчиков мисок проколоты небольшие отверстия. Кроме того, были обнаружены два фрагмента каменных шлифованных орудий, костяное шило и небольшой медный кубок. Все эти изделия весьма схожи с артефактами из Акэтала [см. 29, с. 110; 30, с. 170—171].

В июле 1972 г. археологический отряд МСУАРа, проводя разведку в уезде Шуфу, в 5 км к западу от Убулатэ обнаружил четыре, находящихся очень близко друг к другу неолитических стоянки: Акэтала, Вэньгулокэ, Кулукэтала и Дэволэкэ [31]. Местность, где они расположены, характеризуется пустынным ландшафтом с ложбинами, лессовыми холмиками и небольшими барханами, изредка поросшими верблюжьей колючкой (*Alhagi pseudalhagi*) и тростником (*Phragmites communis* Trin.), и подвержена сильной дефляции. Последнее обстоятельство сделало невозможным проведение раскопок, и археологи ограничились сбором фрагментов керамики и каменных орудий, лежащих на поверхности земли между холмиками и барханами.

В Акэтала было собрано 48 каменных шлифованных (за исключением одного оббитого наконечника стрелы) орудий, главным образом из крупнозернистого и мелкозернистого песчаника, а также сланца, брекчии, гранита, кремня, карбонатита и андезита. Среди них 11 ножей двух типов: клинообразные (примерные размеры: длина 16 см, ширина центральной части 6,2 см, толщина спинки 2 см) и плоские (20 × 7,2 × 0,8 см) в поперечном разрезе, шесть серпов (15,3 × 2,8 × 1,4 см), 14 зернотерок, довольно больших размеров (37 × 10,7 × 4,2 см), шесть пестиков (15,4× 5,9 × 4 см), три точильных камня (диаметр одного из них 6,5 см), по одному шару (диаметр 8,1 см) и наконечнику стрелы, четыре пряслица (размеры одного из них: диаметр 2,9 см, толщина 0,9 см, диаметр отверстия 0,5 см, размеры другого: диаметр 4,2 см, толщина 1,6 см) и два кольца (размеры более крупного: наружный диаметр 10,6 см, отверстие 2,4 см, ширина 1,7 см), просверленных с двух сторон (см. рис. 6 и 5).

Акэталаская керамика лепная, с примесью песка, иногда крупного, температура обжига невысокая. За исключением одной целой круглодонной миски *бо* [32], найдены только фрагменты бурой, серой и красной керамики (соответственно: 43, 11 и 5). Они в большинстве своем не орнаментированы, однако очень часто возле венчика имеются небольшие отверстия либо налеп в виде круглых «холмикообразных» выступов. Среди сосудов доминируют горшки *гуань*, миски *пэнь* и *бо*, горшки-бутыли *вэн*, но имеются также котлы *фу*, миски-тарелки (блюда) *пань*, чашки-пиалы *вань* и кубки *бэй*, т. е. здесь мы встречаем ряд форм (*вэн*, *фу*, *вань*), не обнаруженных в других местах. Это позволяет сделать вывод о более высоком уровне развития гончарного дела в Акэтала по сравнению с другими описанными выше памятниками (см. рис. 7).

Важной находкой являются мелкие медные изделия, в частности небольшой нож с прямой спинкой и слегка скругленным лезвием. Длина сохранившегося остатка 6,7 см, ширина 1,35 см, толщина 0,3 см. Как показал химический анализ, он был сделан практически из чистой меди,

---

а входила в состав Синьцзянского института национальностей [см. 30, с. 171; ср. также табл. 2, № 39]. Находки хранятся в Институте археологии АОН Синьцзяна.

[31] Вблизи этих стоянок находятся руины древнего, квадратного в плане (80 × 80 м), города, датируемого IV в. н. э. [см. 9, с. 200—201, № 32; см. также табл. 2, № 49].

[32] В Акэтала круглодонные сосуды вообще превалируют, но имеются также плоскодонные и на поддоне.

содержащей только 1,2% примеси олова [см. 29, с. 107—109; 30, с. 170—171].

Итог работ в Вэньгулокэ, Кулукэтала и Дэволэкэ намного скромнее, чем в Акэтала, но позволяет сделать вывод о большом сходстве, если не о культурной идентичности инвентаря всех четырех памятников. Каменные орудия из Вэньгулокэ по сырью, методу изготовления и типам изделий тождественны акэталаским. Были найдены: три ножа, в том числе один клиновидный в сечении, длиною 13,8 см, шириною посредине 5,5 см и толщиною спинки 1,5 см; пять зернотерок, одна из которых использовалась с двух сторон (32,1 × 9,3× 2,3 см); пять пестиков (размеры одного: высота 7,7 см, диаметр 5,3 см); а также по одному серпу, шару и точильному камню. Еще меньше каменных изделий обнаружено в Дэволэкэ (один нож и один пестик) и в Кулукэтала (три зернотерки, один точильный камень и один шлифованный молот-топор). Последний заслуживает внимания, поскольку это единственный экземпляр орудия такого рода, найденного в данном регионе. Он массивный, более широкий в верхней, чем в нижней части, со скругленно-тупым лезвием. Длина 24,9 см, толщина 5,5 см, ширина спинки 10,3 см, лезвия — 6,8 см. В центре верхней части имеется сверлившееся с двух сторон отверстие, наружный диаметр которого 8,7 см, а внутренний — 4,5 см (см. рис. 6).

Керамика всех трех местонахождений по качеству, методу выделки и орнаментировке тоже идентична акэталаской. В Вэньгулокэ найдены фрагменты горшков *гуань*, мисок *пэнь* и *бо*, горшков-бутылей *вэн* и мисок-тарелок *пань*, а в Дэволэкэ — мисок *бо* и *пэнь* и горшков *гуань* [см. 29, 109—110] (см. рис. 7).

Приведенные выше материалы позволяют сделать несколько общих наблюдений, касающихся всех четырех стоянок.

Прежде всего следует иметь в виду, что это самый западный [33] из всех ныне известных памятников неолита на территории Китая. Это очень важное обстоятельство, которое необходимо учитывать при изучении новокаменного века Синьцзяна и Китая в целом, с одной стороны, Центральной Азии — с другой. Большая отдаленность Акэтала от Китайской равнины и других внутренних районов страны, включая и самый западный из них — пров. Ганьсу, и ее близость к Тянь-Шаню и Памиру предопределяют направления поисков возможных аналогов и родственных культур.

Затем, отмеченное выше сходство и керамики, и каменных изделий, а также расположение всех четырех памятников в тесном соседстве друг с другом (см. схему 3) [34] говорит о том, что все они синхронны и принадлежат к одной культурной традиции и одному этносу. Более того, на наш взгляд, нельзя исключить существования между насельниками этих четырех пунктов, или их частью, даже кровнородственных связей.

Наличие в каменном инвентаре таких изделий, как серпы, зернотерки и пряслица, свидетельствует о том, что акэталасцы были знакомы с зерновым земледелием, прядением и ткачеством и, следовательно, вели оседлый образ жизни. Если же учесть данную нами выше физиографическую характеристику региона, то можно предположить, что 25—30 веков тому назад [35] климат и природа тамошних мест были, вероятно, иными, чем в настоящее время.

И, наконец, наличие в Акэтала предметов из меди дает возможность отнести эту стоянку к энеолитической эпохе, т. е. поставить ее в один ряд с другими, рассмотренными выше памятниками, принадлежащими как ко второй, так и к третьей разновидностям.

---

[33] Для упрощения мы используем единственное число и название Акэтала, имея, однако, в виду все четыре местонахождения.

[34] Как можно судить по схеме, приложенной к отчету [см. 29, с. 107], самое большое расстояние отделяет Акэтала и Вэньгулокэ, но подсчет показывает, что и оно вряд ли превышает 2 км.

[35] Для Акэтала нет ни радиокарбонных дат, ни других данных, обычно используемых археологами для датирования находок, поэтому абсолютный возраст памятника нам неизвестен.

Заканчивая нарисованную выше картину неолита Синьцзяна, хотелось бы отметить следующее.

Во-первых, настоящая статья в силу ряда объективных и субъективных причин имеет предварительный характер, будучи начальным этапом изучения затронутых в ней проблем. Иначе и быть не могло, так как, с одной стороны, это первая попытка автора проанализировать и осмыслить синьцзянские находки, а с другой — материал, которым он располагал, весьма ограничен, порою фрагментарен и слабо изучен.

Во-вторых, вследствие этих же причин, а также из-за ограниченного объема статьи ряд вопросов остался за ее пределами. Было бы несомненно интересно и ценно установить, например, существовали ли какие-нибудь связи между неолитом Синьцзяна и маркансуйской, андроновской и другими культурами мезолита, неолита и бронзового века соседних районов. К сожалению, сделать это в рамках настоящей статьи не представлялось возможным.

В-третьих, анализ совокупности фактов показывает, что известные ныне доисторические синьцзянские памятники, несмотря на отсутствие стратиграфических данных и радиокарбонных дат, могут быть все-таки отнесены к разным периодам. Представляется, что описанные выше местонахождения можно расположить в следующем порядке: микролитические, не содержащие керамики (Цицзяоцзин и Ярху); микролитические с наличием керамики (Мулэй и Астана), причем не исключено, что между последними также существует хронологическая разница; поздние, энеолитические, охватывающие практически целиком вторую и третью разновидности памятников. Таким образом, если энеолит представлен в Синьцзяне значительным количеством стоянок, часть из которых к тому же датирована радиокарбоном, то более ранние периоды неолита и мезолит либо крайне слабо отражены в известных ныне материалах, либо они отсутствуют вообще. Такое положение может быть результатом неравномерной заселенности Синьцзяна в разные эпохи, неодинаковой изученности последних или же, скорее всего, обоих факторов, вместе взятых.

В-четвертых, географическое распространение неолитических памятников также весьма неравномерно. Если северный «мыс» Синьцзяна, а также его юго-восток остаются пока терра инкогнита, не открыв взору археологов ни одного неолитического местонахождения, то на остальной части территории района их найдено не столь уж мало. Заметим, что большее скопление стоянок наблюдается на востоке и особенно в центре Синьцзяна, чем на западе, юго-западе и юге его. Может быть, дело в недостаточной археологической изученности района, и дальнейшие исследования могут изменить нынешнюю картину, однако, на наш взгляд, не последнее слово здесь принадлежит и природным условиям, о которых шла речь в начале статьи, благоприятных для человека в одних и неблагоприятных — в других местах. Наконец, локализация памятников не находится в прямой зависимости от их принадлежности к той или иной разновидности. Данный вывод является верным и в общем плане: ареалы первой и второй разновидностей приблизительно совпадают, и в более узком: памятники разных разновидностей соседствуют друг с другом. Поскольку же одним из важных признаков, по которым выделяются археологические культуры, является определенная компактность расположения их памятников, то последнее обстоятельство еще раз подтверждает высказанное нами выше мнение о сложности классификации известного ныне синьцзянского неолитического материала.

В-пятых, любопытную проблему представляет расписная керамика. Как известно, и к западу (Анау) и к востоку (Яншао) от Синьцзяна существовали неолитические культуры, характерной чертой которых являлась именно красивая и разнообразная расписная керамика. Естественно встает вопрос: была ли синьцзянская расписная керамика самостоятельным местным изобретением или же дочерним порождением одной из соседних культур. В любом случае сразу же возникают субвопросы: существовал

№№ пп	Лабораторный индекс	Номер археологического инвентаря	Наименование образца	Организация, приславшая образец	Время обнаружения или передачи для анализа	Место находки		Культура или период
						географическое	археологическое	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	WB 78—1	77TX M40	Деревянное перекрытие могилы	Синьцзянский музей	1977	Уезд Ташикуэрган (Tash-kurgan) (75°12′×37°45′)	Могила № 40	—
2	WB 78—13	77TX M21	»	»	»	»	Могила № 21	—
3	WB 78—12	77TX M17	»	»	»	»	Могила № 17	—
4	WB 77—19	76TX M_{13}	Деревянный кругляк	Музей Синьцзян-Уйгурского автономного района	1976	Г. Ташикуэрган (Tash-kurgan) (75°14′×37°45′)	Могила № 13	—
5	WB 79—15	78HW M101	Деревянное перекрытие могилы	Синьцзянский музей	1978	Убао (93°28′×42°50′) г. Хами (Hami)	Могила № 101	—
6	WB 79—14	HW M26	Деревянный кругляк	»	»	»	Могила № 26	—
7	WB 79—12	78HW M19	Деревянное перекрытие могилы	»	»	»	Могила № 19	—
8	WB 79—13	78HW M4	Второй слой деревянного перекрытия могилы	»	»	»	Могила № 4	—
9	ZK—329	TKT1	Древесный уголь	Музей Синьцзян-Уйгурского автономного района	Март 1975	Калахэчжо (Karakhoja) (89°10′×42°55′) уезд Турфан	На глубине 0,4 м	—
10	WB 77—34	77MS T_2 : (5)	»	»	1977	Сыдаогоу (90°18′×43°51′) уезд Мулэй	Пятый слой шурфа № 2	—
11	WB 77—35	77MS T : H_4	»	»	»	»	Зольник № 4	—
12	WB 77—30	77MS T_4 : (3)	»	»	»	»	Третий слой шурфа № 4	—
13	WB 77—32	77MS T_1 : (4)	»	»	»	»	Четвертый слой шурфа № 1	—
14	WB 77—33	77MS T_1 : H_{44} (4)	»	»	»	»	Четвертый слой зольника № 44 в шурфе № 1	—
15	WB 77—31	77MS T_3 : (3)	»	»	1977	»	Третий слой шурфа № 3	—

* См. «Каогу», 1972, № 1; 1974, № 5; 1978, № 4; «Вэнь у», 1978, № 5; 1979, № 12; 1980, № 2.

Таблица 2

синьцзянских образцов *

Датировка по ^{14}C				Скорректированные даты (В. Р.; В. С./А.D.)	Страница доклада	Примечания и дополнительные сведения
$T^1/_2 = 5730$		$T^1/_2 = 5570$				
В. Р. (1950)	В. С. А. D.	В. Р. (1950)	В. С. А. D.			
10	11	12	13	14	15	16
4390±90	2440	4265±90	2315	4885+185 2935	83	Авторы докладов указывают в качестве поставщиков большинства образцов Синьцзянский музей (СМ) или Музей Синьцзян-Уйгурского автономного района (МСУАР — см. ниже). Мы полагаем, что это одно и то же учреждение, однако ради научной точности сохраняем в таблице формулировки оригинала. Этот же принцип положен в основу географических названий, например уезд Ташикуэрган здесь и город Ташикуэрган в позиции № 4.
2750±65	800	2670±65	720	2850+105 900	»	
2600±65	650	2525±65	575	2665+120 715	»	
2465±70	515	2395±70	445	2505+80 555	73	Причина различия географических координат (75°14′ здесь и 75°12′ в позиции № 1) не может быть установлена, поэтому мы приводим цифры, сообщаемые докладами.
3115±85	1165	3025±85	1075	3300+150 1350	84	В докладе лаборатории в наименование стоянки вкралась опечатка: Ванбао вместо Убао [см. «Вэнь у», 1980, № 7, с. 75]. Согласно другим источникам [см., например, 30, с. 170] Убао — это название коммуны и водохранилища.
3095±85	1145	3005±85	1055	3280+150 1330	»	
3080±65	1130	2995±65	1045	3265+140 1315	83	
2840±80	890	2760±80	810	2960+115 1010	»	
2895±100	945	2810±100	860		283а	
2880±70	930	2800±70	850	3010+105 1060	74	Определение археологического места находки дано нами на основе номера археологического инвентаря. Ср. WB 78—27.
2585±80	635	2510±80	560	2650+130 700	»	
2470±65	520	2400±60	450	2510+75 560	73	
2430±65	480	2360±60	410	2460+75 510	74	
2385±65	435	2315±60	365	2410+75 460	»	
2340±80	390	2275±80	325	2355+90 405	74	

№№ пп	Лабораторный индекс	Номер археологического инвентаря	Наименование образца	Организация, приславшая образец	Время обнаружения или передачи для анализа	Место находки		Культура или период
						географическое	археологическое	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
16	WB 77—29	77MS $T_5 : H_{50}(3)$	Древесный уголь	Музей Синьцзян-Уйгурского автономного района	1977	Сыдаогоу (90°18′×43°51′) уезд Мулэй	Третий слой зольника № 50 в шурфе № 5	—
17	WB 78—27	77M1 ST6	»	Синьцзянский музей	»	»	Шурф № 6	—
18	BK 77001	—	»	Музей Синьцзян-Уйгурского автономного района	Октябрь 1976	Пещера Тункуан уезд Илэкэ	—	Оценочно: доханьский период
19	WB 78—21	78WY M67	Сгнившее дерево	Синьцзянский музей	1978	Юйэргоу (88′50′×42°24′) уезд Токэсунь (Toksun) территория, подчиненная г. Урумчи	Могила № 67	—
20	WB 78—14	77WY M37	»	»	1977	»	Могила № 37	—
21	WB 78—20	78WY M42	»	»	1978	»	Могила № 42	—
22	WB 78—40	78WY M58	»	»	»	»	Могила № 58	—
23	WB 78—19	78WY M55	»	»	»	»	Могила № 55	—
24	WB 78—23	78WY M81	»	»	»	»	Могила № 81	—
25	WB 78—2	77WY M30	»	»	1977	»	Могила № 30	—
26	WB 78—22	78WY M47	Небольшой кусок деревянного кругляка	»	1978	»	Могила № 47	—
27	ZK—371	—	Древесина	Археологический отряд Синьцзянского музея	Апрель 1976	Станция Юйэргоу (88°50′×42°24′) уезд Токэсунь территория, подчиненная г. Урумчи	Сигнальная вышка (фэнхотай)	—
28	ZK—372	—	»	»	»	»	Древнее кладбище	—

Таблица 2 (продолжение)

Датировка по ^{14}C				Скорректированные даты (B. P.; B. C./A.D.)	Страница доклада	Примечания и дополнительные сведения
$T^1/_2 = 5730$		$T^1/_2 = 5570$				
B. P. (1950)	B. C. A. D.	B. P. (1950)	B. C. A. D.			
10	11	12	13	14	15	16
2330±80	380	2265±80	315	2345±90 395	73	Если судить по датам, пятый слой памятника заметно отличается от остальных, тогда как грань между четвертым и третьим (или между собранными в них образцами) в разных шурфах не выступает столь отчетливо.
2050±60	100	1990±60	40	2020±75 70	83	Ср. WB 77—34.
2650±170	700	2575±170	625	—	79	«Тункуан» буквально значит «медная руда», поэтому не исключено, что речь идет здесь просто о медной закопушке, а не о пещере Тункуан. На доступных нам картах Синьцзяна нет уезда Илэкэ, поэтому мы не могли определить его координаты. Может быть, он был образован в последнее время или же это опечатка, как в случае с Убао. Возможно также, что здесь произошла контаминация двух названий И(нин) и (Ни)лэкэ [см. 47, с. 109—110, C4, 81°21′×43°55′ и 82°32′×43°47′]. В верхней части входа в пещеру были обнаружены разбросанные каменные орудия, довольно крупных размеров, которые и оцениваются как доханьские.
2650±85	700	2575±85	625	2725±135 775	83	Могила была нарушена. Получено 3,5557 г бензола.
2640±65	690	2565±65	615	2715±120 765	»	
2440±85	490	2370±85	420	2475±95 525	»	Могила была нарушена.
2365±130	415	2300±130	350	2385±135 435	»	Получено 1,6688 г бензола. В докладе говорится о «станции Юйэргоу» (Юйэргоу чжань), как при ZK—371 и ZK—372. Следует отметить, что в некоторых случаях одинаковые названия местности и железнодорожной станции не означают одной и той же географической точки. Например, станция Турфан находится приблизительно в 27 км к северо-западу от собственно Турфана. Как обстоит дело с Юйэргоу, нам не известно.
2160±65	210	2100±65	150	2150±80 200	»	Могила была нарушена.
2125±80	175	2065±80	115	2080±95 130	»	Получено 3,9242 г бензола.
2065±80	115	2005±80	55	2040±95 90	»	
1945±60	5 н. э.	1890±60	60 н. э.	1905±70 45 н. э.	»	Могила была нарушена. В данной серии (№ 19—26) изучено восемь юйэргоуских образцов, собранных в восьми разных могилах, что свидетельствует об обнаружении там довольно крупного могильника. Определение «фэнхотай» могло бы означать и географическое название; поскольку, однако, местом находки является железнодорожная станция, то мы трактуем «фэнхотай» как обычное слово, в согласии с его оригинальным значением.
1390±80	560 н. э.	1350±80	600 н. э.		286б	
540±100	1410 н. э.	525±100	1425 н. э.		»	

№№ пп	Лабораторный индекс	Номер археологического инвентаря	Наименование образца	Организация, приславшая образец	Время обнаружения или передачи для анализа	Место находки		Культура или период
						географическое	археологическое	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
29	WB 77—26	77WY M_{28}	Фрагмент деревянного внешнего гроба	Музей Синьцзян-Уйгурского автономного района	1977	Алагоу (88°×42°55′)	Могила № 28	—
30	WB77—14	76WY M_1	Дерево	»	1976	»	Могила № 1	—
31	WB77—24	76WY M_{32}	Сгнившее дерево	»	»	»	Могила № 32	—
32	WB77—25	77WY M_{30}	Раздробленное сгнившее дерево	»	1977	»	Могила № 30	—
33	WB77—21	76WY M_4	Деревянный кругляк	»	1976	»	Дно могилы № 4	—
34	WB77—27	77WY M_{21}	Раздробленное сгнившее дерево	»	1977	»	Могила № 21	—
35	WB 78—24	78WA M3	Деревянный столб	Синьцзянский музей	1978	Алагоу (87°40′×43°47′) г. Урумчи	Могила № 3	—
36	WB 78—28	78BQ : 1	»	»	»	Коммуна Куйсу (93°25′×43°31′) уезд Баликунь (Barkul)	Остатки древнего жилища	—
37	WB 78—4	76ZX M27	Сгнившее дерево	»	1976	Сятай (81°4′×43°7′) уезд Чжаосу	Могила № 27	—
38	WB 77—18	76ZX M_{47}	»	Музей Синьцзян-Уйгурского автономного района	»	»	Могила № 47	—
39	ZK—17	—	Древесный уголь	Археологическая группа Института национальностей Синьцзянского отделения АН КНР	1961 (?)	Сята (81°4′×43°9′) уезд Чжаосу Или-Казахский автономный округ	Земляное заполнение могилы	—

Датировка по ^{14}C				Скорректированные даты (B. P.; B.C./A.D.)	Страница доклада	Примечания и дополнительные сведения
$T^1/_2 = 5730$		$T^1/_2 = 5570$				
B. P. (1950)	B. C. A. D.	B. P. (1950)	B. C. A. D.			
10	11	12	13	14	15	16
2565±130	615	2490±130	540	2620±165 670	73	На картах Синьцзяна имеется река Алагоу [см. 47, с. 109—110, С5—6], протекающая южнее Урумчи — административного центра Синьцзяна, примерно вдоль 43 параллели, приблизительно на отрезке между 87 и 89 меридианами. Возможно, что датируемые здесь могилы находятся где-то на ее берегах, либо существует местность Алагоу, не обозначенная на картах, в районе которой и расположен данный могильник. К первому предположению, по крайней мере в связи с радиокарбонными датами, склоняет то обстоятельство, что одна и та же лаборатория для № 29—34 дает иные координаты, чем для № 35, хотя везде речь идет об Алагоу. Образец WB 77—26 собран, вероятно, в недостаточном количестве.
2485±80	535	2415±80	465	2525±90 575	»	
2415±80	465	2345±80	395	2445±90 495	»	
2330±65	380	2265±60	315	2345±75 395	»	
2325±65	375	2260±60	310	2340±75 390	»	
2200±80	250	2135±80	185	2195±95 245	»	
2430±90	480	2360±90	410	2460±100 510	83	Получено 3,3923 г бензола.
2620±70	670	2545±70	595	2690±125 740	»	В докладе лаборатории вместо «древнее жилище» ошибочно напечатано «древняя постройка».
2385±60	435	2315±60	365	2410±70 460	»	В публикациях, посвященных работам в уезде Чжаосу, упоминается местность Сятай [см. 30, с. 174], где и были собраны образцы WB 78—4 и WB 77—18. Ранее же лабораторией Института археологии АОН КНР был исследован образец ZK—17, местом сбора которого была указана Сята (см. ниже). Поскольку и Сятай и Сята находятся в уезде Чжаосу и первые знаки их названий идентичны, то нельзя исключить, что в обоих случаях речь идет об одной и той же местности.
2210±65	260	2145±60	195	2205±80 255	73	
2015±90	65	1960±90	10		55	

№№ пп	Лабораторный индекс	Номер археологического инвентаря	Наименование образца	Организация, приславшая образец	Время обнаружения или передачи для анализа	Место находки		Культура или период
						географическое	археологическое	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
40	BK 77007	76ZP M1	Дерево	Музей Синьцзян-Уйгурского автономного района	Октябрь 1976	Г. Чжаосу (81°4′×43°7′)	—	—
41	WB 78—11	76ZP M2	Деревянный свод могилы	Синьцзянский музей	1976	Бома (81°4′×43°7′) уезд Чжаосу	Могила № 2	—
42	WB 78—3	76ZP M4	Сгнившее дерево	»	»	»	Могила № 4	—
43	WB 78—10	76ZP M5	Деревянный свод могилы	»	»	»	Могила № 5	—
44	WB 77—20	76ZP M_5	Сгнившее дерево	Музей Синьцзян-Уйгурского автономного района	»	Бома (81°1′×43°9′) уезд Чжаосу	Могила № 5	—
45	WB 77—22	76ZP M_1	»	»	»	»	Могила № 1	—
46	WB 79—31	—	Деревянный колышек	Синьцзянский музей	—	Пещеры Саймушику (82°59′×41°43′) уезд Кучэ (Kucha)	Стена задней камеры в пещере № 36	—
47	WB 79—29	—	Сгнившее дерево	»	—	Дун-Субаши (82°59′×41°43′) уезд Кучэ	Древний монастырь, на глубине 0,25 м	—
48	WB 79—32	—	Деревянный колышек	»	—	Си-Субаши (82°59′×41°43′) уезд Кучэ	Внутри шва земляной стены древнего монастыря, на глубине около 0,2 м	—
49	ZK—195	—	Древесный уголь	Археологический отряд Синьцзянского музея	Июль 1972	Коммуна Упаэр (Opal) (75°45′×39°20′) уезд Шуфу (Koneshahr) район Каши (Kashgar)	Очаг № 3 в шурфе Т1 в древнем г. Убулати	—
50	WB 79—28	—	Деревянные перила	Синьцзянский музей	—	Пещеры Кэньайшику (82°36′×41°31′) Тохалакэ уезд Синьхэ	Около 0.07 м над поверхностью земли	—
51	WB 79—30	—	Дерево	»	—	Древний монастырь Сикэцинь (86°30′×42°7′) уезд Яньци (Karashahr)	На глубине около 0,3 м	—
52	WB 78—32	—	Древесный уголь	Синьцзянский музей	—	Даньданьтоу (80°48′×37°4′) уезд Цэлэ (Chira) район Хэтянь (Khotan)	Под слоем песка, на глубине 0,25 м	—
53	ZK—197	—	Ветвь дерева	Археологический отряд Синьцзянского музея	Август 1972	Древний город Кэцзэкуэрган (75°14′×37°45′) уезд Ташикуэрган (Tash-kurgan)	Городская стена из перемежающихся слоев земли (глины?) и ветвей деревьев	—
54	ZK—198	—	Доска	»	1972	Древняя крепость Пайикэ (75°12′×37°45′) уезд Ташикуэрган	—	—

Таблица 2 (окончание)

Датировка по ^{14}C				Скорректированные даты (B. P.; B.C./A.D.)	Страница доклада	Примечания и дополнительные сведения
$T^1/_2 = 5730$		$T^1/_2 = 5570$				
B. P. (1950)	B. C. A. D.	B. P. (1950)	B. C. A. D.			
10	11	12	13	14	15	16
1845 ± 85	105 н. э.	1795 ± 80	155 н. э.		76	
2285 ± 80	335	2220 ± 80	270	2290 ± 90 340	83	
2270 ± 65	320	2205 ± 65	255	2275 ± 75 325	»	
2115 ± 80	165	2055 ± 80	105	2095 ± 95 145	»	
2095 ± 80	145	2035 ± 80	85	2075 ± 95 125	73	
1660 ± 75	290 н. э.	1615 ± 70	335 н. э.	1600 ± 85 350 н. э.	»	
1890 ± 120	60 н. э.	1835 ± 120	115 н. э.	1845 ± 125 105 н. э.	84	Получено 1,8109 г бензола. В докладе лаборатории имеются опечатки: при образцах № 46 и 47 уезд назван Кубэнь, а при образце № 48 — Куму. Таких уездов в Синьцзяне нет, а все три стоянки находятся в узде Куча, что и отражено в нашей таблице.
1780 ± 75	170 н. э.	1730 ± 75	220 н. э.	1730 ± 80 220 н. э.	»	Остатки древнего города Субаши находятся недалеко от уездного города Куча [см. 6, с. 29].
1570 ± 80	380 н. э.	1525 ± 80	425 н. э.	1505 ± 85 445 н. э.	»	Получено 3,6110 г бензола.
1590 ± 85	360 н. э.	1545 ± 85	405 н. э.			
1355 ± 80	595 н. э.	1315 ± 80	635 н. э.	1290 ± 85 660 н. э.	84	
1255 ± 70	695 н. э.	1220 ± 70	730 н. э.	1190 ± 75 760 н. э.	»	
1220 ± 80	730 н. э.	1185 ± 80	765 н. э.	1155 ± 85 795 н. э.	83	Получено 3,3420 г бензола. Большинство синьцзянских образцов, помещенных в настоящей таблице, изучено лабораторией Научно-технического института охраны памятников материальной культуры (индекс WB). Остальные же — лабораториями Института археологии АОН КНР (индекс ZK) и Пекинского университета (индекс BK).
менее 300 лет	—	—	—	—	—	
»	—	—	—	—	—	Крепость находилась на горе, на высоте 4000 м над уровнем моря.

ли один или несколько локальных центров? где и когда? который из соседей (а может быть, оба?) был предком синьцзянской керамики? и т. д. и т. п. Кроме того, можно поставить еще ряд вопросов: играл ли Синьцзян роль связующего звена между западной и восточной провинциями расписной керамики или нет? если да, то когда и в каком направлении шел поток информации (предметов? людей?)? К сожалению, дать ответ на перечисленные вопросы в настоящее время не представляется возможным в силу недостатка необходимой информации.

Сходная проблема встает и в отношении синьцзянских медных изделий. Они найдены в столь незначительном количестве, что теоретически допустима мысль об их привозном характере. Однако мы склонны полагать, что как раз данное обстоятельство, вкупе со значительным распространением таких изделий на территории Синьцзяна и некоторыми дополнительными деталями, говорит в пользу предположения об их производстве на месте, в условиях зарождающегося века металла.

Последний вывод, при всей его гипотетичности, кажется нам очень важным. Указанные выше различия в изготовлении каменных и керамических изделий могут быть объяснены хронологическими или географическими факторами. Вероятнее всего, однако, это не единственные моменты, которые могли сыграть здесь свою роль. Хотя бы в дополнение к ним весьма правдоподобным представляется отражение в этих различиях этнической неоднородности древних насельников Синьцзяна, как результата его постепенного освоения первобытными людьми, прибывавшими туда волнообразно из разных частей Азиатского континента. Если учесть, что неолитические (и более ранние) поселения обнаружены практически во всех соседних с Синьцзяном районах, включая гималайские вершины Тибета, то нет оснований сомневаться в возможности передвижения населявших их неоантропов также и в направлении Синьцзяна. Здесь отчасти изолированно, отчасти в более или менее постоянном контакте друг с другом и с материнскими очагами они и создали описанные выше элементы материальных культур. Затем постепенно в ходе сложного процесса, вероятно сочетавшего как проживание в более или менее оторванных от внешнего мира коллективах, так и метисацию с соседями, порою довольно отдаленными, или позднейшими мигрантами они и сформировали те различные этнические группы, о которых сообщается в источниках времен империи Хань. Иначе говоря, представляется допустимой гипотеза о том, что современная этническая пестрота Синьцзяна, возможно, имеет, среди прочих, также и неолитические корни.

В заключение хочется выразить надежду, что хотя бы некоторые из вопросов, не получивших надлежащего освещения в настоящей статье, будут решены в недалеком будущем в результате работ, развертывающихся на территории интересующей нас части Азиатского континента.

1. Брук С. И. Этнический состав и размещение населения в Синьцзянском Уйгурском автономном районе Китайской Народной Республики.— СЭ. 1956, № 2.
2. Вадецкая Э. Б. Сказы о древних курганах. Новосибирск, 1981.
3. Географический атлас для учителей средней школы. М., 1956.
4. Думан Л. И. Синьцзян.— Советская историческая энциклопедия. Т. 12. М., 1969.
5. Дьяконова Н. В. Культурное наследие национальных меньшинств Синьцзяна.— Труды Государственного Эрмитажа. Т. 2. Культура и искусство античного мира и Востока. Л., 1958.
6. Жу Суйчу. Куча — древний Цюцы.— «Китай». 1980, № 9.
7. Жу Суйчу. У подножья горы Хояньшань.— «Китай». 1980, № 7.
8. Китайско-русский словарь. Пекин, 1977.
9. Кучера С. Китайская археология 1965—1974 гг.: палеолит — эпоха Инь. Находки и проблемы. М., 1977.
10. Кучера С. Некоторые проблемы истории Китая в свете радиокарбонных датировок.— Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средние века. М., 1981.
11. Кучера С. Некоторые проблемы истории Турфана в Ханьскую эпоху (III в. до

н. э.— III в. н. э.).— Н. Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение (К 200-летию со дня рождения). Материалы конференции. Ч. 2. М., 1977.
12. Наш друг Китай. Словарь-справочник. М., 1959.
13. Чэнь Хэи. Древний Лоулань.— «Китай». 1980, № 12.
14. Шевель И. Б. Национальное строительство в Синьцзянском Уйгурском автономном районе Китайской Народной Республики.— СЭ. 1956, № 2.
15. Бань Гу. Цянь Хань шу (История Ранней династии Хань). Сер. «Сы ши». Шанхай, 1935.
16. Бэйцзин дасюе лиши си каогу чжуанье тань шисы шияньши (Радиокарбонная лаборатория кафедры археологии исторического факультета Пекинского университета), Тань шисы няньдай цэдин баогао (сюй и) (Первый, дополнительный доклад об установлении радиокарбонной хронологии).— «Вэнь у». 1978, № 5.
17. Вэнь у баоху гуаньли чжаньсин тяоли (Временные правила об осуществлении надзора за охраной памятников материальной культуры).— «Вэнь у». 1961, № 4—5.
18. Вэнь у баоху кэсюе цзишу яньцзюсо тань шисы шияньши (Радиокарбонная лаборатория Научно-технического института охраны памятников материальной культуры), Ети шаньшофа тань шисы няньдай цэдин (Установление радиокарбонной хронологии при помощи жидкостно-сцинтилляционного метода).— «Вэнь у». 1978, № 5.
19. Вэнь у баоху кэсюе цзишу яньцзюсо тань шисы шияньши (Радиокарбонная лаборатория Научно-технического института охраны памятников материальной культуры), Тань шисы няньдай цэдин баогао (эр) (Второй доклад об установлении радиокарбонной хронологии).— «Вэнь у». 1980, № 2.
20. Го'уюань гуаньюй гунбу диипи цюаньго чжундянь вэнь у баоху даньвэй миндань ды тунчжи (Сообщение Государственного совета относительно публикации перечня названий первой группы исторических и культурных памятников общегосударственной важности, подлежащих охране).— «Вэнь у». 1961, № 4—5.
21. Го'уюань гуаньюй фабу вэнь у баоху гуаньли чжаньсин тяоли ды тунчжи (Сообщение Государственного совета относительно издания временных правил об осуществлении надзора за охраной памятников материальной культуры).— «Вэнь у». 1961, № 4—5.
22. Го'уюань тунчжи гэ ди чжуи цзай нунъе шэнчань цзяньшэ чжун баоху вэнь у (Сообщение Государственного совета о необходимости повсеместного внимания к охране памятников материальной культуры в ходе сельскохозяйственного производства и строительства).— «Вэнь у цанькао цзыляо». 1956, № 5.
23. Гу Цзеган, Чжан Сюнь, Тань Цисян. Чжунго лиши диту цзи. Гудай ши буфэнь (Атлас исторических карт Китая. Раздел древней истории). Шанхай, 1955.
24. Диипи цюаньго чжундянь вэнь у баоху даньвэй миндань (Перечень названий первой группы исторических и культурных памятников общегосударственной важности, подлежащих охране).— «Вэнь у». 1961, № 4—5.
25. Диицы цюаньго каогу хуэйи цзюеи (Резолюция первой всекитайской конференции по вопросам археологических исследований).— «Каогу тунсюнь». 1956, № 2.
26. Инь Да. Гуаньюй кайчжань каогу гунцзо ды цзяньи (Предложения относительно развертывания археологических работ).— «Вэнь у цанькао цзыляо». 1954, № 3.
27. Ли Юйчунь. Синьцзян Вэйуэр цзычжицюй вэнь у каогу гайкуан (Обзор археологических работ и работ по охране и изучению памятников материальной культуры в Синьцзян-Уйгурском автономном районе).— «Вэнь у». 1962, № 7—8.
28. Ли Юйчунь. Синьцзян фасянь ды цайтао (Расписная керамика, обнаруженная в Синьцзяне).— «Каогу». 1959, № 3.
29. Синьцзян Вэйуэр цзычжицюй боугуань каогу дуй (Археологический отряд Музея Синьцзян-Уйгурского автономного района), Синьцзян Шуфусянь Акэтала дэн синьшици шидай ичжи ты дяоча (Разведка неолитических памятников в Акэтала и других местах уезда Шуфу в Синьцзяне).— «Каогу». 1977, № 2.
30. Синьцзян Вэйуэр цзычжицюй боугуань, Синьцзян шэхуэй кэсюеюань каогу яньцзюсо (Музей Синьцзян-Уйгурского автономного района, Институт археологии Академии общественных наук Синьцзяна), Цзяньго илай Синьцзян каогу ды чжуяо шоухо (Главные достижения в археологическом изучении Синьцзяна после образования КНР).— Вэнь у бяньцзи вэйюаньхуэй бянь (Редакционная коллегия публикаций, посвященных памятникам материальной культуры) (сост.) «Вэнь у каогу гунцзо саньши нянь» (Тридцать лет работ в области охраны и изучения памятников материальной культуры и археологии)». Пекин, 1979.
31. Сыма Цянь. Ши цзи цзи-цзе (Исторические записки со сводными толкованиями). Сер. «Сы ши». Шанхай, 1935.
32. У Чжэнь. Синьцзян дунбу ды цзичу синьшици шидай ичжи (Несколько неолитических памятников в восточной части Синьцзяна).— «Каогу». 1964, № 7.
33. Фань Е. Хоу Хань шу (История Поздней династии Хань). Т. 1—18. Пекин, 1965.
34. Фань Пу. Сибэй ды шаошу миньцзу (Национальные меньшинства Северо-Западного Китая). Шанхай, 1956.
35. Фэй Сяотун. Кайчжань шаошу миньцзу дицюй хэ юй шаошу миньцзу лиши югуань ды дицюй ды каогу гунцзо (Развертывать археологические работы в районах проживания национальных меньшинств и в районах, связанных с историей национальных меньшинств).— «Каогу тунсюнь». 1956, № 3.
36. Фэн Чэнцзюнь. Сиюй димин (Географические названия Западного края). Пекин — Шанхай, 1955.

37. Хуа Пин. Каогу гунцзо хуэйи гайкуан (Обзор конференции по вопросам археологических исследований).— «Каогу тунсюнь». 1956, № 2.
38. Хуан Вэньби. Синьцзян каогу ды фасянь (Археологические открытия в Синьцзяне).— «Каогу». 1959, № 2.
39. Хуан Вэньби. Синьцзян каогу ды фасянь. Или ды дяоча (Археологические открытия в Синьцзяне. Разведка в бассейне р. Или).— «Каогу». 1960, № 2.
40. Цзешао Синьцзян вэнь у дяоча гунцзо цзу фасянь ды цзичжун вэнь у гуцзи (Описание нескольких видов памятников материальной культуры, обнаруженных Синьцзянской рабочей группой по обследованию памятников материальной культуры).— «Вэнь у цанькао цзыляо». 1954, № 3.
41. Цы хай (Море слов). Т. 1—3. Шанхай, 1979.
42. Чжунго байкэ няньцзянь 1980 (Китайский энциклопедический ежегодник 1980). Пекин — Шанхай, 1980.
43. Чжунго кэсюеюань каогу яньцзюсо шияньши (Лаборатория Института археологии АН КНР), Фаншэсин таньсу цэдин няньдай баогао [и] (Первый доклад об установлении хронологии при помощи радиоактивного углерода).— «Каогу». 1972, № 1.
44. Чжунго кэсюеюань каогу яньцзюсо шияньши (Лаборатория Института археологии АН КНР), Фаншэсин таньсу цэдин няньдай баогао [сань] (Третий доклад об установлении хронологии при помощи радиоактивного углерода).— «Каогу». 1974, № 5.
45. Чжунго шэхуэй кэсюеюань каогу яньцзюсо шияньши (Лаборатория Института археологии Академии общественных наук КНР), Фаншэсин таньсу цэдин няньдай баогао [у] (Пятый доклад об установлении хронологии при помощи радиоактивного углерода).— «Каогу». 1978, № 4.
46. Чжунхуа Жэньминь Гунхэго фэнь-шэн диту (Карты провинций Китайской Народной Республики). Шанхай, 1953.
47. Чжунхуа Жэньминь Гунхэго фэнь-шэн диту цзи (Атлас карт провинций Китайской Народной Республики). Пекин, 1974.
48. Чжунхуа Жэньминь Гунхэго фэнь-шэн цзин-ту (Точные карты провинций Китайской Народной Республики). Шанхай, 1953.
49. Чжэн Чжэньдо. Каогу шие ды чэнцзю хэ цзиньхоу нули ды фансян. Каогу гунцзо хуэйи шан ды баогао (Достижения археологии и направления будущих поисков. Доклад на конференции по вопросам археологических исследований).— «Каогу тунсюнь», 1956, № 2.
50. Чэнь Темэй, Юань Сысюнь, Ван Лянсюнь, Ма Ли. Тань шисы няньдай цэдин баогао [сань] (Третий доклад об установлении радиокарбонной хронологии).— «Вэнь у». 1979, № 12.
51. Чэнь Чжутун. Лян-Хань хэ Сиюй дэн ди ды цзинцзи вэньхуа цзяолю (Экономический и культурный обмен ханьского Китая с Западным краем и другими регионами). Шанхай, 1957.
52. Ши Шуцин. Синьцзян вэнь у дяоча суйби (Записки об обследовании памятников материальной культуры в Синьцзяне).— «Вэнь у». 1960, № 6.
53. Шэн Цинъи, Ван Шилян, Гао Шуфань. Тайвань ши История Тайваня). Тайчжун, 1977.
54. Atlas swiata. Warszawa, 1962.
55. Chang Kwang-chih. The Archaeology of Ancient China. Third edition revised and enlarged. New Haven and London, 1977.
56. Gilyarevsky R.S., Grivnin V.S. Languages Identification Guide. Moscow, 1970.
57. Herrmann A. An Historical Atlas of China. Amsterdam, 1966.

Е. В. Антонова

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕТОК О ПЕРВОБЫТНОЙ АРХЕОЛОГИИ СИНЬЦЗЯНА

Территория Синьцзяна в пору неолита и бронзового века — важная и все еще малоизученная область археологической карты Китая. В настоящем сборнике помещена статья С. Кучеры «Ранняя история Синьцзяна: неолит — начало века металла», в которой автор, опираясь на недавние публикации китайских археологов, характеризует ряд важных культурных комплексов. Эти материалы наряду с иными, полученными в результате раскопок, проводившихся с 30-х годов нашего века, представляют большой интерес с точки зрения данных широких раскопок на территории советской Средней Азии. Автор этих заметок ставит своей целью на основании некоторых археологических открытий, в основном недавних, вновь обратиться к проблеме взаимосвязей населения Средней Азии и Восточного Туркестана в древности. Эта проблема стоит перед наукой уж не одно десятилетие.

Исследователи древнейшего прошлого Синьцзяна столкнулись со значительными трудностями в атрибуции своих находок еще в 30-е годы. Результаты работ 50—70-х годов, в частности освещенные в статье С. Кучеры, показывают, что эти трудности не преодолены до сих пор. Хотя выявлено довольно большое число археологических памятников, сохранность их культурного слоя часто плохая. Развеивание культурного слоя приводит к тому, что приходится ограничиваться лишь сбором подъемного материала. В тех случаях, когда культурный слой сохранился, его вскрытие ограничивается пока небольшими площадями, раскопками разведочного характера (шурфами и траншеями). Стратиграфические наблюдения все еще немногочисленны.

Китайские археологи, работавшие в Синьцзяне в послевоенное время, как и их предшественники, систематически не исследовали ни одного местонахождения, материалы которого можно было бы связать с «доисторическим», первобытным, периодом. Сейчас, как и прежде, датировка основывается на типологических соображениях, но появились и радиокарбонные даты. Однако они, как показывает опыт многих исследователей в разных частях Старого и Нового Света, могут дать убедительные результаты только будучи поставлены в ряд с наблюдениями, выработанными полевой археологией. Из-за недостатка объективных данных китайские археологи в предварительном порядке относят сейчас к неолиту комплексы, содержащие и металлические орудия — и не только медные, но и железные. Одна из причин такой атрибуции — архаичный облик керамики. К сожалению, в таких слабоизученных культурах, как первобытные синьцзянские, архаичность керамических сосудов не может служить диагностирующим большую древность памятников признаком. Достаточно напомнить, что в соседнем регионе, на юге Средней Азии и в Афганистане, культурные комплексы с расписной керамикой формируются в эпоху поздней бронзы и раннего железа, вплоть до первых веков н. э., хотя им предшествовали столетия развития собственно гончарного ремесла. Не исключено, что значительная часть культурных комплексов, считающихся сейчас в китай-

ской археологии Синьцзяна неолитическими, в дальнейшем будут отнесены к эпохам палеометалла или даже более поздним. О такой возможности говорит и сопоставление некоторых памятников, в частности Западного Синьцзяна, с находками в восточных областях Средней Азии, о чем речь пойдет ниже.

Синьцзян в эпоху, предшествующую времени появления письменных источников, как и в более позднее время, был местом встречи культур народов различных регионов. Естественно, что для периодов первобытности эти контакты документируются с большим трудом, поскольку о них приходится судить только по отрывочным свидетельствам памятников материальной культуры. Ю. Андерсон, открывший культуру яншао, высказал предположение, что она с ее комплексом расписной керамики, показавшимся ему близким расписной керамике древнеземледельческих культур Средней и Передней Азии, сформировалась в результате миграции групп населения с запада [32, с. 35—45]. В таком случае на территории Синьцзяна следовало ожидать находок каких-то памятников, отмечавших этапы продвижения культуры передне- и среднеазиатских земледельцев в Китай. Свидетельства этих продвижений искали, но находки были столь немногочисленны, а керамические материалы настолько фрагментарны, что исследователям пришлось ограничиться сопоставлением отдельных, часто незначительных орнаментальных мотивов. О том, что видеть в них базу для исследований такого рода невозможно, писал еще один из первых археологов, работавших в Синьцзяне, — Ф. Бергман [33, с. 16]. Накопление сведений о культуре яншао и о культуре древних земледельцев Востока вообще привело большинство ученых к признанию автохтонности культуры яншао. В настоящее время считают, что она сформировалась на Центральной равнине и постепенно распространялась к северо-западу, достигнув к концу III тысячелетия до н. э. территории современной провинции Ганьсу. Такой точки зрения придерживаются как советские, так и зарубежные исследователи [15; 20, с. 142—144; 22, с. 30].

О продвижении носителей культуры яншао далее к западу достоверных сведений в настоящее время нет. Вполне вероятно предположение, что земледельцы, нуждавшиеся для ведения традиционного для них хозяйства в мягких аллювиальных почвах, не могли продвинуться в засушливые и плохо обводненные области восточного Синьцзяна. Неясно, в какой степени можно связывать с яншао незначительные фрагменты сосудов со штампованным орнаментом, найденные в Астане близ Турфана (см. статью С. Кучеры в настоящем сборнике). При помощи штампов, оттисков шнура или наколов на поверхность этих сосудов наносились узоры, составлявшие геометрические орнаменты. Орнаментика такого рода была распространена на территории Ганьсу на позднем этапе яншао, но встречается она и на более ранних этапах развития культуры, и на других территориях [15, с. 96—98]. Вероятно, дальнейшие исследования смогут внести ясность в проблему соотношения керамики с углубленным орнаментом и яншаоской. В то же время следует отметить, что такая орнаментация была весьма распространена в эпоху бронзы в степных культурах Средней Азии, Казахстана и Южной Сибири.

В указанных районах керамика такого типа была присуща «андроноидным» культурам, носителями которых были пастушеские и земледельческие племена. Они обитали в степях и вели относительно подвижный образ жизни. В конце II — начале I тысячелетия до н. э. памятники с керамикой андроноидного типа прослеживаются на территории вдоль советско-китайской границы в Казахстане и далее до Ферганской долины [29, рис. 20; 9; 10]. Аналогичная керамика и связанный с ней комплекс металлических изделий происходит из Кайрак-Кумов [23].

На востоке Средней Азии, на Восточном Памире и в Центральном Тянь-Шане также обнаружены памятники, принадлежащие степным андроноидным племенам: к ним относится, в частности, могильник Бурмачап на р. Арпа [7, с. 19—20] и могильники в долине Таласа [1; 18]. Найденные

здесь бронзовые предметы обнаруживают явное сходство с южноказахстанскими и датируются эпохой поздней бронзы [21, с. 94—96].

Штампованный орнамент характерен и для карасукской культуры Южной Сибири, носителей которой относят к памиро-ферганскому антропологическому типу [30, с. 6]. Примечательно, что ножи карасукского типа были найдены в сел. Чун уезда Конайс и хранились в Историческом музее в Пекине, где их видел, а затем и опубликовал С. В. Киселев [17, с. 265].

Природные условия Синьцзяна таковы, что предполагать здесь формирование первичных очагов производящего хозяйства, земледелия и скотоводства представляется маловероятным. Эти прогрессивные формы были сюда занесены в готовом виде в ту эпоху, когда в соседних регионах, где они существовали, создались условия, заставившие часть населения покинуть места своего прежнего обитания и двинуться в поисках новых земель. Это произошло, как можно полагать, в эпоху бронзы. Возможно, к этому времени относится описываемое С. Кучерой поселение Караходжа в 15 км к востоку от Турфана, где наряду с каменными орудиями найдена расписная керамика, медный наконечник стрелы, кости барана и лошади.

Расписная посуда красного цвета и хорошего обжига с черным орнаментом в виде полос, близкая найденной в этом поселении, была обнаружена шведской экспедицией неподалеку [33, с. 15—16]. Авторы публикации отметили сходство фрагментов с керамикой Анау и поселений долины Зхоба, но предостерегли из-за недостатка материалов от заключений о существовании культурных связей между Синьцзяном и другими областями. Расписная керамика была найдена у оз. Лобнор [34, табл. VII].

В Средней Азии проблема формирования поздней расписной керамики эпохи завершающих этапов бронзового века неразрывно связана с изучением взаимоотношений культур степного типа с культурами оседлых земледельцев. Одна из культур с расписной керамикой архаического облика (лепной) — чустская, в Ферганской долине [12]. Сосуды здесь преобладали неорнаментированные, с красной облицовкой, кухонные сосуды — сероглиняные. Формы — круглодонные кувшины, высокие кубкообразные конические сосуды, миски с выделенной шейкой, полусферические чаши. Характерными считают чаши со сливами. Роспись делалась черной краской. Орнаменты простые — треугольники, ромбы, полосы силуэтные и заполненные сеткой. Такие орнаменты обнаружены на сосудах многих других поселений южных районов Средней Азии и Северного Афганистана, в комплексе Яз I на юге Туркмении [25], Кучук I на юге Узбекистана [6], на сосудах бугурлюкской культуры Ташкентского оазиса [11], в долине Зеравшана (Заманбаба) [5], Саразме [13; 14], Тилля-Тепе на севере Афганистана [26].

Чустской культуре были присущи предметы еще одной категории, представляющие интерес в связи с проблемой взаимоотношений с культурами Синьцзяна — каменные ножи-косари серповидной формы. В одном из основных поселений чустской культуры их найдено несколько сотен. Примечательно, что чустские ножи и по размерам близки западносиньцзянским (их средний размер 15 × 4,2 × 0,8 см) [28, с. 200]. Орудия этой формы, по-видимому, могут служить указанием на наличие контактов между носителями тех комплексов, в которых они существовали, так как эта форма достаточно специфична [1].

Значительную близость к комплексу типа чустского обнаруживают находки на поселениях западного и юго-западного Синьцзяна — Акэтала, Вэньгулокэ, Дэволэкэ, Кулукэтала в уезде Шуфу и Калаюйэргунь в уезде Аксу. Для них может считаться характерной, как явствует из статьи

---

[1] Каменные серповидные ножи встречены также в упоминавшемся поселении Кучуктепа (Кучук I). Бронзовые орудия подобной формы с отверстиями в рукоятке найдены в Чустском поселении, Кучуктепа, Анау IV А, в ряде памятников Восточного Казахстана и Южной Сибири конца II — начала I тысячелетия до н. э. [6, с. 60—61; 29, с. 259; 21, табл. XI].

С. Кучеры в настоящем сборнике, грубая красная и несколько лучшего качества серая неорнаментированная керамика, крупные шлифованные орудия, в том числе клинообразные и серповидные ножи. Сосуды представлены горшками, мисками, кувшинами, кубками на поддонах. Найден и медный кубок. Комплекс, как можно думать, относится к эпохе поздней бронзы и обнаруживает значительное сходство с реалиями позднебронзовых культур южных и особенно восточных областей Средней Азии. В советской литературе уже высказывалось мнение о сходстве чустской керамики с обнаруженной в Синьцзяне [17, с. 253]. Новые находки дают все больше оснований говорить о контактах, более того, о перемещениях групп населения из Средней Азии в Синьцзян во II тысячелетии до н. э. В правомерности этого предположения убеждает картина истории Средней Азии во II тысячелетии до н. э., какой она предстает благодаря работам советских археологов.

Середина — вторая половина II тысячелетия до н. э. на территории Средней Азии и соседних областей отмечена перемещениями больших масс населения. Возможности развития старых земледельческих областей на юге, вероятно, были исчерпаны, и это вынуждало людей переходить на новые территории, а на старых все более развивать скотоводство. Земледельческая культура с ее долговременными поселениями и монументальной архитектурой, высокоразвитой металлургией и гончарством продвигается на север: земледельческая культура существует теперь на юге Узбекистана [3; 4], в некоторых областях Таджикистана [2; 8; 13; 14].

В то же время с севера на юг и, как уже говорилось, на восток перемещались племена степных скотоводов, которых большинство исследователей связывает с индоевропейцами, индоиранцами. Еще в 1956 г. В. М. Массон высказал мнение о возобновлении росписи на керамике Южной Туркмении (комплекс Яз I) в результате влияния украшенной углубленным орнаментом керамики андроновского типа. Действительно, среди орнаментов того и другого комплексов распространены заштрихованные треугольники, ромбы, полосы [24, с. 313].

Можно думать, что в результате столкновения и взаимовлияния двух культур — степной скотоводческой (по преимуществу) и оседлой земледельческой сформировался тот комплекс, который характерен для ряда культур эпохи поздней бронзы, — лепная керамика архаичного облика с примитивной росписью, развитая металлургия бронзы, относительно небольшие поселения, жители которых занимались комплексным земледельческо-скотоводческим хозяйством.

Взаимоотношения продвигающихся с севера племен [2] и местного населения на протяжении многих столетий, очевидно, складывались по-разному. Вероятно, возникали ситуации, когда недавние пришельцы, вступившие в контакт с местным населением и осевшие, теснимые новыми волнами переселенцев, вынуждены были переселяться на другие земли. Какая-то часть их, приспособившись к условиям горного скотоводства и оценив высокогорные пастбища Памира и Тянь-Шаня, двинулась не на юг, а на восток. Двигаясь из Ферганской долины, они, вероятно, пользовались традиционными путями, связывавшими Среднюю Азию и Восточный Туркестан,— Джунгарскими воротами (соединяющими Балхаш-Алакольскую котловину с Эби-Нурской), долиной р. Или. Возможно, в Восточный Туркестан продвигались и носители карасукской культуры, следы которой известны во Внутренней Монголии, Ордосе, Южной Маньчжурии [30].

Продвижение индоевропейцев в Синьцзян имело место уже в бронзовом

---

[2] Такая точка зрения является в настоящее время преобладающей (см. [27] и особенно [31]), но не единственной. В. И. Сарианиди считает возможным полагать, что носители иранских языков двигались в Среднюю Азию не с севера, а с юго-запада, с территории Ирана (см., в частности, [26]).

веке, об этом можно судить не только по археологическим сведениям. Известно, что в Синьцзяне в пору, предшествующую переселению индоиранцев, появляются носители языков, потомки которых известны как тохары. Древние тохарские языки, по мнению лингвистов, принадлежат к числу самых архаичных языков индоевропейской семьи; они могут быть сопоставлены только с хеттским. Характерно, что они обнаруживают совпадения с дравидийскими языками. Это можно объяснить, как полагают, не только типологическим сходством [19, с. 80], но непосредственными контактами между их носителями: весьма вероятно, что древнеземледельческое население юга Средней Азии было дравидоязычным. Находясь в контакте с ним, древние тохары и могли приобрести некоторые черты, присущие их языку. Возможно, приход индоиранцев или какие-то иные передвижения, пока не идентифицируемые археологически, вынудили их покинуть уже ставшие привычными территории. В их языке нет близкого сходства с индоиранскими языками, поэтому вряд ли между этими двумя этносами существовал длительный контакт. Это пока в большой мере гипотетическая картина.

Итак, можно полагать, что по крайней мере во II тысячелетии до н. э. в Синьцзян пришли группы индоевропейцев, причем вначале не индоиранцев. Они расселились сначала в его западной части, а потом продвинулись и дальше к востоку. Здесь в районе Турфана, Карашара и Кучи были обнаружены относящиеся к V в. н. э. письменные документы их потомков. Дальнейшие исследования Синьцзяна должны дать новые сведения об этнических процессах в Синьцзяне в эпоху неолита и бронзы. Уже имеющиеся материалы позволяют ожидать этого.

1. Абетеков А. Погребения эпохи бронзы могильника Тегермен-сай.— КСИА. Вып. 93. 1963.
2. Антонова Е. В., Виноградова Н. М. О летних и осенних разведках в Регарском районе в 1974 г.— АРТ. Вып. 14 (1974). 1979.
3. Аскаров А. Сапаллитепа. Таш., 1973.
4. Аскаров А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Таш., 1977.
5. Аскаров А. А. К передатировке культуры Заманбаба.— Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981.
6. Аскаров А., Альбаум А. И. Поселение Кучуктепа. Таш., 1979.
7. Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая.— МИА. 26. Л., 1952.
8. Виноградова Н. М., Пьянкова Л. Т., Самойлик П. Т., Мельникова Л. А. Раскопки земледельческого поселения эпохи бронзы на юге Таджикистана.— АО-1978. 1979.
9. Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине (Предварительное сообщение).— КСИИМК. Вып. 63. 1956.
10. Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г. Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины.— СА. 1957, 3.
11. Древняя и средневековая культура Чача. Таш., 1979.
12. Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. Л., 1962 (МИА 118).
13. Исаков А. И. Раскопки в Саразме.— АО-1978. 1979.
14. Исаков А. И. Раскопки на поселении Саразм.— АО-1979. 1980.
15. Кашина Т. И. Неолитические памятники Китая и проблема западных корней культуры яншао.— Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975.
16. Кашина Т. И. Керамика культуры Яншао. Новосибирск, 1975.
17. Киселев С. В. Неолит и бронзовый век Китая (По материалам научной командировки в КНР).— СА. 1960, 4.
18. Кожемяко П. Н. Погребения эпохи бронзы в Киргизии.— ИАН КиргССР, СОН. Т. 2. Вып. 3. Фрунзе, 1960.
19. Краузе В. Тохарский язык.— Тохарские языки. М., 1959.
20. Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М., 1978.
21. Кузьмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии.— «Археология СССР». М., 1966 (САИ).
22. Кучера С. Китайская археология. 1965—1974 гг.: палеолит — эпоха Инь. Находки и проблемы. М., 1977.
23. Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. М. Древности Кайрак-Кумов. Душ., 1962.

24. Массон В. М. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина.— ТЮТАКЭ. Т. 7. 1956.
25. Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. Л., 1959 (МИА. 73).
26. Сарианиди В. И. Раскопки Тилля-Тепе в Северном Афганистане. Вып. 1. Материалы к археологической карте Северного Афганистана. М., 1972.
27. Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.
28. Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.— Л., 1966.
29. Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.—Л., 1960 (МИА. 88).
30. Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972 (МИА. 182).
31. Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности: II тысячелетие до н. э. Труды Международного симпозиума по этническим проблемам истории Центральной Азии в древности. II тысячелетие до н. э. (Душанбе, 17—22 октября 1977 г.). М., 1981.
32. Andersson J. G. Preliminary Report on Archaeological Research in Kansu.— «Memoires of the Geological Society of China». Ser. A. 1925, № 51.
33. Bergman F. Archaeological Researches in Sinkiang. Stokholm, 1939.
34. Huang Wen-pi. The Exploration Around Lob Nor. Peiping, 1948.

М. И. Воробьева-Десятовская

ИНДИЙЦЫ В ВОСТОЧНОМ ТУРКЕСТАНЕ В ДРЕВНОСТИ

(некоторые социологические аспекты)

I. ОБЗОР ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Со времени открытия остатков древней материальной культуры и письменных памятников на территории Таримского бассейна прошло более 80 лет. В настоящее время большинство памятников из Центральной Азии уже издано и переведено. Работа филологов и лингвистов позволила историкам сделать некоторые выводы об этническом составе и образе жизни населения Центральной Азии в период с глубокой древности до X в. н. э., а также восстановить в общих чертах историю этого региона [21]. Однако и сейчас многие вопросы этноса и истории остаются нерешенными. Факты, на основе которых их можно было бы решить, накапливаются очень медленно, их явно недостает для новых исследований, поэтому многие современные работы остаются на уровне обобщений того, что уже известно, и гипотез. Кое-что еще можно получить из тибетских источников [78; 79], некоторый новый материал может дать сравнительное изучение буддийской традиции за пределами Индии. В свете указанных проблем необходимо как можно скорее завершить издание рукописей и фрагментов из Центральной Азии, особенно на хотаносакском (в первую очередь хозяйственные документы [46]) и тохарских языках.

В статье сделана попытка собрать и обобщить полученные до настоящего времени факты относительно роли индийцев в центральноазиатской цивилизации, о времени их проникновения в бассейн Тарима, о социальной структуре и административном устройстве государства и общества, созданного ими (или при их доминирующем участии) в Восточном Туркестане, о том вкладе, который они внесли в культуру этого региона.

1. Индийские памятники

Несмотря на то что в Центральной Азии обнаружено значительное количество рукописей на санскрите и пракритах, сколько-нибудь полную картину истории Восточного Туркестана домусульманского периода по ним восстановить не удается. Лучше всего освещена история Нии и Крорайны сер. III — сер. IVв. н. э.— на этой территории найдены 782 документа на дереве, коже и бумаге на северо-западном пракрите письмом кхароштхи (документы опубликованы, подробно об изданиях см. ниже). Из них можно почерпнуть некоторые сведения о социально-экономическом строе, бюрократическом аппарате и внешнеполитическом положении государства Крорайна. Исследованию этих документов посвящено большое число филологических и исторических работ, однако многие важные факты остались вне поля зрения ученых, и ряд необходимых обобщений так и не был сделан. Между тем это

единственные письменные памятники с территории Восточного Туркестана, в которых освещена хозяйственная жизнь самостоятельного государства, возникшего около середины II в. н. э. на территории к югу от пустыни Такла-Макан, в окрестностях Лобнора. Анализу этих документов в настоящей статье уделено основное внимание. Буддийские письменные памятники на санскрите и пракритах, которые составляют большую часть рукописей, найденных в Центральной Азии, по своему характеру могут дать лишь некоторые дополнительные сведения по интересующим нас вопросам.

2. Письменные памятники с территории Центральной Азии на тибетском языке

Эти источники многочисленны и разнообразны. Для нашей темы имеют большое значение дуньхуанские хроники [16] и буддийские тексты, созданные и записанные в Восточном Туркестане [44; 45; 74; 79].

Особый интерес представляют тибетские буддийские памятники из Хотана, которые, возможно, переведены с хотанского языка или составлены на основе не дошедших до нас хотаносакских сочинений и имеют несомненные преимущества перед китайскими источниками, составленными вдали от Восточного Туркестана. Только тибетские буддийские сочинения сохранили список 28 хотанских правителей, начиная с полулегендарных основателей династии. Тем не менее китайские источники важны для правильного прочтения тибетских текстов и идентификации географических названий и имен, засвидетельствованных в них.

3. Письменные источники на китайском языке

В течение долгого времени китайские династийные хроники и сообщения китайских путешественников и паломников были единственными известными науке письменными источниками по истории Центральной Азии. В ходе археологических обследований Центральной Азии, предпринятых в начале нашего века, к ним прибавились документы на китайском языке, найденные на территории самого Восточного Туркестана. В настоящее время источники на китайском языке по содержанию можно разделить на следующие группы:

а) документы с территории Восточного Туркестана, которые были опубликованы с переводом и исследованием Э. Шаванном [38], А. Конради [42] и Х. Масперо [64];

б) сообщения династийных китайских хроник и другие официальные документы и сочинения средневековых китайских авторов, которые описывали народы, проживавшие на территории «Западного края». Первые собрания сведений из этих источников были переведены на русский язык еще в XIX в. Н. Я. Бичуриным [2; 3; 4]. Они не утратили своего значения и до настоящего времени. Традицию изучения китайских источников в советское время продолжили Н. В. Кюнер [9] и А. Г. Малявкин [11]. В Европе крупнейшим исследователем китайских источников по истории Центральной Азии был Э. Шаванн [36; 37; 39; 40; 41]. На его переводах и интерпретациях в настоящее время основаны все исследования по истории и культуре народов, проживавших в I—VII вв. н. э. на огромной территории, включающей советскую Среднюю Азию, Синьцзян, МНР, Сибирь и Дальний Восток. Более ранние переводы сделал А. Ремюза [69]. Документы династии Хань в недавнее время были опубликованы с переводом и исследованием в виде отдельного издания [62];

в) большое значение для изучения истории Центральной Азии продолжают иметь сообщения очевидцев — путешественников и буддийских паломников, которые в поисках буддийских текстов отправлялись

в далекую Индию и по пути посещали Среднюю Азию и Восточный Туркестан. Для истории Восточного Туркестана особенно важное значение имеют сведения, собранные Фа Сянем (конец IV — начало V в. н. э.) [47; 48], Сун Юнем и Хуэй Саном (начало VI в. н. э.) [80; 23], Сюань-цзаном (30-е—40-е годы VII в. н. э.) [24; 25; 61], И-цзином (конец VII в. н. э.) [56], Хой Чао (конец VII — начало VIII в. н. э.) [51] и У-куном (2-я половина VIII в. н. э.) [81].

II. ИНДИЙЦЫ В ВОСТОЧНОМ ТУРКЕСТАНЕ

1. Контакты в древности. Сложение центральноазиатского этноса

Вопрос о времени первоначального проникновения индийцев на территорию бассейна р. Тарим в настоящее время не решен, хотя для этого добыты некоторые очень важные факты. Часть из них получена филологами при анализе языковых данных, другая добыта археологами в ходе обработки предметов материальной культуры и исследования краниологических материалов. Как представляется, контакты автохтонного населения Восточного Туркестана с индийцами восходят к глубокой древности, к периоду, когда индоевропейское население впервые появилось на территории Индии и Центральной Азии. Связи древнего населения бассейнов Тарима и Инда имеют непосредственное отношение к сложению центральноазиатского этноса.

Открытие в конце XIX в. двух неизвестных индоевропейских языков на территории Центральной Азии — тохарского А и тохарского Б — позволило сделать вывод о том, что оазисы, расположенные к северу от пустыни Такла-Макан (Турфан, Карашахр, Куча), к началу II тысячелетия до н. э. были заняты индоевропейским земледельческим населением. Первая рукопись на одном из этих языков из коллекции русского консула в Кашгаре Н. Ф. Петровского была опубликована в 1892 г. С. Ф. Ольденбургом [12], в следующем году Р. Хёрнле опубликовал аналогичную рукопись Вебера [54], а в 1900 г. Э. Лейман переиздал рукопись С. Ф. Ольденбурга и вместе с ней еще одну — тоже из коллекции Н. Ф. Петровского [60]. Открытие тохарских языков на территории к северу и северо-востоку от пустыни Такла-Макан имело огромное научное значение как для сравнительно-европейского языкознания, так и для истории расселения индоевропейских народов в глубокой древности.

Анализ фонетики, грамматического строя и лексики тохарских языков показал, что они подверглись значительному влиянию как индоевропейских, так и неиндоевропейских языков. Э. Бенвенист установил, что в древности тохарский несомненно входил в контакты с европейской группой индоевропейских языков и главным образом с кельтскими языками [1, с. 100]. Заимствования из индийских и иранских языков носителями тохарских языков имели место во время их передвижений или же сразу после прихода на место. Что касается неиндоевропейского субстрата тохарских языков, то здесь следует учитывать возможное влияние дотохарского языка бассейна р. Тарим [8, с. 81]. Однако что это был за язык и кто были его носители, нам неизвестно. Очевидно, к началу II тысячелетия до н. э., когда, как предполагают, индоевропейские племена — носители тохарских языков пришли в бассейн р. Тарим, эти оазисы уже были заселены неиндоевропейским населением, которое было поглощено индоевропейцами и от пребывания которого на этой территории к началу н. э. почти не осталось следов.

В 30-х годах XX в. наука стала располагать новыми фактами, которые позволили говорить о распространении носителей тохарских языков по всей территории Таримского бассейна, а не только в районах Турфана, Карашахра и Кучи. Закончилась дешифровка документов III—IV вв. н. э. на северо-западном пракрите, найденных в Нии

и Крорайне, т. е. к югу и юго-востоку от пустыни Такла-Макан. Анализ языка документов из Нии и Крорайны показал, что в нем наличествует тохарский субстрат [33, с. VIII—IX], который не засвидетельствован в памятниках на северо-западном пракрите с территории Индии, Афганистана и советской Средней Азии.

Вместе с тем дешифровка документов показала наличие в Нии и Крорайне большого процента индийского населения, что и обеспечило возможность распространения здесь северо-западного пракрита и письменности индийского происхождения.

В первых веках н. э. на территории бассейна р. Тарим получили распространение два вида письма индийского происхождения — кхароштхи и брахми, что уже само по себе свидетельствует о значительном количестве индийцев в Центральной Азии и влиянии индийской цивилизации. Использование для фиксации древнейших языков Центральной Азии индийских видов письма стало возможным только благодаря тому, что обе цивилизации — индийская и центральноазиатская — в течение длительного времени находились в контакте. Если обнаруженные за последнее время на территории Афганистана и советской Средней Азии и Казахстана нерасшифрованные надписи V в. до н. э. письмом арамейского происхождения, близким к кхароштхи, окажутся, как предполагает ряд ученых, тохарскими, то они явятся самой ранней фиксацией в письменности, родственной индийской, языка древних жителей Центральной Азии и дадут важное доказательство использования обеими цивилизациями одних и тех же достижений культуры [12а, с. 219]. В настоящее время тохарские тексты известны только по рукописям письмом брахми, которое было приспособлено для нужд тохарских языков. Эти рукописи датируются V—VII **вв. н. э.** Поздняя фиксация древних текстов в письменности имела место и в самой Индии.

На основе анализа памятников материальной культуры и краниологических исследований крупнейший знаток Центральной Азии А. Стейн сделал вывод, что Таримский бассейн находился в стороне от путей миграции народов [70, с. 138]. Причина этого заключалась в том, что с юга он был окружен неприступными горами, а с севера — пустынями. Жизнь была возможна только в небольших оазисах вокруг пустыни Такла-Макан, района Лобнор и др. Здесь могли жить только оседлые земледельческие народы, кочевникам же было негде пасти свой скот. Поэтому на территории бассейна Тарима не найдено следов значительных этнических вторжений. От древнейшего населения бассейна Тарима, которое занимало эти территории до прихода индоевропейцев, как указывалось выше, почти не осталось следов. По антропологическим данным все обнаруженные на территории бассейна Тарима останки могут быть определены как принадлежащие индоевропеоидам [70, с. 144]. Помимо тохар, к ним следует отнести иранцев, проникновение которых на территорию Центральной Азии датируется концом II тысячелетия до н. э. Сложение центральноазиатского этноса происходило при прямых контактах и с участием арийского населения древней Индии. В Южном Хотане, в Нии, в окрестностях Лобнора, заметны признаки тибетского антропологического типа. Племена западных цянов, осевшие в Центральном Тибете и являвшиеся основным компонентом тибетского этноса, начали проникать на территорию Восточного Туркестана в первых веках н. э. Их вклад в центральноазиатский этнос был настолько значительным, что ряд ученых, в том числе и Ф. В. Томас, называл население Хотана, Нии и Крорайны прототибетским [75]. Историческое проникновение тибетцев в Восточный Туркестан началось лишь в последнюю треть VII в. н. э.

Особый оазисный характер цивилизации Восточного Туркестана имел и другие последствия. Кочевые племена сюнну, юечжей, сяньби, туюханей и др., которые держали эту территорию под своим контролем

в различные периоды истории, были лишь номинальными владетелями разбросанных на большом расстоянии друг от друга и отрезанных от всего внешнего мира оазисов, как бы просеивались через них. Завоеватели приходили и уходили, а жизнь в оазисах продолжала идти своим чередом, не менялся ее уклад, управление оставалось в руках местной администрации, продолжались местные династии, сохраняли силу местные традиции, законы и обычаи. Это очень важно помнить, чтобы правильно оценить сведения о населении и истории Центральной Азии, почерпнутые из китайских письменных источников,— династийных хроник, докладов трону, сочинений о «Западном крае» и проживающих там народах, сообщений путешественников и буддийских паломников. В течение длительного периода изучения истории и цивилизации Центральной Азии китайские источники оставались единственными, откуда можно было получить какую-то информацию. Проверить эту информацию не удавалось. Когда же были изданы и расшифрованы документы кхароштхи из Нии и Крорайны, а также изучены тибетские буддийские памятники и документы, появилась возможность критически оценить достоверность некоторых сообщений китайских источников. Стало очевидным, что контроль Китая над территорией Центральной Азии, о котором сообщается в ханьских и танских династийных хрониках, был лишь номинальным и до VII в. н. э. выражался в устройстве китайских военных гарнизонов вдоль торговых путей Китая с Западом. В функцию этих гарнизонов входила охрана караванов от набегов кочевников и грабежей со стороны местного населения. Управление же территориями оазисов осуществлялось местной администрацией. Государство Шаньшань (районы Нии и Крорайны), о котором китайские источники сообщают как о китайской колонии, если судить по документам письмом кхароштхи, по всей вероятности являлось осколком Кушанской империи, самостоятельным государством со значительным процентом индийского населения.

Тем не менее некоторые сведения китайских источников оказывают неоценимую услугу исследователям. По ним можно восстановить основные вехи истории Центральной Азии и имена тех народов, которые проходили через ее территорию и оказывали влияние на ее культуру.

2. Индийцы на территории Восточного Туркестана в первые века до н. э.— первые века н. э.

Прямых указаний на то, в какой период и какими путями индийцы пришли в Центральную Азию, нет. Письменные источники более позднего периода на китайском и тибетском языках содержат только ряд легенд, сообщающих, что это случилось задолго до начала н. э. Легенды вполне определенно связывают эти события с территорией Северо-Западной Индии и с Кашмиром. Все легендарные сведения собраны и обобщены А. Стейном в его капитальном труде «Ancient Khotan» [70].

Среди легенд особый интерес представляет легенда о возникновении страны Ли (Хотана) в тибетской буддийской традиции. Она рассказывает, как Будда создал озеро на том месте, где через много кальп должна появиться страна Ли со столицей 'U-then. Эта легенда сходна с легендой о возникновении Кашмира на месте озера Сатисара, которая приведена Калханой в «Раджатарангини» и восходит к «Ниламатапуране». А. Стейн предполагает, что она была принесена в Хотан индийцами в добуддийскую эпоху и записана по-тибетски на территории Хотана.

Легенды относят основателя первой хотанской династии к клану Ашоки и называют его родиной Таксилу. Легендарная хотанская традиция сохранила имена 28 правителей из этой династии, все они — индийские, первая часть всех имен — Виджая-. Многие легенды были за-

писаны Сюань-цзаном во время его путешествия по Центральной Азии в первой половине VII в. Все они говорят, что индийцы пришли в Хотан с территории Северо-Западной Индии и, точнее, из Гандхары и Таксилы. Так, например, в легенде о сыне Ашоки принце Кунале, ослепленном благодаря интригам его матери, как передает Сюань-цзан, рассказывается, что разгневанный Ашока изгнал сановников, связанных с этим преступлением, в Хотан. На месте ослепления Куналы была построена ступа Шах-ке-дхери, которая во времена Сюань-цзана возвышалась около древней Таксилы.

Китайские и тибетские источники сходятся на том, что индийцы поселились в Центральной Азии до проникновения туда буддизма. Согласно тибетским источникам, буддизм был введен в Хотане при царе Виджая-самбхава, через 170 лет после основания царства, что, как установил Ф. В. Томас, соответствует 60 г. н. э. [74, с. 75].

Анализ содержания ряда легенд позволил А. Стейну сделать вывод, что буддизм пришел в Центральную Азию из Кашмира, и принятие его было облегчено тем, что он попал на уже подготовленную почву: население Центральной Азии к этому времени имело в своем составе немало индийцев и было знакомо с индийской культурой [70, с. 118 и сл.].

Помимо территориальной близости к Центральной Азии были и другие причины, которые исторически обусловливали возможность миграции индийцев в бассейн Тарима именно из Северо-Западной Индии. В географическом отношении Северо-Западная Индия отличалась доступностью с Востока и с Запада. Именно здесь, на территории Гандхары, индийская цивилизация вступила в контакты с греческой и иранской цивилизациями. Гандхара с Таксилой была центром индийской образованности, областью, где получила исключительное распространение письменность арамейского происхождения кхароштхи — деловое канцелярское письмо, засвидетельствованное в надписях Ашоки (III в. до н. э.). Кхароштхи, как правило, использовалось для фиксации северо-западного пракрита, который рядом фонетических и грамматических особенностей отличается от всех остальных пракритов. Северо-западный пракрит и кхароштхи были приняты в качестве официального языка и письма Кушанской империи на территории Индии и, вероятно, в остальных областях, за исключением Бактрии. Наличие твердой политической власти в Северо-Западной Индии и вхождение ее в состав больших государственных объединений, владения которых простирались на огромные расстояния с запада на восток, способствовали процветанию торговли и расширению культурных контактов.

Близость южной и юго-западной частей бассейна Тарима к Индии и к кушанским владениям в Бактрии обусловили преимущественное распространение индийского культурного влияния через прямые торговые контакты и с помощью буддийских миссионеров и переселенцев из Индии в Кроранне, Хотане и Кашгаре. Северная часть Восточного Туркестана — оазисы Турфана и Кучи — в силу исторических и географических причин испытывали индийское культурное влияние в меньшей степени. Об этом свидетельствует проведенный В. Эберхардом анализ имен китайцев и некитайцев, засвидетельствованных в китайских хрониках, официальных документах из Восточного Туркестана и Дуньхуана, а также на надгробных памятниках из района Турфана. За период в 1100 лет (начиная с 102 г. до н. э.) в перечисленных источниках засвидетельствовано 3883 имени китайцев, сюнну, сяньби, тибетцев и юэчжей, некоторое количество согдийских имен и ни одного индийского [43, с. 90].

Самым ранним достоверным письменным свидетельством проникновения больших масс индийцев на территорию Восточного Туркестана являются документы письмом кхароштхи, на особой разновидности северо-западного пракрита, найденные на территории Нии и Кроранны.

Они заслуживают подробного разбора, поскольку проливают свет не только на историю самого Восточного Туркестана, но и на историю Индии и Китая.

Первые таблички письмом кхароштхи были найдены А. Стейном в 1901 г. во время его первой экспедиции в Центральную Азию в развалинах древнего города вдоль сухого русла р. Ния, на расстоянии около 90 км к северу от современного города Ния-Базар. Во время этой экспедиции здесь в общей сложности было найдено около 300 табличек на дереве и несколько рукописей на коже. Таблички на дереве были двойные — пара клинообразных дощечек одинакового размера и формы соединялась так, что верхняя была крышкой для нижней. Текст документов занимал внутренние части обеих дощечек, а на крышке, на ее внешней стороне, как на конверте, был указан адресат и находилось небольшое углубление, которое заполнялось глиняной печатью отправителя. Ни одного клочка бумаги — с текстом или без него — на территории Нии не было обнаружено. Во время этой же экспедиции А. Стейн нашел несколько документов на территории древних развалин в районе современного города Эндере, к востоку от Нии, на полпути по направлению к пересохшему соленому озеру Лобнор. В Нии и в Эндере были найдены также узкие деревянные планки с одной строкой иероглифов — китайские документы, которые, как было установлено Эд. Шаванном, относятся к тому же периоду времени [38, с. IV].

Во второй раз А. Стейн посетил Нию в 1906 г. Во время этой экспедиции он продолжил свои изыскания и обследовал также древние развалины на северо-западном берегу оз. Лобнор, на расстоянии около 500 км от Нии. Здесь были найдены такие же деревянные таблички документов кхароштхи, китайские документы на дереве, один документ кхароштхи на шелке и три фрагмента документов на бумаге [72, т. 1, с. 372]. В 1913—1916 гг. А. Стейн провел завершающую экспедицию в районы Нии и Лобнора и присоединил к своей коллекции последние 50 документов кхароштхи [71, т. 1, с. 214—280].

В этот же период районы Нии и Лобнора посетили Э. Хантингтон [55] и японец Тачибана, которым удалось на уже обследованных объектах сделать важные находки [1].

Над дешифровкой документов кхароштхи работали крупнейшие ученые: Е. Дж. Рапсон, П. С. Нобль, аббат А. М. Боер, Е. Сенарт, Ф. В. Томас. Китайские документы обрабатывал Эд. Шаванн. В 1920—1929 гг. вышли из печати три тома документов кхароштхи, в которых опубликованы в транслитерации 764 документа на дереве, коже и бумаге [28], из них шесть табличек, найденных Э. Хантингтоном, расшифрованы Ф. В. Томасом [2]. В 1937—1939 гг. были опубликованы последние 18 табличек [31]. Таким образом, в транслитерации в настоящее время изданы 782 документа кхароштхи из Нии и района оз. Лобнор. Что касается факсимиле, то с сожалением приходится констатировать, что к изданию Е. Рапсона, П. Нобля и А. Боера приложены фотокопии только 46 документов [3]. В приложении к книгам А. Стейна «Ancient Khotan», «Serindia» и «Innermost Asia» изданы в общей сложности еще 93 документа (из них 6 — на коже, 3 — на бумаге, 1 — на шелке, остальные — на дереве) [4], однако главной задачей Стейна была

[1] О находке самого позднего по времени китайского документа на бумаге, датированного 324 г. н. э., Тачибаной см. [72, т. 1, с. 377].

[2] Вошли в состав части III.

[3] Док. №: 1, 17, 20, 32, 33, 39, 139, 149, 159, 164, 165, 222, 288, 305, 316, 329, 345, 415, 420, 432, 476, 505, 510, 511, 514, 515, 524, 571, 580, 581, 583, 604, 606, 625, 633, 637, 638, 661, 696, 703, 715, 720, 721, 725, 735, 743.

[4] В «Ancient Khotan», II — док. №: 48, 96, 140, 147, 160, 191, 198, 205, 235, 265, 266, 272, 283, 298, 310, 320, 322, 326, 331, 333, 343, 358, 362, 376, 399, 401; в «Serindia», IV — док. №: 435, 439, 440, 462, 467, 475, 478, 511, 517, 519, 520, 523, 532, 547, 558, 560, 562, 565, 568—571, 576—580, 582, 583, 587, 588, 593, 598, 604, 605, 607, 613, 616, 621, 640, 646, 647, 656, 659, 661, 677, 686, 694—697, 701—703, 708; в «Innermost Asia», III — док. №: 709, 713, 714, 719, 722, 727, 729, 732, 735, 754—756.

не публикация текстов факсимиле, а общая характеристика внешнего вида документов, поэтому тексты отпечатаны не всегда четко.

Фотокопии остальных оригиналов до настоящего времени не изданы.

В предисловии к 3-му тому издания Е. Рапсон и П. Нобль выражали сожаление по поводу того, что оригиналы документов были недоступны для повторного просмотра, поскольку часть из них была отправлена во Францию, а остальные законсервированы в Лондоне. На это же жаловался Т. Барроу, который готовил грамматический очерк и словарь языка, представленного в документах, по фотокопиям [33]. В настоящее время оригиналы док. № 213—427 и 510—565 хранятся в Британском музее, остальные документы — в Дели.

Перевод документов на английский язык с небольшими примечаниями, в которых главным образом отмечаются поправки к чтению, в 1940 г. издал Т. Барроу [35]. Он же посвятил изучению отдельных вопросов грамматики и лексики языка документов серию статей, опубликованных в различных востоковедных журналах в 30-е годы (см. ниже).

В разработку отдельных вопросов, связанных с лексикой языка документов и с интерпретацией ряда терминов, значительный вклад внесли такие крупные ученые, как В. Б. Хеннинг, Х. В. Бэйли, Ф. В. Томас, Дж. Браф и др.[5].

Письмо кхароштхи, представленное в документах, возникло на территории Северо-Западной Индии и засвидетельствовано в надписях и рукописях начиная с III в. до н. э. (основная масса надписей происходит из района Гандхары и Таксилы). Язык документов был определен как северо-западный пракрит, получивший распространение в Индии на той же территории и обнаруженный только в памятниках письмом кхароштхи. Уже упоминалось, что кхароштхи и северо-западный пракрит в первые века н. э. были приняты в качестве официального письма и языка Кушанской империи. Этот факт сразу же наводит на мысль о том, что между древним центральноазиатским государством и Кушанской империей должны были существовать тесные контакты. Многие исследователи полагают — и эта точка зрения до недавнего времени была единственной, начиная со времен А. Стейна и С. Конова, первых интерпретаторов центральноазиатской цивилизации этого района,— что древнее государство в южной части бассейна Тарима было индийской колонией выходцев из Северо-Западной Индии. Однако исследования лексики языка, представленного в документах, обнаружили ряд интересных моментов, которые, как представляется, не укладываются в рамки общепринятой точки зрения о колониальном характере поселений в южных областях бассейна Тарима.

Язык документов из Нии и из района Лобнора представляет большие трудности для исследователя. Главная из них состоит в том, что в нем много неиндийских слов. Они не засвидетельствованы ни в надписях из Северо-Западной Индии, ни в рукописи «Дхармапады» письмом кхароштхи, обнаруженной в Центральной Азии. К этим источникам в настоящее время мы можем прибавить еще и надписи кхароштхи первых веков н. э., найденные в 60-х годах археологами на территории Афганистана и советской Средней Азии. Около 20% неиндийских слов до настоящего времени дешифровать не удалось. Те, что дешифрованы, можно разделить на две группы: слова иранские и слова, представляющие местный языковой субстрат.

Проанализировав иранские заимствования, Т. Барроу пришел к выводу, что они относятся к разным периодам времени и к разным иранским языкам — как к западным, так и к восточным [32]. Основная

[5] В отечественной науке вопроса об индийцах в Восточном Туркестане и их общественном строе касался в одной из своих работ Б. А. Литвинский [10, с. 474—475].

масса заимствований проникла в язык на территории Северо-Западной Индии в первые века до н. э.— первые века н. э. В этот же период такие иранские слова, как divira, draṅga, sthora и др., проникли и в другие пракриты и в санскрит. Среди имен собственных, засвидетельствованных в документах из Нии и района Лобнора, иранских почти нет — это указывает на то, что в древнем государстве на юге Таримского бассейна иранского населения не было. Другой путь проникновения иранской лексики — общение с соседним Хотаном, где получил распространение еще один диалект северо-западного пракрита (об этом свидетельствует док. № 661, написанный в Хотане и датированный по годам правления хотанского раджи). В этом диалекте иранская лексика представлена значительно шире [30, с. 419 и сл.]. К таким заимствованиям относится, например, представленный в документах титул местной администрации cojhbo/cozbo (см. ниже).

Другой важный неиндийский элемент в северо-западном пракрите документов — это лексика, относящаяся к языку местного населения древнего государства на юге Таримского бассейна [34],— в документах засвидетельствовано около 100 слов и более тысячи имен собственных. Фонетическая структура и основные словообразовательные суффиксы указывают на то, что эти слова происходят из тохарских языков — А («языка страны Агни») и Б (языка Кучи) [17]. Орфография документов показывает, что фонетическая структура языка местного населения оказывала сильное влияние на северо-западный пракрит. В диалекте Хотана это влияние не ощущается. В языке документов сравнительно немного слов-соответствий тохарским языкам А и Б. Это, по всей вероятности, объясняется содержанием документов: в них представлена светская бытовая лексика и канцелярские термины, в то время как на тохарских языках в основном найдены только буддийские сочинения.

Все перечисленные выше особенности северо-западного пракрита, представленного в документах, позволили Т. Барроу дать этому языку особое название — крора́йни (по названию государства и его главного города — Крорайна, см. ниже) [34].

Таким образом, анализ языка документов позволяет сделать важный для истории этого древнего государства в Центральной Азии вывод: основную массу его населения составляли племена, родственные носителям тохарских языков, осевшим в бассейне Тарима в глубокой древности. Значительный процент индийского населения (земледельцев — выходцев из Северо-Западной Индии, представителей местной администрации, а также буддийских монахов) обусловливал возможность распространения на этой территории северо-западного пракрита и письма кхароштхи (о социальной структуре общества см. ниже). Этот вывод полностью подтверждается содержанием документов.

Часть документов из районов Нии и Лобнора представляет собой официальные приказы и распоряжения правителей относительно различных сторон жизни государства: сбора налогов, решения споров, разбора жалоб. Другая группа документов — купчие на землю, виноградники, рабов и рабынь. Среди документов много списков: учетные ведомости по сбору налогов, перечни чиновников, которым положена плата за несение государственной службы, имена владельцев домов и земель, проживающих на территории определенной административной единицы, и др. Есть некоторое количество удостоверений личности, предназначенных для получения различных продуктов — зерна, вина и пр. (№ 8), а также транспортных животных. Много личных писем.

Помимо официальных документов в составе коллекции изданы также некоторые литературные и буддийские тексты, а именно:

№ 523 — четыре санскритские шлоки, по содержанию сходные с Махабхаратой [35, с. 103].

№ 511 — поэма на буддийском санскрите, описывающая омовение.

№ 514 — две любовные шлоки и две шлоки, призывающие к просвещенности — изучению грамматики (śabdha), астрономии (jotiṣā), поэтики (kāvya karaṃna), искусства танца (tālava) и живописи (citragara), крорайни.

№ 72 — календарный текст: перечислены солнечные и дождливые дни в году.

№ 565 — гадательный текст: перечислены 12 накшатра с указанием, совершению каких дел благоприятствует нахождение луны в зоне одного из них [35, с. 111—112].

Содержание документов позволяет довольно подробно описать жизнь населения на этой территории и сделать некоторые выводы о политическом статусе государства и изменениях, происходящих в нем на протяжении почти столетия.

Для установления хронологических рамок периода, представленного в документах, исследователи привлекали некоторые данные из китайских документов, найденных на той же территории. Их с достоверностью можно отнести к тому же периоду, что и документы кхароштхи (найдены вперемешку в одних и тех же кучах мусора, написаны на дощечках из одного и того же дерева, одинаковой тушью, снабжены одинаковыми глиняными печатями, упоминаются одни и те же имена).

а) Название государства, его территория

Документы, найденные в двух крайних точках, отстоящих друг от друга на расстоянии около 500 км — в районе Нии на западе и в районе оз. Лобнор на востоке — сходны по внешнему виду и содержанию, датированы по годам правления одних и тех же махараджей (относительная хронология), упоминают одних и тех же чиновников местной администрации. Это свидетельствует о том, что указанная территория входила в состав одного государственного объединения. 76 документов датированы по годам пяти местных правителей (см. ниже). Во вступительной формуле одного из документов (№ 706) прямо указан и титул правителя, и название государства, которым он управляет: «mayā maharayena kroraiṃnaṃmi» — «мною, махараджей Крорайны». Крорайной назывался также главный город государства, где помещался царский дворец: mahaṃtanagara (№ 155, 250, 269), mahaṃtanagara-rayadvara (№ 5, 489). См. также док. № 530, где сказано: «mahanuava maharaya lihati... yatha... iśa kuhaniyaṃmi» — «Махараджа маханубхава пишет... здесь, в столице». Название «Kroraiṃna» (фонетический вариант — Krorayina) было отождествлено с китайским названием города Lou-lan, расположенного, судя по раскопкам А. Стейна, на северо-западном берегу Лобнора, на важнейшей древней южной дороге из Китая на Памир и в долину р. Окс. Эта дорога шла от Дуньхуана через пустыню Лобнор на Лу-лань, затем через Нию в Хотан, из Хотана — в Кашгар, из Кашгара на запад [72, с. 322, 343, 415; 29, с. 591—592]. Правильность отождествлений А. Стейна (на основе обработки китайских источников эпохи Хань, проделанной Эд. Шаванном) впоследствии была подтверждена В. Б. Хеннингом через согдийскую транскрипцию кит. Lou-lan — Kr'wr'n (Krōrān) [53, с. 611].

На китайских документах из Нии было прочтено китайское название государства Крорайны — Шань-шань (на табличке N. V.XV— «[Указ] царя Шань-шаня»; на китайской печати, обнаруженной на трех документах кхароштхи,— «Shan-shan chün wei» (с поправкой Брафа) — «Главный уполномоченный по Шань-шаню») [6].

Лу-лань и Шань-шань упоминаются в китайских источниках начи-

[6] Чтение надписи на N.V.XV. см. [70, т. 1, с. 538]. Документы с печатью (№ 571, 590, 640) описаны А. Стейном [72, т. 1, с. 230, 260, 262, 266]. Фотография одной печати опубликована там же, т. 4, табл. XX. Поправку к чтению надписи на печати см. [29, с. 591].

ная с Ранней Хань [41, с. 254]. О первых китайских военных гарнизонах на территории Лу-ланя известно с конца II в. до н. э. [41, с. 254]. Название «Шань-шань» как название государства, на территории которого расположен Лу-лань, появляется в китайских источниках с 77 г. до н. э.[7].

В двух документах из Нии (№ 14 и 214) описан отрезок пути между Кроранной и Хотаном, основные перевалочные станции и области, через которые проходила караванная дорога: от Кроранны до Чалмаданы (Calmadana), от Чалмаданы до Сачи (Saca, Sāca), от Сачи до Нины (Nina), главного города области Чадоты (Caḍota), от Нины — до Хотана. Из этих документов видно, что область Чадота граничила с Хотаном. Отождествления упомянутых в документах географических названий с названиями современной карты Восточного Туркестана и с китайскими названиями эпох Хань и Тан (в описании путешествия Сюань-цзана, около 630 г.) сделал А. Стейн: Чалмадана — кит. Ch'ieh-mo — у Сюань-цзана Chih-mo-t'o-na — совр. Черчен [70, т. 1, с. 311; 72, т. 1, с. 219; 28, т. 3, с. 325][8]; Сача — кит. Hsiao-yüan — у Сюань-цзана — Tu-huo-lo — совр. Эндере [70, т. 1, с. 417, 435; 72, т. 1, с. 270; 29, с. 593]; Нина — у Сюань-цзана — Ni-jang — совр. Ния [70, т. 1, с. 311][9]; Чадота — кит. Ching-chüeh [72, т. 1, с. 219; 28, т. 3, с. 325]. Чаще всего в документах упоминается Чадота — 34 раза; Чалмадана упоминается 19 раз. Очевидно, государство Кроранна делилось на три области: собственно Кроранна, Чадота и Чалмадана. Две последние в административном отношении подчинялись Кроранне. Это подтверждает док. № 246 — приказ из Кроранны выйти на исполнение общественных работ «всем жителям Чалмаданы и Чадоты». Что касается местности Сача (=Эндере), то, судя по содержанию документов, в которых она упоминается, там был расположен военный отряд и сторожевая станция (см. № 1; 123).

б) Правящая династия и ее абсолютная и относительная хронология

Содержание документов свидетельствует о том, что государство Кроранна в описываемый период было самостоятельным и не зависело от соседей. 76 документов датированы по годам правления пяти местных махараджей — Tajaka (1 док.), Pepiya (4 док.), Aṃgoka (26 док.), Mahiri (31 док.) и Vaṣmana (14 док.). Период их правления охватывает около 100 лет. Имена махараджей не являются с несомненностью индийскими, хотя для них можно привести санскритские эквиваленты. Не являются они и иранскими, хотя для одного-двух можно подобрать иранские этимологии [29, с. 595]. У издателей документов некоторые сомнения остались по поводу чтения имени Pepiya. Два имени как будто бы упоминаются в китайских документах из Кроранны. Для одного из них — Aṃgoka (варианты Aṃ́goka, Aṃgvaka) Ф. В. Томас указывает точное китайское соответствие — An-chou [76, с. 49, 50][10]. В документах приведены следующие годы правления: Таджака — 3-й; Пепия — с 3-го по 8-й; Амкока (или Амгока?) — с 5-го по 36-й; Махири —

---

[7] Китайские источники сообщают, что новое название появилось после переноса на другое место столицы — города Лу-ланя, очевидно, из-за смены русла реки, на которой он был расположен в древности (см. [36, с. 533]).

[8] Дж. Гамильтон видит в современном названии города Черчен кит. Shan-Shan, см. [52, с. 121].

[9] А. Стейн [70, т. 1, с. 311] приводит доказательства С. Жюльена относительно использования второго иероглифа — jang — для транслитерации скр. ṇуа, ña, jña, отсюда Ni-jang → *Ninya → Niya.

[10] Сомнение в правильности отождествления именно этого правителя с упомянутым в китайских источниках под именем An-chou, вызывает тот факт, что в ханьское время имя Ань-чжоу носили несколько правителей, в том числе и правители Хотана и Кашгара.

с 4-го по 28-й; Вашмана — с 3-го по 11-й. Порядок, в котором следовали друг за другом эти правители, был установлен по косвенным данным издателями документов Е. Рапсоном и П. Ноблем [28, т. 3, с. 323—328].

Если относительно происхождения имен правителей Крорайны могут быть высказаны некоторые сомнения, то их титулатура, несомненно, кушанская. См., например, док. № 579, 9-й год правления Амкока: maharaya rayatirayasa mahaṃtasa jayaṃtasa dharmiyasa sacadharmasthidasa mahanuava maharaya aṃkvaǵa devaputrasa. С некоторыми сокращениями или дополнениями этот титул засвидетельствован во всех датированных документах. Хотя известно, что многие обозначения из этой титулатуры употреблялись в Индии и до кушан, данная формула титулования — в полном виде — может быть только кушанского происхождения [11]. По содержанию документов видно, что во время их составления Крорайна не находилась в контактах с Кушанской империей, нет упоминаний о каком-либо правителе, находящемся за пределами государства. Вряд ли и титулы, и язык, и письмо были лишь результатом влияния соседнего Кушанского государства. К этому выводу впервые подошел А. Стейн, когда писал, что исследователи должны решить, являются ли все эти факты результатом политических контактов и зависимости от Индо-скифского государства, под власть которого в какой-то период попал бассейн Тарима, или объясняются влиянием буддизма, который в это время активно распространялся как из Индии, так и из Бактрии [72, т. 1, с. 243]. Однако сам Стейн так и не смог ответить на этот вопрос, и он остается главным и по сей день.

Одна из попыток доказать, что в середине II в. н. э. политическая власть кушан распространялась на территорию бассейна Тарима, была предпринята Дж. Брафом. Он довольно убедительно показал, что государство Крорайна получило самостоятельность, отколовшись от Кушанской империи в период ее ослабления, и в пользу своей точки зрения привел ряд хронологических выкладок, которые заслуживают внимательного рассмотрения.

Время вхождения государства Крорайна в состав Кушанской империи — середина II в. н. э. В момент составления самого раннего из документов Крорайна была уже самостоятельным государством. Этот факт связан с двумя другими: слабостью Хань к концу династии — ее к тому же подкосили кушаны, установив свой контроль над огромной территорией к востоку от Памира, включая бассейн Тарима,— и концом самой Кушанской империи, которую разгромили Сасаниды в 260 или даже в 230 г. н. э. [27, с. 499] [12]. Документы Крорайны как раз и начинаются с этой даты.

Китайский документ, найденный в Нии в помещении N.V.XV. вместе с документами кхароштхи, содержит дату — 269 г. н. э. [70, т. 1, с. 338 и сл., 399 и сл., 537 и сл.; 28, т. 3, с. 325]. Другие китайские документы на дереве, изданные Шаванном, имеют следующие даты:

263 г.— № 738
264 г.— № 721

[11] В документах засвидетельствованы два имени, явно указывающих на связь их носителей с кушанами: Кушамна (док. № 79) — его имя дважды упоминается в списке лиц, которым причитается плата за несение государственной службы (может быть, не имя собственное, а просто «кушанец»?), и Кушанасена. Это имя носили два представителя местной администрации: огу (или оку?) Кушанасена (док. № 5, 136, 193, 198) и гушура Кушанасена (№ 320, 399, 478).

[12] Позднее, на основании анализа монет, А. Бивар пришел к выводу о том, что династия Великих кушан просуществовала до 226/227 г. н. э. К этому же году относится начало царствования Ардашира I, основателя династии Сасанидов, разгромивших кушан; см. [26, с. 323]. Кроме мнения А. Бивара, существует ряд других точек зрения по поводу хронологии Кушанской империи. Проблема эта в настоящий момент продолжает оставаться сложной и дискуссионной, и мы не собираемся здесь заниматься ее обсуждением.

265 г.— № 722, 723, 730
266 г.— № 724, 739
268 г.— № 725, 728
269 г.— № 726, 727, 741
270 г.— № 729, 733, 735, 736, 748
330 г.— № 886.

Документы на бумаге содержат две даты: 270 г. (№ 896) и 312 г. (№ 910, 912) [38]. Документ на бумаге, найденный Тачибаной, датирован 324 г. [72, т. 1, с. 377].

Самому раннему китайскому документу — 263 г. н. э.,— как полагает Дж. Браф, по содержанию соответствуют два документа кхароштхи, относящиеся к 17-му году правления Амкока (№ 571 и 590), которые были найдены вместе с ним. В этих документах зафиксирована одна важная деталь: начиная с этого года правители Кроранйны стали носить особый титул — jiṭuga (jiṭughi, ciṭughi и др.), который, как доказал Дж. Браф, восходит к кит. shih-chung [29, с. 602]. Браф высказал предположение, что этот титул правители Кроранйны получили около 265 г., когда в Китае к власти пришла династия Западная Цзинь. Если взять за точку отсчета «17-й год Амкоки» (263 г.), последний по времени документ кхароштхи нужно датировать 321 г. н. э. Начало правления Амкоки следует относить к 247 г. н. э. А если учесть, что ему предшествовали два правителя — Таджака и Пепия, 11 лет правления которых засвидетельствованы документами, но конечные даты правлений неизвестны, то начало самостоятельной династии Кроранйны нужно передвинуть к 230 г. н. э. (ср. выше) [29, с. 604].

Как представляется, гипотеза Дж. Брафа имеет полное право на существование и может быть подтверждена социальной структурой государства Кроранйны, анализом которой мы займемся в следующих разделах.

Точка зрения Дж. Брафа не была принята всеми исследователями, о чем свидетельствует недавнее выступление индийского ученого Б. Н. Мукерджи [65]. В качестве доказательства он приводит монетный материал из Восточного Туркестана: среди монетных находок преобладают монеты, которые служат подражанием докушанским индо-парфянским и китайским монетам [65, с. 93]. Б. Н. Мукерджи пытается доказать, что и письменность кхароштхи и северо-западный пракрит проникли в Кроранйну до кушан, равно как и буддизм. Именно поэтому первые переводы буддийских текстов на китайский язык делались выходцами из Центральной Азии с северо-западного пракрита. Приведенные факты не противоречат точке зрения Брафа. Более того, и сам Браф считает, что и буддизм, и кхароштхи, и пракрит проникли в Центральную Азию из Северо-Западной Индии и Кашмира до кушан. Мукерджи не учитывает, однако, того факта, что до кушан на территории Кроранйны не было государственных образований, а принятие языка и письма для официальной переписки на такой значительной территории могло произойти только при наличии регулирующей (и законодательной) деятельности государства.

Следует отметить, что китайские источники периодов Хань и Тан содержат ряд сведений, которые могут служить поддержкой гипотезы Брафа. Анналы Поздней Хань, как установили О. Франке [50, с. 740] и Ю. Клапрот [57, с. 166], передают рассказ о правителе Su-lê (т. е. Кашгара) по имени An-kuo, который был вынужден послать заложником к юечжам своего родственника, принца Ch'ên-p'an. После смерти An-kuo Ch'ên-p'an был посажен юечжами на трон и правил с их помощью в 114—120 гг. н. э. [70, т. 1, с. 55—56]. Вмешательство юечжей в дела Кашгара привело к распространению там около 120 г. н. э. буддизма хинаянского толка, пришедшего из Бактрии, где, по сведениям китайских источников, находились главные владения юечжей-кушан,

ярых приверженцев буддизма [70, т. 1, с. 56]. Сюань-цзан не только подтверждает эти сведения, но также сообщает, что Канишка повел свои армии на восток, за Памир, и земли между Памиром и Китаем считали его своим правителем [24, т. 1, с. 56; 29, с. 588]. Как установлено в ряде новейших исследований по кушанской проблеме, кушаны вряд ли могут быть отождествлены с юечжами китайских источников; сведения о переселении больших юечжей в Бактрию около 140 г. до н. э. и об основании ими там кушанской династии, очевидно, записаны не из первых рук и содержат ряд неясных моментов [7, с. 198—200]. Одно здесь несомненно: и анналы Поздней Хань, и Сюань-цзан передают одну и ту же традицию, согласно которой Кашгар и, очевидно, бóльшая часть бассейна Тарима около середины II в. н. э. находились в зависимости от Бактрии, т. е. от кушан.

в) Административное деление Крорайны. Бюрократический аппарат

А. Стейн указывал, что термин «город» в том смысле, который исследователи обычно вкладывают в него, не применим ни к одному виду раскопанных им в Нии и Крорайне поселений [70, т. 1, с. 382]. Жилища отстояли друг от друга на значительном расстоянии, между ними находились поля и сады. Естественной границей города являлись не стены и валы, а пустыня, которая все время наступала на оазисы. Для борьбы с ней требовался огромный труд по орошению и возделыванию земель и постоянная бдительность.

Судя по раскопкам, проведенным А. Стейном в оазисах Нии и Крорайны, Ния занимала довольно большую площадь — около 7 миль с севера на юг и около 2 миль с востока на запад (современные оазисы Гума, Чхира или Таваккел). Город был заселен и покинут весь сразу. Удалось обнаружить лишь несколько древних зданий хорошей, основательной постройки, остальные дома — глинобитные мазанки мелких земледельцев. В центре городов помещались «базары» — площади, на которых не было жилищ. О количестве жителей в Нии и Крорайне судить трудно. Собрания документов были найдены в нескольких помещениях, очевидно домах местной администрации: и контора, и жилище помещались под одним кровом.

В Лу-лане (Крорайне) А. Стейну удалось раскопать комплекс (L.A.II), построенный китайцами в первые годы пребывания их гарнизона на этой территории и просуществовавший, очевидно, до того времени, когда оазис был покинут жителями. Это квадратная площадка на террасоподобной насыпи, огороженная глинобитными стенами. Внутри стен — различные строения из сырцового кирпича. Главное здание состояло из трех узких комнат, разделенных тонкими стенками, здесь были найдены первые китайские документы и таблички письменами кхароштхи. Очевидно, здание было резиденцией китайской администрации. По форме и устройству здание напоминало китайский *ямынь*. Здесь же проживали семьи китайских чиновников, их слуги, подчиненные и т. д. Характерной особенностью постройки являются массивные стены Т-образной формы из сырцового кирпича, вдоль которых располагались все внутренние комнаты комплекса L.A.II. Фундамент для стен был сооружен из тамарискового дерева. Другой комплекс — L.A.IV — был определен Стейном как резиденция местной администрации.

Позднее, во второй половине VIII — середине IX в. н. э., в Миране (к югу от оз. Лобнор), на территории древней Крорайны, высились форты крепости, возведенной тибетцами (см. ниже). В тибетских документах VIII—IX вв. бывшая территория государства Крорайны называется Ноб (ср. Лобнор) — Малый Ноб (Миран) и Большой Ноб (Чаркхлик) [66, с. 770]. Тибетские термины, которые употребляются в

документах для обозначения населенных местностей, все без исключения имеют значение «город»: mkhar — «город с крепостью» (т. е. Миран), khrom — «город с рынком», khrom-chen-po и groṅ-khyer — «большой город». Терминов, означающих «деревня», «сельская местность», в тибетских документах не засвидетельствовано. Из этого можно сделать вывод, что на этой территории с древности располагались поселения одного и того же типа. Единственной отличительной чертой таких поселений, как Лу-лань и Малый Ноб (Миран), были крепости, построенные для своих гарнизонов завоевателями — китайцами и тибетцами.

В условиях жестокой борьбы с природой каждый клочок годной для обработки земли оценивался количеством зерна, которое можно на нем посеять, или урожаем, который он может дать (см. док. № 222). Как и на многих территориях Средней Азии со сходными природными условиями, в Центральной Азии существовала особая система налогообложения — не с участка земли, а с количества посеянного на нем зерна и с урожая. Эта система представлена и в Кроранне. Налогообложение было основным фактором, обусловливающим административное деление государства. Административные единицы, засвидетельствованные в документах, имели прямое отношение к сбору налогов.

Поскольку нет ни одного документа, в котором было бы описано административное деление Кроранны, все выводы могут быть сделаны только на основе сопоставления представленных в документах отдельных фактов.

Основной административной единицей — самой крупной по количеству жителей, очевидно, была *авана* (aṽana) — «округ». Это слово ни разу не употребляется в документах без названия. Точная этимология слово *авана* в настоящее время не установлена. Высказано предположение о его иранском происхождении, некоторые сопоставляют его с санскритским āpaṇa «рынок». Поводом для такого сопоставления является употребление в одном документе в значении *авана* слова *нагара*: Peta-nagaraṃmi (№ 25). Однако в другом документе (№ 124) упоминаются земли, относящиеся к Пета-аване — «Peta-aṽaneṃci bhumana prace». В документах упоминаются 11 названий аван:

1) Vave-aṽana (18 док.) — № 37, 121, 254, 279, 401, 431 (2-й), 439, 468, 474, 481, 495, 497, 532, 581, 621, 632, 740, 745.
2) Peta-aṽana (15 док.) — № 10, 16, 32, 42, 46, 105, 110, 121, 124, 136 (7-й), 162, 164, 165, 494, 622.
3) Catiṣa-devi-aṽana (Catiṣa-deviae-a°) и devi-Catisae-aṽana — № 46, 290, 295, 334, 474, 496, 516.
4) Yiruṃḍhina-aṽana — № 297.
5) Ajiyama-aṽana — № 105, 181, 199, 422, 573, 714.
6) Vaṃtu-aṽana — № 296.
7) Traṣa-aṽana — № 70, 326, 393.
8) Navaǵa-aṽana — № 366.
9) Toṃgraka-maharayaṣa-aṽanaṃmi — № 549.
10) Deviyae-ogu-Anuǵaya-ni-aṽanaṃmi — № 629.
11) Paǧina-aṽanaṃmi — № 750.

В четырех документах (№ 42, 121, 165, 468) прямо сказано, что авана — административная единица для сбора налога, см., например, № 42: «Ṣa ca yahi purvika adehi peta-aṽanaṃmi saṃvatsari palṕi ciṃdita ǵa» — «Как и в прежние времена, для Пета-аваны определен годовой налог». Авана отдавалась в управление чиновнику, занимавшему одну из верхних иерархических ступенек бюрократического аппарата (см. ниже), например, док. № 16: « Sa ca ahano maya maharayena peta-ana caṃkura arjunaṣa picavida» — «Пета-авана теперь передана мною, махараджей, [в управление] чамкуре Арджуне».

Поскольку сумма годового налога, определенная для аваны, складывалась из налогов, внесенных отдельными налогоплательщиками, мест-

ная администрация следила за тем, чтобы приписанные к аване жители не покидали ее территорию. О прикреплении жителей к аванам свидетельствует док. № 46: спорный вопрос, к какой аване относить женщину — к Пета- или к Чатиса-девияе-, разбирает суд при дворце раджи. Суд выносит решение: числить женщину и двух ее дочерей за Пета-аваной. Прикрепление к аванам подтверждает также док. № 532, в котором излагается история некоего Вусмека. Он пришел в одну из областей Яве-аваны и стал там работать на том основании, что его мать родом из Яве-аваны. Однако он не имел на это права, поскольку его отец — родом из Чадоты и там и проживает. Дети же получают право на работу только в том месте, откуда родом их отец (и, соответственно, там, где проживает семья). В этом отношении представляет интерес ряд документов, в которых обсуждаются брачные контракты. За женщину, которую брали в жены, платили выкуп (lote, mukeṣi), после чего она переходила в семью мужа. Если при этом она переезжала в другую авану, то эта авана должна была вносить выкуп в пользу аваны, из которой женщину забирали, см., например, док. № 279: «...Cakuv̇aae, сестра kala Acuñi из области Яве-аваны, была взята в жены Pg̊ena, который относится к Аджияма-аване. Выкуп за женщину (*лоте* и *мукеши*) не был взят Яве-аваной». В таком случае, как явствует из другого док. (№ 474), за женщину в эту авану нужно выплачивать причитающийся на ее долю налог. Если же налог не был выплачен своевременно, задолженность обязаны погасить дети женщины, взятой в жены без выкупа (см. док. № 481). Ряд документов свидетельствует о том, что для упрощения практической стороны дела отдельные области заключали между собой соглашения об обмене женщинами, см., например, док. № 338: «yo asmahu kilm[e]ciyana parasya mulade striyana mukeṣi kiḍaǵa se camaka janati tasya maṃtra śrunidavya yo sačñiyana teṣa maṃ[tra] lihidavya» — «О том соглашении, которое заключили жители моей *килме* (см. ниже) с другими областями по поводу обмена выкупами за жен, Чамака знает. Этого постановления следует придерживаться. Свидетели, которые будут, должны подписать это постановление». В цитированном выше док. № 279 Пгена (Пкена?), который не выплатил лоте и мукеши в Яве-авану, обязуется выдать туда замуж свою дочь в качестве компенсации.

О количестве хозяйств или людей, входивших в состав аваны, данных нет. Судя по тому, что в авану могло входить несколько śata — «сотен» (см. ниже), реально считать, что ее население составляло около тысячи человек. Для сравнения можно привести цифры из «Анналов Ранней Хань», которые относятся к государству Шань-шань: число семей — 1570, число жителей — 14 100 человек, военные отряды насчитывают 2912 солдат [41, с. 254].

Возможно, административное деление на аваны наложилось на древнее родо-племенное деление этой территории. Однако опыт соседних центральноазиатских государств показывает, что с образованием государства правитель проводил реформу и устанавливал новое административное деление, исходя из необходимости собирать полную сумму налога со всех областей. Иногда это деление совпадало с древним родо-племенным, но чаще определялось удобством управления и сбора налога.

Аваны делились на *прадеши* — «провинции, уезды» (?) (скр. pradeśa, крорайни pradeja). Так, в док. № 37 рассказывается, как во время обмера земель в Яве-аване была прорыта канава, которую местные жители стали считать границей прадеши. Если авана в документах обычно связывается со сбором налогов, то термин *прадеша* употребляется для обозначения определенной территории. Большинство документов, где засвидетельствован этот термин, представляют собой списки чиновников и прочих государственных служащих, которым надлежит плата за несение службы: имена чиновников приведены по пра-

дешам. В документах упоминаются десять прадеш: 1) Calmasasa pra° (№ 163); 2) Lustuasa pra° (№ 168, 175, 179); 3) Vuǵtoasa pra° (№ 41, 168); 4) Apeṃnasa pra° (№ 41, ср. № 242: Apanasa pra° — то же?); 5) Vuruasa (вар. Vūruasa pra° (№ 146, 173, 179); 6) As[ǵa]sa pra° (№ 179); 7) V́uasa pra° (№ 242); 8) Vurc[u]ǵana pra° (№ 277, 304); 9) Vurc[u]ǵa luṭhuasa pra° (№ 277); 10) Ḳusalasa pra° (№ 337, два раза). В док. № 79 сохранился только первый слог названия: «Lṕ... sa prade ʃade».

Другой административной единицей, подчиненной аване, является *килме* (kilme) «область»; это местное крорайнское слово, которое исследователи сближают с тохарским (язык А) kālyme «направление; область». О подчиненном аване положении свидетельствуют док. № 16 — инструкция управляющему Пета-аваны о том, какого возраста верблюдов следует собирать с килме; док. № 532, где упоминается «Vusmeka Yaṽe aṽanaṃmi kilmeci» — «Вусмека, житель килме из Яве-аваны» (ср. выше), а также ряд других документов, в которых встречается формула yaṽe-aṽ anaṃmi kilmeciyana «жители килме из Яве-аваны» (№ 468, 495, 497 и др.) или сокращенно yaṽe kilmeciyana [№ 431 (2-й)].

Термин *килме* в документах засвидетельствован также в другом значении: «земельное пожалование» [76, с. 63; 77, с. 96; 34, с. 674]. Ср., например, док. № 24: «yo edeṣa devaputraṣa padamulade goṭha kilme ladhoǵa tade sarpiǵaṣaśa caule ichati» — «Он хочет получить в уплату долга Сарпиги дом и землю, которые получены [Сугитой] из-под ноги его светлости сына богов» (отрывок из жалобы на незаконное изъятие собственности хозяина Сугиты за долг его раба Сарпиги). В качестве обладателей килме упомянуты лица с высокими титулами и званиями. В док. № 374 земли килме противопоставлены государственным — «rajade» (скр. rājya): «ca masinaṃmi saṃvatsari palṕi ciṃditaǵa yo kilmeciyana paride yaṃ ca rajade palṕi ciṃditaǵa» — «В Масине ежегодный налог, который определен с государственных земель...».

Это дает основание рассматривать килме так же, как частнособственнические земельные наделы, принадлежащие местной аристократии. О наследовании килме в документах сведений нет.

Особый интерес представляет другая административная единица — *шата* (śata) — «сотня», «сто хозяйств». Ряд документов свидетельствует о том, что она тоже связана с налогообложением. Шата входила в состав аваны: см. док. № 46, где сказано: «Также он сообщает, что жители Пета-аваны не исполняют общественных работ в „сотнях" Ḳoñita и Maṣḍhiǵa». Из этого же документа видно, что «с прежних времен существует традиция, по которой мужчины обязаны исполнять общественные работы в сотнях». Во главе сотни стоял старший — śadavida (см. ниже), и сотни обозначались его именем, ср. выше, док. № 46, а также док. № 82: «Сотня Cimǵe», док. № 168: «Сотня Svaya» и др. Шата — основная административная единица по сбору налогов. Ряд списков, найденных среди документов, содержит названия «сотен» и количество полученного с них налога: масла (гхи), зерна, верблюдов, вина и др. (см. № 73, 74, 76, 92, 168, 169, 342). Док. № 80, по всей вероятности, является списком хозяйств, входящих в состав сотни (сохранились 96 имен). Вопрос о нормах собираемого налога получил освещение в статье Р. С. Агравалы [13].

Некоторые документы дают основание полагать, что «сотня» в Крорайне была также военной единицей: сто хозяйств в случае войны должны были выставлять сто воинов. Сотенный начальник — *шадавида* — в военное время становился командиром отряда.

Другое название, засвидетельствованное в док. № 82,— *вимшпа* (viṃśpa), судя по контексту, должно обозначать аналогичную *шата* административную единицу по сбору налогов — в док. сказано, что с вимшпы Сугиты и с шаты Чимге причитается один верблюд с погонщиком для сборщика налогов и один верблюд с погонщиком для Япгу.

Напрашивается сравнение с скр. viṃśa, viṃśati «20». Возможно, жители «сотни» сами объединялись в «двадцатки» для выполнения различных трудовых повинностей.

В рассмотренной цепочке терминов — *авана, прадеша, килме, шата, вимшпа* — по крайней мере три — индийского происхождения. Документы не дают возможности в полной мере выявить их административный статус. Следует, впрочем, заметить, что об административном делении Северо-Западной Индии в I—III вв. н. э. у исследователей еще меньше сведений, исключение здесь составляет только Кашмир, о котором сохранилось значительное количество данных для более позднего периода (в «Раджатарангини» Калханы).

В документах засвидетельствовано более 50 терминов, обозначающих лиц крорайнской администрации. Это свидетельствует о наличии развитого бюрократического аппарата. По происхождению термины делятся на индийские, иранские и местные. Верхнюю ступень иерархической лестницы занимал махараджа (о его титулах см. выше). К числу традиционно индийских терминов относятся такие, как divira «писец», rajaṃmi divira «царский писец», carapuruṣa «тайный агент», rayadvara-puraṭhita/puraṭhida (скр. purasthita) «управляющий дворцом», lekhahāraka «разносящие письма, гонцы», dutiya (скр. dūta) «посол», rayadvara-mahatva «царские судьи», «придворные чиновники». Эти чиновники обслуживали дворец и самого махараджу. Можно считать, что перечисленные должности остались в Крорайне после кушан и являются пережитком той эпохи, когда у власти стоял вассальный правитель, выходец из Индии или Бактрии, двор которого был устроен по кушанскому образцу. Что касается терминов, обозначающих административные должности на местах, в том числе представителей высшей администрации, то все они местные или иранские. Происхождение некоторых терминов осталось невыясненным.

Как видно из док. № 574, 582, 709, 732 и др., высший пост в крорайнской администрации принадлежал *огу* (*оку*? oǧu) (лица с этим титулом стоят в документах на втором месте, сразу после раджи). По фонетическому составу слово не крорайнское, происхождение термина неясно. В документах упоминается ок. 25 огу. Два из них были владельцами килме: огу Puṃñyaśa (№ 209) и огу Aśoǧa (№ 254). В их обязанности входили доклады радже по различным административным делам (№ 38), в том числе по сборам налогов (№ 315). От огу исходили приказы по аванам о начале сбора налогов и недоимок за прошлый год, см., например, категорический приказ cojhbo Kranaya и soṭhaṃgha Lýipeya прислать годовой налог и недоимки по Пета-аване к определенному сроку с угрозой взыскать все из их кармана в случае опоздания — № 165. Огу исполняли также судебные функции (№ 318). В док. № 214 огу Alýaya отправляется в качестве посла в Хотан с подарками хотанскому радже. Огу мог иметь собственную печать (№ 326).

С огу тесно связан другой высший административный титул — *гушура* (guśura). Ряд лиц носил оба титула — и огу, и гушура, см., например, № 582 и 584, где упомянуты обладающие этими титулами Кушанасена, Чакурата и Ашока. В функции гушуры входил разбор судебных дел (№ 216, 295 и др.). По фонетическому составу слово не относится к крорайнскому языку. О его происхождении высказано несколько точек зрения: 1) Ф. В. Томас сопоставляет этот титул с kujula, kuyula, kozoulo, которые засвидетельствованы на монетах кушанских правителей [77, с. 66]; 2) Т. Барроу сравнивает guśura с новоперс. vazīr, авест. vičira (с заменой vi- на gu-, которая была характерна для языка иранцев в Северной Индии в I в. н. э., см. [33, с. 87—88]); 3) Х. В. Бейли [19, с. 121] сопоставляет этот термин с др.-иранск. *visas-puθra- [20, с. 27], с хотаносакск. bisīviraa «высокого рождения» (скр. kula-putra, [18, с. 331]) и добавляет тибетские и санскритские аналоги: скр. gauśu-

rya (gauśara), тиб. ʻgeʻu-śusuya, goʻu-śora [19, с. 393]. В форме gauśura этот термин засвидетельствован также в санскритском тексте из Кучи [63, с. 255].

Третьим высшим титулом в Крорайне был *кала* (kala, kāla). В документах засвидетельствовано около десяти кала. Возможно, этот титул означает «принц», поскольку в док. № 331, 622, 634 упоминается «maharaya-putra kala Puṃñabala», а в док. № 307 — «maharaya-putra kala Kupṣuda». В функции калы входило наблюдение за правильностью разбора жалоб и ссор, а также надзор за выплатой чиновникам жалованья, продовольствия и пр., за несение службы (№ 25). Ф. В. Томас считает, что слово *кала* в форме kara засвидетельствовано на кушанских монетах в имени Kujula (ср. выше, = guśura) Kara Kadphis.

Четвертым по нисходящей линии в документах упоминается *чамкура* (caṃkura) (ср. № 478, 709, 732 и др.). Титул *чамкура* носил глава Пета-аваны (№ 16). Чамкура Kapǵeya был собственником килме (№ 437). Вместе с другими представителями высшей администрации чамкура принимает участие в решении судебных дел (№ 318, 506, 583). Ф. В. Томас сближает caṃkura с тибетским caṅ-khyir, caṅ-khyur «покровитель, глава», засвидетельствованным в тибетских документах VIII в. из Восточного Туркестана. Очевидно, слово *чамкура* пользовалось широким распространением в Центральной Азии и было заимствовано в тибетский язык. Ф. В. Томасу принадлежит также сопоставление этого термина с скр. nagara-rakṣaka букв. «охраняющий город», т. е. «глава полиции» [73, I, с. 75, 79; VI, с. 550; VIII, с. 97, 252; 76, с. 73].

Далее следует титул *чозбо* (cojhbo, cozbo) — слово иранского происхождения (ср. cazba, диалект маралбаши сакского языка) [33, с. VII; 58, с. 772]. Титул *чозбо* — самый распространенный в документах, его носят около 40 человек. В иерархии чиновников чозбо стоял ниже, чем огу, гушура, кала и чамкура, и должен был подчиняться им. Однако на практике чозбо иногда получал большие полномочия и назначался на высокий пост. Так, судя по док. № 272, чозбо Сомджака был губернатором Чадоты. В приказе на его имя махараджа Крорайны пишет: «Прошел также слух, что многие годные для службы люди высокого рождения не подчиняются чозбо Сомджаке. Они не имеют права так [поступать]. Я вручил страну только в руки этого человека, никто не должен уклоняться от государственной службы». Поскольку титул *чозбо* в документах упоминается чаще, чем огу, гушура и чамкура, нужно полагать, что далеко не все чозбо занимали такой высокий пост и пользовались таким доверием махараджи, как Сомджака. В обязанности чозбо входил как разбор судебных дел на местах, так и вопросы управления (сбор налогов и др.). Большинство документов адресовано чозбо, это свидетельствует о том, что они исполняли приказы на местах и были самой активной частью административного аппарата Крорайны.

Выше, чем чозбо, но ниже, чем огу, гушура и чамкура, стоял на иерархической лестнице *чувалаяна* (cuvalayana) (док. № 582, 584, 709, 732). В документах упоминается только пять лиц, носящих этот титул. В док. № 278, 573 и 702 слово *чувалаяна* выступает, вероятно, в качестве имени собственного. В документах отмечено главным образом исполнение чувалаяной судебных функций (№ 582, 709, 732). В док. № 135 чувалаяна Пхурмасева отправлен в качестве посла в Хотан.

Другой представитель исполнительной власти на местах — *шотхамгха* (ṣoṭhaṃgha). Функции его были самые широкие. Он нес ответственность за сбор налогов и за царский скот и верблюдов (№ 182, 341). Он выплачивал жалованье чиновникам и снаряжал продовольствием посольства в Хотан (№ 14, 19, 135). В функции шотхамгхи входил надзор за производством и сбором вина (№ 272, 567). Шотхамгха выступал даже в функции писца (№ 520), и его дети обычно становились

писцами (№ 507, 598). Слово ṣoṭhaṃgha восходит к тохарскому (язык А) ṣoṣṭāñkāñ «сборщик налогов» [22, с. 905].

Власть на местах осуществлялась также с помощью чиновников средней категории — *васу* (vasu), которые, судя по содержанию документов, были заняты в двух сферах, это были: 1) судопроизводство; 2) сбор налогов. Ряд документов содержит одну и ту же формулу, в которой упоминаются судейские чиновники на местах —«васу и *акета* (aǧeta) — и верховный суд при дворе раджи; см., например, док. № 571, 715 и др.: «ko pācima kalaṃmi vasu aǧeta rayadvaraṃmi codeyati vadeyati» — «кто обнаружит ошибку в [делах], рассмотренных прежде васу и акета, [и] сообщит об этом в придворный [суд]...» Васу и акета упоминаются вместе и в других документах, см., например, док. № 496 — приказ раджи на имя васу и акета в Чадоте не чинить препятствий в передаче двух участков земли шотхамгхе Lyipeya, № 322 и др. В док. № 714 васу и акета приглашаются ко двору для обсуждения вопросов, связанных с налогообложением. В док. № 42 васу предписывается выяснить, собран ли налог, и передать все полностью в руки акета. В док. № 25 васу приказано выплатить жалованье чиновникам в Пета-аване. Всего в документах упоминается около 25 васу. Приведенный материал свидетельствует о том, что на местах судебная власть не отделялась от прочих административных функций чиновников, а верховный суд при дворе был, в основном, только контрольным органом.

По происхождению оба термина — *васу* и *акета* — местные.

Среди «благородных» — азаде (ajhade) — в док. № 436 назван человек, носящий титул *томгха* (toṃgha). Его обязанности были как-то связаны с обязанностями чозбо — ряд писем адресован чозбо и томгха (№ 11, 23, 28, 37, 42). Судя по док. № 387 и 622, томгха имел непосредственное отношение к верблюдам, коням и перевозкам. Док. № 96 содержит список томгха с указанием числа лиц, находящихся у них в подчинении. Очевидно, имеются в виду upasthaǧa, vaṭhayaga (скр. upasthāyaka), которые упоминаются в док. № 387 и 622 как помощники томгха. Из этих же документов явствует, что титул *томгха* мог быть и военным званием — «капитан». Ф. В. Томас связывает toṃgha с тиб. stom-gyaṇ, stoṅ-dpon («военачальник») — терминами, которые засвидетельствованы в тибетских документах с той же территории [76, с. 53; 73, VII, с. 96—97, 255]. Т. Барроу в качестве возможного эквивалента приводит иранск. *tuvānaka [33, с. 96].

Ряд более мелких чиновников был занят только в сфере сбора налогов, *палпи* (palṕi). К ним относятся *коимамдхи* (koyimaṃdhi) — «чиновник, собирающий зерно» (№ 38, 164, 309) и *цамгхина* (tsaṃghina, варианты tsaṃgina, tsaṃghinaṽa) — «заготовитель зерна; сборщик зерна» (№ 132, 164, 272, 315, 566 и др.). Часто оба термина употребляются вместе (№ 164, 272 и др.). *Цамгхина* — один из немногих титулов крорайнской администрации, происхождение которого может быть объяснено с помощью китайского языка. Очевидно, это слово образовано от кит. tsháng «зерно» с помощью местного адъективирующего суффикса -ina [29, с. 603, примеч. 7]. Заимствование, по-видимому, произошло в довольно ранний период.

Перевозкой собранных в качестве налогов продуктов к царскому дворцу занимались *шадавида* (см. выше), этот титул носили около девяти человек, а также *карсенава* (karsenaṽa) (шесть-семь человек, см. док. № 159 и 247). Обычно они упоминаются вместе (№ 86, 482, 590, 715). Док. № 41, 76, 247, 436, 569 и 656 позволяют считать, что титул *шадавида* носил «старший в сотне».

Среди нижестоящих чиновников чаще других упоминаются *класемчи* (klaseṃci) — чиновники, в обязанности которых входил надзор за конями и верблюдами, приписанными к армии (№ 10, 387, 562), и *аривака* (arivaǧa) — «проводники» (№ 10, 22, 67, 135, 244, 251, 253,

388, 438 и др.). Судя по док. № 10, их должности передавались по наследству, так же как и должность писца — *дивира* (divira) (№ 579, 580, 586, 587, 589, 590, 599 и др.).

Анализ терминов, служащих для обозначения чиновников в Крорайне, позволяет сделать ряд важных выводов. Чиновники придворной администрации, равно как и сам верховный правитель Крорайны, носили индийские звания и титулы, которые, как представляется, можно объяснить вхождением государства в состав Кушанской империи. Это подтверждается и именами махараджей — они либо индийского, либо иранского происхождения, и их носители могли быть или индийцами, или выходцами из Бактрии. Что касается титулов местной крорайнской администрации, то они либо иранские по происхождению, либо местные, в которых иногда прослеживается связь с тохарскими. Употребление некоторых из этих терминов в тибетских документах VIII—IX вв. с той же территории свидетельствует о том, что они настолько прочно вошли в состав хозяйственной и административной терминологии региона, что перестали осознаваться как заимствованные. То же, очевидно, было и в самой Крорайне: благодаря длительной традиции употребления термины, связанные с хозяйственной жизнью и административным аппаратом, стали местными, общепринятыми, независимо от их индийского, иранского или китайского происхождения.

О способах оплаты труда чиновников на государственной службе в документах прямых указаний нет. В то же время среди документов есть 16 списков лиц, которым за исполнение какого-то рода общественных работ причиталась оплата натурой — *паке* (pakè) [13] (№ 66, 75, 79, 87, 95, 116, 191, 204, 242, 313, 398, 446, 449, 453, 463, 619). В этих списках содержатся только имена и иногда — название *шаты* («сотни») или *прадеши*, к которым эти лица относятся. Другой тип формуляра засвидетельствован в док. № 147 — тоже списке. Список начинается словами: «goṭha bhaṭare jaṃna paḱe giḍaṃti» — «[Следующие] домохозяева получили *паке*». Далее следует список, состоящий из 37 имен (среди них — один чиновник, чозбо Lýimsu); ниже — приписка: «kāla rutraya śraṃmaṃna jiv amitraṣa ca gilanaǵa maṃtrenaṃ[ti]) — «кала Рутрая и шрамана Дживамитра были больны» (и поэтому не получили паке). После каждого имени стоит слово *паке* и цифра 1 — «1 паке». Этот же термин в форме pha-tsa был обнаружен Ф. В. Томасом в тибетских документах с той же территории (VIII—IX вв.) в значении «часть, доля» [76, с. 54 и сл.]. Т. Барроу сближает paḱe с кучинским pāke «порция, часть» [33, с. 102]. Судя по контексту документов, термин *паке* должен означать «доля, паек»; см., например, док. № 462, в котором содержится список лиц, обязанных явиться на какие-то работы. После списка сказано, что за неявку на работу положено наказание: «штраф в размере 10 кхи из его хлебного пайка („paḱe aṃna“) и 15 палочных ударов». Очевидно, *паке* выплачивался зерном. Термин *паке амна* засвидетельствован также в док. № 75: «эти хлебные пайки [таковы]» (как итог в конце списка лиц, которым причитается по 1 паке). Размер *паке* в документах не указан. За какие работы выплачивался «паек» — из контекста документов неясно. Среди лиц, поименованных в списках, есть несколько чиновников: «один паек *васу* Могеда» (№ 66) и «один паек *апсу* Апния» (№ 87). (Ср. также док. № 147, рассмотренный выше.) Очевидно, «паек» получали лишь мелкие чиновники и лица из домохозяев, исполняющие различные общественные работы: выпас общественного скота (за который причитались caḍoǵa — «одежда», pacevara — «пища» и parikraya — «плата», см. док. № 19), охрана общественной собственности (относительно фонда зерна для выплаты рациона охраннику в Пета-нагаре см. док. № 25), постоянная

[13] Возможно, *акшара* ka в крорайни произносилась как *кха* или *ча*. Здесь, как и в ряде других случаев, русская транскрипция условна.

почтовая служба и разовая посылка гонцов — *ачовина* (acovina) — в случае необходимости (№ 133, 139, 272), особая повинность — охрана верблюжьих пастухов от нападения (№ 182) и др. В док. № 224 упоминается список лиц из трех хозяйств, которые, согласно закону, должны быть посланы на государственную службу — raji jaṃna.

Что касается чиновников высшего разряда, то, как упоминалось, они получали за службу особые земельные пожалования — килме. Статус килме в документах особо не оговорен.

г) Социальная структура общества Крорайны. Положение лично зависимых

Основные группы лично свободного населения Крорайны перечислены в док. № 554 — приказе чозбо Краная и Лйипея, адресованном двум чиновникам — *апсу* Опгея и *тасуча* Чашгея — и монаху Бхарсавадхи. Согласно приказу, перечисленные чиновники должны к указанному сроку привести к чозбо из Пумни «всех чиновников, домохозяев, монахов, брахманов и вурчуга» («sarva traṃghadhare goṭha bhaṭara jaṃna śramaṃna bramaṃna vurcuǵa s̱aca rde jaṃna... ita anitavo»).

Термин *вурчуга* остался неясным, очевидно, это группа людей, связанных с перевозками [33, с. 122]. Чиновники, названные первыми, как явствует из других документов, относятся к привилегированному сословию — азада (ajhada, ajhate), «благородным людям высокого рождения». Т. Барроу возводит ajhade к авест. dzāta (ср. новоперс. dzāt) «благородный, свободный» [33, с. 73; 32, I, с. 509]. Представляется, что в Крорайне этот термин употреблялся в значении скр. arya. Обратимся к документам. Термин *азада* засвидетельствован в них всего семь раз. Наиболее показателен док. № 272 — письмо махараджи губернатору Чадоты чозбо Сомджаке, в руки которого переданы все полномочия по управлению областью: «avi ca śruyadi yatha atra cojhbo Soṃjakena aṭh̓ ov̓ae a j h a t e j a ṃ n a suṭha abomata kareṃdi» — «Также дошло до нас (букв. „слышно“), что здесь годные для службы молодые л ю д и в ы с о к о г о р о ж д е н и я (разрядка наша.— *М. В.-Д.*) не подчиняются чозбо Сомджаке». Из дальнейшего текста видно, что Сомджаке приходится преодолевать сопротивление «золотой молодежи», отказывающейся от государственной службы. Здесь термин *азада* (*азате*), безусловно, должен означать «знатный, высокого рождения». В других документах *азате джамна* — «благородные люди», т. е. «уважаемые люди, знатные люди», но не обязательно высокого рождения. См., например, ряд документов, где *азате джамна* выступают в качестве свидетелей при заключении сделок. В них к числу «уважаемых» относятся: «старейший чозбо Намаразма» (№ 120, 507), чозбо Йитака (№ 507), чозбо Дхамена (№ 593), а также следующие чиновники: *васу* (№ 507, 588, 593), *тасуча* (№ 436, 507, 588), *шрамана* (№ 588), *аривага* (№ 507, 593), *томгха* (№ 436), *апсу* (№ 593), *шотхамгха* (№ 593), *дивира* (№ 436). Из этого перечня становится ясно, что термин *азате* мог относиться к любому из чиновников местной администрации, независимо от высокого рождения. К представителям основной массы населения, которую составляли *goṭha bhaṭare jaṃna* или *goṭha dara* (ср. скр. gṛhastha), т. е. «домохозяева», этот термин не относится ни разу. Термин «домохозяин» сам по себе не имеет определенной социальной окраски. Очевидно, он употребляется в документах для обозначения крестьянства, которое юридически не было оформлено как особое сословие. В документах не засвидетельствованы особые термины для обозначения классов, сословий или иных социальных групп. Поэтому о классовой и сословной характеристике общества Крорайны можно получить представление только из тех немногих сведений о роли перечисленных выше групп населения в процессе производства, которые рассеяны по документам. Очевидно, термин *азате* в одном из своих значений — «благо-

родный, высокого рождения» — относится к господствующему классу общества Крорайны, в состав которого входили представители рода раджей, члены аристократических родов — потомков родо-племенных вождей, высшее и среднее чиновничество, крупные землевладельцы, богатые ремесленники и торговцы. Этот класс должен относиться к разряду эксплуататоров. Ему противостоял разряд эксплуатируемых, которые, судя по содержанию документов, делились на два класса — лично свободных, или «домохозяев»-крестьян, ремесленников и небогатых торговцев, и лично несвободных. К классу лично свободных, по всей вероятности, должны быть причислены также солдаты, проживавшие на территории военных гарнизонов. Один из таких гарнизонов находился в Сача (совр. Эндере, см. выше), см. док. № 1, 123 и др. В док. № 123 есть упоминание об обязательной воинской повинности для охраны границ. Очевидно, эту повинность отбывали представители крестьянства. В док. № 52 упоминается разнарядка на снабжение армии верблюдами, лошадями и фуражом, которая тоже, по всей вероятности, ложилась на плечи крестьянства. В военное время у населения, в соответствии с законом, забиралось продовольствие, скот и пр., что было необходимо для ведения войны (№ 17, 272).

В обязанности лично свободных входили различные общественные работы. В док. № 120 упоминается очистка пруда или водохранилища. Док. № 246 представляет собой приказ «домохозяевам» (goṭhadara) Цугия, Кулея и др. выйти на починку моста. Здесь же сказано, что письмо с приказом раджи приступить к починке мостов разослано во все области Чадоты и Чалмаданы. В док. № 46 говорится о необходимости исполнения общественных обязанностей в «сотне» местными жителями (см. выше).

Наконец, самой главной обязанностью лично свободных была уплата налогов — *палпи*, сумма которых ежегодно начислялась на каждую авану, килме и шату и распределялась между хозяйствами. Как уже указывалось, налог платился натурой: зерном, вином, маслом, скотом. Лишь в док. № 309 есть упоминание о том, что налог зерном было разрешено выплатить деньгами.

Таким образом, в обязанности лично свободных как эксплуатируемого класса входило: 1) уплата налогов; 2) воинская повинность; 3) участие в общественных работах. Как видно из текста документов, исполнение этих обязанностей отличало лично свободное население Крорайны от лично зависимых, в состав которых входили и рабы — *даза* (*даджха?* — крорайни daǰha, скр. dasya). Некоторые сведения о социальной градации лично зависимого населения Крорайны приведены Б. А. Литвинским [10, с. 474—475]. Анализом приведенных в документах фактов занимался Р. С. Агравала [14].

Лично зависимое население, которое в документах определяется как чужая собственность, очевидно, было неоднородно по составу: термин *даджха* «раб» употребляется не во всех контекстах, относящихся к лично зависимым; к женщинам он применяется только в одном случае — в док. № 39 и 45 упоминается некая «даджхи Чимикае».

Об одном из путей возникновения лично несвободных в Крорайне говорится в док. № 415: во время военного набега на Чадоту хотанцы разграбили область и увели женщину по имени Цинае. Затем они подарили ее вместе с сыновьями и дочерьми матери чозбо Сомджаки. Дарственная оформлена как юридический документ. Ряд документов сообщает о причислении к лично зависимым «беглых хотанцев» — khotaṃni palayaṃnaga (№ 296, 149, 735) («хотанцы» здесь, очевидно, рассматриваются как «враги», представители государства, с которым были постоянные военные столкновения) и просто «беглых» (по всей вероятности, должников, как в док. № 370) — № 136, 217, 355. О других путях появления рабов и лично несвободных в Крорайне в документах не упоминается.

Многие документы представляют собой купчие на людей — мужского и женского пола (№ 2, 106, 209, 324, 437, 551, 575, 590, 591, 592). Три документа четко определяют правовой статус лично зависимого. Так, в док. № 590 — купчей на женщину (имя не упомянуто) сказано: «С настоящего времени писец Рамшоца является собственником этой женщины [и может] ее бить, привязывать, продавать, дарить другим, обменивать, закладывать, делать с ней [все], что пожелает». Та же формула повторена в док. № 592. Док. № 591 представляет собой купчую на мужчину: «Лйипея является собственником этого человека, [может] продавать его, закладывать его, обменивать его, дарить его другим, делать с ним [все], что пожелает».

Документы позволяют предположить, что помимо людей, зависимых от частных лиц, в Крорайне были и так называемые «царские зависимые»: в док. № 106 упоминается о жалобе некоего человека по имени Самгхадхама на незаконную продажу его в собственность некоему Шакане. Самгхадхама отказывается работать на нового хозяина на том основании, что он — «mamnuśa rayaka» «царский человек». В другом документе — № 296 — махараджа дарит человека (manuśa) по имени Дхамакатхика, который работает в поле в Чалмадане, некоему Мокшакаме, проживающему в другой области — Вамту-аване.

Ряд документов свидетельствует о том, что «беглые» причислялись к категории «царских зависимых» и распределялись махараджей по его усмотрению на работы при дворе (№ 217), передавались в руки частных хозяев (№ 296, 355) и в распоряжение аван (№ 136 — в Пета-авану, № 296 — в Вамту-авану). Среди этих беглых могли быть и ремесленники: см., например, док. № 217, где говорится, что ко двору нужно прислать такого «беглого», который не является ремесленником и не вызовет споров между претендентами. Среди «беглых хотанцев» попадались и богатые: согласно действующему закону, никто не имел права отбирать у них имущество (№ 471), в случае же, если закон нарушался, потерпевший имел право подать жалобу (№ 149).

Мужчина-работник, раб или лично зависимый, мог иметь собственную землю, скот, имущество и пользовался относительной свободой в вопросах ведения хозяйства. Так, в док. № 327 зафиксирована покупка земли одним рабом у другого. Участок земли оценен в одну корову стоимостью 10 каких-то денежных единиц. Выплачена дополнительная плата — процент за покупку (atǵa-muli) — 5 единиц. В качестве свидетелей сделки выступают представители местной администрации высшего ранга — *кала, чозбо, шотхамгха* (см. выше). В док. № 574 говорится о продаже участка земли рабами некоему свободному лицу по имени Рамшоца. Собственность раба, так же как и собственность свободного, охраняется государством: в док. № 33 содержится приказ вернуть рабу Патия коня, взятого у него в долг свободным Сугия; в док. № 36 — приказ вернуть вещи, незаконно взятые из хозяйства раба Чатая.

Хозяин нес ответственность за долги раба, но не должен был возмещать их из своего имущества: в док. № 24 хозяин обращается с жалобой к махарадже на то, что за коня, взятого в долг его рабом, владелец коня требует вернуть его и за просроченный долг — участок земли, принадлежащий хозяину («нет такого закона, чтобы имущество хозяина забиралось за долги раба»). С другой стороны, раб имел юридическое право выступать в имущественных спорах на стороне хозяина: в док. № 593 рассказывается о споре из-за верблюда между двумя группами, с одной стороны выступают сын прежнего хозяина верблюда и его раб.

Рабам разрешалось вступать в брак и заводить семью в пределах своей области, однако с позволения хозяев. О заключениях браков между рабами в документах сведений нет, но об усыновлении одним рабом (по всей вероятности, бездетным) дочери рабыни сообщается в док.

№ 39. «Плата за молоко», обычная в случаях усыновления в Крорайне, в этом случае отчислялась в пользу хозяина матери.

Одним рабом на паях могли владеть несколько хозяев: в док. № 152 рассказывается о том, что раб ушел в шраманы, но его вернули, потому что один из хозяев не дал на это согласия.

Убийство раба оставалось безнаказанным; согласно док. № 144, убившему раба по суду надлежало компенсировать потерю его хозяину другим рабом.

Раб мог выкупить себя. О выкупе раба говорится только в одном документе (№ 585), в качестве выкупа (lote) может быть представлена только плата натурой и определенный процент за выкуп — mukeṣi. Заменить себя другим рабом не разрешается. Согласно данному документу, выкуп за раба составлял 12 овец. Указываются следующие цены на рабов: в док. № 324 раб оценивается в 1 лук; в док. № 575 — в качестве цены раба выступает 1 верблюд-трехлетка, 5 мер зерна и 3 халата; за женщину в док. № 209 дают 1 верблюда-семилетку.

Таким образом, сильный мужчина-раб мог обеспечить себе безбедное существование и экономическую независимость, однако он оставался лично несвободным, был чужой собственностью со всеми вытекающими из этого последствиями.

Хозяин должен был держаться за работоспособного экономически независимого раба, который обеспечивал его материальное благополучие и облегчал уплату налогов. Ценились, очевидно, и ремесленники из рабов и лично зависимых, но их правовой статус при этом оставался неизменным.

Большое количество документов, в которых упоминаются лично зависимые и рабы, может служить доказательством того, что рабский труд играл важную роль в хозяйственной жизни Крорайны.

Буддийские монахи и шраманы составляли особое сословие, о роли которого в жизни общества будет рассказано ниже.

д) Ремесленники

Относительно развития ремесла в Крорайне документы содержат чрезвычайно скудный материал. Полезных ископаемых и драгоценных минералов, насколько известно, в пределах Крорайны не добывалось. Медью, бирюзой, яшмой, золотом и прочими драгоценностями славился соседний Хотан, однако, судя по тибетским документам из Хотана середины VIII — середины IX в. централизованной добычи драгоценных камней и здесь не производилось: один из документов содержит договор о найме тибетской администрацией некоего местного жителя для добычи и доставки бирюзы за определенную плату [73, IV, с. 59—60].

Ремесло в Крорайне в основном было связано с переработкой сельскохозяйственного сырья. Общество обслуживало себя ткацкими, плотницкими, кузнечными, ювелирными работами, наверняка среди ремесленников должны были быть и каменщики и архитекторы, поскольку в документах упоминаются мосты и плотины [15, с. 24—25]. Из текста документов видно, что ремесленники — *шилпига* (śilpiga, скр. śilpa) — не выделялись из среды крестьянства в отдельное сословие, наравне с прочими «домохозяевами» жили в «сотнях», имели свои участки земли и платили налоги натурой. Так, в док. № 715 упоминается о продаже участка земли семьей ремесленников; в док. № 174, 266, 762 — списках об очередных взносах вина и зерна в счет уплаты налогов — равное со всеми жителями «сотни» количество продуктов вносят плотники — *такшана* (tacẖana, tacẖamna, dacẖamna). Из списков видно, что в «сотне», как правило, проживала одна семья плотников, но на каких условиях обслуживала она «сотню» плотницкими работами — сведений нет.

Из прочих ремесленников в Крорайне были специалисты по изготовлению луков — *дхамнукара* (dhaṃnukara, скр. dhanuṣkāra) док. № 361,— и мастера, изготовляющие стрелы для луков,— *кадакара* (kaḍakara, скр. kāṇḍakāra), док. № 715. Очевидно, местные луки были в большой цене: выше мы приводили пример, когда за лук продавали взрослого мужчину-раба.

Ювелирами, по всей вероятности, славилась горная область к югу от Чадоты, носящая название Парвата: в док. № 578 — письме махарадже от старосты из Чадоты — содержится упоминание о том, что сейчас здесь находятся ювелиры (suvarṇakāra скр. suvarṇakāra) из Парваты.

Ремесло передавалось по наследству: в док. № 621 упомянуты отец и сын горшечники — *кулала* (kulala); в док. № 715 — отец и сын, изготовляющие луки.

Ремесленников в Крорайне явно не хватало. Если из Хотана или других областей Центральной Азии бежали (или приходили) ремесленники, среди местной администрации нередко разгорались споры относительно того, в какую авану их направить. Махараджа устанавливал очередность на посылку ремесленников в различные области. В двух документах — № 217 и 355 — махараджа в письме к местным старостам просит прислать ко двору кого-нибудь из беглых, но только не ремесленников, из-за которых идут споры. В док. № 107 — письме шотхамгхи Лйипеи старосте другой области, Лйипея жалуется на то, что человека, который был послан старостой и теперь работает здесь, чиновники отзывают ко двору для «кузнечных работ» — ayaǧa-karyeṣu. По всей вероятности, нехваткой ремесленников объясняются и некоторые послабления в применении штрафов и мер наказания к ним: в док. № 621 содержится приказ махараджи об остановке иска против горшечника, который сошелся с чужой женой, не заплатив за нее выкупа.

е) Буддизм как традиционная идеология и религия Крорайны. Пережитки древних религиозных культов

Как упоминалось выше, буддизм начал проникать на территорию Центральной Азии около I в. до н. э. двумя путями: из Северо-Западной Индии и Кашмира и из Бактрии. Широкое распространение буддизма в Таримском бассейне относится ко времени правления Канишки. Буддийская традиция, которая нашла отражение в ряде сутр, созданных на территории Хотана в период начиная со второй половины VII в. н. э. и сохранившихся в переводе на тибетский язык, относит основание Хотана (тиб. «страны Ли») к 100—101 гг. после нирваны Будды [74, с. 75], воцарение Виджая-Самбхавы, при котором утверждалось буддийское учение — к 215 г. до н. э., а введение самого учения — к 210 г. до н. э. Сопоставление буддийской и китайской традиций позволило Ф. В. Томасу внести уточнения в годы царствования Виджая-Самбхавы — он вступил на престол около 60 г. н. э. Таким образом, действительной датой утверждения буддизма в качестве господствующей религии в Хотане, Кашгаре и других областях бассейна Тарима следует, очевидно, считать вторую половину I в. н. э.

Тибетский текст «Гошринга-вьякарана» («Пророчество о Гошринге») говорит о первоначальном распространении в Хотане учения «последователей бодхисаттв», т. е. махаяны [74, с. 75]. Другие сутры упоминают также о распространении хинаяны, см., например, «Пророчество относительно страны Ли» (тиб. Li'i-yul-gyi luṅ-bstan-pa) и «Анналы страны Ли» (тиб. Li-yul-gyi lo-rgyus), где рассказано об основании школы махасангхиков вернувшимся из Индии старшим братом царя Виджая-Дхармы, монахом Дхарманандой [74, с. 114], и об основании

первого в стране монастыря школы сарвастивадинов — 'Ja'-mo-ka-ka-rong — во главе с арья Самантасиддхи в тот же период. Что касается Кашгара, то здесь первоначально получила распространение хинаяна; это позволило А. Стейну высказать предположение об ее проникновении из Бактрии, где она была ведущей школой в I в. н. э.

О введении буддизма в Крорайне в документах специальных указаний нет. В середине III в. н. э. мы застаем его в роли господствующей идеологии и религии: махараджа в своей титулатуре носит буддийские эпитеты (dharmiyasa sacadharmasthidasa, см. выше), в официальной переписке в качестве обращения к махарадже и высшей знати употребляется термин pracacẖa bodhisatva — «воплощенный бодхисаттва» (№ 288, 698), шраманы составляют одну из самых многочисленных групп населения (№ 554, см. выше), в пользу буддийской общины — *самгхи* — и монастырей — *самгарама* — производятся сборы пожертвований (№ 345, 477) и официальные отчисления из государственных закромов (№ 252); шраманы, наряду с чиновниками, выступают как грамотные люди на государственной службе — писцы и царские писцы (см. ниже); в эпистолярный стиль широко входят буддийские формулы [14], большинство индийских имен, засвидетельствованных в документах,— буддийского происхождения. В одном из документов — № 390 — прямо говорится о распространении в Крорайне буддизма махаянского толка, об этом же свидетельствует упомянутый выше эпитет pracacẖa bodhisatva. Буддийская монашеская община — *бхикшу-самгха* — по всей вероятности, была в каждой области: в док. № 489 упоминается община монахов столицы и община монахов в Чадоте. Согласно указанной выше буддийской традиции, засвидетельствованной в сутрах, на территории Центральной Азии начиная с I в. н. э. строилось много буддийских монастырей и храмов, сооружались ступы и другие святилища. Большинство из них упомянуто у китайских паломников, в частности, у Сюань-цзана. Некоторые сохранились до настоящего времени, хотя дважды сменили свои названия: индийская топонимика в VII—IX вв. почти всюду была заменена тибетской, которая после X в. получила мусульманское переосмысление. А. Стейну во время путешествия по Центральной Азии удалось отождествить ряд буддийских святынь, названных в текстах, например, холм Gośr̥ṅga (тиб. Glang-ru, совр. Lāng-hru), который часто упоминается у Сюань-цзана и других китайских авторов [70, т. 1, с. 187], отражен в названии цитированной выше «Гошринга-вьякараны». В Крорайне, судя по документам, тоже были монастыри — *вихары* (№ 511) и *самгарамы* (№ 345), однако ни одного названия монастыря или другого культового сооружения в текстах нет.

В монастырях жили *бхикшу* (bhiCẖu, скр. bhikṣu). Старшие монахи в документах названы sthaira (скр. sthavira) (№ 511) и просто vr̥dha bhiCẖu (скр. vr̥ddha bhikṣu) (№ 489, 511). Помимо махаянских монастырей, очевидно, были и хинаянские — один раз в документах упомянут saṃghaṭera (пали saṃghathera) как «старший в общине» (№ 419). Глава монастыря в документах назван vihāravala (скр. vihārapāla) — № 489. Из других буддийских званий в текстах дважды упомянут srāmanera (№ 288, 358).

Буддийские шраманы, исходя из содержания документов, это получившие религиозное посвящение последователи буддийского учения, проживающие в миру, о чем свидетельствуют следующие факты, почерпнутые из документов:

1) Шрамана мог иметь в качестве собственности землю, виноград-

[14] См., например, док. № 399— письмо по поводу смерти некоего Анасены, которое заключается буддийской эпистолярной формулой: «Есть нечто, что [находится] за пределами сил даже Будды, или Пратьекабудды, или архата, или чакравартина. Все придут к одному концу».

ники, хозяйство (в док. № 419, 549 упоминается о покупке земли шраманами, в док. № 652, 655 — о продаже земли).

2) Шрамана мог иметь семью: в док. № 418 рассказывается о женитьбе шраманы на дочери шраманы; в док. № 474 сообщается о том, что шрамана взял жену из Яве-аваны. В док. № 419 и 655 упоминаются сыновья шраманов.

3) Шрамана мог иметь наложниц: о покупке девушки шраманой упоминает док. № 437.

4) Шрамана имел рабов: док. № 130, 345.

5) Шрамана исполнял общественные поручения: в док. № 69 шрамана был послан к радже за войском во время нападения врагов. В ряде документов шрамана выступает в качестве писца (№ 331, 348 и др.), а также «царского писца» (№ 375).

6) Шрамана имел в своем распоряжении большие денежные суммы: в док. № 500 рассказывается о том, что шрамана дал в долг 2800 *маша*.

7) Шрамана наряду с чиновниками и домохозяевами часто выступал свидетелем при заключении различного рода сделок: док. № 209, 415, 419. При этом буддийская община могла выступать как гарант: в док. № 348 сказано, что за нарушение сделки штраф будет выплачен в пользу общины.

В документах ни разу не говорится о пути спасения — махаянском или хинаянском — и накоплении религиозных заслуг (скр. punya); не засвидетельствован буддийский термин «kuśalamūla»—«благие корни спасения». О «благих поступках» (скр. kuśala и «благочестивом образе жизни» (скр. brāhmacārya) есть упоминание только в одном документе — № 399 — в письме по поводу кончины некоего Анасены, в заключительной буддийской эпистолярной формуле «gaṃmamni saṃprajaya kartavya kuśala kartavya brahmacariṭa» — «С вниманием нужно относиться к [пути, которым мы] идем, совершать благие поступки, вести благочестивый образ жизни». Зато в документах неоднократно упоминается о нарушении шраманами и бхикшу правил поведения, об их проступках и наказаниях за них. Так, в док. № 473 содержится жалоба на шраману Самгхашира, который заложил чужой виноградник и вспахал чужое поле. В док. № 345 шрамана Будхагоша взял в долг у домохозяина Чукопы зерно и не вернул его. Особый интерес представляет док. № 489, в котором рассказывается, как «община монахов столицы наводила порядок в общине монахов в Чадоте». Главными недостатками в жизни общины названы отсутствие порядка, неуважительное отношение к старшим, уклонение от исполнения монашеских обязанностей, ношение светской одежды, ссоры и драки. В документе перечислены наказания за поступки — штраф, который монахи должны были платить «рулонами шелка»: за уклонение от участия в церемонии posatha (скр. upasatha «покаяние», которое сопровождалось троекратным чтением «Пратимокша-сутры») — штраф 1 рулон шелка; за драку — от 5 до 15 рулонов шелка и т. д. Это сообщение проливает свет на имущественное положение бхикшу в обществе Кроранны: согласно «Пратимокша-сутре», монах мог иметь в качестве собственности только 1 *чивару*, 1 *патру*, 1 посох, 1 торбу, в которой хранились различные бытовые мелочи — иголка в игольнице, нож и т. д., и 1 коврик-подстилку. Ни денег, ни драгоценностей, ни предметов роскоши, ни одежды из шелка, шерсти и новых тканей, ни каких-либо запасов — одежды, пищи, лекарств — монаху хранить не разрешалось. Здесь же идет речь о шелке, который монахи, очевидно, имели в качестве собственности в большом количестве. Из других документов (см. ниже) явствует, что имелся в виду китайский шелк, который в Кроранне очень высоко ценился, так как поступал из Китая редко. Из этого можно заключить, что в Кроранне были богатые общины, причем собственность была не только общинной, но и личной.

Как и в Индии, община получала пропитание от мирян: в док. № 345 содержится список пожертвований в пользу общины — зерна, а также mahuraǵa (термин остался неясным) и *вачарина* — глиняных горшков для пищи. В док. № 343 упомянуто, что чозбо Ларсу купил для общины пищу.

Таким образом, из документов видно, что буддизм пустил в Крорайне довольно глубокие корни и охватывал все стороны жизни. Тем не менее документы дают основание предполагать, что в Крорайне сохранились и добуддийские религиозные культы, которые, очевидно, восходили к глубокой древности, не были связаны с индийскими религиозными влияниями и отражали верования автохтонного населения бассейна Тарима. Данные об этом содержатся в трех документах и до сих пор не были проанализированы исследователями. Остановимся на них подробно.

В док. № 157 упоминается жертвоприношение коровы и овцы. Как известно, в «Ригведе» сохранились упоминания о принесении ариями в жертву животных — козла, барана, быка, коровы, коня. Буддизм выступил против жертвоприношения животных, заменив их жертвоприношением злаков, цветов, плодов и фигурок из теста. Обратимся к тексту документа, из которого можно почерпнуть некоторые подробности об этих жертвоприношениях.

Документ представляет собой письмо шотхамгхи Лйипеи своему ǯрату чозбо Цмая, сыну — писцу Нкача — и осведомителю по имени Сучамма и, очевидно, содержит ответ на их письма. Три первых лица носят местные имена, последний — индийское. Из текста ясно, что Лйипея вместе с женой и неким *ари* Кункея находится в отъезде и посылает своим родственникам ряд наставлений. Родственники сообщили ему, что «было совершено жертвоприношение коровы на мосту в честь бога Бхатро» — «pirovami bhatro-devataṣa goyaṃña huda» (ср. скр. go-yajña). В ответном письме Лйипея приводит слова, высказанные по этому поводу его сотоварищем, ари Кункея: «Я видел сон; это жертвоприношение коровы на мосту не было принято богом». Очевидно, Лйипея полностью солидаризируется с ним в оценке жертвоприношения. Далее Лйипея сообщает, что в загоне для коров некоего Опимты (очевидно, подданного Лйипеи) есть одна корова — «go-vito», которая тоже предназначена для жертвоприношения богу Бхатро. «Жертвоприношение должно состояться во дворе у *экхары* Моткеи» («ekhara motǵeyaṣa goṭhammi eda yamña kaṭa[vo]»). Лйипея просит своих родственников не жалеть этой коровы, отправить за ней своих подданных и привести ее к месту жертвоприношения. Далее он сообщает: «Снова ари Кункея видел сон об овце, которую нужно принести в жертву от трех апсу в Бумни и в Шамане (?)» (в тексте: «paśu-pursa», термин -pursa, также как и -vito в словосочетании go-vito, остался неясным) [33, с. 106, 129]. И снова Лйипея дает указание своим родственникам немедленно привести овцу.

Из текста письма видно, что, с одной стороны, шотхамгха Лйипея сомневается в правильности жертвоприношения коровы и овцы, с другой — отдает распоряжение выделить для него скот. Можно предположить, что это жертвоприношение — дань старым традициям, которые идут вразрез с новой официально признанной религией — буддизмом. В этом — причина сомнений Лйипеи, занимающего один из высших административных постов в государстве. Из документа неясно, производилось ли жертвоприношение тайно или открыто и существовали ли в Крорайне запреты по этому поводу (как, например, в Индии). Не описан сам обряд (известно только, что он производился «на мосту»,— по всей вероятности, мост выступает здесь как средство коммуникации — имеется в виду проезжая дорога). Имя божества (devato) Bhatro (Бхатро) в других контекстах не засвидетельствовано. Р. С. Аггравала [15, с. 18] сближает его с скр. Bhadra «Благой» и совершенно

необоснованно объявляет эпитетом индийского бога Шивы. Между тем в ведический период эпитет *бхадра* к Шиве не применялся[15], а для шиваистских культов, которые могли прийти из Северной Индии, III—IV вв.— слишком раннее время. Насколько известно, тантрический культ бога Шивы не включал жертвоприношений животных. Возможно, здесь мы имеем дело с древним культом, сходным с культом ведического Рудры.

Имена людей, упомянутых в документах,— тоже не индийские и не иранские и, очевидно, должны рассматриваться как местные крорайнские. Прямой связи с тохарскими именами собственными на данной стадии изучения тохарских языков и текстов не прослеживается. Можно только предположить, что культы жертвоприношения домашних животных должны быть связаны с земледельческо-скотоводческой культурой, где богам приносили в жертву то, что почиталось главной ценностью. О месте возникновения этих культов ничего определенного сказать нельзя.

Сходные культы засвидетельствованы в древней Индии в ведический период: они прекратили свое существование на территориях, где распространился буддизм, и отчасти возродились после ослабления влияния буддизма. Известно, что в современной Индии корова пользуется неприкосновенностью как священное животное. У других народов Центральной Азии, например у тангутов, тоже существовало жертвоприношение домашних животных; в государстве Си Ся с принятием буддизма ряд местных культов был инкорпорирован в него, в том числе и жертвоприношение домашних животных.

Другой культ, засвидетельствованный в документах, как представляется, мог возникнуть только в земледельческих культурах оазисного типа, поскольку он связан с жертвоприношением верблюдов. Верблюду (uṭa) в документах из Нии и Крорайны уделяется много внимания, что подтверждает важность этого животного в жизни общества — верблюд в условиях окружающих пустынь был единственным средством сообщения с внешним миром и транспортировки грузов внутри государства. При купле-продаже самые высокие цены, зафиксированные в документах, относятся к верблюдам: верблюд-двухлетка стоил 50 мули (мули=$^1/_{12}$ золотого статера [33, с. 111—112] (№ 571), необъезженный верблюд — 42 мули (№ 437), верблюд-однолетка — 40 мули (№ 589), верблюд-*вияла* (непонятный технический термин) — 40 мули. Для сравнения можно указать, что за женщину давали 1 верблюда-семилетку (№ 209) или 45 мули (№ 437), а за мужчину — 1 верблюда-трехлетку, 5 милима зерна и 3 кафтана (№ 575). В состав налога за год, взимаемого с аваны, обязательно входил 1 верблюд «не старше 13 лет, в хорошем состоянии» (№ 6, 42). Существовала также разнарядка по снабжению верблюдами армии (№ 52). Ряд документов представляет собой ведомости по учету верблюдов, где указан их возраст, родители, цвет, особые приметы и т. д. (№ 74, 132, 180, 383). Сохранились отчеты по инвентаризации «царских верблюдов» (№ 180, 383). Домохозяева могли владеть одним верблюдом на паях (№ 21). Хозяин клеймил своих верблюдов (№ 661). Махараджа особым приказом регламентировал размер груза, перевозимого одним верблюдом: зерна — 3 милима (№ 291), вина — 1 милима 1 кхи (№ 329). Если верблюд в пути лишался сил или заболевал и падал, местным жителям надлежало лечить его и кормить за свой счет (№ 55). Человек, убивший верблюда, даже если это был его собственный верблюд, представал перед цар-

---

[15] В ведах имя Шивы не встречается. Сходные с Шивой функции там исполняют Рудра и другие божества. В «Ригведе» Рудра насылает порчу на скот, поэтому скот приносится ему в жертву для умилостивления. Одновременно Рудра выступает и как великий исцелитель и врачеватель. Эпитет «Шива» (букв. «Милостивый» — одно из возможных толкований) носит эвфемистический характер и появляется в поздневедический период (на рубеже нашей эры).

ским судом (№ 262). О наказаниях за убийство верблюдов в документах сведений нет.

И вот при таком положении, которое занимал в Крорайне верблюд, два документа содержат сведения о жертвоприношении верблюдов — № 195 и 383. В док. № 383 — списке «царских верблюдов» — содержится только одно указание: «Две другие верблюдицы были принесены в жертву». Текст док. № 195 шире, приведем его перевод целиком:

(1) «В 15-й год [правления] маханубхавы махараджи Джитумгхи Махирия, сына богов, в месяц
(2) нового года, в 20-й день, в то самое время, собрались несколько жителей Бхагаса, братьев [и сестер]: васу Опгея,
(3) Сугия, апсу Вуру, Кулея, [сестра] Вурувисаае и Кутака. Они совершили жертвоприношение. У васу
(4) Опгеи они увели для жертвоприношения 1 верблюда-aṃklatsa(?) [33, с. 87—88]. Если у него (т. е. у васу Опгеи.— *М. В.-Д.*) верблюд умрет [или] пропадет
(5) [или] будет взят для армии, те братья точно такого же верблюда Опгее вернут».

Текст расписки ясен и не нуждается в комментариях. О самом жертвоприношении подробностей не сообщается, известно только, что оно имело место в первый месяц нового года (или это случайное совпадение?). Имена участников жертвоприношения — местные крорайнские. Индийские источники не содержат никаких сведений о жертвоприношениях верблюдов. Есть все основания предположить, что жертвоприношение верблюда является еще одним пережитком религиозных верований автохтонного населения бассейна Тарима.

ж) Внешнеполитические связи Крорайны

Документы дают возможность сделать некоторые выводы об отношениях Крорайны со своим северо-западным соседом — Хотаном, о набегах кочевых племен и о связях с Китаем.

В тот период времени, который отражен в документах, отношения с Хотаном были напряженными. В семи документах упоминаются военные столкновения с Хотаном и опустошительные набеги хотанцев на различные области Крорайны, чаще всего на Чадоту (№ 272, 283, 415, 516). В док. № 376 упоминается набег на Рамену. О пограничных инцидентах упоминает также док. № 471. В трех документах — № 272, 283 и 494 — сообщается об особом законодательстве по поводу уплаты долгов, принятом в Крорайне специально из-за частых набегов хотанцев. Так, в док. № 272 и 283 говорится, что взыскивать долги можно только в мирное время: «Когда мир и согласие с Хотаном наступит надолго, тогда они и заплатят [долги]». Док. № 494 представляет собой царский указ, направленный в Девиае Пета-авану, согласно которому запрещается взыскивать долги, сделанные до набега хотанцев, сразу же после их ухода.

Одной из причин частых конфликтов был вопрос о границах. В док. № 86 — письме махарадже от губернатора Чадоты — сообщается, что приехали хотанцы, «расхаживают здесь» и ждут переговоров о границе. В десяти документах упоминается о посольствах в Хотан (№ 14, 22, 135, 214, 223, 248, 251, 253, 362, 637), причем в док. № 637 сообщается о том, что в Хотан вместе с посольством отправляется супруга махараджи с подарками. Почетные дары для правителя Хотана отпускаются из «государственных фондов» (№ 22); проводников, верблюдов и продовольствие для посольств выделяют области, через которые проходит дорога, они же снабжают посольства военной охраной (№ 14, 22, 135). В док. № 214 в качестве подарка радже Хотана упоминается конь, прокорм для него тоже выделяют области, через которые проез-

жает посольство. В док. № 686 перечислены расходы на подарки хотанцам.

В последующие годы, когда государство Крорайна распалось, Чадота с главным городом Нина попала под власть Хотана. Во времена Сюань-цзана Ния была пограничной станцией Хотана [24, т. 2, с. 324].

В 16 документах упоминается о набегах на Крорайну кочевых племен под названием *супи* (supi), которые уводили скот (№ 212) и людей (№ 324, 491). Супи совершали набеги как на область Чадоту (№ 86, 183, 212, 272, 283), так и на Чалмадану (№ 119, 324, 722). Важным стратегическим пунктом для защиты от внезапных набегов супи был военный гарнизон в Сача (№ 133, 578). О набегах упоминается также в сакских текстах из Хотана (сакск. supīya) [59, с. 208].

Для III—IV вв. н. э. следует принять отождествление supi с кит. su-p'i=sien-pi, предложенное П. Пельо [67, с. 330—331]. В тибетских текстах это племя обычно именовалось so-byi или sum-pa [74, с. 78, 156]. Согласно китайским источникам, сяньби в I—V вв. н. э. проживали в Юго-Восточной Монголии, в Южной Монголии, в Северо-Западном Китае и в Северо-Восточном Тибете [10, с. 10] и совершали постоянные грабительские набеги на соседей, в том числе и на ханьский Китай [16].

Документы проливают некоторый свет и на роль китайцев в Крорайне. Китайские источники уделяют важное место Крорайне (кит. Шань-шань, см. выше), поскольку через нее проходил караванный путь из Дуньхуана в Хотан и далее в Кашгар и на запад, в Среднюю Азию. Пока — до середины IV в. н. э.— оазис, в котором был расположен сам город Крорайна, функционировал, этот путь оставался главным в торговле Китая. В середине IV в., очевидно, в связи с тем, что река, снабжавшая водой Крорайну, изменила свое русло, оазис пришел в запустение. Это затрудняло путь вдоль берега Лобнора, и главной сделалась северная дорога на запад, через Турфан, Карашахр и Кучу. Шаньшань в китайских источниках фигурирует как китайская колония, где размещался большой китайский военный отряд. Между тем в документах Крорайны китайцы упоминаются довольно редко. Только в шести документах можно найти сообщения о китайцах и Китае.

Так, в док. № 35 упоминается о торговле шелком с Китаем. В тексте документа — предписании махараджи чозбо Бхиме и шотхангхе Лйипее — сказано: «В настоящее время нет купцов из Китая, так что сейчас не следует рассматривать [дела] о долгах шелка... Когда купцы придут из Китая, долги шелка будут рассмотрены». Из этого документа видно, что торговая связь с Китаем не была прочной и постоянной и торговые караваны приходили не так часто.

---

[16] История племени su-p'i сложна и противоречива. П. Пельо [66, т. 2, с. 716—718] разбирает несколько гипотез о территориях, занимаемых им в различные периоды I тысячелетия н. э., и о названиях, под которыми оно упоминается у различных народов. По всей вероятности, названия легендарной китайской страны «Царство женщин», индийской Суварнаготра и кит. Su-p'i — названия одного и того же племени, которое занимало большую территорию в центральной части Тибета. «Su-p'i» — это название клана. Тибетское же название «sum-pa» не отождествляется с Суварнаготрой. Ф. В. Томас считает, что тиб. so-byi или sum-pa — это название сюнну, племени, которое по происхождению восходит к племени сяньби. Su-p'i, sum-pa, sien-pi — разные формы одного и того же слова. В VII—VIII вв. это название унаследовали в Центральной Азии тюрки-карлуки.

По мнению П. Пельо, нет основания связывать название сянь-би с сум-па; сум-па тибетских источников вполне конкретно локализуется в Амдо, области, расположенной к югу и юго-востоку от Кукунора. В таком случае эти сум-па не могли совершать набегов на Хотан и Крорайну. Вероятно, в первых веках н. э. племена сум-па занимали большую территорию, весь Северный Тибет от Кукунора до проходов в Хотан, тибетцы же потеснили их в область, которая в китайских источниках получила название «Su-p'i».

Область Сум-па (к югу от Кукунора) дала свое название либо племенам su-p'i, когда они попали под власть Тибета, либо тем племенам, которые переселились сюда в VIII—IX вв., когда эта территория находилась под властью Тибета. Первая гипотеза более вероятна.

В остальных документах китайцы упоминаются только как жители Крорайны или лица, состоящие на государственной службе. Так, в док. № 8 среди чиновников, которым приказано выдать зерно на пропитание, назван «китаец Kolṕisa». В док. № 80 в списке жителей «сотни» среди 96 жителей, имена которых сохранились, назван один китаец. В док. № 324 упоминается китаец Śǧaṣi, который продает подаренного ему супи раба по имени Самрпина. В док. № 446 среди чиновников, которым за службу положен «паек» (см. выше), назван китаец по имени Catona. В док. № 686 перечислены расходы на подарки «китайцам в Нии».

Документы свидетельствуют о том, что китайцы не играли заметной роли в Крорайне. Вместе с тем и в Нии, и в Крорайне было обнаружено большое количество документов на китайском языке, которые были свалены грудами вместе с документами на крорайни. Очевидно, китайские чиновники, которые в какие-то периоды времени находились здесь и составляли эти документы, не имели своих контор и пользовались теми же помещениями, что и местные чиновники. По количеству и датировкам китайских документов можно установить, что в Нии постоянного китайского гарнизона не было. Количество китайских документов, найденных здесь, не превышает 50, в то время как основная масса документов на крорайни найдена именно в Нии. В Крорайне, наоборот, найдено около 200 китайских документов и незначительное количество документов на крорайни. Последние по времени китайские документы датированы тридцатыми годами IV в. н. э. В III в. здесь, очевидно, был небольшой китайский отряд, причем связи с Китаем через Дуньхуан были непостоянными [71, т. 1, с. 230].

Среди других географических названий в документах трижды упоминается Куча — «kuci raja» (№ 621, 629, 632) и один раз Кашгар («кашгарец» — suliǧa, ср. тиб. śu-lig, док. № 661). Это свидетельствует о том, что постоянных связей с Кашгаром и северными оазисами Крорайна не поддерживала.

О внешней торговле Крорайны в документах сведений нет. В Крорайне, как и во всем Восточном Туркестане, был в ходу золотой статер — suv̇arna sadera (satera), введенный индийцами [13а, с 222]. О его достоинстве в документах сведений нет. Известно только, что он употребляется вместе с местной денежной единицей — мули, которая составляла $^1/_{12}$ статера [33, с. 111—112].

* * *

Анализ документов позволяет заключить, что Крорайна была небольшим самостоятельным государством, включавшим в себя в середине III — середине IV в. н. э. оазисы вдоль южного края пустыни Такла-Макан и вокруг оз. Лобнор. Эти оазисы с глубокой древности были заселены оседлым земледельческим индоевропейским населением, которое находилось в постоянных контактах с индийским миром. Индийцы играли важную роль в политической жизни этих территорий, начиная с первых веков н. э. Что касается иранцев и китайцев, то они среди жителей Крорайны были в явном меньшинстве. У власти в Крорайне стояла местная династия, унаследовавшая кушанскую административную систему. Администрация на местах была представлена разветвленным бюрократическим аппаратом, возникшим в этом регионе и имевшим длительную традицию существования. Среди придворной администрации было много индийцев.

Придворная верхушка и местная администрация составляли господствующий класс (*азате* — «благородные»). К нему относились также родственники махараджи и крупные домохозяева и торговцы. Основную массу непосредственных производителей материальных благ составляло крестьянство, мелкие «домохозяева» (*готха*). Значительную

роль в хозяйственной жизни играли «рабы» (*даджха*) и лично несвободное население.

Господствующей идеологией и религией был буддизм. О добуддийских местных верованиях сохранились лишь единичные упоминания.

Документы из Нии и Крорайны — это важнейший письменный источник, созданный на территории самой Центральной Азии ее коренными жителями. По ним мы можем судить о социально-политическом строе и образе жизни местного населения и о том вкладе, который внесли индийцы в историю и культуру этого региона.

Насколько можно судить по сохранившимся письменным памятникам, приход индийцев в Центральную Азию способствовал возникновению здесь государственных образований — условия для этого были созданы всем ходом развития социально-экономических отношений на рассматриваемой территории. Индийцы явились также той сплачивающей силой, которая объединила удаленные друг от друга и оторванные от внешнего мира оазисы с помощью идеологии буддизма и сделала буддизм единственной религией, поглотившей почти без остатка все местные верования. Благодаря введению индийской письменности и проникновению индийских языков — санскрита и пракритов как языков буддийской литературы и особо северо-западного пракрита как государственного языка Кушанской империи, обрели письменную традицию местные бесписьменные народы, которые сумели внести свой вклад и в дальнейшее развитие письменности, и в упрочение буддийской традиции. В течение десяти веков буддизм прочно занимал позиции главной религии в Восточном Туркестане, а сам Восточный Туркестан был его крупнейшим мировым центром и оплотом. Именно благодаря этому до нас дошли многие памятники буддийской литературы, которые в самой Индии оказались утраченными. Но это уже другой вопрос — вопрос о роли Восточного Туркестана в сохранении индийского культурного наследия.

В первые века н. э. буддизм стал тем мостиком, с помощью которого индийская культура проникала в Центральную Азию. Индийское влияние в живописи, скульптуре, архитектуре, наконец, в материальной культуре Центральной Азии появилось еще до введения здесь буддизма; в наибольшей степени оно обязано своему утверждению в Восточном Туркестане именно буддизму.

Особенностью распространения индийского влияния в политической, культурной и духовной жизни Восточного Туркестана следует считать его мирный характер. Индийцы не совершили ни одного военного похода в Центральную Азию, они мирно переселялись на эти территории и постепенно растворялись в местном населении, выступая в качестве одного из компонентов центральноазиатского этноса. Элементы индийской культуры после своего проникновения в Центральную Азию подвергались осмыслению и творческой переработке. Поэтому культура народов Центральной Азии в домусульманский период — это своеобразное и неповторимое явление, вполне оригинальное, несмотря на то, что многие соседние народы в течение ряда веков принимали участие в ее становлении. Этот вопрос в настоящее время еще полностью не изучен и заслуживает специального рассмотрения.

1. Бенвенист Э. Тохарский и индоевропейский.— Тохарские языки. Сборник статей. М., 1959.
2. Бичурин, Иакинф. История Тибета и Кукунора. Т. 1—2. СПб., 1833.
3. Бичурин, Иакинф. Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем его состоянии. Ч. 1—2. СПб., 1829.
4. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1—3. М.— Л., 1950—1958.
5. Воробьев-Десятовский В. С. Коллекция тибетских документов на дереве, собранная С. Е. Маловым.— «Ученые записки Института востоковедения АН СССР». Т. 6. 1953.

6. Воробьев-Десятовский В. С. Тибетские документы на дереве из района озера Лоб-Нор, I.— ЭВ. 7; II.— ЭВ. 8; III.— ЭВ. 10.
7. Зуев Ю. А. Юечжи и кушаны в свете китайских источников.— Центральная Азия в кушанскую эпоху. М., 1974.
8. Краузе В. Тохарский язык.— Тохарские языки. Сборник статей. М., 1959.
9. Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
10. Литвинский Б. А. Социально-экономический строй древней Средней Азии.— История таджикского народа. Т. 1. М., 1963.
11. Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв. Новосибирск, 1974.
12. Ольденбург С. Ф. Кашгарская рукопись Н. Ф. Петровского.— ЗВОРАО. Т. 7. 1892.
12a. Ставиский Б. Я. Языки и письменности кушанской Бактрии в свете данных археологии и нумизматики.— «Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae». T. 25, fasc. 1—4. Budapest, 1977.
13. Agrawala R. S. From the Taxation as Depicted in the Kharosthi Documents from Chinese Turkestan.— IHQ. 19.1943, № 4.
13a. Agrawala R. Ch. Numismatic Data in the Niya Kharoshṭhi Documents from Central Asia.— «The Journal of the Numismatic Society of India». Vol. 16, p. 2. Bombay, [1954].
14. Agrawala R. S. Position of Slave and Serfs as Depicted in the Kharoṣṭhi Documents from Chinese Turkestan.— IHQ. 29.1953, № 2.
15. Agrawala R. S. Professions and Persons in the Niya Society.— «Journal of the Asiatic Society of Bombay». New series. Vol. 30, 1955, p. 1—2.
16. Bacot J., Thomas F. W., Toussaint Ch. Documents de Touen-houang relatifs a l'histoire du Tibet. P., 1940—1946.
17. Bailey H. W. Agnean and Kuchean.— BSOS. 8. P. 2. 1936.
18. Bailey H. W. Irano-Indica, [I].— BSOS. 12. P. 2. 1948.
19. Bailey H. W. Irano-Indica, II.— BSOS. 13. P. 2. 1950.
20. Bailey H. W. A Kharoṣṭhī Inscription of Seṇavarma, King of Oḍi.— JRAS, 1980, № 1.
21. Bailey H. W. A Half-Century of Irano-Indian Studies.— JRAS. 1972, № 2.
22. Bailey H. W. Ttaugara.— BSOS. 8. P. 4. 1937.
23. Beal S. Buddhist Records of the Western World. Vol. 1. L., 1906.
24. Beal S. Si-yu-ki. Buddhist Records of the Western World. Vol. 1—2. L., 1884.
25. Beal S. The Life of Hsiuen-tsiang. L., 1888.
26. Bivar A. D. H. The Absolute Chronology of the Kushano-Sasanian Governors in Central Asia.— «Prolegomena». Budapest, 1979.
27. Bivar A. D. H. The Kaniska Dating from Surkh Kotal.— BSOAS. 26. P. 3. 1963.
28. Boyer A. M., Rapson E. J., Senart E. Kharoṣṭhī Inscriptions Discovered by Sir Aurel Stein in Chinese Turkestan. P. 1—3. Ox., 1920—1929.
29. Brough J. Comments on Third-Century Shan-shan and the History of Buddhism.— BSOAS. 28. P. 3. 1965.
30. Burrow T. The Dialectical Position of the Niya Prakrit.— BSOS. 8. P. 2—3. 1936.
31. Burrow T. Further Kharoṣṭhi Documents from Niya.— BSOS. 9. P. 1. 1938.
32. Burrow T. Iranian Loan-Words in the Kharoṣṭhi Documents, I.— BSOS. 7. P. 3. 1934; II.— BSOS. 7. P. 4. 1935.
33. Burrow T. The Language of the Kharoṣṭhī Documents from Chinese Turkestan. Cambridge, 1937.
34. Burrow T. Tocharian Elements in Kharoṣṭhī Documents.— JRAS, 1935.
35. Burrow T. A Translation of the Kharoṣṭhī Documents from Chinese Turkestan. L., 1940.
36. Chavannes Éd. Des pays d'Occident d'après le Wei lio.— «T'oung Pao». Sér. II. Vol. 5. Leiden, 1905.
37. Chavannes Éd. Documents sur les tou-kiue (turcs) occidentaux. St.-Pbg., 1903.
38. Chavannes Éd. Les Documents chinois découverts par Aurel Stein dans les Sables du Turkestan Oriental. Ox., 1913.
39. Chavannes Éd. Les pays d'Occident d'après le Hoou Han Chou — «T'oung Pao». Sér. II. Vol. 8. Leiden, 1907.
40. Chavannes Éd. Notes additionelles sur les tou-kiue (turcs) occidentaux.— «T'oung Pao». Sér. II. Vol. 5. Leiden, 1904.
41. Chavannes Éd. Trois généraux chinois de la dynastie des Han orientaux Pan Tch'ao (32—102 p. C);— son fils Pan Yong;— Leang K'in (déc. 112 p. C), Chapitre 77 du Heou Han Chou.— «T'oung Pao». Sér. II. Vol. 7. Leiden, 1906.
42. Conrady A. Die chinesischen Handschriften und sonstige Kleinfunde Sven Hedins in Lou-lan. Stockholm, 1920.
43. Eberhard W. Settlement and Social Change in Asia. Hong Kong, 1967.
44. Emmerick R. E. Tibetan Texts Concerning Khotan. L., 1967.
45. Emmerick R. E. Notes on the Prophecy of the Arhat Samghavardhana.— «Asia Major». 14 (1968).

46. Emmerick R. E. The Historical Importance of the Khotanese Manuscripts.— «Prolegomena». Budapest, 1979.
47. Fa-Hsien. A Record of the Buddhist Countries. Peking, 1957.
48. Fa-Hsien. A Record of Buddhistic Kingdoms. Being an Account by the Chinese Monk Fâ-hsien of his Travels in India and Ceylon (A. D. 399—414) in Search of the Buddhist Books of Discipline. Tr. and an. by J. Legge. Ox., 1886.
49. Francke A. H. Notes on Sir Aurel Stein's Collection of Tibetan Documents from Chinese Turkestan.— JRAS. 1914.
50. Franke O. Kaschgar und die Kharoṣṭhī.— «Sitzungsber. der. k. Preuss. Akad. der Wiss.». 35. 1903.
51. Fuchs W. Huei-ch'ao's Pilgerreise durch Nord-West-Indien und Zentral-Asien um 726.— SPAW. Philosophisch-historische Kl. Jahrgang 1938. B., 1938.
52. Hamilton J. Les regnes khotanais entre 851 et 1001.— «T'oung Pao». Vol. 46. P. 1—2, 1958.
53. Henning W. B. The Date of the Sogdian Ancient Letters.— BSOAS. 12. P. 3—4, 1948.
54. Hoernle R. The Weber Mss.— An Other Collection of Ancient Manuscripts from Central Asia.— JASB. 62, 1893, P. 1.
55. Huntington E. The Pulse of Asia. L., 1907.
56. I-Tsing. Mémoire composé à l'époque de la grande dynastie T'ang sur les religieux éminents qui allèrent chercher la loi dans le pays d'Occident, tr. par Éd. Chavannes. P., 1894.
57. Klaproth J. Tableax historiques de l'Asie depuis la monarchie de Cyrus jusqu'à nos jours. P., 1824, livre 5: XIX—XXII.
58. Konow S. Ein neuer Saka-Dialekt.— SPAW, 1935.
59. Leumann E. Nordarische (sakische) Lehrgedicht des Buddhismus. Lpz., 1933.
60. Leumann E. Über eine von den unbekannten Literatur Sprachen Mittelasiens,— «Mémoires de l'Académie Imperiale des sciences de St.-Pétersbourg». Sér. VIII. T. 6. 1904, № 8.
61. The Life of Hsuan-Tsang Compiled by Monk Hui-li. Peking, 1955.
62. Loewe M. Records of Han Administration. Vol. 1—2. Cambridge, 1967.
63. Lüders H. Zur Geschichte und Geographie Ostturkestans.— SPAW, 1922, 24.
64. Maspero H. Les documents chinois de la troisième expédition de Sir Aurel Stein en Asie Centrale. L., 1953.
65. Mukherjee B. N. Kharoshṭhī Documents of Shan-Shan and the Kushāṇa Empire.— «Studies in the Sources on the History of pre-Islamic Central Asia». Ed. by J. Harmatta. Budapest, 1979.
66. Pelliot P. Notes on Marco Polo. Vol. 1—3. P., 1959—1973.
67. Pelliot P. Notes sur les T'ou-Yu-Houen et les Sou-Pi.— «T'oung Pao». Sér. II. Vol. 20. 1921.
68. Pelliot P., Heneda T. Manuscrits de Touen-houang. Kyoto, 1926.
69. Rémusat A. Histoire de la ville de Khotan, tirée des annales de la Chine et traduite du chinois. P., 1820.
70. Stein A. Ancient Khotan. Vol. 1—2. Ox., 1907.
71. Stein A. Innermost Asia. Vol. 1—4. Ox., 1928.
72. Stein A. Serindia. Vol. 1—5. L., 1921.
73. Thomas F. W. Tibetan Documents Concerning Chinese Turkestan, I — JRAS. 1927, c. 51—85; II— JRAS. 1927, c. 807—844; III— JRAS. 1928, c. 63—98; 555—595; IV— JRAS. 1930, c. 47—94; 251—300; V— JRAS. 1931, c. 807—836; VI—JRAS. 1933, c. 379—400; 537—568; VII—JRAS. 1934, c. 85—112; 249—282; 457—504.
74. Thomas F. W. Tibetan Literary Texts and Documents Concerning Chinese Turkestan. P. 1. Literary Texts. L., 1935.
75. Thomas F. W. The Language of Ancient Khotan.— «Asia Major». Vol. 2. 1925, fasc. 2.
76. Thomas F. W. Some Notes on the Kharoṣṭhī Documents from Chinese Turkestan.— «Acta orientalia». 13, 1935, 4.
77. Thomas F. W. The Early Population of Lou-lan=Shan-shan.— «The Journal of the Greater India Society». Vol. 11. № 2. Calcutta, 1944.
78. Uray G. Notes on a Chronological Problem in the Old Tibetan Chronicle.— «Acta orientalia Hungaricae». 21, 1968, 3.
79. Uray G. The Old Tibetan Sources of the History of Central Asia up to 751 A. D.: a Survey.— «Prolegomena to the Sources on the History of Pre-Islamic Central Asia». Budapest, 1979.
80. Voyage de Song Yun dans l'Udyāna et le Gandhāra (518—522 P. C.). Tr. par Éd. Chavannes.— «Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient». Juil-Sept., 1903.
81. Voyages de pèlerins Bouddhistes. L'itinéraire d'Ou-k'ong (751—790). Tr. et an. par M. Sylvain Lévi et Éd. Chavannes.— JA. Sept.-Oct., 1895.

Н. В. Дьяконова

ОСАДА КУШИНАГАРЫ

События земной жизни Будды Шакьямуни изображались уже на самых древних из дошедших до нас памятников буддийского искусства. «Житийные сцены» размещали на стенах вихар и оградах ступ Бхархута или Амаравати [23, табл. XXV—XXVII] в хронологической последовательности легендарных событий. Уже здесь был сделан отбор важнейших, узловых моментов этого повествования и разработана в основных чертах их композиция, ставшая впоследствии канонической [29, с. 5—6; 24, с. 180—190].

Такая же схема убранства храма получила отражение и дальнейшее развитие и в изобразительном искусстве Восточного Туркестана, в частности на северо-западе региона в кучарском и карашарском оазисах, где еще в V—VI вв. господствовало учение хинаяны [25, с. 215].

Повествовательно-дидактический характер «житийного цикла» как нельзя лучше соответствовал догматике этого учения. Основной целью его было наставление на «путь», следуя по которому всякое существо собственными усилиями, без помощи со стороны могло «спастись» и подобно Будде достичь нирваны [18, с. 39, 272; 31, с. 45].

Росписи стен или скульптурные композиции служили как бы наглядным пособием верующему (обычно неграмотному), знакомившим его с деяниями и подвигами Будды.

Основная тематика и даже композиционное построение отдельных сцен сохранялись, но специфическая социальная и этническая среда Восточного Туркестана предопределила особенности стиля складывавшегося здесь искусства [41, с. 28—29].

В отличие от более ранних индийских и гандхарских памятников в убранстве кучарских и карашарских храмов особое место уделялось «Великим проповедям» [29, с. 6], довольно однообразным композициям, где немногочисленные предстоящие более или менее симметричными группами окружают восседающего на престоле Будду.

Такие сцены заполняли боковые стены целлы [28, табл. XX—XXVI; 29, с. 6]; в более ранних храмах они иногда выделялись прямоугольными кадрами, в более поздних сливались, переходя одна в другую.

Иконография действующих лиц — самого Будды, его учеников монахов, героев и богов индуистского пантеона — остается формально той же, что была выработана на родине буддизма. Но меняется индивидуальный почерк художника, он восходит к другой, местной («иранской», «юэджийской», «тохарской» и т. д.) традиции. Меняется и этнический тип изображаемых персонажей, приближаясь к тому, который живописец или скульптор видел ежедневно вокруг себя [41, с. 29; 33, с. 8, рис. 181—200; 35, с. 133].

Эпизоды «жития Шакьямуни» нередко трактовались как жанровые сцены и отражали черты действительной повседневной жизни, обряды и бытовые реалии. Действующие лица изображаемых событий, миряне и даже небожители, принимали облик знатных тохар, портреты которых в качестве донаторов помещаются на передней стене целлы. Эти своеобразные элементы реализма дают подчас важную информацию о жизни людей и страны в давно прошедшие времена [34, табл. 21].

Особое место в убранстве храма отводилось рассказу о кончине Будды и событиях, с ней связанных.

Справа от паломника, совершающего ритуальный обход святыни, на стене галереи (*прадакшинапада*) помещалось изображение Махапаринирваны —«Великой Кончины», а на противоположной стене — осада города Кушинагары. Фигура лежащего на смертном одре Будды, часто гигантская (8—12 м в длину), занимала бóльшую часть левой стены галереи. Кругом располагались оплакивающие его люди и боги. Особенно интересна эта сцена в известной Пещере Майи кызыльского *мин-уя* [1] в Кучаре, где рядом с традиционно написанными буддийскими монахами — бритоголовыми в оранжевых плащах, индийскими принцами и небожителями — полуобнаженными, украшенными драгоценностями, цветами и лентами, скорбят тохарские князья и знатные дамы. Они одеты в такое же платье, что и изображенные в этом же храме жертвователи, несущие свои дары к престолу божества. Здесь они в отчаянии ломают руки, рвут на себе одежду, поражают себя ножами в голову и грудь. Они отправляют печальный обряд по своим древним обычаям, сложившимся, быть может, задолго до того, как в этой стране был принят буддизм. Такие обряды описывают исторические хроники и эпические сказания, они отражены изобразительным искусством Центральной и Средней Азии [1, с. 81; 11, с. 176—177; 8, с. 12].

Не менее важное место в канонической для V—VII вв. декоративной схеме кучарских и карашарских храмов занимала картина событий, последовавших за нирваной. Легенда говорит, что тело Будды было перенесено с царскими почестями в расположенный поблизости город Кушинагару, которым правил род Малла, и по индийскому обычаю предано огню.

Когда весть о смерти и кремации Шакьямуни дошла до князей, владевших теми городами Индии, в которых он проповедовал свое учение и которые прославил своими чудесами, они, собрав войска, окружили и осадили Кушинагару, требуя выдать им священный *шариль* — пепел Будды [2]. Во главе осаждавших встали рыцари правившего в Капилавасту царского рода Шакья, из которого происходил и сам Будда. Готова была вспыхнуть братоубийственная война. Но верный ученик Будды — брахман Дрона напомнил о принесенном ими обете миролюбия и непричинения вреда ни одной живой твари. Он разделил *шариль* поровну между претендентами, которые вернулись в свои владения и поместили священные реликвии в специально воздвигнутые там ступы [24, с. 584 и сл., рис. 291—294; 31, с. 45].

Изображение осады Кушинагары, традиционное в восточнотуркестанском искусстве V—VI вв., интересно как своеобразное композиционное решение темы более общей, чем единичный эпизод буддийской легенды, как сюжет осады города или крепости вообще [8, с. 11] [3].

Центральное место в этой композиции обычно занимает окруженный зубчатыми стенами город с двустворчатыми воротами посредине [29, рис. 45—47; 90, 91 и др.]. По обе стороны от ворот более или менее симметричными группами располагаются конные воины. Действующие лица, находящиеся в городе, ученики Будды, монахи и дэвы, данные обычно более крупно, чем осаждающие город рыцари, размещаются в верхней части композиции за зубцами городской стены или в идущей поверху галерее.

---

[1] *Мин-уй* (букв. «тысяча домов») — термин, принятый в топонимике Туркестана для обозначения руин буддийских монастырей.

[2] *Шариль* — от санскр. śārīra — тело живого существа, а также мертвое, труп, останки, мощи, реликвия. В Центральной Азии этот термин, по-видимому, произносился *шариль* [44, с. 207] или *шарилъ* [17, с. 275].

[3] Композиционная схема, разработанная в буддийской иконографии Центральной Азии как иллюстрация к легенде об осаде Кушинагары, использовалась для изображения осады городов или крепостей вообще в миниатюрах к эпическим или историческим произведениям и на предметах прикладного искусства Переднего Востока и Центральной Азии [8, с. 11—12; 11, с. 176—177, рис. 1; 15, с. 61—62; 20, № 2; 21, с. 192—194; 36, с. 533, примеч. 5].

Посредине над воротами — груда пепла и Дрона, который собирается его поделить. Справа и слева от него — дэвы с реликвариями или урнами.

В отличие от других эпизодов «житийного цикла» Будды или легенд о его предшествовавших перерождениях, происходивших в глубокой древности в стране далекой и не известной ни художнику, писавшему картину, ни тем людям, для которых он ее создавал, такое событие, как битва или осада крепости, представлялось реальным, как осада современной им крепости реальными воинами, одетыми и вооруженными так, как это определялось военным искусством, современным созданию памятника.

О том, насколько распространенным был в V—VII вв. сюжет осады Кушинагары и раздачи *шариля* и какое важное место в буддийском изобразительном искусстве Кучарского и Карашарского княжеств он занимал, можно судить по количеству изображений и тщательной разработке иконографии «рыцарей Шакья», являвшихся обязательными участниками этих событий. В числе матриц для изготовления скульптур, неоднократно находимых в руинах монастырских мастерских Восточного Туркестана, постоянно попадаются предназначенные для формовки фигурок конных и пеших «рыцарей Шакья».

Эти фигурки всегда привлекали к себе внимание исследователей прошлого Центральной Азии как чрезвычайно ценный источник по истории ее материальной культуры, прежде всего по истории вооружения и ратного дела [32, с. 11—22; 30, с. 198, табл. F, рис. 1—17; 38, с. 129].

Академик С. Ф. Ольденбург в краткой предварительной публикации материалов «первой Русской Туркестанской экспедиции» 1909—1910 гг., проводившейся под его руководством, упоминает о найденных им при осмотре развалин храмов F 4 и L 6 в шикшинском *мин-уе* статуэток (рис. 9), которым предполагал посвятить специальную статью [4] [16, с. 7]. Попутно он указывает и на аналогичные фигурки, приобретенные в Куче М. М. Березовским, считая их более поздними, так как «...пластическая передача деталей одежды и вооружения, весьма близкая натуре на шикшинских вещах, заменяется в кучарской скульптуре росписью, более обобщенной, стилизованной и условной» [5] (рис. 8). Действительно, замена пластической передачи деталей скульптуры раскраской, а также обилие разнообразных украшений, часто непонятных и функционально неоправданных в доспехах кучарских воинов — как на скульптурных, так и на живописных изображениях — характерны как будто бы для более позднего времени, особенно же для тех памятников, на которых заметно сказалось влияние Китая. Но быть может, как сразу же оговаривает высказанное предположение сам С. Ф. Ольденбург, это различие стилистическое [16, с. 78].

Если рассматривать сцены «Осады Кушинагары» и прежде всего изображенных на них «рыцарей Шакьев» как источник по истории вооружения воина Центральной Азии эпохи раннего средневековья, то все кучарские фигурки их, как скульптурные, так и живописные, можно считать восходящими к значительно более раннему времени, чем карашарские, отражающими, быть может, действительно «сасанидскую» или «согдийскую» культурную традицию [33, с. 11—12; 32, с. 277]. Их панцири с высокими защитны-

---

[4] К сожалению, эта работа С. Ф. Ольденбургом не была осуществлена.

[5] Интересно в данном случае сравнить лица скульптурных изображений *Шакьев* из шикшинских храмов F4 и L6 и фигурок, приобретенных в Кучаре М. М. Березовским. По сравнению с шикшинскими, которые С. Ф. Ольденбург характеризует как «великолепные»,, представляющие «гандхарскую школу» [16, с. 7], кучарские статуэтки выполнены весьма небрежно, на невысоком профессиональном уровне. Для изготовления их лиц была использована матрица, подходившая для изображения любого «милостивого» (śanta) персонажа — небожителя, принца, юноши или женщины. Но так как *шакьи* должны были представлять не просто положительного, а «мужественного» (vira) героя, изготовлявший их мастер нанес красной краской на лоб и щеки черточки-морщины, весьма условно передающие мимику гнева и мужественную суровость.

Лица же статуэток из шикшинских храмов, выполненные хорошими мастерами, действительно в пластике передают мимику гнева, напряженности мужественного воина: брови насуплены, на лбу морщины, глаза выкатываются из орбит, губы сурово сжаты [30, с. 153; 4, с. 92; 13, с. 26].

ми воротниками, сложно орнаментированные кирасы, зооморфные наплечники и наколенники претерпевают в иконографии буддизма длительную эволюцию, превращаясь в фантастическую броню многочисленных божеств и мифологических персонажей [2, рис. 11, 15; 37, с. 62—63, рис. 25] «богатырского» класса, особенно пышную в искусстве позднейшего (танского) китайского буддизма [7, с. 178, табл. 1, 7; 19, табл. XXX, 2; 33, рис. 50—62; 30, табл. F, рис. 1—17].

Существенным доводом в пользу более поздней датировки шикшинских рыцарей является наличие стремян, всегда четко изображенных и в скульптуре и в живописи Шикшина (рис. 12). Отсутствие же стремян у всадников, осаждающих город на росписях Кучара, дает как будто основание датировать их временем значительно более ранним, чем карашарские, т. е. IV—V вв. [40, с. 29; 30, с. 199, табл. E, рис. 25]. Впрочем, вполне вероятно, что здесь мы встречаемся с сознательной архаизацией изображения рыцаря. Возможно, что канонический в кучарском искусстве образ представителя господствующего класса — военной аристократии, образ идеального рыцаря [9, с. 59; 10, с. 27; 13, с. 55, 62], подобного «рыцарям Шакья», сложился как изображение конника, всадника на коне еще в то время, когда стременами не пользовались. Одним из характерных признаков таких изображений стало естественное при посадке без стремян положение ступни с оттянутым вниз носком. Включение этого признака в изобразительный канон, быть может, объясняет такое же положение ступней у кучарских рыцарей и в тех случаях, когда они представлены не всадниками, а пешими, стоящими вместе со своими домочадцами перед алтарем, в качестве донатора [26, табл. XXXII; 33, рис. 11]. Изображенные рядом с ними представители других социальных групп или иконографических типов — монахи, слуги, даже индийские божества — стоят в естественной позе, опираясь на всю ступню [33, рис. 20].

«Великая Кончина» и «Осада Кушинагары» — сюжеты традиционные для кучарского искусства V—VII вв., в Карашарском оазисе засвидетельствованы самыми старыми из сохранившихся наземных и пещерных храмов (C 4, F 4, L 6, пещ. 7, 9, 11), датируемых VII—VIII вв. Более поздние (IX—XI вв.) памятники Восточного Туркестана, представляющие искусство махаяны, обращаются к «житийным» сюжетам реже. Они исчезают или отодвигаются на второй план, уступая место молебственным и репрезентативным типа *пранидхи* — принесение обета и изображение божества «во славе» со всеми символами его могущества.

Большое панно, занимающее весь простенок в заднем отсеке обходного коридора пещеры 11 шикшинского монастыря с изображением осады Кушинагары, является, быть может, самым поздним памятником такого рода.

Этот храм в пещерном комплексе Шикшина заслуживает особого внимания по ряду причин. Его сооружение относится скорее всего ко времени не ранее конца VI — начала VII в. В пользу такой датировки говорит, в частности, и общий план пещеры, особенно форма обходного коридора, образующего небольшую дугу, что характерно для архитектуры VII—VIII вв. [29, с. 5]. При посещении этой пещеры немецкой экспедицией проф. Грюнведеля в 1907 г. на полу целлы среди обломков гигантской статуи, по-видимому главной «алтарной», были найдены многочисленные листы и обрывки рукописей, написанных письмом брахми, как выяснилось потом, «на тохарском языке β». Эти рукописи несомненно были вложены в статую при ее освящении, что могло произойти не позднее начала VIII в. [29, с. 202; 12, с. 43]. Но изображенные по традиции на передней стене донаторы-уйгуры выполнены совсем в той же манере, что и подобные портреты в настенных росписях, на вотивных флажках и иконах-свитках, найденных в Идикут-шари, Безеклике, Муртуке и других местах турфанского оазиса времени наивысшего расцвета сложившегося там уйгурского государства, т. е. X—XI вв.

Пещера 11 просуществовала долго. Росписи, украшавшие ее стены, несомненно, подновлялись и переписывались, причем изменялся не только

стиль письма, но и сюжеты. Существование на стенах этой пещеры нескольких слоев разновременной живописи отметил уже С. Ф. Ольденбург, снявший несколько кусков ее с правой от входа стены целлы [16, с. 20]. При реставрации этих фрагментов в Эрмитаже удалось отделить небольшие образчики живописи нижнего слоя, позволившие составить некоторое представление о ее стиле и даже возможном содержании.

Роспись верхнего, последнего за время жизни пещеры слоя оказалась не совсем обычной для такого обычного типа храма с обходной галереей, как пещера 11, а во многом и загадочной.

Проф. А. Грюнведель, посетивший, как было сказано, Шикшин двумя годами раньше Первой Русской Туркестанской экспедиции и заставший этот храм в несколько более сохранном виде, отметил «удивительную неодинаковость росписей правой и левой стен целлы» [29, с. 206]. Левая стена была занята одной большой многофигурной сценой какой-то, по-видимому бенаресской, проповеди. Роспись правой состояла из «трех полей» — на среднем еще с трудом угадывалась большая фигура сидящего на лотосе Будды, окруженного, как обычно, предстоящими небожителями, мирянами и монахами. На левом сохранились остатки изображения, как предполагал Грюнведель, также стоящего или сидящего Будды. Оба эти «поля» были настолько повреждены, что дать более точную интерпретацию изображенным на них сюжетам было невозможно. Лучше сохранилась на правой части стены «фигура стоящего божества» [6] [29, с. 209; 34, табл. 7]. Первым правильно определил это изображение как особую ипостась Будды акад. С. Ф. Ольденбург [16, с. 20].

В дальнейшем было обосновано его истолкование как *дхармакая*, т. е. истинносущего — космического тела Будды, заключающего в себе все мироздание [5, т. 2, с. 396—399; 42, с. 109; 43, с. 1; 27, с. 131—134; 26, с. 27—40].

Учение о «трех телах Будды»: *нирманакая* — «явленном теле», в котором Будда приходит в мир как учитель, *самбхогакая* — «теле блаженства», в котором он пребывает среди небожителей, и *дхармакая*, в котором он вмещает все элементы бытия и является истинносущим, абсолютом,— было важнейшим положением онтологии махаяны. Возможно, что три загадочные фигуры на правой от входа стене целлы 11-й пещеры не что иное, как выражение этого догмата в изобразительном искусстве [18, с. 254].

О торжестве махаяны свидетельствуют также росписи обходной галереи, где обычные для хинаянской схемы убранства храма изображения проповедей заменены сценами *пранидхи* — принесением обета Будде — заступнику и спасителю, с помощью которого может быть достигнута нирвана без особых усилий со стороны молящегося [18, с. 272; 31, с. 123, 126].

В заднем отсеке обходной галереи этого храма, на левой стене сохранились следы живописного изображения «Великой Кончины». Фигура лежащего на смертном одре Будды занимала более четырех метров, а на противоположной стене, справа от совершающего ритуальный обход, помещалась сцена «осады крепости» и раздачи реликвий.

Большое, во весь простенок, панно (рис. 11) существенно отличается и по композиции и по стилю письма от многочисленных изображений этого события в кучарских храмах. Здесь нет даже попытки передать пространство при помощи обратной перспективы, что обычно для кучарских росписей [29, рис. 45—47, 90, 91, 117 и др.]. Вся поверхность стены разделена по горизонтали на две почти равные части. Нижняя, немного бóльшая по высоте,

[6] Окружающая «фигуру стоящего божества» мандорла с радужной каймой заполнена стилизованными волнами, среди которых растут цветы лотоса и другие водяные растения, плавают утки и змеиные божества «наги», символизирующие водную стихию. Эти последние дали А. Грюнведелю основание толковать загадочное божество как «Нагараджу» — царя нагов. Голова и ступни «фигуры стоящего божества» были уже тогда полностью утрачены, обнаженное тело сплошь покрыто разнообразными изображениями: посредине торса — горы Сумеру с райским чертогом на вершине, на плечах и бедрах — окруженных нимбами «Стражей Четырех сторон Света», на коленях — солнца и луны [29, с. 210, рис. 468].

окрашена в охряно-желтый цвет и разграфлена тонкими черными линиями на прямоугольники, передающие кирпичную кладку городской стены, увенчанной ступенчатыми зубцами.

Верхняя половина панно изображает галерею с навесом, опирающимся на легкие красные столбики-колонки с капителями-подбалками, характерные для центральноазиатского деревянного зодчества. Между колонками сидят, обратясь в три четверти к середине композиции, дэвы, держащие в руках урны с еще пламенеющим пеплом. Дэвы сидят «по-европейски», скрестив в лодыжках спущенные ноги. Их позы и положение держащих урны рук сходны, но не повторяются полностью, что опровергает предположение об использовании живописцем трафарета [29, с. 15]. Карнация этих фигур, белая или темно-розовая, чередуется так же, как и цвет их одежды. У дэвов округлые юношеские лица с тонкими чертами, большие глаза, вьющиеся волосы, собранные в высокую прическу, украшенную драгоценностями и лентами. Моделировка объема дана тонкой и ровной «проволочной линией», которую китайцы считали характерным приемом хотанских мастеров [41, с. 34]. В целом эти изображения — прекрасный образец позднейшего этапа в развитии «местной» школы, еще не подвергшейся сколько-нибудь значительному влиянию танской иконографии.

На фоне городской стены, занимающей всю нижнюю половину панно, асимметричными группами разбросаны фигуры «рыцарей Шакьев» (рис. 12), как обычно, значительно меньшего размера, чем обитатели города. Четверо из них сидят на слонах. Головы их нимбированы. По-видимому, это князья, а конники — дружина, хотя в остальном воины ничем друг от друга не отличаются; у всех лица, одежда, вооружение одинаковы. Слоны смехотворны: уши переданы в виде фестончатой драпировки, хобот напоминает набитый ватой чулок. Они взнузданы, как кони, но вместо седла на их спине укреплен — непонятно каким образом — совершенно плоский помост. Художник, безусловно, никогда не видел живого слона и плохо представлял себе, как на нем ездят.

Зато кони написаны мастерски, смелыми и легкими, каллиграфически точными росчерками кисти. Кони невысокие, на тонких, но крепких ногах с тучным корпусом, несколько вислым крупом и маленькой сухой головой на короткой плотной шее. Грива не густая, не подстриженная, свисает по обе стороны шеи; хвост завязан узлом.

Лошади холеные, раскормленные. Художник постарался как можно более точно показать великолепные стати той знаменитой породы центральноазиатских коней, которые так ценились в Китае и изображения которых мы знаем уже по рельефам из Улянцы (II в.) и многочисленным позднейшим памятникам скульптуры и живописи.

Сбруя шикшинских коней встречает аналогии в многочисленных памятниках изобразительного искусства и археологических находках, сделанных в Центральной Азии и за ее пределами [40, с. 639—644, табл. 47—49; 6, табл. XLII, XLIII; 35, с. 138] [7].

На первый взгляд, конные воины, заполняющие всю нижнюю половину росписи и как бы разбросанные в пространстве перед служащей фоном крепостной стеной, создают впечатление беспорядочного движения множества разнообразных фигур. Однако, приглядевшись к ним внимательно, убеждаешься, что вся конница составлена всего-навсего из двух, многократно

---

[7] Уздечка состоит из щечных и подбородочного ремней, нахрапника, начельника. Иногда (например, на скульптуре из L 6) украшена широким налобником из разнообразных бляшек.

Интересны *S*-образные псалии, к нижнему концу которых прикреплялись поводья. Такая же форма удил засвидетельствована на росписях Кучара, в Пенджикенте, на Варахше, на конных изображениях Турфанского оазиса. Седло с довольно высокими передней и задней лукой и выступающими полицами, обтянуто кожей (?) и положено на закругленный чепрак. Паперсь и пахва украшены бляшками, крупными кистями и бубенчиками. Стремена на ремнях (путлищах) с пряжкой, позволяющей регулировать их длину, прикреплены к ленчику довольно далеко от передней луки. Само стремя развитой формы (ушко отделено от дужки), подножие широкое, слегка скругленное, с прорезями (рис. 13).

повторяющихся изображений всадника — одного на правой, другого на левой половине картины. Кони справа стоят неподвижно, иноходцы на левой стороне стремительно скачут вперед. Всадники почти ничем не отличаются друг от друга. В три четверти обращенные к зрителю, они крепко и спокойно сидят, опираясь на длинные стремена (рис. 12). И здесь предположение об использовании трафарета или припороха не подтвердилось. По-видимому, как это постоянно наблюдается в средневековой живописи Востока, даже хороший профессионал заучивал круг детально разработанных образцов для изображения персонажей и предметов, которые повторяются в довольно однообразном репертуаре его творчества. Только большие мастера в исключительных ситуациях вносили новшества в этот репертуар и предлагали другие решения.

Несмотря на фрагментарность нашего панно, на нем все же сохранилось вполне достаточно совершенно одинаковых всадников (или хотя бы каких-то их частей), чтобы рассмотреть и изучить во всех подробностях их одежду, вооружение, сбрую, коней (рис. 13).

При общем сходстве всех изображенных здесь реалий с теми, что мы видели на статуэтках из шикшинских храмов F4 и L6, «рыцари Шакьи» из пещеры 11 относятся к более позднему времени и носят, по-видимому, действительно бытовавшие здесь в то время, а не традиционные или канонические в иконографии воинов, доспехи [3, с. 255; 6, с. 142—148; 37, табл. 48—49]. На них — длинный, доходящий до щиколоток панцирь из связанных при помощи ремешков в горизонтальные ряды металлических пластин. В отличие от кучарских воинов и рыцарей из храмов F4 и L6, их доспехи лишены защитного воротника, горловина плотно охватывает шею. По всей длине спереди идет застежка. Не пытаясь решать вопроса о происхождении именно такой формы пластинчатой брони, все же отметим, что именно для нее находится наибольшее количество аналогий и в памятниках изобразительного искусства и в археологическом материале Центральной и Средней Азии и Сибири [6, с. 142—148, табл. XXXII—XLIII; 14, с. 125; 38, с. 129; 21, с. 216]. В совершенно неизмененном виде этот доспех, так же как склепанные из четырех секторов полусферической формы шлемы, бытовал в Тибете еще в начале нашего века [22, с. 210—213; 29, рис. 210; 34, табл. 21]. На макушке шлемы украшались вставленными в невысокую трубку перьями или кистью из волоса или шерсти. Мечи — прямые, длинные, с крестовиной, рукоять слегка изогнута вперед и с левого края ребристая, по-видимому, мечи были однолезвийными [6, табл. XXXII]. Носили меч всегда слева, подвешенным на двойной портупее к поясу. Ножны мечей были украшены несложным орнаментом из продольных бороздок (деревянные, обложенные тисненой кожей?), с оконечием и двумя обоймицами с ушками (металлическими?), за которые они подвешивались (рис. 14, 15). На левом же боку воина помещалось налучие с вложенным в него луком. Много изображений налучий сохранилось на росписях в кучарских пещерах и на фрагментах статуэток «рыцарей» из шикшинских храмов F4 и L6. Оно представляло собой футляр из кожи, украшенный тиснением и металлическими накладками (иногда они делались из барсовой или тигровой шкуры [28, табл. XXX; 33, с. 21, рис. 32]. Лук со спущенной тетивой, обернутый куском ткани, входил в этот футляр глубже, чем до половины. На росписи из пещеры 11, кроме описанного выше, тщательно завернутого (запасного?) лука, рядом с ним, также у левого бедра всадника, помещается второе налучие с луком совершенно иной формы. Оно хорошо знакомо нам по многочисленным изображениям в миниатюре XIV в. и более позднего времени, а также по подлинным предметам самого разнообразного происхождения, от Маньчжурии до Кавказа и Малой Азии, имеющимся в коллекциях многих музеев и частных собраний оружия. Такие налучия предназначались для готовых к бою напряженных луков рефлектирующего типа [33, с. 19—20, рис. 70].

А. Грюнведель, сделавший во время своей работы в Шикшине прорисовку одного из всадников, изображенных на правой стороне панно [29, рис. 209], ошибочно принял это налучие за колчан [29, рис. 469а].

Колчаны всех без исключения рассматриваемых здесь изображений воинов имеют ту характерную форму высокого усеченного конуса с воронкообразным верхом, снабженным открывающимся вниз клапаном, которая была распространена среди кочевого и оседлого населения Центральной Азии VI—XII вв. Колчан носили справа. Стрелы с плоским ромбовидным черешковым наконечником вкладывались в колчан остриями вверх. На скульптурных изображениях таких колчанов из храмов F4 и L6 хорошо видно, как уложены стрелы, какова форма их наконечников, видны также и шарики-свистки, помещавшиеся под наконечниками.

«История Северных дворов» [3, с. 255] сообщает о быте карашарцев: «...вооружение состоит из лука, сабли [8], лат и копья». Длинные, выше человеческого роста копья с ромбовидным или ланцетовидным втульчатым острием, украшенные небольшим флажком, были также у «рыцарей» из храмов F4 и L6 в Шикшине. Такие копья с флажком изображались на персидских, индийских и среднеазиатских миниатюрах еще в XVI—XVIII вв. На росписи из пещеры 11 их нет. Только два всадника, возглавляющих левую группу, держат древки больших, своеобразной формы знамен, похожих на вымпел. В правой руке большинства всадников — клевец или боевой чекан. Левой рукой они держат поводья. За спиной — круглые щиты.

Пещерный храм 11 был в плачевном состоянии уже в 1907 г., когда его посетил А. Грюнведель, который ограничился только калькированием нескольких наиболее сохранных и различимых фигур. Но именно «плачевное состояние» памятника заставило С. Ф. Ольденбурга попытаться спасти от полного уничтожения хотя бы часть этих уникальных во многих отношениях росписей, в настоящее время хранящихся в Эрмитаже.

Панно с изображением осады крепости, как и вся живопись пещеры, было сильно разъедено солями, красочный слой осыпался, а во многих местах был умышленно сбит иконоборцами-мусульманами или просто из озорства случайно заходившими в пещеру людьми.

От восседавших на крытой галерее крепости дэвов сохранились только части трех фигур справа и нижняя половина одной слева. Три из четырех ехавших на слонах «князей» почти полностью уничтожены. Уничтожена и вся средняя часть вверху композиции — то место, где должен был находиться раздающий *шариль* Дрона. Зато в середине нижней половины росписи сохранились остатки сцены, совершенно необычной и не встречавшейся ни на одном из известных нам изображений «Осады Кушинагары». Это группа человеческих фигур, окруживших стоящую на первом плане статую. Статуя написана желтой охрой с черным контуром. На стенных росписях Центральной (и Средней) Азии так передают обычно золото или бронзу. Статуя помещается на невысоком квадратном постаменте, украшенном по сторонам довольно сложным растительным и геометрическим орнаментом. Она изображает коленопреклоненного юношу в традиционном убранстве дэва или бодхисаттвы. Руки изваяния сложены перед грудью в молитвенном жесте (*анжали*). Голова окружена нимбом (рис. 16, 17).

Несколько позади и левее статуи сохранилась нижняя (до талии) половина фигуры стоящего монаха или будды,— если судить по одежде — малиновому плащу и виднеющемуся из-под него подолу исподней монашеской юбки (*утарасангхики*). Справа от статуи на таком же расстоянии различима стоящая фигура с обнаженным торсом и скрытыми складками богатой одежды бедрами и ногами. Две такие же фигуры видны несколько левее. Все персонажи обращены в сторону золотой статуи, руки их сложены в молитвенном жесте.

Говоря о загадочности такой интерполяции в традиционную каноническую композицию, С. Ф. Ольденбург делает только краткое замечание: «по-видимому, здесь изображено освящение статуи» [16, с. 12]; такое же предположение высказал и А. Грюнведель [19, с. 211].

---

[8] В данном случае правильнее назвать это оружие «мечом», так как сабля — оружие с кривым клинком — появляется позднее, в IX—X вв.

Если согласиться с этим, то возникает вопрос, каким образом связывается подобная сцена с основным сюжетом панно — «разделом пепла Будды» и почему она оказалась включенной в данную роспись. Не является ли эта статуя также реликварием? Нам известно о существовании в Средней и Центральной Азии антропоморфных реликвариев и костехранилищ еще в глубокой древности. Использование статуй для вложения различных священных предметов засвидетельствовано находками подобного рода в Восточном Туркестане и других странах Центральной Азии.

В религиозной практике ламаизма иконы-статуэтки, бурханы, становятся культовыми предметами только после того, как облеченный соответствующими правами священнослужитель вложит в полое нутро фигурки дарующие ей магическую силу предметы: написанные на бумаге, шелке, бересте молитвы и священные формулы, благовония, семена растений, монеты и, наконец, и это особенно важно, реликвии — *шариль*, частицы тела святых — зубы, волосы, обрезанные ногти и даже высушенные испражнения «святых людей» [17, с. 274].

А. М. Позднеев, сообщая по личным наблюдениям о способах сохранения останков почитаемого лица (не обязательно духовного звания, но также общественных или политических деятелей, признанных церковью «хубилганами», т. е. воплощением святых) говорит: «все части набальзамированного и высушенного (в сидячем положении) тела, свободные от одежды, особенно лицо, покрывают позолотой... поверх позолоты разрисовывают брови, усы и губы... (т. е. делают подобие позолоченной статуи.— *Н. Д.*). Такой труп хубилгана называют „шарилем". Его садят в серебряный субурган и с торжественным богослужением ставят в кумирню, после чего ему воздают божеские почести» [17, с. 275].

В тех случаях, когда применялась не мумификация, а сожжение тела умершего, «...из пепла с примесью к нему лучшей и нарочно для этого приготовленной глины с клейким веществом делают небольшие статуэтки бурханов, которые ставят в кумирнях или в нарочно устраиваемых для того часовнях на месте погребения хубилгана» [17, с. 222].

О почитании останков святых, а равно и высокопоставленных мирян сообщает уже Рашид ад-Дин. В главе о событиях 687/1288 г. он пишет: «Седьмого сафара (т. е. 13 марта) сего же года преставилась Кутлуг-хатун, дочь Тенгу-Тургеша из племени Айрат, мать царевича Хатай-огула. Седьмого рабия-ал-авваля (т. е. 14 апреля) из улуса Нокия к берегу Джуи-нау прибыли гонцы и привезли шариль. А у буддистов так полагают, что когда сожгли Будду Шакьямуни (Шакьямуни-бурхан), то перед его сердцем — косточка, прозрачная, как гемма — не сгорела дотла, ее называют „шариль". Они (буддисты) считают, что если кого-либо, достигшего высоких степеней вроде Будды Шакьямуни, сожгут, то шариль его не сгорит. Итак, когда его принесли, Аргун-хан его почтил и осыпал золотом и веселились и несколько дней предавались играм и развлечениям» [44, с. 207].

О погребальных обрядах карашарцев-буддистов середины I тысячелетия н. э. «История Северных дворов» сообщает: «Янки или Харашар... умерших сжигают и потом хоронят. По прошествии семи дней снимают траурное одеяние... Письмо у них одинаковое с индийским. Поклоняются духу неба и купно следуют закону Шагя-мониевому, особенно чтут восьмое число (число 8 — сакральное у буддистов.— *Н. Д.*) второй луны и восьмое число четвертой луны» [9, с. 255].

Пепел Будды был разделен на восемь частей по числу индийских княжеств, пожелавших быть его наследниками, и по числу мест, где произошли самые важные события в земной жизни «Учителя».

В сценах осады Кушинагары и раздела *шариля* всегда есть изображение восьми небожителей, держащих урны или реликварии, готовых принять от Дроны положенную долю священного пепла.

Несмотря на чрезвычайную фрагментарность росписи из пещеры 11, ее композиция может быть восстановлена достаточно точно и нет сомнения относительно того, сколько дэвов с урнами вмещала идущая над крепост-

ными стенами галерея. Их было восемь, не больше и не меньше. Поэтому трудно предположить, что золотая статуя могла стать девятым вместилищем пепла Шакьямуни. Невероятно это в данном случае еще и потому, что изображенная на нашей росписи статуя представляет не будду, а бодхисаттву или дэва, т. е. персонаж более низкого ранга, чем будда. Его коленопреклоненная поза и руки, сложенные в молитвенном жесте — *анжали* (в буддийской иконографии символизирующем почтительное преклонение, молитву, прошение), заставляют считать золотую статую изображением адоранта — просителя, ожидающего благодеяния и милости, а не божеством, которому молятся или помощи которого ждут. Окружающие статую фигуры, насколько их можно разглядеть, стоят вокруг статуи также в почтительных, приветственных позах с молитвенно сложенными руками.

Можно предположить, что в каноническую композицию осады города Кушинагары и раздела *шариля* Будды Шакьямуни, сохранившуюся на стене обходного коридора пещеры 11 в Шикшине, включена сюжетно не связанная непосредственно с этим событием сцена освящения золотой статуи-реликвария, заключающей в себе пепел какого-то местного святого или знатного человека, по всей вероятности причастного к сооружению или украшению данного храма. В таком случае статуя, изображающая коленопреклоненного, с молитвенно сложенными руками бодхисаттву, должна здесь представлять покойного донатора, чей пепел она заключает, молящегося о перерождении в «чистой земле» (раю) в ранге бодхисаттвы. Если согласиться с этим предположением, то загадочная интерполяция в сцене «осады Кушинагары» из пещеры 11, явится интересным свидетельством использования в Восточном Туркестане VIII—IX вв. статуй как мощехранилищ или реликвариев.

1. Беленицкий А. М. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пянджикентских храмов.— Живопись древнего Пянджикента. М., 1954.
2. Беленицкий А. М., Маршак Б. И. Черты мировоззрения согдийцев VII—VIII вв. в искусстве Пенджикента.— История и культура народов Средней Азии. М., 1976.
3. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М.— Л., 1950.
4. Герасимова К. М. Памятники эстетической мысли Востока. Тибетский канон пропорций. Улан-Удэ, 1971.
5. Грек Т. В., Дьяконова Н. В. Концепция дхармакая в изобразительном искусстве Центральной Азии.— Труды международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. 27/IX — 6/X 1968. Т. 2. М., 1975.
6. Деревянько Е. И. Мохэсские памятники Среднего Амура. Новосибирск, 1975.
7. Дьяконова Н. В. К истории одежды в Восточном Туркестане II—VII вв.— Страны и народы Востока. Вып. 22. Кн. 2. М., 1980.
8. Дьяконова Н. В. Композиция и сюжет в изобразительном искусстве Центральной Азии.— Тезисы докладов на сессии, посвященной истории живописи стран Азии 15—20/XI 1965 г. Л., 1965.
9. Дьяконова Н. В. Образ человека в искусстве средневековой Сериндии.— Тезисы докладов на юбилейной сессии Государственного Эрмитажа. 1964 г. Л., 1964.
10. Дьяконова Н. В. Положительный герой в искусстве Центральной Азии.— Тезисы докладов на научной сессии Государственного Эрмитажа 1968 г. Л., 1969.
11. Дьяконова Н. В., Смирнова О. И. К вопросу об истолковании пенджикентских росписей.— Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика И. А. Орбели. М.— Л., 1960.
12. Краузе В. Тохарский язык.— Тохарские языки. М., 1959.
13. Лихачев Д. С. Человек в литературе древней Руси. М., 1970.
14. Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.
15. Маршак Б. И. Согдийское серебро. М., 1971.
16. Ольденбург С. Ф. Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 годов. Краткий предварительный отчет. СПб., 1914.
17. Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. СПб., 1887.
18. Розенберг О. О. Проблемы буддийской философии. Пг., 1918.
19. Сычев Л. П., Сычев В. Л. Китайский костюм. Символика, история, трактовка в литературе. М., 1975.
20. Тереножкин А. И. К истории искусства Хорезма.— «Искусство». М., 1939, № 2.
21. Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.

22. Цыбиков Г. Ц. Буддист-паломник у святынь Тибета. Пг., 1919.
23. Cunningham A. The Stupa of Bharhut. L., 1879.
24. Foucher A. L'Art Greco-bouddhique du Gandhara. Vol. 1. P., 1905.
25. Franke O. Die Ausbreitung des Buddhismus von Indien nach Turkistan und China.— Archiv für Religionswissenschaft. Bd. 12. Lpz., 1909.
26. Gaulier S., Jera-Bezard M., Maillard M. Bouddhism in Afghanistan and Central-Asia. P. 1. Leiden, 1974.
27. Gropp G. Archäologische Funde aus Khotan. Bremen, 1974.
28. Grünwedel A. Alt-Kutscha. B., 1920.
29. Grünwedel A. Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch Turkestan. B., 1912.
30. Hallad M. Sculptures, peintures et objets divers. MPP. Vol. 2. Toumchouq. P., 1964.
31. Kern H. Manual of Indian Buddhism. Strassburg, 1896.
32. Laufer B. Chinese Clay Figurines. P. 1. Chicago, 1914.
33. Le Coq A. Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittel-Asiens. B., 1925.
34. Le Coq A. Buddhistische Spätantike in Mittelasien. Bd VI/II. B., 1928.
35. Maenchen-Helfen O. Crenelated Mane and Scabard Slide.— Centr. As. Journal. Vol. 3, № 2. The Hague, 1960.
36. Orbeli J. Sasanian and Early Islamic Metallwork.— SPA. Vol. 1. Leningrad — New York, 1938.
37. Rowland B. Zentral-Asien. Baden-Baden, 1970.
38. Russell R. Oriental Armour. L., 1967.
39. Stein A. Serindia. Ox., 1921.
40. Uray-Kohalmi K. Die Bedeutung der Kulturgeschichte des Karpatenbeckens für Erforschung der Kultur der zentralasiatischen Reiternomaden. B., 1964 (Schriften zur Geschichte und Kultur des alten Orients).
41. Waldschmidt E. Über die Darstellungen und Stil der Wandgemälde aus Qyzil bei Kutscha.— BSM. VI/II. B., 1928.
42. Wiliams J. The Iconography of Khotanes Paintings.— EW. New Ser. № 25. 1973.
43. Yasimura Rei. A Study on «Jen Chung» Images of Vairocana Dharma-Kaya.—The Bijutsu Kenkyu. № 203. March 1959.
44. Рашӣд ад-дӣн Фазлаллāх. Джāми' ат-таварӣх. Т. 3. Баку, 1957 (на перс. яз.).

Е. И. Лубо-Лесниченко

МОГИЛЬНИК АСТАНА

I. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О МОГИЛЬНИКЕ

Для изучения материальной культуры Центральной Азии и внешних связей местного населения этого обширного региона в период раннего средневековья могильник Астана имеет исключительно важное значение. Эта значимость определяется рядом обстоятельств. Из них мы укажем следующие: расположение могильника на узловом пункте Шелкового пути, продолжительность существования могильника (самая ранняя из зафиксированных дат — 273 г. н. э., самая поздняя — 779 г.), обилие находок, уникальная сохранность хрупких материалов, точность датировок.

Могильник Астана расположен в Турфанском оазисе в 45 км к юго-востоку от Турфана и в 1—2 км к западу от деревни Астана, по которой могильник и получил свое название. В 3—4 км к востоку от Астаны находится другой крупный могильник — Караходжа, получивший это название от расположенного близ него городища Караходжа — древнего Гаочана. В нашей статье будут рассматриваться материалы обоих могильников, тесно связанных между собой.

Сведения об этих могильниках в китайских письменных источниках восходят к танской эпохе (VII—X вв.). Так, могильник Астана, как свидетельствует надпись на могиле Чжан Хуайсу, датированной 695 г., назывался «старым северо-западным кладбищем» [53, с. 53], т. е. кладбищем, расположенным к северо-западу от Гаочана. Что же касается могильника Караходжа, то, согласно эпитафии на могиле Сун Хуайжена (663 г.), это место носило название «Северные мавзолеи», так как к северу и к северо-востоку от Гаочана находились усыпальницы гаочанских правителей [44, с. 78].

История исследования могильника Астана восходит к началу XX в., точнее к 1908—1909 гг., когда японская экспедиция, организованная буддийским религиозным деятелем Отани и под руководством Татибаны, обследовала несколько могил (по данным А. Стейна, примерно полдюжины [59, т. 2, с. 642]). К сожалению, данных по этим раскопкам очень мало. Сохранились лишь отдельные дневниковые записи, дающие весьма скудную информацию. Важным этапом в изучении могильника Астана явилось исследование А. Стейна, произведенное им в 1915 г. А. Стейн составил схематический план могильника, произвел раскопки 44 могил, дал подробное описание их устройства и найденного инвентаря. Его блестящее исследование сохраняет свое значение до настоящего времени, несмотря на то что со дня опубликования прошло уже полстолетия [59, т. 2, с. 642—710; 32, с. 87—131].

Русские исследователи неоднократно посещали Турфанский оазис с научными целями. В 1898 г. в оазисе работала экспедиция Д. Н. Клеменца — первая исследовательская археологическая экспедиция в Восточном Туркестане [57]. В 1908—1909 гг. там производила исследования Первая Туркестанская экспедиция под руководством акад. С. Ф. Ольденбурга и в 1914—1915 гг. Вторая Туркестанская экспедиция [20]. Однако эти экспедиции ограничивались обследованием буддийских памятников, раскопками древних могильников они не занимались. Тем не менее в турфанской коллек-

ции Эрмитажа хранятся памятники, происходящие из древних погребений. Эти вещи были приобретены в начале века русским консулом Н. К. Кротковым у местных жителей. Некоторые сведения о его деятельности встречаются в дневниках Татибаны, где говорится, что в 1908 г. русский консул в Урумчи просил старейшину деревни Туюк послать ему древние материалы, после чего консулу было послано три ящика с древностями [34, т. 4, с. 21].

Важную роль в изучении могильников Турфанского оазиса сыграл китайский археолог Хуан Вэньби, работавший там в 1928—1930 гг. Его работы стали значительным вкладом в исследовании истории и культуры государства Гаочан (498—640 гг.), основным центром которого был Турфанский оазис. Следует также отметить, что до настоящего времени он единственный археолог, производивший раскопки в могильнике Яр-хото, синхронном по времени могильникам Астана и Караходжа и находящемся на северо-западе оазиса [51; 52; 53].

Начиная с 1959 г. могильники Астана и Караходжа регулярно обследуются Институтом археологии АН КНР и Синьцзян-Уйгурским музеем, и в журнале «Вэнь у» («Материальная культура») регулярно появляются отчеты об обследовании этих могильников [36; 44; 43; 35; 42; 45; 27]. К сожалению, эти отчеты, как правило, слишком кратки и суммарны. Ниже дается сводка по данным отчетов с указанием года и числа раскопанных погребений в могильниках Астана (ТАМ) и Караходжи (ТКМ).

Год	ТАМ	ТКМ	Всего
1959	6	—	6
1960	1	—	1
1963—1965	42	14	56
1966—1969	95	10	105
1972	3	—	3
1973	38	—	38
1975	—	51	51
Итого . . .	185	75	260

Как свидетельствует журнал «Вэнь у», по данным на 1977 г. общее число погребений, раскопанных в этих могильниках начиная с 1959 г., превысило 400 [46, с. 21].

Таким образом, данные о значительной части произведенных раскопок, примерно 150 погребений, пока остаются неопубликованными.

Следует также отметить, что могильники сильно разграблены и нетронутых погребений не более 2—3% от общего количества. По свидетельству А. Стейна, ограбление могил особенно широко практиковалось местным населением в конце прошлого века и начале нынешнего столетия. А. Стейн сообщает, в частности, любопытные сведения о некоем Машике, происходившем из потомственной семьи грабителей могил, который был своего рода его «научным консультантом» [59, т. 2, с. 644].

Характер погребения, устройство могил и обнаруженный инвентарь позволяют довольно четко разделить погребения на три временных группы. Первая из них охватывает период со второй половины III в. до начала VI в. (от династии Цзинь до середины периода Северных и Южных династий по традиционной китайской хронологии). Вторая группа соответствует времени существования государства Гаочан (498—640 гг.). Третья группа относится ко времени танского владычества в Турфанском оазисе (640—80-е годы VIII в). Ниже (см. с. 110) приводится распределение обнаруженных погребений по трем вышеуказанным периодам (составлено на основании публикаций в журнале «Вэнь у»).

Для погребений первого периода характерно почти полное отсутствие могильных насыпей. В это время существуют погребения двух типов.

Первый тип представляет собой катакомбные погребения с дромосом длиной 8—10 м. Вход в катакомбу заделывался землей, иногда употреблялась глиняная обмазка. Катакомбы обычно квадратной или близкой к квад-

Годы	Периоды				Всего
	Первый	Второй	Третий	Неопред.	
1959	1^{I}	2	3	—	6
1960	—	—	1	—	1
1963—1965	$6(4^{I}+2^{II})$	4	40	6	56
1966—1969	$17(8^{I}+9^{II})$	15	43	30	105
1972	—	—	3	—	3
1973	1	23	14	—	38
1975	11	16	13	11	51
Итого . . .	36	60	117	47	260

Примечание: Римские цифры обозначают тип погребений.

ратной формы (в среднем глубина 3—3,5 м, ширина 3—3,5 м, высота — 2 м), с верхом в форме балдахина или усеченной пирамиды (рис. 18). В катакомбе с боковой стороны имеется маленькое помещение. К концу рассматриваемого периода оно уменьшается в размерах, превращаясь в боковую нишу (рис. 19). Четко выраженной ориентации погребений по сторонам света не наблюдается.

Второй тип погребений — это подбойные могилы с ямой прямоугольной формы глубиной $\approx$ 2,5 м и отделенным земляной стенкой подбоем шириной 0,75—1 м и длиной 2,5—3 м (рис. 20). Подобный тип погребений в раскопках А. Стейна не встречается. В Турфанском оазисе он был впервые зафиксирован Хуан Вэньби [52].

В погребениях обоих типов обычны деревянные гробы с крышками. Иногда усопший лежит на деревянном ложе. По набору погребального инвентаря в погребениях двух типов имеется существенное различие. Для погребений первого типа характерен богатый и разнообразный инвентарь. Среди сероглиняных керамических изделий с твердым черепком встречаются фигурки людей или животных, а также кувшины — *ху*, чашки — *вань*, блюда — *пань*, чаши — *цюань*, чашки с ручками — *эрбэй* и т. д. (рис. 26). Обычны изделия из дерева. Это — блюда, чашки, а также статуэтки людей, лошадей, баранов или планки со схематически нарисованным человеческим лицом. На обороте последних обычно тушью нанесены иероглифы *дай жэнь* («заменитель человека») (рис. 27, 28). Часты находки тканей, в том числе и художественных, из шелка и конопли. Обычно — это части одежды (рис. 32). К концу рассматриваемого периода появляются изделия из хлопка. В некоторых погребениях на стенах катакомб встречается стенная роспись с изображением сцен из жизни покойного. Подобные сцены встречаются и в живописи на бумаге (рис. 30). Нередки находки инвентарных списков вещей, положенных в могилу, а также различных документов на деревянных дощечках или бумаге, часто имеющих даты.

В погребениях второго типа находок было сделано значительно меньше. Как правило, это один-два керамических сосуда, чаще всего блюдо или кувшин. Эти могилы по своей конструкции и составу погребального инвентаря находятся в несомненном родстве с синхронными по времени погребениями Тянь-Шаня и Ферганской долины и на территории собственно Китая не встречаются [2, с. 265—271; 17, с. 20—22; 5, с. 51—56].

Следующая группа охватывает период примерно в 140 лет (498—640 гг.). Для этого времени характерны значительные изменения в погребальном обряде. Погребения второго типа, характерные для предыдущего периода, в это время уже не встречаются. К числу нововведений, характерных для Турфанского оазиса и неизвестных в Китае, относится появление каменных оградок обычно прямоугольной формы с намеченным входом. Размеры оградок в среднем колеблются от 20—25 м до 70—80 м. Внутри оградки находились, как правило, могилы одного рода. На могилах обычны надписи высотой 0,7—1 м с языками над дромосом. Появляются могильные плиты с иероглифическими надписями. Боковое помещение исчезает и по сравнению с более ранними погребениями могильная камера становится больше, имея размеры в среднем 3 $\times$ 3 м. У задней стены камеры появляется земляная платформа, на которой помещается усопший. Камера в целом сохра-

няет квадратную форму, но не столь четко выраженную, как в предшествующий период. Потолок камеры обычно имеет форму балдахина (рис. 21).

В рассматриваемый период деревянные гробы встречаются редко. Обычно покойный лежит на циновке или деревянном ложе. Часто встречаются подзахоронения. На покойниках сохранилась одежда, отдельные предметы которой (шапка, туфли и т. д.) часто были изготовлены из бумаги. Широко распространено употребление шелковых лицевых покрывал и металлических (бронзовых или серебряных) наглазников (рис. 37, 38). Во рту покойных часто встречаются византийские или сасанидские монеты или брактеаты (рис. 45). В погребениях часты находки изображений божеств Фуси и Нюйва на ткани (холсте или шелке) или на бумаге (рис. 39), эти картины могут висеть на задней стене камеры или покрывать покойного.

Сероглиняная керамика к началу гаочанского периода постепенно сменяется керамическими изделиями с более грубым черепком и с нанесенным по ангобу орнаментом растительного или геометрического происхождения. Подобная раскрашенная керамика является одной из характерных особенностей изделий этого времени. Хуан Вэньби по материалам находок из Ярхото дал подробную классификацию типов и орнамента гаочанской керамики [52]. Среди типов сосудов обычны горшки, чашки, блюда, подсвечники, треножники, чаши и т. д. (рис. 34, 36). Нанесенный на них орнамент состоит из кружков, стилизованных цветов или цветочных (по-видимому, лотосовых) лепестков, стилизованных листьев и растительных завитков. Если в могилах предшествующего периода встречалась глиняная и деревянная посуда повседневного обихода, то в гаочанское время она изготовлялась специально для погребального ритуала.

Фигурки людей, а также лошадей, быков, баранов, уток и т. д., обнаруженные в могилах, большей частью сделаны из дерева. По сравнению с подобными изделиями более раннего периода они изготовлены более тщательно и, как правило, раскрашены (рис. 33, 35). Изделия из глины сравнительно немногочисленны. Можно упомянуть о находках глиняных фигурок, аналогичных фигуркам, обнаруженным в районе Карабулака (Ферганская долина) [6, с. 81, рис. 7]. Среди находок часто встречаются бумажные вырезки, для изготовления которых употреблялись различные официальные бумаги.

Третий и последний период существования могильника охватывает примерно полтора столетия — 640—80-е годы VIII в.,— время танского господства в Турфанском оазисе. В этот период происходят дальнейшие изменения конструкции могил. Родовые оградки сохраняются, хотя камеры увеличиваются в размерах, достигая 3,5—4 м в глубину и ширину, а их форма становится закругленной. Обычны могилы с двумя камерами. Формы потолка усложняются, и, кроме традиционной формы в виде балдахина, встречаются и другие конструкции. Наряду с обычным наклонным дромосом имеет место и ступенчатый дромос. У входа в могильную камеру дромос делается значительно уже, чем у основания. Как и в гаочанский период, на могилах обычны небольшие насыпи (рис. 22—25).

Продолжают существовать (по крайней мере, в первую половину периода) некоторые погребальные обычаи, характерные для гаочанского времени. К ним относятся употребление лицевых покрывал и наглазников, помещение картин с изображениями Фуси и Нюйва, положение трупа на циновку и т. д. Как и в предыдущий период, часты подзахоронения, причем число их может достигать четырех—пяти. В одном случае зафиксирована разница в 57 лет между первым и последним подзахоронением.

Изготовленная специально для погребальных церемоний керамика обычно невысокого качества, со слабым обжигом. Из сосудов чаще всего встречаются кувшины, чашки, светильники, тарелки. По сравнению с предшествующим периодом орнамент на керамике упрощается. Обычно это кружки или крестики, нанесенные по ангобу белым пигментом. К концу периода встречается керамика с цветочным орнаментом, выполненным в стиле, существующем в метрополии (рис. 42—44).

В богатых погребениях находится большое количество погребальных глиняных и деревянных фигурок, таких, как Тянь-ван, попирающий демонов, божества двенадцати знаков зодиака, пешие и конные воины, чиновники, служанки, иноземцы и т. д. (рис. 40, 52). Продолжается гаочанская традиция изготовления деревянных статуэток уток, находки которых весьма часты. Бóльшая часть турфанской коллекции погребальной керамики, хранящейся в Эрмитаже, относится к этому периоду (рис. 48а—51).

Погребальный инвентарь этого времени чрезвычайно разнообразен. Кроме керамики и пластики, можно упомянуть циновки, плетеные коробки с остатками пищи, лаковые чашки — *вань*, модели храмов и т. д. (рис. 41). Часты находки вырезок из бумаги и, в частности, человеческих фигурок, символизирующих призыв души усопшего. Как и в гаочанское время, покойников обряжали в бумажные туфли, бумажные пояса, бумажные шапки и т. д. Можно упомянуть о находке в могиле 1973 ТАМ 506 бумажного гроба. Значительный интерес представляет живопись на шелке, образцы настенной живописи (рис. 47), а также находки кистей и письменных принадлежностей.

В связи с уникальной сохранностью хрупких материалов в могильнике Астана сохранилось громадное количество гладких и художественных тканей и тканых изделий: шелковых, шерстяных, хлопчатобумажных и т. д. Эти материалы дают ценнейшие сведения по истории текстильного производства в Центральной Азии и на Дальнем Востоке в эпоху раннего средневековья. Особый интерес вызывает тот факт, что могильник Астана содержит большое количество тканей, дающих представление о шелкоткацком производстве III—VI вв. и отсутствующих в других собраниях [19, с. 35, 48, рис. 29].

Число письменных документов, найденных в могильниках Астана и Караходжа, весьма велико. По данным «Вэнь у», общее число обнаруженных за период с 1959 г. по 1975 г. документов составило более 2700 [46, с. 21]. Как уже упоминалось выше, самый ранний из них датируется 9-м годом Тайпин династии Западной Цзинь, т. е. 273 г. н. э., самый поздний — 13-м годом Дали танской эпохи, т. е. 778 г. (охвачен период в 500 лет). По данным публикаций к первому периоду существования могильника относятся 100 с лишним документов, т. е. примерно 5% общего количества. К гаочанскому периоду относится 700 с лишним документов, т. е. 30%, и около 65% от общего количества составляют документы, датированные временем танского владычества в оазисе.

Часть обнаруженных текстов связана с личностью покойного. Это могильные камни с записями о деяниях усопшего и инвентарные списки вещей, положенных с ним в могилу. Бóльшая часть документов использовалась в качестве материала для соответствующих погребальных обрядов, и поэтому тексты сохранились, как правило, частично.

Тематика обнаруженных текстов отличается большим разнообразием. Среди находок встречаются и литературные сочинения. Так, в погребениях были обнаружены фрагменты «Книги стихов» («Ши цзин»), раздела «Дары Юю» («Юй гун») из «Шу цзина», «Старой истории Цзинь» («Цзю Цзинь шу») и т. д. Особенно следует отметить обнаруженный в 1967 г. целиком сохранившийся экземпляр «Бесед и высказываний» («Лунь юй») со считавшимися утраченными комментариями Чжэн-ши, датированный 710 г. [42]. Из других находок можно упомянуть ветеринарный трактат, фрагменты буддийских и даосских произведений и другие сочинения. Значительная часть обнаруженных текстов является официальными или торговыми документами, контрактами, описями и т. п. Эти письменные источники содержат множество ценных сведений по экономике, административному устройству и политической жизни оазисов Восточного Туркестана в период раннего средневековья.

Заслуживает интереса тот факт, что в обнаруженных документах часто встречаются некитайские имена. Так, в подушных и подворных списках, а также других документах IV—V вв. упоминаются фамилии Чэ (Che) из

Чэши (Яр-хото), Шань (Shan) из Шаньшаня (Лоулань), Лун (Lung) из Яньцы (Куча), Бо (Bo) и Бай (Bak) из Цюйцы (Карашар). Встречаются и гуннские имена — Цзюйцюй (Tsügü), шиские — Цян (Chiang), сяньбийские — Туфа (Tufa) и т. д. Кроме того, документы упоминают и другие некитайские имена, как Цзяньсыхэ (Dzensoqat), Сытоуму (Sïdumo), Асяньди (E^{x}aγïndi) и т. д.

В гаочанский период значительно усиливается прослойка выходцев из различных районов современной Средней Азии. В документах того времени часто встречаются имена, указывающие на место их происхождения: Цао (под этим именем известны две среднеазиатские области — Западное Цао, в области Самарканда, Восточное Цао — Усрушана), Хэ (Кабудан), Ши (Кеш), Кан (Самарканд), Ань (Бухара), Ши (Ташкент), Ми (Маймарг) и т. д.

В одной из гаочанских могил, датированной 520 г., был обнаружен частично сохранившийся подушный список, содержащий 45 некитайских имен. Среди них чаще всего встречается фамилия Цао. Таковы имена Цао Ачжипаньто (Acibanda), Цао Натаньхань (Wathunγan) и др. Кроме того, там можно видеть такие имена, как Хэ Бобань (Boban), Хэ Ахо (Аха), Кан Боцзеци (Bogïrge), Цзанапаньхань (Ganathumγan) и др. Найденные тексты свидетельствуют, что многие лица, занимавшие крупные административные посты в гаочанском государстве, были некитайского происхождения, как, например, живший в годы Яньчан (561—601 гг.) военачальник Сило ((γ)ela), которому за его заслуги был пожалован виноградник размером в 90 бу [46, с. 26].

Аналогичная картина наблюдается и в последний период существования могильника, когда Турфанский оазис находился под контролем танской администрации. Так, в частично сохранившемся подворном списке деревни Аньлэ, волости Чунхуа, гаочанского уезда, насчитывающем 40 с лишним имен, более $^{2}/_{3}$ были некитайцы [46, с. 26—27]. Ценный документ, показывающий важную роль согдийцев в торговле шелком по Северному пути, был обнаружен в могиле ТАМ-61, датированной серединой VII в. [43, с. 13; 34а, с. 508—518]. В найденном в одной из могил того времени земельном реестре упоминаются Кан Яньпомынто (Ynphamanda), Цао Пожу (Phaniuk) и другие выходцы из современной Средней Азии [46, с. 27]. Заслуживает внимания «вид на жительство» Ши Жаньцзяна, датированный 732 г. Ши Жаньцзяна сопровождали Кан Лушань (Roxšan) и другие некитайцы [46, с. 27] [1].

Документы, относящиеся к последнему периоду существования могильника, свидетельствуют также об усилении тюркоязычной прослойки среди населения Турфанского оазиса. Так, в документе, датированном 734 г., сообщается о поселении в уезде Сичжоу целого тюркского племени [46, с. 27].

Приведенные выше письменные и материальные источники, происходящие из могильников Астана и Караходжа, дают громадный материал по этническому составу, материальной и духовной культуре, а также широким внешним связям местного населения в период раннего средневековья.

II. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ МАСКИ И ЛИЦЕВЫЕ ПОКРЫВАЛА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Как уже отмечалось выше, одной из характерных черт погребального обряда в могильниках Турфанского оазиса (Астана, Караходжа, Яр-хото) является употребление лицевых покрывал и наглазников. Впервые этот обычай был отмечен и описан А. Стейном [59, т. 2, с. 646 и сл.], затем Хуан Вэньби [52, с. 6б] и впоследствии другими китайскими археологами [36, с. 15; 45, с. 2]. Этот погребальный обычай привлек внимание нескольких специалистов, и вопросам его происхождения и осмысления были посвящены статьи У Болуня [47], Ван Шу [26], Сян Да [40] и К. Рибу [58].

[1] Интересно отметить, что сопровождающий Ши Жаньцзяна носил то же самое имя что знаменитый полководец и мятежник танской эпохи Ань Лушань.

На основании исследований А. Стейна и Ван Шу представляется возможным произвести реконструкцию этих покрывал. Центральную часть покрывала обычно составляет полихромная ткань. Размеры ее в среднем равны 18—25 см в длину и ширину. Иногда это сшитые вместе несколько фрагментов полихромной ткани. В нескольких случаях была употреблена набойка. Полихромная ткань окаймлена гладкой шелковой тканью, пришитой таким образом, чтобы кайма образовывала складки, производя впечатление гофрировки. С внутренней стороны полихромная ткань продублирована гладкой тканью, которая при наложении маски охватывает всю голову усопшего. Снизу, у затылка, находятся завязки (рис. 37). Под покрывалом на глазах помещались наглазники. Обнаруженные в Астане наглазники были вырезаны из тонких серебряных или свинцовых пластинок. Длина их в среднем 14—15 см, ширина в области глаз 4—5 см. В месте зрачка пробиты отверстия. Маленькие отверстия находятся также по краям наглазника (рис. 38). В связи с тем что подавляющая часть обследованных в Астане могил была разграблена, не вполне ясно, каким образом покрывала и наглазники соотносились между собой. Исходя из того что по краям некоторых наглазников сохранились обрывки ткани, Ван Шу считает, что они пришивались изнутри к покрывалу [26, с. 83—84]. Вместе с тем следует отметить, что А. Стейном было зафиксировано погребение, где наглазники находились не под покрывалом, а поверх его [59, т. 2, с. 647].

Обычай наложения наглазников и лицевых покрывал перед погребением практиковался почти в течение всего времени существования могильников. Самые ранние свидетельства употребления покрывал — *фумянь* — относятся ко второй половине IV в. Лицевое покрывало упоминается в списке погребального инвентаря, найденного в могиле 59 ТАМ 305, датированной судебной записью 384 г. [36, с. 18]. Два шелковых лицевых покрывала упоминаются в списке погребального инвентаря, происходящего из Караходжа и опубликованного Хуан Вэньби. Этот список содержит дату, также соответствующую 384 г. [53, с. 33]. Самое позднее из известных нам погребений, где были обнаружены наглазники и покрывало, датируется 710 г. Основное количество погребений, где были обнаружены покрывала и наглазники, относятся к IV—VII вв.

У Болунь и Ван Шу считали этот обычай чисто китайского происхождения и рассматривали его как свидетельство раннего проникновения китайского влияния в Восточный Туркестан. В качестве подтверждения этой точки зрения приводилась ссылка на классическую книгу — «Книгу церемоний» («Или»). [Книга составлена в ханьское время (II в. до н. э.— II в. н. э.) на базе древних чжоуских традиций.] В ней, в частности, сказано: «Ткань, которой покрывают лицо и голову покойного, представляет собой выварenный шелк. Ее ширина равна ширине шелковой ткани, ее длина составляет пять чи. На ее конце находятся подвязки [Комментарий добавляет: „Они помещаются под подбородком“.]. Для того чтобы покрыть глаза, употребляют черную ткань квадратной формы, которая имеет с каждой стороны по одному чи и два цуня. Ее укрепляют на глаза при помощи шнурков» [54, с. 444—445].

В старых китайских текстах лицевые покрывала обозначались иероглифами *мяньи*, *мяньмао*, *мяньчжао* и *фумянь*. Последнее название обычно употреблялось для обозначения лицевого покрывала в описях погребального инвентаря в могильнике Астана.

В 60-х годах на территории собственно Китая, в районе Чанша, было обнаружено захоронение знатной женщины, датированное 175—145 гг. до н. э. Верхняя часть ее лица была прикрыта черным покрывалом [55, т. 1, с. 28, т. 2, табл. 70].

Все эти находки, по мнению китайских археологов, явились убедительным свидетельством китайского происхождения этого обряда. Однако, на наш взгляд, это утверждение не соответствует истине, и этот вопрос значительно более сложен, чем это представлялось У Болуню и Ван Шу.

Прежде всего следует отметить, что до настоящего времени в раскопках,

произведенных на территории собственно Китая, не обнаружено ни одного наглазника. Что же касается лицевых покрывал, то они, к сожалению, не сохранились, и представление об их внешнем виде можно получить, лишь привлекая письменные источники того времени. Так, в «Обширных записях годов Тайпин» («Тайпин Гуанцзи») содержится следующий рассказ, относящийся к танскому времени: «Семья бывшего цзичжоуского сына Пэй Тунъюаня жила в районе Чунсяна. Его дочери, сидя в колеснице, любовались окрестностями у ворот Тунхуа. Время подошло к закату, и они стали погонять лошадей. Когда они доехали до Северной улицы Панкан, то увидели там седую старуху, которая стала следовать за колесницей, хотя ее силы истощались. Когда колесница доехала до улицы Тяньмынь, наступило время ударов ночной стражи. Колесница повернула, и лошади стали набавлять скорость. Старуха также заторопилась. В колеснице была старая Цань и с ней четыре маленькие девочки. Они пожалели бегущую и спросили старуху, где она живет. Та ответила: „Близ Чунсяна". Девочки сказали: „Так мы со старухой в одном месте. Нельзя ли нам вместе доехать до ворот улицы?" Старуха села в колесницу, рассыпаясь в благодарностях. Выходя из колесницы, она оставила маленький мешочек из узорной полихромной ткани. В нем были белые газовые ткани, выкроенные в виде четырех покрывал на лица умерших. Девочки очень испугались и выбросили все на дорогу. Не прошло и десяти дней, как они одна за другой скончались» [41, цз. 345, 2734].

Другой рассказ содержится в известном сборнике танского времени «Юянская смесь» («Юян цзацзу»). Приведем лишь заключительную часть рассказа, имеющую непосредственное отношение к затронутой нами теме: «Молодой Цуй вначале увидел покойного брата через щель в бумаге, разделяющей комнаты. Затем он взял шелк и вымазал покойному рот так, что покойник производил впечатление пораненного. Челядь и слуги были этим крайне удивлены, и одна служанка, всхлипывая, сказала: „Когда господин был при смерти, то в лицевом покрывале забыли вырезать отверстие для рта, и, впопыхах, ножницами нечаянно порезали рот. Никто этого не видел и не знал, что в загробном мире он страдает"» [28, с. 82].

Из приведенных выше текстов ясно, что китайские лицевые покрывала в раннем средневековье представляли собой куски ткани с вырезом для рта. На основании этих данных У Болунь сделал гипотетическую реконструкцию лицевых покрывал из могильника Астана [47, с. 42]. Как впоследствии выяснилось, эта реконструкция не соответствовала действительности [58, с. 438—444].

Источник происхождения погребальных масок и лицевых покрывал в погребальном обряде населения Турфанского оазиса необходимо, на наш взгляд, искать не в Китае, а в районе распространения катакомбно-подбойных культур, датированных II—V вв. н. э., т. е. на Тянь-Шане, в западной части Ферганской долины и Алае. Так, золотые маски были обнаружены в могильнике Шамси (Северный Тянь-Шань) [15, с. 88] и в раскопках А. Абетекова на Алае [1, с. 308]. Золотые наротники и наглазники были обнаружены И. К. Кожомбердиевым в могильнике Торкен (долина Кетменьтюбе) [15, с. 88]. При раскопках Карабулакского могильника (Западная Фергана), произведенных Ю. Баруздиным, было обнаружено несколько наглазников, изготовленных из шелковой полихромной ткани. Длина их в среднем составляет 13 см, ширина — 4 см. Они окаймлены узкой полоской безузорной ткани. Под наглазниками помещены две подушечки в форме глаза с пришитыми к ним тремя треугольными фрагментами гладкой ткани (рис. 53).

Очевидно, что карабулакцы, выполняя необходимый погребальный обряд, по каким-то причинам (нехватка металла, легкость изготовления и т. д.) заменяли металлические наглазники, распространенные у их соседей, ткаными. Подобным образом лицевые покрывала, обнаруженные в Астане, по всей видимости, являлись суррогатом металлической маски.

Для расширения нашего представления о погребальных обычаях насе-

ления Турфанского оазиса несомненно важное значение имеет железная позолоченная маска, происходящая из района Турфана и хранящаяся в Государственном Эрмитаже (инв. № Ту-721). Маска имеет длину 17,5 см и ширину 13,5 см. У нее есть отверстия для ноздрей и глаз, на лбу — урна, слегка намечены брови. По краям пробито 25 маленьких отверстий, очевидно, для соединения с тканью (рис. 54).

Вполне естественно предположить, что позолоченная маска из турфанской коллекции Эрмитажа принадлежала одному из членов правящей гаочанской верхушки. Тот факт, что при раскопках могильников Астана и Караходжа подобных масок обнаружено не было, можно объяснить тем, что подавляющее число обследованных могил, и в том числе все погребения гаочанских правителей, были разграблены. Что же касается лицевых покрывал, то все они происходят из чиновничьих и рядовых могил.

Отверстия на краю маски указывают на то, что она была окаймлена тканью так же, как окаймлялись гладкой тканью лицевые покрывала, выполнявшие функции масок. Необходимо отметить, что золотая маска из Шамси тоже была обшита тканью, о чем свидетельствуют многочисленные отверстия на краю маски. Наличие глазных отверстий на турфанской маске, вероятно, можно объяснить тем, что под маской помещались наглазники, подобно тому, как наглазники помещались под лицевым покрывалом. Кроме того, на золотой маске из кенотафного погребения на Алае на месте глаз и рта также вырезаны отверстия [2].

Находясь на стыке между китайским культурным ареалом и центральноазиатским миром, население Турфанского оазиса находилось в постоянных и длительных контактах с гуннами, жуань-жуанями, эфталитами, тюрками и т. д. Как свидетельствуют обнаруженные в могильнике Астана документы, в гаочанский период тесные и многочисленные контакты существовали и с районом Западной Ферганы. Все это не могло не оставить глубоких следов в материальной и духовной культуре местного населения. Общность погребальных обрядов является дополнительным подтверждением тезиса А. Н. Бернштама, высказанного им еще в 1947 г., о существовании тесных связей между населением северных оазисов Восточного Туркестана и Тянь-Шаня [9].

Вместе с тем в Турфанском оазисе в период раннего средневековья, по всей вероятности, произошло совмещение двух различных культурных традиций. В результате центральноазиатская традиция употребления металлических масок и наглазников и их тканых заменителей слилась с китайским погребальным обычаем и восприняла его терминологию. Очевидно, этим можно объяснить столь длительную живучесть этого обычая, просуществовавшего среди местного населения до VIII в.

Слияние центральноазиатских и китайских традиций в погребальном обряде населения Турфанского оазиса не ограничивалось употреблением лицевых покрывал, масок и наглазников. Сходным процессом, на наш взгляд, можно объяснить широкое распространение в могильниках Астана и Караходжа образов с изображениями китайских божеств-демиургов Фуси и Нюйва. Как уже говорилось выше, эти божества были нарисованы на тканях, которыми покрывали покойного. Иногда их вешали на стену погребальной камеры (рис. 39).

Как известно, изображения Фуси и Нюйва часто встречаются на барельефах из погребальных камер ханьской эпохи. В послеханьское время изображения эти очень редки, и исключение представляет лишь Турфанский

[2] Сходные явления наблюдаются в погребальных обычаях местного населения Северного Причерноморья и Северного Кавказа в первые века нашей эры. Материалы многочисленных раскопок свидетельствуют об употреблении там золотых масок и наглазников [7, с. 115, рис. 8; 11, с. 421 и сл.; 12, с. 203, рис. 77; 21, с. 142 и сл.; 22, с. 29 и сл.; 24, с. XXVII—XXIX]. Вероятно, их имитацией являются лицевые покрывала из погребений могильника Мощевая Балка, синхронного по времени могильнику Астана. Интересно отметить, что, как и на астанских покрывалах, центральная часть их представляет собой шелковую полихромную ткань, окаймленную гладкой тканью. Это обстоятельство лишний раз подчеркивает независимую от китайской местную традицию [14, с. 155].

оазис [23, с. 10—79; 50]. Вместе с тем следует отметить, что материалы из раскопок Кенкола [8, с. 9—10] и Карабулака [3, с. 58; 4, с. 97] свидетельствуют о широком употреблении носителями катакомбно-подбойной культуры погребальных покрывал. На одном покрывале из Карабулакского могильника имеются вышитые изображения богини-прародительницы с двумя змеевидными драконами в руках и звериной головой между ногами. В иконографии этого образа чувствуется индийское влияние [19, с. 16; рис. 55].

Нам представляется очевидным, что местное население Турфанского оазиса, в отличие от карабулакцев, стало использовать китайскую иконографию и образы китайской мифологии. Вместе с тем центральноазиатская культурная традиция вдохнула новую жизнь в угасающий в собственно Китае культ этих божеств, чем и объясняется его широкое распространение в Турфанском оазисе.

III. НОВЫЕ ДАННЫЕ О РАСПРОСТРАНЕНИИ ШЕЛКОВОДСТВА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Процесс распространения шелководства из Китая на Запад по праву можно рассматривать как одно из крупнейших явлений в истории культурного обмена народов Евразии в первые века нашей эры. Известные нам сведения письменных источников — как китайских, так и западных, — немногочисленны и, как правило, лапидарны. Как свидетельствуют краткие данные династийных историй, первые сведения о продвижении культуры шелководства из собственно Китая на запад относятся к I—II вв. и связываются с Иу (Хами) — самым восточным в цепи оазисов Восточного Туркестана. Эти сведения находятся в «Истории Поздней Хань» («Хоу Хань шу»), где сказано: «Земля в Иу пригодна для посева злаков, а также для разведения шелковичных деревьев, конопли и виноградарства» [30, т. 1, с. 622].

Письменные источники послеханьского времени свидетельствуют о дальнейшем продвижении культуры шелководства на Запад. Так, династийная история династии Северной Чжоу (557—583 гг.) «Чжоу шу» содержит косвенные данные о существовании шелководства в государстве Гаочан (Турфанский оазис). Там говорится, что в Гаочане «климат теплый, в течение года дважды созревают злаки, [условия] благоприятные для шелководства и много фруктов» [30, т. 2а, с. 1836]. Вместе с тем никаких сведений о существовании шелководства в других оазисах династийные истории того времени не содержат. Единственное исключение представляет Карашарский оазис (Яньцы), где «разводят шелковых червей, но не для выделки шелка, а лишь для изготовления ваты и сырца» [10, т. 2, с. 302].

Находки в могильниках Астана и Караходжа значительно дополняют и корректируют скудные сведения династийных историй. Интересный документ, подтверждающий существование в начале V в. развитого шелководства в Турфанском оазисе, был обнаружен в могильнике Караходжа (мог. № 1). В нем говорится, что на 28-й день 2-го месяца 14-го года правления Цзяньчу (т. е. 418 г.) некто взял взаймы у некоего Кань Цзяна три корзины для разведения шелковых червей [49, с. 24].

Для истории шелководства в Центральной Азии большую ценность имеет документ, обнаруженный в могиле № 88 могильника Караходжа, раскопанной в 1975 г. и датированной 456 г. В этом документе, представляющем собой долговую расписку, говорится, что некий Ану (некитаец) взял в долг у некоего Чжай Шаоюаня кусок яньцыской (т. е. карашарской) полихромной ткани (*цзинь*) с желтым фоном, произведенной в Гаочане. Этот кусок был выткан основой и утком, изготовленными из шелковой ваты (*мянь*). Длина куска составляла девять чи пять цуней и ширина — четыре чи пять цуней. Через год заимодавцу следовало вернуть полтора таких куска. Если в указанный срок выплата не будет произведена, то каждый ме-

сяц будут набавляться проценты, равные трем кускам ходового холста [45, с. 6; 46, с. 22].

Этот важный документ свидетельствует о том, что в Турфанском оазисе уже в середине V в. существовало изготовление полихромных шелковых тканей. Они имели желтый фон, и ширина их вдвое превышала ширину шелковых тканей ханьского периода, равняясь примерно одному метру [18, с. 18—20]. Эти ткани, очевидно, производились в казенных мастерских, обслуживавших правящую верхушку и существовавших в Турфанском оазисе уже во второй половине V в., как об этом свидетельствует один из найденных документов [46, с. 23]. Гаочанские ткани высоко ценились местным населением, о чем говорит тот факт, что одни лишь месячные проценты за задержку выплаты составляли три куска гладких тканей.

Как указывает найденный документ, нити основы и утка такой ткани были изготовлены из шелковой ваты путем скрутки, а не из волокон, размотанных с шелковичного кокона. Это говорит о том, что в середине V в. технология изготовления тканей в оазисах Сериндии еще находилась в процессе становления. Интересно отметить, что вышеприведенные данные династийной истории «Чжоу шу» об употреблении в Карашарском оазисе шелковой ваты подтверждаются обнаруженным в могильнике Караходжа документом.

Найденные тексты позволяют также утверждать, что уже в V в. в Восточном Туркестане кроме Гаочана существовали и другие центры производства шелковых полихромных тканей. Так, в могиле 90 могильника Караходжа, где был погребен некий Агоулу (некитаец), датированной временем правления Кан Бочжоу в Турфанском оазисе (последняя четверть V в.), был обнаружен частично сохранившийся документ с упоминанием одной штуки сулэской (т. е. кашгарской) шелковой полихромной ткани [45, с. 5; 46, с. 22]. В документе из могилы 99, датированной тем же временем, говорится о передаче трех кусков гуйцыской (т. е. кучарской) полихромной шелковой ткани [45, с. 8—9].

Нужно надеяться, что в ближайшем будущем мы сможем выделить среди тканей, считавшихся ранее китайскими, ткани, изготовленные в художественных центрах Восточного Туркестана.

Знаменитый буддийский паломник Сюань-цзан, посетивший в 30—40-х годах VII в. оазисы Восточного Туркестана, в «Записках о Западном крае» приводит легенду о проникновении культуры шелководства в Хотанский оазис [38, цз. 12, с. 20аб]. В сокращенном виде эта же легенда встречается в «Повествовании о Западном крае» в танской династийной истории «Тан шу». Приведем сокращенный вариант этой легенды: «Прежде в Хотане не было ни тутовых деревьев, ни шелковичных червей. Соседние владения не хотели снабжать ими. Владетель посватал одну княжну, и ему дали слово. При свидании с невестой он сообщил ей, что в его владении нет шелковых тканей и поэтому надобно для своего одеяния взять шелковичных червей. Девушка спрятала яйца шелковичных червей в хлопчатую бумагу в шляпу, а начальник пограничной крепости не осмелился обыскивать. С сего времени введено шелководство в Хотане. Девушка вырезала на камне условие не убивать шелковичных червей, бабочки улетали, а из сырцу приготовляли ткани» [10, т. 2, с. 302].

Этот текст свидетельствует, что на первых этапах существования шелководства в Хотанском оазисе местное население, подобно тому, как это имело место в Карашаре и Турфане, изготовляло ткани из скрученных нитей шелка-сырца уже после того, как бабочки покинули кокон [31, с. 322—329]. Как указывает Цзи Сяньлин, события, описанные Сюань-цзаном, имели место в 419 г. [см. 25, с. 23—42]. Следовательно, мы можем сделать заключение, что появление шелководства в Хотане, датированное первой половиной V в., было заключительным этапом распространения этой культуры в оазисах Восточного Туркестана.

В VI в. происходит быстрое распространение культуры шелководства и шелкоткачества на всем колоссальном протяжении Шелкового пути. Как

показали исследования А. А. Иерусалимской, в VI в. складывается согдийская школа шелкоткачества [13].

Во второй половине VI в. культура шелководства достигает Византии. Сведения об этом сохранились в трех письменных источниках того времени: «О готских войнах» Прокопия, «Анналах» Зонараса и «Выписок» Теофана Византийского. Первые два текста близки между собой. Они повествуют о том, как по повелению императора Юстиниана некие монахи из стран Серинда привезли в Византию яички шелковичных червей, сохраненных в навозе... «Выращивая так, как они рассказали, им удалось вырастить гусениц, которых они кормили шелковичными листьями. И отсюда началось производство шелка на римской территории» [60, т. 1, с. CLIX]. Рассказ Теофана Византийского отличается в некоторых деталях. Так, у него вместо монахов выступает некий перс, который перенес яйца спрятанными в посохе [60, т. 1, с. CLX]. Как свидетельствует исследование Р. Хеннинга, описанные в византийских источниках события происходили в 50-х годах VI в. [56, с. 309—310.]

Таким образом, на основании данных китайских и византийских текстов и вновь обнаруженных материалов в могильниках Астана и Караходжа вырисовываются общие контуры длительного и сложного процесса распространения шелководства и шелкоткачества из Китая на Запад. Этот процесс длился в течение пятисот лет, с I по VI в. Длительность его была обусловлена, прежде всего, сложной технологией и навыками, совершенно неизвестными на Западе. Главную роль в распространении культуры шелкоткачества и шелководства, занимавших такое значительное место в технике, экономике и художественном ремесле культурного мира Европы в древности и раннем средневековье, сыграло местное население оазисов Восточного Туркестана.

1. Абетеков А. К. Ранние кочевники Тянь-Шаня и их культурные связи с Кушанской империей.— Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975.
2. Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. А.-А., 1963.
3. Баруздин Ю. Д. Кара-булакский могильник.— Труды института истории АН Киргизской ССР. Вып. 2, 1956.
4. Баруздин Ю. Д. Кара-булакский могильник.— КСИЭ. М., 1957, вып. 26.
5. Баруздин Ю. Д. Кара-булакский могильник.— Известия АН Киргизской ССР. Серия общественных наук. Т. 3, вып. 3. 1961.
6. Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А. Археологические памятники Байкеня и Лейляка. Фрунзе, 1962.
7. Белов Г. Д. Римские приставные склепы 1013 и 1014.— Херсонесский сборник. Вып. 2. Севастополь, 1927.
8. Бернштам А. Н. Кенкольский могильник. Л., 1940.
9. Бернштам А. Н. Проблемы истории Восточного Туркестана.— ВДИ, 1947, № 2.
10. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. Т. 1—3. М.— Л., 1950.
11. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.— Л., 1949.
12. Гайдукевич В. Ф. Некрополи некоторых боспорских городов.— МИА, 69. М.— Л., 1959.
13. Иерусалимская А. А. К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде.— Средняя Азия и Иран. Л., 1972.
14. Иерусалимская А. А. Аланский мир на «Шелковом пути» (Мощевая балка — историко-культурный комплекс VIII—IX вв.).— Культура Востока. Древность и раннее средневековье. М., 1978.
15. История Киргизской ССР. Т. 1. Фрунзе, 1968.
16. Кибиров А. К. Археологические работы в Центральном Тянь-Шане, 1953—1955.— Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. 2. М., 1959.
17. Литвинский Б. А. Керамика из могильников Западной Ферганы. М., 1973.
18. Лубо-Лесниченко Е. И. Древние шелковые ткани и вышивки в собрании Государственного Эрмитажа. Л., 1961.
19. Лубо-Лесниченко Е. И. Шелковый путь в период Шести династий (по новым материалам).— ТГЭ. XIX. Культура и искусство народов Востока. 8. Л., 1978.
20. Ольденбург С. Ф. Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 гг. Краткий предварительный отчет. СПб., 1914.
21. Погребова М. Н. Золотые лицевые пластинки из погребений мавзолея Неаполя скифского.— История и археология древнего Крыма. Симферополь, 1957.
22. Пятышева Н. В. Ювелирные изделия Херсонеса. М., 1956.
23. Рифтин Б. Л. От мифа к роману. М., 1979.

24. Шульц П. Н. Мавзолей Неаполя скифского. М., 1953.
25. Ван Пиншэн. Хань Цзинь Сиюй юй цзуго вэньмин (Западный край во времена Хань — Цзинь и отечественная цивилизация).— «Каогу сюэбао», 1977, № 1.
26. Ван Шу. Фумянь яньчжао цзи цита (Лицевые покрывала, наглазники и другое).— «Вэнь у», 1962, № 7/8.
27. Ван Чжичжун. Асытана 336 хао му чутуды цзи цзянь ниюн (Погребальные фигурки, обнаруженные в могиле № 336 в Астане).— «Вэнь у», 1962, № 7/8.
28. Дуань Чэнши. Юян цзацзу (Юянская смесь). Шанхай, 1937.
29. 1973 нянь Тулуфань Асытана гумуцюнь фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках древних могил в 1973 г. в Астане, Турфан).— «Вэнь у», 1975, № 7.
29а. Каогусюэ цзичу (Основы археологии). Пекин, 1958.
30. Лидай гэцзу чжуаньцзи хуэйпянь (Собрание исторических сведений о различных народах). Т. 1. Пекин, 1958; т. 2аб. Пекин, 1959.
31. Нуноме Д. Ёсан-но Кигэн то кодай кину (Возникновение шелководства и древние шелковые ткани). Токио, 1980.
32. Окадзаки Т. Тōдзай Кōсё-но кōкогаку (Культурные контакты между Востоком и Западом по данным археологии). Токио, 1973.
33. Отани К. Сейики Коко дзуфу (Иллюстрации по археологии Западного края). Т. 1—2. Токио, 1915.
34. Сейики бунка кэнкю (Изучение культуры Западного края). Т. 1—6. Токио, 1958—1963.
34а. Сатō Г. Тюгоку кодай кинудоримоно си кэнкю (Изучение истории древнекитайского шелкоткачества). Т. II. Токио, 1978.
35. Синьцзян Асытана саньцзо Тан му чуту баогуй цзюньхуа цзи вэньшу дэнь вэньу (Драгоценная живопись на шелке, а также письменные документы и другие памятники, обнаруженные в трех танских могилах в Астане, Синьцзян).— «Вэнь у», 1975, № 10.
36. Синьцзян Тулуфань Асытана бэйцюйму фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках в северном секторе могильника Астана, Турфан, Синьцзян).— «Вэнь у», 1960, № 6.
37. Синьцзян чуту вэньу (Памятники материальной культуры, обнаруженные в Синьцзяне). Пекин, 1975.
38. Сюань-цзан. Да Тан си юй цзи (Записки о путешествии на Запад во время Великой Тан). Пекин, 1955.
39. Сычоучжилу. Хань Тан чжиу (Шелковый путь. Тканые изделия периодов Хань—Тан). Пекин, 1972.
40. Сян Да. Сиюй цзянь вэнь соцзи (Заметки о Западном крае).— «Вэнь у», 1962, № 7/8.
41. Тайпин гуанцзи (Обширные записи периода Тайпин). Пекин, 1961.
42. Тулуфань Асытана 363 хаому фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках могилы № 363 в Астане. Турфан).— «Вэнь у», 1972, № 2.
43. Тулуфань Асытана — Хэлахочжо гумуцюнь цзяньи цзяньбао 1966—1969 (Краткий отчет об исследовании могильников Астана — Караходжа в Турфане в 1966—1969 гг.) «Вэнь у», 1972, № 1.
44. Тулуфаньсян Асытана — Хэлахочжо гумуцюнь фацзюэ цзяньбао (1963—1965). (Краткий отчет о раскопках древних могильников Астана — Караходжа Турфанского уезда в 1963—1965 гг.).— «Вэнь у», 1972, № 10.
45. Тулуфань Хэлахочжо гумуцюнь фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках могильника Караходжа. Турфан).— «Вэнь у», 1978, № 6.
46. Тулуфань Цзинь — Тан муцзан чуту вэньшу гайшу (Краткие данные о документах периодов Цзинь—Тан из Турфана).— «Вэнь у», 1977, № 3.
47. У Болунь. Тандайды фумянь хэ ху синьшэн. (Лицевые покрывала танской эпохи и западная музыка и танцы).— «Вэнь у», 1961, № 6.
48. У Минь. Синьцзян чуту Хань — Тан сычжипинь чутань (Предварительное изучение шелковых тканей династий Хань — Тан, обнаруженных в Синьцзяне).— «Вэнь у», 1962, № 7/8.
49. Ху Жулэй. Цзи цзянь Синьцзян чуту вэньшу чжун фаньянды Шилюго шицы цзуцзе цилюэ гуанси (Относительно аренды и купчих крепостей во время Шестнадцати царств по письменным источникам, обнаруженным в Синьцзяне).— «Вэнь у», 1978, № 6.
50. Фэн Хуа. Цзи Синьцзян синьфасяньды цзюньхуа Фуси Нюйва сян (Относительно изображений на шелку божеств Фуси и Нюйва, недавно обнаруженных в Синьцзяне).— «Вэнь у», 1962, № 7/8.
51. Хуан Вэньби. Гаочан чжуань цзи (Кирпичи с надписями из Гаочана). Шанхай, 1931.
52. Хуан Вэньби. Гаочан таоцзи (Керамика Гаочана). Т. 1—2. [Б. м.] 1933.
53. Хуан Вэньби. Тулуфань каогуцзи (Археологические заметки о Турфане). Шанхай, 1954.
54. Couvreur S. Ceremonial (Yi-li). Hsien-Hsien, 1916.
55. The Han Tomb № 1 at Mawangtui, Changsha. Vol. 1—2. Peking, 1973.
56. Henning R. Die Einführung der Seidenraupenzucht im Byzantinerreich.— «Byzantinische Zeitschrift». Bd 33, 1933.
57. Klementz D. Turfan und seine Alterthümer. St.-Pbg., 1899.
58. Riboud K. Some Remarks on the Face-covers (Fu-Mien) Discovered in the Tombs in Astana.— «Oriental Art». Winter, 1977. Vol. 24, № 4.
59. Stein A. Innermost Asia. Detailed Report of Explorations in Central Asia, Kan-su and Eastern Iran. Vol. 1—3. Ox., 1928.
60. Yule H. Cathay and the Way Thither. Vol. 1—2. L., 1866.

А. Б. Никитин

ХРИСТИАНСТВО В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

(древность и средневековье)

В идеологии народов древнего и средневекового Востока христианство, с момента его возникновения, занимало значительное место. Традиция относит начало распространения христианства от берегов Средиземного моря на восток к первым векам н. э. Влияние христианской религии в странах Ближнего и Среднего Востока сохранялось и в эпоху господства ислама — в начале XI в. Бируни отмечает, как много христиан среди жителей Сирии, Ирака и Хорасана [8, с. 317][1].

История христианства в Центральной Азии — одна из многочисленных проблем культурной истории народов Востока. Ей посвящены многочисленные работы советских и зарубежных ученых, среди которых прежде всего следует отметить работы В. В. Бартольда [1; 2; 3], Н. В. Пигулевской [50—56], Е. И. Кычанова [35], а также работы ряда западных и японских ученых [2]. В этой статье сделана попытка дать общую картину распространения христианства в Центральной Азии от восточных границ Ирана до Китая на основе учтенных к настоящему времени данных письменных источников и археологии.

История христианской церкви на Востоке тесно связана с политической и культурной историей народов Средней Азии, Ирана и Ближнего Востока.

Первые сведения о христианах в Иране относятся ко II в. В списке епископов сирийской церкви 224 г. упоминается уже епископ Дайлама — области к югу от Каспия [130, с. 20]. В раннесасанидский период происходит оформление церковной организации иранских христиан — они принадлежали, в основном, к различным толкам восточной, или сирийской, церкви, в ту пору еще не отделившейся от православия. Появление христианских общин в Иране связано не только с распространением евангельского учения, но и с переселением на Восток какой-то части христиан из восточных провинций Римской империи в период гонений на христианство. При Сасанидах они также периодически подвергались преследованиям: при Шапуре I гонения были вызваны изменениями в религиозной политике — утверждением ортодоксального зороастризма в качестве официальной религии Ирана. Христианские секты упоминаются в надписи верховного жреца Картира, в списке религиозных течений, искорененных им в подвластных Ирану землях [37, с. 87]. При Шапуре II преследования христиан возобновляются, но более по политическим, нежели по идеологическим причинам: христианство в начале IV в. стало официальной религией Римской империи — главного противника сасанидского Ирана. В дальнейшем, по мере того как руководителям восточной церкви удалось доказать свою лояльность династии Сасанидов, положение христиан в Иране стало более стабильным, несмотря на все противоречия, возникшие внутри самой церкви и борьбу между различными толками восточного христианства [76, с. 252].

Уже в первые десятилетия существования христианской церкви в христианстве наметились отдельные течения, развитие которых впоследствии

[1] Общие работы по истории восточного христианства см. [76; 131; 133], по истории христианства в Иране, в эпоху Сасанидов — [109; 51].

[2] По истории христианства в Средней Азии и Восточном Туркестане см. [69; 82; 101—103; 116; 118; 125], по истории христианства в Китае — [47; 89; 91; 92; 94; 106; 119; 132; 134].

привело к расколу и выделению тех основных направлений в христианстве, которые известны сейчас. За разногласиями в толковании Священного писания, теологическими спорами и различиями в церковном обряде, как правило, скрывались реальные политические и социальные противоречия между идейными группировками — основой будущих сект и самостоятельных церковных организаций. Немалую роль играли также различия в культурной традиции народов, среди которых распространялось христианское учение.

Восточная, или сирийская, церковь, первоначально подчинявшаяся константинопольскому патриарху, окончательно отделилась от православной в середине V в. после ожесточенной дискуссии по поводу сущности природы Христа, единства или двойственности его как бога и человека. Принятая на Вселенском соборе в Халкедоне в 451 г. православная формулировка о неслиянности и нераздельности двух природ Христа — божественной и человеческой — и сохранении их особенностей при совпадении в едином лице вызвала возражения с двух сторон. Восточная сирийская церковь склонилась в сторону диофизитства — учения, разграничивавшего две природы и допускавшего возможность только относительного, внешнего соединения между ними. Это направление получило название несторианства — по имени константинопольского патриарха Нестория, одного из апологетов диофизитства, осужденного за ересь на Вселенском соборе в Эфесе в 431 г. [76, с. 250]. Ряд церквей — армянская, египетская и западная сирийская — придерживались прямо противоположной точки зрения, склоняясь к монофизитству — учению о единой, божественной природе Христа. Человеческая природа считалась только его принадлежностью, не имеющей самостоятельного значения. Приверженцы одного из направлений западной сирийской церкви получили затем название яковитов — по имени Якова Цанцалы, одного из деятелей сирийской церкви VI в.

В ходе борьбы, последовавшей за расколом, верх взяли монофизиты. Несториане бежали от преследований на Восток, в Нисибин, традиционный центр сирийской культуры, в то время принадлежавший Сасанидам. Им удалось утвердить свое влияние среди христиан Ирана, и в 484 г. персидская церковь приняла на своем соборе несторианское вероисповедание и окончательно отделилась от западной. Резиденцией ее патриарха стал Ктесифон (Селевкия-на-Тигре). Единодушия среди иранских христиан, впрочем, не было — некоторые общины остались в лоне православия или примкнули к монофизитам. Положение христиан в Иране было далеко от стабильности: в зависимости от политической обстановки и личных симпатий того или иного шахиншаха монофизиты и несториане то подвергались гонениям, то получали поддержку властей. Многие христиане, в особенности несториане, занимали важные государственные должности — их ценили как технических специалистов, врачей, чиновников. Несторианскому духовенству поручались дипломатические миссии, в частности переговоры с византийским двором [13, с. 99—104]. Купцы-христиане, как сирийцы, так и персы, играли важную роль в международной торговле.

Христианству, как одной из так называемых «мировых религий», свойственно стремление как можно шире распространить свое учение. Миссионерская деятельность несторианской церкви была ориентирована преимущественно на восток, по двум основным направлениям: в Индию и страны Юго-Восточной Азии и на северо-восток — в Среднюю Азию, Восточный Туркестан и Китай. Оба направления, видимо, не случайно совпадают с важнейшими международными торговыми путями. Среди участвовавших в международной торговле купцов было много христиан — для них наличие единоверцев в странах, с которыми велась торговля, имело большое значение. При Йездигерде I (399—420 гг.) для расследования пиратских действий плававших в Индийском океане торговых судов послан был христианский католикос Ахай — косвенное указание на то, что их владельцы и капитаны были, в основном, христианами [88, с. 18]. Несторианский монастырь был обнаружен в ходе работ французской архео-

логической миссии на острове Харк, в Персидском заливе [97]. Этот остров был одним из промежуточных пунктов в морской торговле с Индией. Здесь, возможно, готовили миссионеров, отправлявшихся затем с торговыми судами на восток [138, с. 42—45]. Некоторые исследователи допускают возможность проникновения христианства в Китай морским путем, основываясь на сообщениях китайских источников, начиная с IV в., о стране По-су (Персия, Фарс) и на свидетельстве синодального списка 410 г., в котором упомянут митрополит Островов, Морей, Дабага (о. Ява), Чина и Мачина — видимо, каких-то районов Южного Китая [138, с. 47]. По данным сирийских источников VII в., христианские общины Южного Ирана, Индии, Островов и Малабарского побережья также подчинялись одному митрополиту, его резиденция находилась в Рев-Ардашире [88, с. 20; 117].

Другим отправным пунктом миссионерской деятельности несториан на Востоке стал Мерв. По свидетельству Бируни [8, с. 330], христиане появились в Мерве уже через 200 лет после рождения Христа. К 334 г. относится первое упоминание о Мервском епископстве. Позднее оно было преобразовано в митрополию — точная дата этого события неизвестна. Существование в Мерве христианских общин подтверждается археологическими данными. Некрополь, включавший христианские погребения, который был открыт к западу от городища Старого Мерва, функционировал с III по VI в. [20, с. 49—50; 21, с. 5; 23]. Кроме несториан здесь были другие христианские секты. Одной из них, скорее всего православным-мелькитам, принадлежал небольшой монастырь, руины которого находятся в северо-восточном углу Гяур-калы. Он был построен в конце IV в. и в середине VI в. покинут обитателями, может быть, вследствие давления со стороны несториан [21, с. 12]. Несторианам в Мерве, по предположению ряда исследователей, принадлежало другое культовое сооружение — Хароба Кошук, в 18 км к северу от Старого Мерва [59, с. 15—19]. Где-то здесь, по преданию, окончил свои дни последний сасанидский правитель Йездигерд III, тело которого предал земле несторианский митрополит Илия [44, с. 97; 116, с. 72].

Следы христианства обнаружены и в других районах современной Южной Туркмении: клад раннехристианских золотых медальонов и бляшек найден на Геок-тепе [21, с. 4; 43], оттиски печатей с изображением равностороннего несторианского креста имеются на глиняных буллах VI—VII вв. с Ак-тепе [14, с. 48—49; 15][3].

Сведения о миссионерской деятельности несториан на Востоке, содержащиеся в сирийских источниках (хрониках и посланиях несторианских патриархов), имеют разрозненный характер и, судя по обилию фантастических подробностей, не всегда достоверны. Распространение христианства не было результатом одной только целенаправленной миссионерской деятельности — в целом это был стихийный процесс, связанный с возникновением торговых колоний на пути в Китай, переселением какой-то части христиан из Ирана в периоды гонений и другими, пока неизвестными нам факторами. Прибытие миссионеров часто только довершало оформление церковной организации в тех местах, куда христианское учение проникло задолго до них. Это подтверждается сопоставлением сведений об отправлении миссий и назначении епископов с данными других источников, в частности археологии. В Бактрии, Согде, Северной Киргизии и Китае следы христианства прослеживаются задолго до первых упоминаний о прибытии миссионеров. Упоминание в сирийской «Книге законов стран» о христианках в Кушане И. Маркварт относил к кушанской Бактрии [115, с. 283]. Это произведение приписывалось Бардесану из Эдессы (154—222 гг.), но было создано, очевидно, в середине III в. в кругу его учеников. В произве-

[3] Этот район, судя по оттискам печатей должностных лиц на тех же буллах, находился в ведении сасанидской администрации Серахса [38, с. 50—52]. Многочисленные известные печатки и резные камни сасанидского времени с изображениями креста и оттиски их на буллах говорят об определенных юридических правах христиан в сасанидском Иране [9, с. 235—242].

дениях самого Бардесана встречаются упоминания о христианах в Мидии, Персиде и Парфии [90, с. 32]. Евсевий Кесарийский (263—340 гг.) приписывает ему также отрывок, в котором говорится о христианах в Бактрии [4]. «Страна Кушан» упоминается также в гностическом «Гимне Души», конца II в. [66, с. 177; 118, с. 302]. Армянский историк Егише говорит о распространении христианства в стране кушан, вплоть до Индии, в период правления Шапура II (309—379 гг.), когда во время гонений на христиан в Иране они бежали на восток [22, с. 65][5]. Вторая волна переселения христиан в Бактрию приходится на время правления Йездигерда II (438—457) [102, с. 93]. О многочисленных церквах у бактрийцев, гуннов, персов и индийцев упоминает в середине VI в. Козьма Индикоплов [72, т. 2, с. 64—65]. Контакт между христианами Бактрии и несторианской патриархией был установлен только в середине VI в. по их собственной инициативе. В 549 г. эфталиты-христиане просили несторианского патриарха Мар-Абу назначить им епископа. Назначен был священник, присланный ими ко двору Хосрова Ануширвана [84, с. 217]. Среди бактрийских христиан были, очевидно, не только переселенцы, но и коренные жители Бактрии. Где находилась резиденция епископа эфталитов, неизвестно — их обширные владения, помимо Бактрии, включали значительную часть Средней Азии [6]. Через несколько лет после назначения первого епископа эфталитов их государство было разгромлено тюрками и сасанидским Ираном, поделившими между собой сферы влияния в их прежних владениях. К этому времени христианство уже довольно широко распространилось в Средней Азии, и тюркам вскоре довелось испытать его влияние. Когда в 591 г. был разбит отложившийся от Хосрова II военачальник Бахрам Чубин, в плен были взяты воевавшие на его стороне тюрки — войско его союзника, тюркского правителя Бухары. Многие из них имели на лбу знак креста — по их словам, такой знак рисуют у них на лбу новорожденных, по совету каких-то христиан, для отвращения чумы и других болезней [71, кн. 5, гл. 10]. Очевидно, вступив в контакт с христианами Средней Азии, тюрки уже восприняли, если не христианское учение, то по крайней мере внешние формы христианства. Честь обращения в христианство каких-то тюркских племен, а также тюркского кагана со всем его войском приписывается митрополиту Мерва Илии (середина VII в.) [123, с. 7; 118, с. 305—306]. Рассказ об этом, содержащий различные фантастические подробности, в частности состязание его с языческими чародеями, повторяющий библейское предание о Моисее и чародеях Фараона (Исход 7 : 8—13), имеется в его житии.

Образование тюркского каганата, объединившего почти всю Центральную Азию, на некоторое время стабилизировало политическую обстановку. Были восстановлены торговые пути, связывавшие Иран с Центральной Азией и Дальним Востоком. С оживлением торговли совпадает подъем миссионерской деятельности несторианской церкви — пик его приходится на время патриаршества Йешуяба II (628—643 гг.) и последние годы правления Сасанидской династии в Иране. Йешуябу приписывается создание митрополий в Самарканде, Герате, Индии и Китае. Прибытие несторианской миссии в Китай в 635 г. подтверждается надписью на знаменитой стеле из Чанъани, обнаруженной еще в XVII в. иезуитами [7]. Свидетельство о создании митрополии в Самарканде особенно важно. Как правило, ей должно предшество-

---

[4] Цитируемый отрывок у Евсевия: «Христиане не многоженствуют в Парфии, подобно парфянам, не бросают своих мертвых собакам в Мидии; в Персиде не женятся на собственных дочерях, как персы, и среди бактрийцев и гелов не оскверняют брачные узы» [93, кн. 6, гл. 10].

[5] Прочие свидетельства этого автора о христианстве у хонов, к сожалению, теряют свою ценность из-за путаницы в этнических и географических названиях [68, с. 53—54, 69].

[6] Подробнее о христианстве в Тохаристане см. [36, с. 122—123].

[7] Стеле из Чанъани посвящена обширная литература. Библиография важнейших работ содержится в книге Саэки [132]. Русский перевод надписи см. [35, с. 76—86]. Учреждение митрополий в перечисленных городах и странах приписывалось сирийской традицией также нескольким более ранним патриархам [131, с. 19].

вать епископство — это говорит о достаточно длительной и устойчивой христианской традиции в Согде. Из всех народов Центральной Азии согдийцы приняли самое активное участие в распространении христианского учения. Согдийская колонизация Восточного Туркестана обеспечила ему проникновение на восток, до границ Китая. Многочисленные фрагменты христианских текстов на согдийском языке, найденные в Восточном Туркестане, свидетельствуют о том, что среди согдийских купцов и колонистов было много христиан, в основном последователей несторианского толка.

Разногласия сирийских источников относительно времени учреждения самаркандской митрополии — начиная с патриаршества Ахая (410—415 гг.) — скорее всего вызваны тем, что христианство проникло сюда довольно рано [131, с. 19]. О христианах в Согдиане упоминают мусульманские авторы. Так, Нершахи в «Истории Бухары» пишет, что на месте существовавшей в его время в Бухаре мечети Бани Ханзала когда-то была христианская церковь [118, с. 29; 122, с. 53]. По словам ан-Недима, Согдиану с древних времен населяли дуалисты (манихеи) и христиане [108, с. 18]. Самым ранним христианским документом с территории Согда является найденный при раскопках Пенджикента обломок сосуда с сирийским текстом — отрывком одного из псалмов, входивших в Пешитту — сирийскую версию Библии. По предположению авторов публикации, это учебный текст, писавшийся под диктовку. Судя по характеру ошибок, писал его согдиец. Текст датируется, по стратиграфии находки, не позднее 740 г. [46, с. 34; 124, с. 159—162]. На том же объекте был найден обломок кружки с процарапанным на нем несторианским крестом.

Сирийский язык, будучи языком несторианской церкви, сохранял свое значение и в Согде, и, видимо, стал предметом специального изучения. Литургия у несториан всегда велась и до сих пор ведется исключительно на сирийском языке, вне зависимости от этнической принадлежности прихожан, что, однако, не исключает необходимости создания переводов религиозных текстов и прочей христианской литературы. Согдийская христианская литература сложилась столь же закономерно, как и персоязычная литература христиан Ирана. По своему характеру она почти целиком была переводной, причем переводились не только тексты Писания, но и сочинения сирийских теологов. Создание ее началось, очевидно, еще на территории Мавераннахра, хотя там, в отличие от Восточного Туркестана, пока не найдено ни единого фрагмента согдийского христианского текста.

Согдийцы, в большинстве своем, придерживались традиционных маздеистских верований. Определенное влияние на их культовую иконографию, если судить по росписям Пенджикента, оказывало религиозное искусство Индии и Бактрии [4, с. 47 и сл.]. Были среди согдийцев манихеи и буддисты. Христиане в Согде составляли далеко не самую многочисленную группу, однако сумели, видимо, сохранить преемственность традиции до монгольского времени, пережив потрясения, связанные с арабским завоеванием Средней Азии. В саманидскую эпоху большая христианская община существовала неподалеку от Самарканда, в селении Вазкерд, в районе Ургута. Ибн Хаукаль сообщает, что это уединенное место привлекало также многочисленных христиан из Ирака [26, с. 372]. В районе Ургута сохранились фрагменты сирийских надписей и изображения крестов, отмеченные В. В. Бартольдом [1, с. 258; 2; 3, с. 279][8]. Здесь же была найдена сирийская бронзовая курильница IX—X в. с евангельскими сценами, хранящаяся ныне в Эрмитаже [24; 25].

Упоминание о несторианском митрополите в Самарканде в 1046 г. имеется у Абу-л-Фараджа [3, с. 290]. Марко Поло приводит легенду о церкви Св. Иоанна Крестителя в Самарканде, построенной во второй четверти XIII в. [58, гл. 31]. В VI в. христианство проникает в другие районы Мавераннахра. Несторианский крест появляется на монетах одного из правителей Усрушаны на рубеже VI и VII вв. [65, с. 59—64]. Известно несколько сог-

[8] В недавнее время ургутские надписи были обследованы А. В. Пайковой.

дийских монет с несторианскими крестами, в том числе найденные на городище Пенджикент и на Афрасиабе [62, с. 145—147; 64, с. 135, № 786]. Их чеканили тюркские правители Чача, очевидно, принявшие христианство.

Под влиянием христианства трансформировался распространенный в Средней Азии оссуарный обряд захоронения. Среднеазиатские христиане продолжали совершать погребения в оссуариях, украшенных вместо прежних языческих изображений и символов изображениями крестов [10; 49, с. 60]. Такие оссуарии найдены в Согде, на Афрасиабе и в Хорезме, на некрополе древнего Миздакхана [74, с. 146—150]. Совершались также погребения предварительно очищенных костей в сосудах или просто в склепах. Не все погребения в оссуариях и сосудах с христианскими символами можно с уверенностью считать христианскими. Христианскую символику могли заимствовать маздеисты — в качестве оберега или с магическими целями, что также свидетельствует о наличии контактов населения Средней Азии с христианской средой. Бесспорно христианскими следует считать погребения, сделанные по христианскому обряду, на раннесредневековом могильнике Дашт-Урдакон, в районе Пенджикента [5, с. 559]. В одной из могил был найден бронзовый нательный крест. Несторианский бронзовый крест был найден также на городище Афрасиаб [67, рис. 72, *2*]. Христианский некрополь в Мерве дает несколько вариантов погребального обряда — от оссуарного до обычного трупоположения [20, с. 49—50]. Погребения костей в сосудах, наряду с обычными захоронениями по христианскому обряду, практиковались христианами Семиречья. Район Семиречья интенсивно осваивался согдийцами с первых веков н. э. [6]. Проникновение сюда как оссуарного обряда захоронения, так и христианства очевидно тоже связано с согдийской колонизацией.

Древнейшие следы христианства в Семиречье предшествуют первому упоминанию о прибытии в этот район миссионеров и включению его в сферу влияния несторианской церкви. Христианская церковь VIII в. и некрополь с погребениями VI—VII вв. были обследованы на городище Ак-Бешим [34, с. 220—223]. Большая часть погребений совершена по христианскому обряду. На том же городище найдено погребение VII—VIII вв. предварительно очищенных костей в хуме с процарапанным на нем несторианским крестом. Христианские погребения более позднего времени известны по результатам обследования некрополя древнего Тараза — захоронения в хумах и в маленьких склепах из обожженного кирпича [61, с. 110]. Они датируются IX—X вв. При раскопках древних городищ Тараза и Сарыга (Краснореченское городище) были найдены, в слоях VII—VIII вв., обломки сосудов с надписями христианского содержания на сирийском и согдийском языках [7, с. 21; 11, с. 107—108]. Сирийскую надпись на сосуде из Тараза А. Я. Борисов считал принадлежавшей христианам-яковитам, основываясь на манере письма, характерной для западной, яковитской школы. Она содержит два христианских имени: Петр и Гавриил. Вопрос о принадлежности надписи, как и о проникновении яковитов в Среднюю Азию в столь ранний период, пока остается открытым. В первой половине VII в. яковитские митрополии образуются в Сеистане и Герате, но в целом, по масштабам миссионерской деятельности на Востоке яковиты уступают несторианам. Многочисленные яковитские церкви в Восточном Туркестане, о которых пишет Марко Поло, возникли здесь в более позднее время, не раньше XI в. В. В. Бартольд, основываясь на сообщении Казвини, считал, что христиане-яковиты были среди гузов, кочевавших в прикаспийских степях. История христианства в западных районах Средней Азии и в Хорезме, где оно было представлено как несторианством, так и монофизитством и православием, не была связана непосредственно с историей восточнотуркестанской церкви [3, с. 285; 69; 74, с. 146 и сл.]. К числу памятников христианского искусства Семиречья В. П. Даркевич и Б. И. Маршак относят два серебряных блюда, найденных в Прикамье: из с. Григоровское, с изображениями евангельских сцен, и из аниковского клада, со сценами из книги Иисуса Навина [17; 18, с. 26—30, табл. 23, 24]. Оба блюда датиру-

ются IX—X в. Их прототипами были, видимо, более ранние произведения, созданные в христианской среде Месопотамии или Ирана. В ряде иконографических особенностей семиреченских блюд исследователи видят влияние буддизма (положение рук персонажей, точки над переносицей). Найденный в 1923 г. в Северной Киргизии серебряный кувшин, который К. В. Тревер относит к произведениям греко-бактрийского искусства, украшен нанесенными в более позднее время клеймами в виде равноконечных крестов и процарапанным от руки крестом такой же формы. Это могло быть вызвано либо стремлением придать кувшину сходство с высоко ценимыми изделиями византийской торевтики, либо использованием его в качестве церковной утвари среднеазиатских несториан [70, с. 110, табл. 34]. Т. Н. Сенигова относит к памятникам раннего христианского искусства Средней Азии небольшой несторианский рельеф из Семиречья. Датировка его остается спорной [63].

Семиречье — район, исторически связанный с Восточным Туркестаном. Через него проходили важнейшие пути, соединявшие Среднюю Азию с Дальним Востоком: один — на Аксу и Кучу, другой — в Турфанский оазис [29, с. 98]. По тем же направлениям шло распространение христианства на Восток. Тюркские племена — карлуки и уйгуры, подчинив себе эти области, уже застали здесь христианское население. В Семиречье, где карлуки утвердились с 766 г., христианство получило поддержку со стороны тюркских каганов, видимо стремившихся использовать его как идеологическую основу для консолидации формирующегося государственного объединения. Христианство не стало при этом единственным официальным вероисповеданием и не вытеснило манихейства и буддизма (буддийские культовые памятники раннесредневекового периода открыты на городище Ак-Бешим и на Краснореченском городище). Оформление церковной организации Семиречья довершилось на рубеже VIII и IX вв.— к этому времени относится упоминание в одном из посланий несторианского патриарха Тимофея I об обращении в христианство каких-то тюркских народов, вероятнее всего карлуков [83, с. 138—152]. Христиане-карлуки — *халлух* — включены в сводный список несторианских митрополий, составленный в середине XIV в. Амром бен Матта [131, с. 22]. Свидетельство это должно относиться к более раннему времени, поскольку список содержит все сведения о когда-либо существовавших митрополиях, а имя карлуков к XIV в. уже отошло в прошлое [27, с. 168]. Карлуков, очевидно, посетил на своем пути на Восток один из самых прославленных несторианских миссионеров рубежа VIII и IX вв.— Шубхалишо, проповедовавший во всех районах Центральной Азии — от Прикаспия до границ Китая [135, с. 478—486]. Ему приписывается обращение в христианство не только язычников, но и манихеев, маркионитов [9] и огнепоклонников. Особенно интересно упоминание о маркионитах — единственное пока свидетельство проникновения этой секты христиан-гностиков в Центральную Азию.

В IX в. в Семиречье проникает ислам, постепенно вытеснивший христианство. Этому способствовало политическое давление со стороны усилившейся в это время династии Саманидов. Исмаил Саманид совершил поход на Тараз и в 893 г. принудил город к сдаче. При этом, сообщает Нершахи, эмир Тараза со многими дихканами вышел из города и принял ислам. Большая церковь в Таразе была превращена в соборную мечеть [122, с. 86—87]. Христианские общины, однако, не прекратили своего существования — об этом свидетельствует сиро-тюркская надпись XI—XII вв. из Сарыга — надгробие кузнеца Георгия, христианина-тюрка (слово «кузнец» передано тюркским *темурчи* — [12, с. 56—57]), и надписи на сирийском, тюркском и армянском языках на христианских надгробиях XIII—XIV вв. из районов Пишпека (западное побережье Иссык-Куля) и Токмака (Восточный Казахстан), которым посвящена обширная литература [3; 19; 30; 31; 32;

[9] Маркиониты — секта христиан-гностиков, названная по имени одного из ее основателей — Маркиона Понтийского, жившего в середине II в. Сведения о них содержатся в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского (IV. 10—11).

41; 42, с. 344—349; 48; 55; 87]. О христианах в Семиречье упоминает Гильом Рубрук, побывавший здесь в 1253 г.: «Земля эта прежде называлась Органум (Аргу — древнее название Семиречья.— *А. Н.*), и жители ее имели собственный язык и собственные письмена. Но теперь она была вся занята туркоманами. Этими письменами и на этом языке несториане из тех стран прежде даже справляли службу и писали книги...» Поскольку Рубрук различал уйгурскую письменность и сирийскую, бывшую в его время в употреблении у несториан Центральной Азии, остается предположить, что речь идет о согдийском языке, которым они широко пользовались, наряду с сирийским, в предшествующий период [57, с. 126].

Конфликт карлуков и их союзников — енисейских кыргызов — с уйгурским каганатом способствовал проникновению христианства в среду кыргызской аристократии. Официальной религией уйгурского каганата стало с 764 г. манихейство. Манихейское духовенство, оказавшись у власти, проявило крайнюю нетерпимость к другим культам, что дало повод кыргызам обратиться к христианству как к идейной основе военного союза с карлуками. В так называемой суджинской рунической надписи, содержащей краткое жизнеописание одного из участников кыргызского завоевания Монголии, Бойла Кутлуг яргана, говорится о его «наставнике в вере», которого ставят в пример его сыну [27, с. 163]. Термин «наставник в вере» передается сирийским словом *мар*, обозначающим духовное лицо. Известны несколько стел с руническими надписями енисейских кыргызов VIII—IX вв. с изображениями крестов [39, № 3, 5—7, 10, 24, 41, 42; 60, табл. XXII, XXV, XXVI—XXVIII] и изображения несторианских священников на енисейских скалах [27, с. 166; 114, с. 311—326]. Влияние христианства сказалось на погребальном обряде кыргызов — в этот период происходит частичная замена трупосожжений трупоположениями [27, с. 167]. В целом же влияние христианства на духовную культуру енисейских кыргызов было поверхностным — к концу IX в. никаких следов его в верховьях Енисея не осталось.

В районы, вошедшие в VIII в. в состав уйгурского каганата,— Кучу, Карашар, Турфанский оазис — христианство проникло задолго до его образования. Проводниками его были, видимо, те же согдийские и сирийские купцы и миссионеры. Согдийцы с первых веков н. э. установили в Центральной Азии нечто вроде монополии на транзитную торговлю между Востоком и Западом. В VI—VII вв. их положение было особенно прочным благодаря влиянию, которое они оказывали на внешнюю и внутреннюю политику тюркского каганата [28, с. 29—31; 29, с. 120—122; 73]. Поскольку данных об истории христианства в Восточном Туркестане в этот период очень мало, судить о ней приходится, в основном, по фрагментам христианских текстов, найденных там в начале XX в. немецкими, французскими, английскими и русскими экспедициями, и по немногочисленным известным культовым памятникам. По предварительным датировкам самых ранних фрагментов установлено, что христианские общины появляются в Восточном Туркестане уже в V—VI вв. [102, с. 93]. Среди общего числа фрагментов на сирийском, среднеперсидском, согдийском и тюркском языках преобладают согдийские тексты [10]. Согдийцы составляли, видимо, значительную часть центральноазиатских христиан, а их язык в Восточном Туркестане и Средней Азии играл роль международного и со временем стал как бы вторым официальным языком местной несторианской церкви, наряду с сирийским.

Согдийская христианская литература не носила самостоятельного характера и складывалась почти целиком из переводов с сирийского, реже —со среднеперсидского. Переводились библейские тексты, сочинения христианских теологов первых веков н. э., мемры (легенды о мучениках), гомилии, религиозные гимны и молитвы [102, с. 94]. Среди библейских текстов преобладают псалмы и фрагменты Нового завета в сирийском каноническом

[10] Издания согдийских христианских текстов и литературу о них см. [79; 80; 81; 82; 98; 100; 104].

варианте — Пешитта — сводная версия четырех канонических евангелий. Ветхозаветные тексты дошли только в цитатах, содержащихся в согдийском переводе сочинения Евагрия Понтика (364—399) «Против еретиков». Перевод был сделан не с греческого оригинала, а с сирийской версии: сочинения Евагрия, одного из основоположников монашеского мистицизма, были популярны среди сирийских христиан [102, с. 96].

Немногочисленные фрагменты рукописей на среднеперсидском языке и некоторые языковые заимствования из среднеперсидского в согдийских текстах дали О. Хансену основание предположить, что среди христиан Восточного Туркестана были выходцы из Ирана [102, с. 93; 103, с. 1032—1035; 101, с. 95—102]. Два среднеперсидских фрагмента были найдены экспедицией А. Лекока в северной части Турфанского оазиса, в развалинах несторианского монастыря, функционировавшего в IX—X вв. (точные даты его существования не установлены). Монастырская библиотека, представление о которой дают собранные там фрагменты, включала рукописи на согдийском, сирийском, уйгурском и греческом языках (отрывок на греческом был включен в одну из согдийских рукописей — [112, с. 88]). Один из них — так называемая Турфанская Псалтырь — содержит перевод на среднеперсидский нескольких псалмов, восходящих к принятому несторианской церковью канону Мар-Абы, оформившемуся во второй четверти VI в. [75; 76, с. 252 и сл.]. VI веком датируется по палеографии текста турфанская рукопись. Второй фрагмент содержит отрывок неканонического произведения «Страсти Иисуса» [121, с. 34—36]. Известны также немногочисленные фрагменты христианских текстов на парфянском и хотаносакском языках [102, с. 91—92].

Несмотря на обилие согдийских переводов, сохранял свое значение и сирийский язык. Он был предметом специального изучения — сохранились фрагменты двуязычных текстов Нового завета, где отдельные фразы и целые отрывки на сирийском сопровождаются согдийским переводом, и другие рукописи-билингвы [102, с. 93]. Сирийские рукописи в Восточном Туркестане часто находили вместе с согдийскими и уйгурскими [120, с. 89; 128, с. 964]. В целом влияние сирийской культурной традиции на культуру Центральной Азии было весьма заметным: согдийцы и тюрки по крайней мере уже с IX в. используют сирийскую письменность для записи текстов на своих языках [128, с. 964—978; 139, с. 666]. Сирийская литература по медицине и другим прикладным дисциплинам также была им известна — как в оригинале, так и в переводах [139, с. 665]; судя по тому, что медицинские тексты оказывались в одном переплете с христианскими сочинениями, носителями этой культурной традиции были христиане. Одна из этих рукописей, на сирийском языке, включает легенду о мученичестве св. Серапиона Сидонита, неотождествленное произведение сирийского автора Иоанна Дайламита, медицинский трактат и одну из гомилий [102, с. 96].

Колонии христиан-сирийцев появляются в Центральной Азии с VI в.— в китайских источниках упоминается семья сирийца Мар-Саргиса, предки которого прибыли в Китай с Запада и обосновались в провинции Ганьсу с 578 г. [35, с. 76]. Сирийцы, наряду с другими населявшими Восточный Туркестан народностями, изображены в росписях буддийского пещерного монастыря в Безеклике (IX в.) в качестве донаторов [112, с. 75, табл. 19]— в условиях тесного взаимодействия различных вероисповеданий переход из одной веры в другую был нормальным явлением, и потомки сирийских христиан могли стать приверженцами буддизма.

Широкое проникновение сирийцев на Восток начинается с X—XI вв., в эпоху так называемого «сирийского ренессанса», когда подъем сирийской христианской культуры в странах Ближнего Востока влил новые силы в христианские общины Центральной Азии. В транзитной торговле с Востоком к сирийцам переходит роль посредников, некогда принадлежавшая согдийцам, торговая монополия которых была подорвана арабским завоеванием Средней Азии.

Уйгуры, включив в свои владения районы Центральной Азии, населен-

ные различными по языку и культуре народами, подверглись одновременно воздействию буддизма, манихейства и христианства. Манихейское духовенство добилось провозглашения своего учения официальной религией уйгурского каганата и начало гонения на другие культы. С этим, возможно, связано закрытие и превращение в манихейский храм христианского святилища в Хочо, обследованного в 1905 г. А. Лекоком. Первоначальная христианская роспись святилища была заложена крипичной кладкой, благодаря чему сохранились отдельные ее фрагменты. Экспедицией Лекока был снят фрагмент со сценой христианского праздника, очевидно вербного воскресения, где изображен дьякон, стоящий с курильницей и потиром в руках, и идущие к нему прихожане с длинными ветвями: христиане Ближнего Востока обычно использовали для праздничных церемоний пальмовые ветки — несторианская церковь заменяла их ветвями вербы или ивы. В верхней части фрагмента видны копыта коня, располагавшегося над этой композицией — скорее всего там было изображение св. Георгия на коне, весьма почитаемого несторианами святого [99, с. 339; 110, табл. 7; 112, с. 64, табл. 9]. Точно датировать роспись и время функционирования святилища не удается — Лекок сравнивал этот фрагмент с ранневизантийской фресковой живописью, что позволяет отнести ее к VII—IX вв.

Вопрос о христианском искусстве Центральной Азии не может пока считаться решенным. У несториан Ближнего Востока не принято было помещать в церкви изображения и расписывать стены. Эта традиция закрепилась под влиянием окружавших их мусульман и иудеев. В Восточном Туркестане, под влиянием буддистов и манихеев, придававших религиозному искусству большое пропагандистское значение, христианская церковь также взяла его на вооружение.

В более позднее время, в XII—XIII вв., приток сирийских христиан из стран Ближнего Востока в Центральную Азию повлек за собой реформу восточнотуркестанской церкви: некоторые ее самобытные черты были приведены в большее соответствие с каноном, в частности центральноазиатские христиане отказались от религиозной живописи как непременной принадлежности убранства церкви. Гильом Рубрук, посетив несторианскую церковь в Кайлаке, узнал от христианина-уйгура, что иметь изображения у них не в обычае. В то же время он заметил сложенные за алтарем изображения, похожие, по его словам, на изображения архангела Михаила и епископов, «державших пальцы как бы для благословения» [57, с. 127]. Возможно, эти почитавшиеся некогда местными христианами иконы были сложены за алтарем в результате реформы, проведенной под влиянием митрополий Запада [11].

После падения уйгурского каганата в 40-е годы IX в. манихейская религиозная община утратила свое привилегированное положение и манихейство было постепенно вытеснено буддизмом и христианством. Уйгуры осели в районах Турфана, Карашара и Кучи, смешавшись с коренным их населением. Новое государственное объединение также носило название Уйгурии, а имя уйгуров распространилось на всех его жителей, среди которых были и христиане. Проникновение христианства в тюркскую среду породило переводную христианскую литературу на тюркском, уйгурском, языке: фрагменты уйгурских текстов из Восточного Туркестана дошли до нас в большом количестве [78; 95; 139; 111, № 40], хотя и уступают в этом отношении согдийским. Среди них отрывки жития св. Георгия, легенды о рождении Иисуса и поклонении волхвов, молитвы, неотождествленные фрагменты, содержащие христианскую терминологию. Уйгурская христианская литература также складывалась в основном из переводов с сирийского. Среди христианских рукописей из упоминавшегося уже монастыря в Булайыке, в Турфане, имеется одна, содержащая текст на

[11] К памятникам христианского искусства Саэки относит рисунок на шелке, найденный в 1908 г. в Дуньхуане экспедицией А. Стейна, по его мнению — изображение епископа [132, табл. I]. Саэки опубликовал также найденные в Маньчжурии христианские надгробия с рельефами, изображающими Рождество [132, с. 442, табл. XXI—XXII].

уйгурском языке, транскрипцию его сирийским письмом и сирийский текст [139, с. 666]. В XII—XIV вв. сирийская письменность широко используется для записи тюркских текстов — известны сиро-тюркские надписи Северной Киргизии [19], фрагменты рукописей из Хара-Хото и Турфана [50]. Христианская традиция продержалась среди уйгуров до монгольского периода. В середине X в. о христианах, живших в местности Бай, между Аксу и Кучей, упоминает Абу Дулеф [3, с. 287]. Гардизи, писавший около 1050 г., сообщает, что две христианские церкви были в самом Хотане. По предположению Х. В. Бейли, слово «христианин» содержится в одном из хотанских текстов в имени упомянутого там вельможи —«Кирастана» [77, с. 12]. Плано Карпини и Рубрук в середине XIII в. пишут об уйгурах как о несторианах [57, с. 39, 126]. Рубрук особенно тщательно собирает сведения об их верованиях, обрядах и различных, с его точки зрения, отклонениях от христианской нормы. Монголы в XIII—XIV вв. называли уйгуров *тарса* — христиане (термин, заимствованный из персидского) [125, с. 635].

Очень мало известно о взаимоотношениях христианства с другими распространенными в Центральной Азии религиями. Судя по количеству известных к настоящему времени текстов, остатков культовых сооружений и памятников искусства, соотношение между буддизмом, манихейством и христианством было не в пользу последнего. С манихеями христианам приходилось сталкиваться еще на Ближнем Востоке. Эти контакты породили специальную литературу, посвященную «манихейской ереси». Подробные сведения о религии манихеев содержатся в «Книге Схолий», сочинении несторианского епископа Феодора бар Куни, написанном в 792 г. в месопотамском Кашкаре [113, с. 78].

Многим деятелям восточной сирийской церкви приписывается, в числе прочих заслуг, обращение манихеев в христианство. В практике как сирийской, так и греческой церкви были приняты особые формулы, употреблявшиеся при крещении новообращенных из манихеев [107, с. 54].Совместные находки буддийских, манихейских и христианских текстов в руинах несторианского монастыря в Булайыке и в пещерах Дуньхуана могут свидетельствовать о взаимном интересе приверженцев каждой из этих религий к литературе своих идейных противников. Манихейская терминология проникает в христианские тексты — в сирийских фрагментах из Хара-Хото (XIII в.) встречаются явные заимствования манихейского круга: «сущность огня», «одежды из снега», постоянно повторяющийся эпитет «светлый». В китайском тексте стелы из Чанъани христианское учение уже именуется «светлым учением Да-Цинь». Язык христианских согдийских текстов очень близок к языку буддийской согдийской литературы. Буддизм проник в Восточный Туркестан на несколько веков раньше христианства — перевод христианской литературы на согдийский осуществлялся на основе разработанной уже буддийской терминологии [102, с. 91]. Таким же образом, на основе китайской буддийской терминологии переведены были в середине VII в. с сирийского на китайский христианские сочинения, привезенные в Китай несторианским епископом по имени Алобень.По мнению П. Пельо, несторианскому священнику Адаму, носившему также китайское имя Цзин-Цзин, составителю надписи на стеле из Чанъани и переводчику тридцати христианских сочинений на китайский (список их был найден в одном из китайских текстов Дуньхуана), принадлежит также перевод на китайский одной буддийской сутры [125, с. 625]. Китайские христианские тексты мало чем отличаются от буддийских сутр по композиции и терминологии [35, с. 84] — далеко не все названия, перечисленные в дуньхуанском списке переводов, удается отождествить с произведениями сирийской христианской литературы [132, с. 86; 92, с. 65—77]. Гильом Рубрук, находясь в ставке Мункэ-хана, несколько раз принимал участие в спорах несториан с приверженцами других религий. В одном из описанных им случаев он столкнулся с монахом-христианином, воззрения которого более всего напоминали «знаменитую ересь Манихея», причем тот, видимо, сам не подозревал этого [57,

с. 157]. Если христианству в Центральной Азии свойственно было заимствовать отдельные представления и образы из других религиозных систем [136, с. 68 и сл.; 137], то они, в свою очередь, также были подвержены влиянию со стороны христианства. Рядом исследователей высказывалась мысль, что ритуал несторианской церкви повлиял на развитие обрядности ламаистов в Тибете и Монголии. Имя Иисуса (Ye-shes) «великого учителя», «чудотворца» неоднократно упоминается в текстах религии бон, распространенной в Тибете [33, с. 299—300]. Изображения Иисуса сохранились в поздней буддийской иконографии [45, с. 51, рис. 153]. Пути проникновения христианства в Тибет и его история пока не изучены. Вероятно, и здесь проводниками его были согдийцы. В Ладаке самаркандец Ношфарн, посланный к тибетскому кагану, оставил на скале надпись, датированную 210 г. неизвестной нам эры (очевидно, эры Йездигерда — 841—842 гг. н. э.). Рядом с надписью изображены три несторианских креста [79, с. 502; 98, с. 367, рис. 219 в; 104, с. 54].

Образы Иисуса и Будды были заимствованы манихейской церковью в силу синтетического характера ее учения и культурной традиции [137]. Эпитет «будда» в манихейских согдийских текстах употребляется, в частности, применительно к самому Мани [105, с. 199, 206]. Христианские общины Центральной Азии, видимо, сохраняли более или менее регулярные связи с несторианской патриархией. Хотя восточнотуркестанская церковь должна была пользоваться определенной автономией в сфере распределения приходов и решения внутренних административных вопросов, ее митрополиты и епископы назначались или утверждались патриархом. К патриарху обращались также для разрешения сложных проблем, связанных с нормами религиозной практики, которые не всегда отвечали условиям быта населявших Центральную Азию народов. Такая проблема возникла в связи с обращением в христианство кочевников-кераитов, употреблявших только мясную пищу, и соблюдением ими поста — она была успешно разрешена патриархом Иоанном VI, разъяснившим, что в пост можно употреблять молочные продукты, воздерживаясь от мяса [16, с. 106]. По инициативе патриарха создавались новые митрополии. В одном из посланий несторианского патриарха Тимофея (778—823) говорится о создании митрополии у народа тибетанов, где-то на Востоке. Дж. Мессина считает, что речь здесь идет о тюркском племени, обитавшем в это время в районе Кашгара. Другое свидетельство об учреждении кашгарской митрополии относится ко времени патриаршества Илии III (1176—1190 гг.) — возможно, в какой-то период христианская церковь в этом районе пришла в упадок, а затем, в эпоху «сирийского ренессанса» кашгарская митрополия была восстановлена [116, с. 73, 85—86]. Удаленность отдельных христианских общин от культурных центров восточного христианства иногда вызывала отклонения от норм церковной практики. Рубрук сообщает, что, по дошедшим до него слухам, некоторые общины Китая столь редко посещаются епископом, что там сложилась практика помазания всех родившихся к очередному его визиту младенцев мужского пола — в противном случае они могли бы остаться без священников [57, с. 133].

Сведения о снаряжении миссий в Восточный Туркестан и об учреждении там епископств очень фрагментарны. В одном из согдийских текстов содержится единственный известный пока отрывок исторического содержания, повествующий о создании христианской общины в местности, именуемой 'rgn. Один из руководителей несторианской церкви, в управлении которого находились христианские общины Хузистана, посылает туда с этой целью своего брата. По контексту, конечная цель миссии — страна 'rgn — находится далеко от Хузистана. Скорее всего, это Карашар, носивший в древности название Аркене (тохарск.) или Аргина (сакск). Сам факт находки этого документа в Восточном Туркестане говорит в пользу такого истолкования. Отрывок заканчивается описанием строительства часовни. Аналогий ему в сирийской литературе не найдено. Это, возможно, фрагмент хроники христианской общины Карашара [102, с. 98—99; 103, с. 1032—1035]. Более полные сведения о несторианских миссиях на Востоке содержат китайские

источники: стела из Чанъани, установленная в 781 г. Язедбоузидом, хорепископом Кумдана (сирийское название Чанъани — столицы танского Китая) [127, с. 91—92], китайские хроники. Это миссия епископа Алобеня (635 г.), с которой начинается официальная история несторианства в Китае, визит не названного по имени епископа из Фулинь (Восточного Средиземноморья) [35, с. 81, примеч. 16, 17]. В 744 г. из Сирии (Да Цинь) прибывает в Китай миссионер Цзихе (Георгий), принятый при дворе [35, с. 82]. Язедбоузид, поставивший знаменитую стелу, видимо, тоже прибыл с Запада — в надписи он назван «сыном Милиса, священника из Балха, города в Тохаристане» [35, с. 80]. Эти сведения дают примерное представление о характере связей между патриархией и удаленными от центра митрополиями.

История несторианской церкви в Китае в какой-то мере отражает процессы, происходившие в Восточном Туркестане. Организация ее полностью связана с деятельностью выходцев из западных стран. Е. И. Кычанов отмечает, что географическое расположение известных несторианских монастырей в Китае — четыре в Чанъани, один в Лояне (столицах танского Китая) и четыре в западных районах — в Сычуани, Уцюне и Линьу — говорит о том, что они обслуживали в основном иноземцев: торговые колонии или посольства в столицах и христиан, приезжавших в западные провинции по торговым делам [35, с. 82—83]. Не совсем ясно, распространялось ли христианство среди китайского населения. Китайский текст стелы из Чанъани и переводы произведений христианской литературы на китайский свидетельствуют о стремлении несториан сделать свое учение доступным для жителей Китая, но не о том, насколько эти попытки были успешны. Китайцы, бесспорно, проявляли интерес к христианскому учению — оно даже пользовалось покровительством отдельных танских императоров — но не в силу их личных симпатий к этой религии, а более по политическим соображениям. Отдельные его стороны, возможно, заимствовались китайскими мыслителями: Саэки отмечает, что в трудах китайского мистика-таоиста Лю-е (рубеж VIII и IX вв.) встречаются изречения, явно заимствованные из Евангелия [132, с. 402]. Императоры Танской династии поддерживали христиан, поскольку заинтересованы были в политических и торговых контактах с Западом. Изменение политической обстановки повлекло за собой и изменение религиозной политики. После падения уйгурского каганата, бывшего союзника Танской империи, охранявшего интересы проживавших в Китае иноземцев, начались гонения на иноземные религии. Эдиктом 845 г. христианам, манихеям и буддистам запрещено было проживать в пределах Китая; к концу X в. христианство здесь полностью исчезло — христиане вновь появились в Китае только после монгольского завоевания.

В конце IX—X вв. христианство на востоке переживает период временного упадка. Христианские общины удерживали свои позиции в притяньшаньской Уйгурии; на западе, в Мавераннахре и Семиречье, его, хотя и не окончательно, вытеснил ислам. В ислам перешли осевшие в районе Кашгара карлуки. В Китае несторианская церковь прекратила свое существование.

Новый период в истории восточного христианства начался с XI в. Возрождение несторианской церкви в Восточном Туркестане было вызвано, с одной стороны, расцветом сирийской христианской культуры на западе, активизацией миссионерской деятельности и притоком ближневосточных христиан, миссионеров и торговцев, в Центральную Азию, с другой — сложением новых государственных объединений у кочевых народов Центральной Азии, нуждавшихся в идеологической системе, соответствующей достигнутому ими уровню политического развития [12]. Христианство, очевидно, вполне отвечало такой потребности. В начале XI в. его принимают монголоязычные кераиты, в XII в.— найманы, а также тюркские народы — онгуты, гузы, чигили [3, с. 285 и сл.]. Христианство проникает в государство тангутов [50, с. 213]. Слухи об успехах несторианской церкви на Востоке до-

[12] Л. Н. Гумилев рассматривает принятие христианства кочевыми народами как своего рода идеологическое оформление единого фронта против Китая на востоке и мусульман на западе [16, с. 106—107].

ходят до Европы и порождают легенду о царстве пресвитера Иоанна — христианском государстве в глубинах Азии. Круг источников по этому периоду истории восточного христианства (XI—XIV вв.) гораздо более широк, чем по предшествующему. Это записки европейских путешественников, исторические и географические сочинения мусульманских авторов, сирийские хроники и публицистические произведения, памятники эпиграфики, фрагменты религиозных текстов из Центральной Азии. Большая часть произведений, посвященных истории христианства на Востоке, начиная с середины XIX в., рассматривает, в основном, этот период.

1. Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан.— Сочинения. Т. 4. М., 1966.
2. Бартольд В. В. По поводу христианского селения Вазкерд.—Сочинения. Т. 4. М., 1966.
3. Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период.—Сочинения. Т. 2. Ч. 2. М., 1964.
4. Беленицкий А. М. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пянджикентских храмов.— Живопись древнего Пянджикента. М., 1954.
5. Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И., Исаков А. И. Новые раскопки в Пенджикенте.— АО-1976. 1977, с. 559—560.
6. Бернштам А. Н. Согдийская колонизация Семиречья.—КСИИМК. Вып. 6. 1940.
7. Бернштам А. Н. Памятники старины Таласской долины. Историко-археологический очерк. А.-А., 1941.
8. Бируни. Памятники минувших поколений.— Избранные произведения. Т. 1. Таш., 1957.
9. Борисова А. Я. Эпиграфические заметки.— ТОВЭ. Т. 1. Л., 1939.
10. Борисова А. Я. К истолкованию изображений на биянайманских оссуариях.— ТОВЭ. Т. 2. 1940.
11. Борисова А. Я. Сирийская надпись на сосуде из Тараза.— ИАН КазССР. Вып. 1 (46). Серия археологии. 1948.
12. Борисова А. Я. Эпиграфические заметки.— ЭВ. 15. 1963.
13. Гарсоян Н. Г. Роль восточного духовенства в византино-сасанидских дипломатических отношениях.— «Античная древность и средние века». Вып. 10. Свердловск, 1973.
14. Губаев А. Сасанидские буллы из замка Ак-тепе.— ЭВ. 20. 1971.
15. Губаев А. Раскопки 1971 г. на Ак-депе.— Каракумские древности. Вып. 5. Аш., 1977.
16. Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970.
17. Даркевич В. П., Маршак Б. И. О так называемом сирийском блюде из Пермской области.— СА. 1974, № 2.
18. Даркевич В. П. Художественный металл Востока. VIII—XIII вв. М., 1976.
19. Джумагулов Г. Язык сиро-тюркских (несторианских) памятников Киргизии. Фрунзе, 1971.
20. Дресвянская Г. Я. Христианский некрополь древнего Мерва.— Материалы научной конференции аспирантов Ташкентского государственного университета. Таш., 1966.
21. Дресвянская Г. Я. Раннехристианские археологические памятники Мерва до арабского завоевания. Автореф. канд. дис. Таш., 1968.
22. Егише. О Вардане и войне армянской. Пер. И. А. Орбели. Ер., 1971.
23. Ершов С. А. Некоторые итоги изучения некрополя с оссуарными захоронениями.— Труды ин-та истории, археологии и этнографии АН ТуркмССР. Т. 5. Аш., 1959.
24. Залесская В. Н. К вопросу о датировке некоторых групп сирийских культовых предметов.— ПС. Вып. 23(86). 1971.
25. Залесская В. Н. Сирийское бронзовое кадило из Ургута.— Средняя Азия и Иран. Л., 1972.
26. [Ибн Хаукаль]. Viae et regna. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu'l-Kásim Ibn Haukal. Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1873, (BGA, II).
27. Кляшторный С. Г. Историко-культурное значение суджинской надписи.— СВ. 1959, № 5.
28. Кляшторный С. Г. Согдийцы в Центральной Азии (по руническим надписям).— ЭВ. 14. 1961.
29. Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
30. Коковцов П. К. К сиро-турецкой эпиграфике Семиречья.— ИАН. Сер. VI. Т. 3. 1909.
31. Коковцов П. К. Христианско-сирийские надгробные надписи из Алмалыка.— ЗВОРАО. Т. 16. 1905.
32. Коковцов П. К. Несколько новых надгробных камней с христианско-сирийскими надписями из Средней Азии.— ИАН. Сер. VI. Т. 1. 1907.
33. Кузнецов Б. И. Культурные связи Памира и Тибета.— СНВ. Вып. 16. 1975.

34. Кызласов Л. Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг.— Труды ККАЭЭ. Т. 2. М., 1953.
35. Кычанов Е. И. Сирийское несторианство в Китае и Центральной Азии.— ПС. Вып. 26(89). 1978.
36. Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Аджина-тепа. М., 1971.
37. Луконин В. Г. Культура сасанидского Ирана. М., 1969.
38. Луконин В. Г. По поводу булл из Ак-депе.— ЭВ. 20.1971.
39. Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. М.— Л., 1951.
40. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.— Л., 1951.
41. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.— Л., 1959.
42. Марр Н. Я. Надгробный камень из Семиречья с армянско-сирийской надписью 1323 г.— ЗВОРАО. Т. 8. 1894.
43. Массон М. Е. Клад раннехристианских золотых бляшек и медальонов из Геок-депе.— ИАН ТуркмССР. 1956, № 5.
44. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. М.— Л., 1938.
45. Ольденбург С. Ф. Сборник изображений 300 бурханов. СПб., 1903.
46. Пайкова А. В., Маршак Б. И. Сирийская надпись из Пенджикента.— КСИА. 147. 1976.
47. Палладий, архимандрит. Старинные следы христианства в Китае по китайским источникам.— Восточный сборник. Т. 1. СПб. 1877.
48. Пантусов Н. Н. Христианское кладбище близ г. Пишпека, Семиреченской области, в Чуйской долине.— ЗВОРАО. Т. 1. 1910.
49. Пачос М. Новые находки оссуарных захоронений на территории Афрасиаба.— Проблемы археологии Средней Азии. Л., 1960.
50. Пигулевская Н. В. Сирийские и сиро-тюркские фрагменты из Хара-Хото и Турфана.— СВ. Т. 1. 1940.
51. Пигулевская Н. В. Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. М.— Л., 1946.
52. Пигулевская Н. В. История Мар Ябалахи III и Раббан Саумы. М., 1958.
53. Пигулевская Н. В. Сирийская средневековая школа.— ПС. Вып. 15(78). М.— Л., 1966.
54. Пигулевская Н. В. Памятники сирийской письменности.— «Вестник АН СССР». 1968. № 2.
55. Пигулевская Н. В., Пайкова А. В. Несторианские памятники.— «Эпиграфика Киргизии». Вып. 1. Фрунзе, 1963.
56. Пигулевская Н. В. Культура сирийцев в средние века. М., 1979.
57. Плано Карпини Д ж. История Монгалов * Рубрук Г. Путешествие в восточные страны. [Пер. А. И. Малеина]. М., 1957.
58. [Поло Марко.] Книга Марко Поло. М., 1955.
59. Пугаченкова Г. А. Хароба Кошук.— ИАН ТуркмССР. 1954, № 3.
60. Радлов В. Атлас древностей Монголии. СПб., 1896. (Труды Орхонской экспедиции. Вып. 3).
61 Ремпель Л. И. Некрополь древнего Тараза.— КСИИМК. Вып. 69. 1957.
62. Ртвеладзе Э. В., Ташходжаев Ш. С., Федоров М. Н. Нумизматические этюды.— Афрасиаб. Вып. 3. Таш., 1974.
63. Сенигова Т. Н. Вопрсы идеологии и культов Семиречья (VI—VIII вв.).— Новое в археологии Казахстана. А.-А., 1968.
64. Смирнова О. И. Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963.
65. Смирнова О. И. Первые монеты из Усрушаны.— ЭВ. 20. 1971.
66. Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия. М., 1978.
67. Тереножкин А. И. Согд и Чач.— КСИИМК. Вып. 33. 1950.
68. Тер-Мкртичан Л. Х. Армянские источники IV—VII вв. о Средней Азии. М., 1979.
69. Толстов С. П. Новогодний праздник «каландас» у хорезмийских христиан начала XI в.— СЭ. 1946, № 2.
70. Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства. М.— Л., 1940.
71. [Феофилакт Симокатта.] Theophylacti Simocattae Historiarum Ed. Carolus de Boor. Lipsiae, 1887.
72. Хеннинг Р. Неведомые земли. Т. 1—4. М., 1961—1963.
73. Чугуевский Л. И. Новые материалы к истории согдийской колонии в районе Дуньхуана.— СНВ. Вып. 10. 1971.
74. Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К. Некрополь древнего Миздакхана. Таш., 1970.
75. Andreas F. C. Bruchstücke einer Pehlewi-Übersetzung der Psalmen aus der Sassanidenzeit.— SBAW. 1910. H. 41. Phil.-hist. Kl., 1933, 1.
76. Aziz S. Atiya. A History of Eastern Christianity. L., 1968.
77. Bailey H. W. Indo-Scythian Studies, being Khotanese Texts. Vol. 4. Cambridge, 1961.
78. Bang W. Türkische Bruchstücke einer nestorianischen Georgpassion.— «Le Muséon». T. 39. 1926.
79. Benveniste E. Notes sogdiennes. IV.— BSOAS. Vol. 9, 1938.
80. Benveniste E. Fragments des Actes de Saint Georges en version sogdienne.— JA. T. 234, 1. 1943—1945.

81. Benveniste E. Notes sogdiennes. V.— JA. T. 239, 2. 1951.
82. Benveniste E. Etudes sur quelques textes sogdiens chrétiens.— JA. T. 243, 3. 1955.
83. Braun O. Der Katholikos Timotheos I und seine Briefe.—Oriens Christianus. Rom—Leipzig, 1901, H. 1.
84. Braun O. Ausgewählte Akten persischer Märtyrer. Kempten — München, 1915.
85. Chavannes E. Le Nestorianisme et l'inscription de Kara-balagsoun.— JA. Ser. 9. T. 9. 1897.
86. Chavannes E., Pelliot P. Un traité Manichéen retrouvé en Chine.— JA. T. 1, 1913.
87. Chwolson D. Syrisch-nestorianische Grabinschriften aus Semirjetschie.— «Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg». Ser. VII. T. 37, № 8. 1890.
88. Colles B. E. Persian Merchants and Missionaries in Mediaeval Malaiya.— «Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society». Vol. 42, 2. 1969.
89. Cue M. Christianisme en Chine, en Tatarie et en Thibet. T. 1—3. P., 1857.
90. Cureton W. Spicilegium Syriacum... L., 1885.
91. Drake F. S. Nestorian Monasteries of the T'ang Dynasty.— Monumenta Serica. 1936—1937, vol. 2.
92. Enoki Kazuo. The Nestorian Christianism in China in Mediaeval Time, According to Recent Historical and Archeological Researches.— L'Oriente Cristiano nella storia della civilta. Roma, 1964.
93. Eusebii Pamphili. Praeparatio Evangelica. Ed. E. H. Gifford. Vol. 1—4. Ox., 1904.
94. Foster J. The Church of the T 'ang Dynasty. L., 1939.
95. Gabain A. Die alttürkische Literatur.— Philologiae Turcicae Fundamenta. T. 2. Wiesbaden, 1955.
96. Gero S t. Cyril of Alexandria, Image Worship and the Vita of Rabban Hormizd.— «Oriens Christianus». Bd 62. 1978.
97. Chirshman R. The Island of Kharg. Teheran, 1960.
98. Gerd Gropp. Archäologische Funde aus Khotan, Chinesisch Ostturkestan.— Die Trinkler-Sammlung im Übersee-Museum, Bremen. Bremen, 1974.
99. Grünwedel A. Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch-Turkistan. B., 1912.
100. Hansen O. Berliner soghdische Texte. II — «Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz». Bd 15, 1954.
101. Hansen O. Über die verschiedene Quellen der christlichen Literatur der Sogder.— AO. 30. 1966.
102. Hansen O. Die buddhistische und christliche Literatur der Sogder.— Handbuch der Orientalistik. Bd 4. Abschn. 2. 1968.
103. Hansen O. Der Anteil der Iraner an der Ausbreitung des Christentums nach Zentralasien.— ZDMG. Suppl. I. T. 3. 1969.
104. Henning W. B. Mitteliranisch.— Handbuch der Orientalistik. Abt. 1. Bd 4. Abschn. 1. 1958.
105. Hoffman G. Auszüge aus syrischen Akten persischen Märtyrer.— «Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes». Hrsg. von der Deutschen morgenländischen Gesellschaft. Bd 7, 3. Lpz., 1880.
106. Holm F. V. The Nestorian Monuments in China. Chicago, 1909.
107. Kessler F. Forschungen über die manichäische Religion. B., 1889.
108. Kitâb al-Fihrist. Hrsg. von G. Flügel. Bd 1. Lpz., 1871.
109. Labourt J. Le christianisme dans l'empire Perse sous la dunastie Sasanide. P., 1904.
110. Le Coq A. Chotscho. B., 1913.
111. Le Coq A. Türkische Manichaica aus Chotscho. III.— ABAW. 1922.
112. Le Coq A. Auf Hellas Spuren in Ostturkistan. Lpz., 1926.
113. Legge F. Western Manichaeism and the Turfan Discoveries.— JRAS, 1913, 1.
114. Maenchen-Helfen O. Manichaeism in Siberia.— Semitic and Oriental Studies. Vol. 11. California, 1951.
115. Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Lpz., 1903.
116. Messina G. Cristianismo, buddhismo, manicheismo nell' Asia antiqua. Roma, 1947.
117. Mingana A. The Early Spread of Christianity in India.— Bull. of J. Rylands Library. 10. 1926.
118. Mingana A. The Early Spread of Christianity in Central Asia and the Far East: a New Document.— Bull. of J. Rylands Library. 9, 2, 1925.
119. Moule A. C. Christians in China before the Year 1550. L., 1930.
120. Müller F. W. K. Soghdische Texte. I.— SBAW. B., 1913.
121. Müller F. W. K., Lentz W. Soghdische Texte. II.— SPAW, Phil.-hist. Kl. 22. B., 1934.
122. Narshakhi. The History of Bukhara. Transl. ...by R. Frye. Cambridge, Mass., 1954.
123. Nöldeke Th. Die von Guidi herausgegebene syrische Chronik.—«Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften». Wien. Bd 128. 1893. Abh. IX.
124. Paykova A. V. The Syrian Ostracon from Panjikant.— «Le Muséon». T. 92. 1979, fasc. 1—2.
125. Pelliot P. Chrétiens d'Asie Centrale et d'Extrême-Orient.— «T'oung Pao». Vol. 15, 1914.
126. Pelliot P. Les traditions manichéennes an Fou-kien. — «T'oung Pao». Vol. 22. 1923.

127. Pelliot P. L'eviche nestorien de Khumdan et Saraq.— «T'oung Pao». Vol. 25, 1928.
128. Sachau E. Literatur-Bruchstücke aus Chinesisch Turkistan.— SBAW. Phil-Hist. Kl. 47, 1905.
129. Sachau E. Die Christianisierungslegende von Merv.— Festschrift für Graf von Bandissin. Beiheft zur Zatz Wiss. 33, 1918.
130. Sachau E. Die Chronik von Arbela. B., 1915.
131. Sachau E. Zur Ausbreitung des Christentums in Asien. B., 1919.
132. Saeki Yoshiro. The Nestorian Documents and Relics in China. Tokyo, 1951.
133. Spuler B. Die Nestorianische Kirche.— Handbuch der Orientalistik. Bd 8, 1.
134. Stewart J. Nestorian Missionary Enterprise — the Story of Church on Fire. Edinburgh, 1928.
135. Thomas of Marga. The Book of Governors. Ed. by W. Budge. L., 1893.
136. Waldschmidt E. Religiöse Strömungen in Zentralasien.— «Deutsche Forschung» 1928, H. 5.
137. Waldschmidt E., Lentz W. Die Stellung Jesu im Manichäismus.— APAW, 1926, 4.
138. Whitehouse D., Williamson A. Sasanian Maritime Trade.— «Iran». 11. L., 1973.
139. Ziehme P. Zu den nestorianisch-türkischen Turfantexten.— Sprache, Geschichte und der altaischen Völker. Protokollband der XII Tagung der PIAC in Berlin, 1974.

А. Г. Малявкин

МАРИОНЕТКИ ИЗ РОДА АШИНА

В начале 658 г. танским войскам, основное ударное ядро которых состояло из телеских конных отрядов, удалось нанести решающее поражение Ашина Хэлу. Несколько позже и сам Хэлу был захвачен тюркским конным отрядом, которым командовал Ашина Юаньшуан, один из сыновей будущего марионеточного кагана Ашина Мише. Так закончилась попытка этого западнотюркского вождя вдохнуть новую жизнь в дряхлеющий Западнотюркский каганат. С ликвидацией единого независимого Западнотюркского каганата начался новый этап борьбы за господство на территориях, ранее входивших в его состав. В этой борьбе танские стратеги отводили большую роль представителям правящего рода Ашина, и прежде всего Мише и Бучженю — внукам кагана Истеми в пятом поколении, перешедшим на сторону Танского государства и до поры до времени верой и правдой служившим своим новым хозяевам.

В 630 г. Западнотюркский каганат вступил в полосу тяжелых внутренних противоречий. Ожесточенная грызня за власть вскоре переросла в межплеменную борьбу двух главных племенных союзов — нушиби и дулу. Изучение причин и этапов развития этой борьбы не входит в задачу данной работы, эти вопросы еще ждут своих исследователей. Однако ясно: в основе обострения внутренних противоречий лежали причины, связанные прежде всего с развитием общественных отношений внутри Западнотюркского каганата, что не могло остаться без внимания со стороны танской дипломатии. Правители Танского государства, объединив страну и покончив с сепаратистскими тенденциями, сумели накопить значительные силы, которые были направлены на осуществление широких завоевательных планов против непосредственных соседей. В конце 629 — начале 630 г. Танское государство самым активным образом способствовало распаду Восточнотюркского каганата — первоначально по дипломатическим каналам, стремясь усугубить внутренние противоречия, а затем и с помощью военной силы. Подробно этот вопрос разбирается в моей статье «Тактика Танского государства. . .» [6, с. 105—108]. У меня нет точных сведений, в какой мере на судьбу Мише и Бучженя оказали влияние танские эмиссары. По сообщениям китайских источников известно, что вражда между ними зародилась еще в каганате и тогда же, по-видимому, на них обратили внимание танские соглядатаи. В ЦТШ и СТШ имеются сообщения, на основании которых можно утверждать, что правители Танского государства следили за положением дел в Западнотюркском каганате и, естественно, должны были соответствующим образом реагировать на те или иные изменения, возникавшие в ходе междоусобной борьбы. Приведу одно из этих сообщений по тексту ЦТШ, где в «Повествовании о туцзюэ» говорится: «В 6-м году эры правления Чжэньгуань (27.I.632 — 13.II.633) императорским указом к варварам послан заместитель президента палаты, ведающей приемом послов (*хунлу шаоцин*), Лю Шэньинь, [чтобы] поставить [Ашина Мише] каганом Силиби Долу»[1]

[1] Из контекста совершенно ясно, что речь идет об Ашина Мише, поэтому и сделано соответствующее дополнение в русском переводе, помещенное в квадратные скобки. Однако это серьезная ошибка. Чэнь Чжунмянь, подвергший сообщения ЦТШ иСТШ . . аль-

[12, гл. 194Б, с. 5б, 6а]. В СТШ это сообщение повторено с некоторыми небольшими изменениями. Так, оно не датировано, указывается только, что это событие произошло во время эры правления Чжэнь-гуань (627—650), не указано и имя посла [9, гл. 215Б, с. 7а].

Отношения между двумя вождями настолько ухудшились, что, как сообщают указанные выше источники, Мише вынужден был бежать. В ЦТШ это событие изложено так: «Бучжень сам хотел стать каганом и поэтому замышлял убить Мише, его младших братьев, племянников, всего более 20 человек . . . В 13-м году эры правления Чжэнь-гуань (9.II.639 — 28.I.640) Мише во главе подчиненных ему племен чуюе и чуми прибыл ко двору... После этого Бучжень сам себя поставил Долу ябгу» [12, гл. 194Б, с. 6а]. Однако все его старания были напрасны, народ не признал его, и он вскоре был вынужден бежать вместе с членами своей семьи и своими сторонниками и также искать убежища при дворе танского императора. Л. Н. Гумилев описывает эти события так: «Они ненавидели друг друга, и Бучжень интригами заставил Мише, главу племени чуюе, бежать в Китай. Затем, сочтя положение Юкука безнадежным, Бучжень изменил ему и тоже передался империи» [2, с. 220]. Такая трактовка не соответствует данным даже тех источников, которые были использованы автором. (Имеющиеся ссылки свидетельствуют, что это только СТШ в переводах Н. Я. Бичурина.)

Танские правители приютили обоих беглецов, присвоили им чины генералов: Мише стал правым большим генералом дворцовых врат, а Бучжень — левым большим генерал-квартирмейстером. Оба принимали активное участие на последнем этапе борьбы с Ашина Хэлу. Однако все это ни в коем случае не свидетельствует об их примирении, наоборот, как это будет видно из нижеследующего, вражда между ними сохранялась. Танские стратеги, используя их в борьбе с Ашина Хэлу и особенно после ее завершения, в попытках установить фактическое господство над территориями Западнотюркского каганата, видимо, считали весьма полезным иметь под своим командованием двух смертельных врагов, так как при этом полностью исключалась возможность их объединения, что в конечном счете могло бы подготовить почву для совместного выступления против Танского государства. Танские сановники прекрасно понимали, что переход на службу Танскому государству был очень распространенным тактическим приемом кочевых вождей, потерявших опору в степи, который преследовал совершенно определенные цели — получить передышку, накопить силы, может быть, получить помощь со стороны Танского государства, а затем вновь вмешаться в борьбу за главенство. Танские власти, оказывая поддержку таким вождям, использовали их в своих целях, но при этом никогда не доверяли им полностью.

После пленения Ашина Хэлу правители Танского государства по своему обыкновению провели «районирование» территории Западнотюркского каганата. Я беру слово *районирование* в кавычки по той причине, что хотя Западнотюркский каганат и был полностью разрушен, но за этим не последовало установления контроля над всеми его землями. Как мы увидим ниже, западные тюрки туцзюэ, а также различные племена, насильственно включенные в Западнотюркский каганат, не собирались признавать верховную власть Танского государства. Высшие сановники при дворе, проведя «районирование» и опубликовав от имени императора соответствующие указы и распоряжения, после чего историографы сделали соответствующие записи в анналах, уже считали вопрос решенным окончательно. Когда вскоре при попытках дальнейшего расширения своего влияния и закрепления успехов, достигнутых во время борьбы с Ашина Хэлу, танские императоры и их ставленники натыкались на сопротивление народов и племен, то в донесениях командующих, в отчетах различных должностных лиц, а позднее и в исторических хрониках эта естественная и справедливая борьба в защиту независимости квалифицировалась как «измена», «мятеж» и т. п.

ному анализу, пришел к выводу, что эта фраза случайно попала в текст из жизнеописания кагана Долу [14, с. 43—45].

Политика Танского государства в отношении народов Восточного Туркестана носила двойственный характер. С одной стороны, при дворе развертывалась бурная деятельность по «созданию» различных административно-территориальных единиц — наместничеств, тутукств (*дудуфу*), округов и уездов. Некоторые рьяные представители танской администрации говорили о проведении районирования вплоть до Западного моря (?!), как об этом сообщается в жизнеописании Су Динфана [12, гл. 83, с. 4а]. С другой стороны, было создано два марионеточных каганата во главе с каганами из рода Ашина. Представляется, что «районирование», помимо всего прочего, должно было продемонстрировать населению Срединного государства величие и всемогущество Сына Неба. Что касается создания каганатов, то этот маневр должен был засвидетельствовать «незаинтересованность» Танского государства в территориальных приобретениях, усыпить таким образом бдительность населения и привлечь его к сотрудничеству с марионеточными каганами. Создание каганатов свидетельствует также об отсутствии реальных сил и возможностей для установления полного контроля над территориями бывшего Западнотюркского каганата. Это была временная мера, направленная на то, чтобы выиграть время. После закрепления своего господства и создания материальных предпосылок, необходимых для установления реального контроля, каганаты были бы упразднены. Танские власти, конечно, учитывали, что возможны попытки ликвидации зависимости, но для предотвращения такой опасности и были созданы два каганата во главе со смертельными врагами, что танские власти могли рассматривать — и не без основания — как гарантию послушания обоих.

Я не буду здесь подробно анализировать процесс «районирования», выяснять причины появления тех или иных административно-территориальных единиц и их названий. Коротко остановлюсь лишь на создании двух наместничеств — Мэнчи и Куньлин. Они были образованы сразу после пленения Хэлу. Ашина Мише получил повышение и был назначен большим генералом храброй конницы, поставлен каганом с титулом *синсиван* и одновременно назначен наместником в наместничество Куньлин. В его ведении должны были находиться пять племен дулу, кочевавших в восточной половине Западнотюркского каганата. Ашина Бучжень также стал большим генералом храброй конницы, был поставлен каганом с титулом *цзиванцзюэ* и одновременно назначен наместником в наместничество Мэнчи. В его ведении должны были находиться земли западной части бывшего Западнотюркского каганата, где кочевали пять племен нушиби[2] [13, гл. 964, с. 8а; 12, гл. 194Б, с. 6а; 9, гл. 215Б, с. 7а]. Такова была стройная, в представлении высших чинов Танской империи, система «умиротворения» западных тюрок.

Новоиспеченные каганы (и одновременно наместники), а потом и их наследники не смогли установить подлинного контроля, даже на непродолжительное время, над всеми территориями, которые по замыслам танских вельмож должны были войти в состав их каганатов. Что касается наместничеств, то и их создание с самого начала оказалось фикцией. Косвенным подтверждением этого может служить очень редкое упоминание их и быстрое исчезновение сведений о них со страниц исторических хроник.

Наместничества Мэнчи и Куньлин были созданы 9 мая 658 г. К такому заключению можно прийти при внимательном анализе текста из ЦТШ [12, гл. 4, с. 7б; 5, коммент. 296, 297]. Танские власти не ограничились «созданием» двух указанных наместничеств, одновременно было создано и некоторое количество тутукств (*дудуфу*). Однако в источниках нет точных указаний, на какие конкретно территории должна была распространяться власть созданных наместничеств и тутукств. В СТШ приводится список семи тутукств, созданных на землях бывшего Западнотюркского каганата, но при этом не указано, в ведении каких наместничеств должны были находиться эти административные единицы [9, гл. 215Б, с. 7а].

[2] Названия наместничеств, а также титулы *синсиван* и *цзиванцзюэ* до сих пор не поддаются убедительному истолкованию.

Провозглашение двух враждующих принцев из рода Ашина каганами, «создание» наместничеств Мэнчи и Куньлин и другие мероприятия, последовавшие после распада Западнотюркского каганата, не способствовали установлению спокойствия на его землях, более того, как будет показано ниже, эти мероприятия значительно усложнили обстановку, превратили страну в арену почти непрерывных войн, продолжавшихся вплоть до появления в более западных районах Тюргешского каганата. Тюргеши постепенно набирали силы и оформились как кочевое государство в конце VII — начале VIII в. Междоусобная борьба, которая развернулась между племенами, входившими ранее в состав Западнотюркского каганата, протекала в условиях постоянного вмешательства Танского государства, использовавшего для этой цели своих марионеток Мише и Бучженя, а позднее и их наследников. Тюргешский каганат не имел достаточно сил для решительного пресечения вмешательства извне, да и внутренняя стабильность в нем была скоро нарушена. Одновременно с Танским государством и Восточнотюркский каганат предпринимал попытки установить контроль над землями бывшего Западнотюркского каганата. Особенно успешными эти попытки были при Капаган-кагане (691—716), когда граница Восточнотюркского каганата достигала р. Сырдарьи. Проникнуть в этот район стремились и тибетцы.

Борьба кочевников с марионеточными каганами началась сразу же после их провозглашения. Может быть, не следует выделять акт провозглашения каганами Мише и Бучженя как самостоятельный этап в борьбе за господство в этом районе: ведь будущие марионеточные каганы уже давно находились на службе у Танского государства и вместе со своими отрядами, под общим командованием Су Динфана, воевали с западными тюрками. Они также принимали активное участие в борьбе с Ашина Хэлу, который в 651 г., захватив власть в Западнотюркском каганате, пытался ликвидировать глубочайшие противоречия, раздиравшие страну. Акт провозглашения этих представителей рода Ашина каганами не внес ничего нового в расстановку сил и общее положение в стране.

В «Основных анналах» СТШ имеется запись, датированная 3 апреля 659 г., в которой сообщается, что куньлинский наместник Ашина Мише сражался с Чжэньчжу, ябгу западных тюрок на р. Боро-Тала, и нанес ему поражение [3] [9, гл. 3, с. 4а—4б; гл. 215, с. 7б]. Чжэньчжу был сыном западнотюркского кагана Ипи-долу (Юкук-шад) и, несомненно, возглавлял значительную коалицию сторонников этой линии правящего рода Ашина тюрок туцзюэ. Ниже, в этом же источнике, есть запись, датированная 18 февраля 660 г., в ней говорится, что Су Динфан пленил Думаня и представил его ко двору [9, гл. 3, с. 4б]. События, связанные с пленением Думаня, значительно более подробно изложены в жизнеописании Су Динфана. Мною сделан полный перевод этого текста, который я здесь и привожу. «В это время Аскель кюль-эркин Тюмэн, предварительно подчинив себе различных ху [4], принудил зависимые племена, а также три государства — Кашгар, Кокъяр [5] и Хэпаньто [6] — к мятежу против [Танского государства]. Императорским указом [Су] Динфан был возвращен в [Западный край] и назначен великим

---

[3] Река Боро-Тала протекает в западной части Синьцзян-Уйгурского автономного района. Она берет начало на южных склонах хребта Джунгарский Алатау, течет в восточном направлении и впадает в озеро Эби-Нур.

[4] Имеются в виду согдийцы. Большие торговые колонии согдийцев были разбросаны вдоль важнейших торговых путей в Центральной Азии. Они обычно не вмешивались в междоусобную борьбу кочевых племен и городов-государств, а также в борьбу Срединного государства с местными государственными образованиями. В данном случае изменение этой тактики и сотрудничество согдийцев с Тюмэном несомненно было вызвано разграблением и уничтожением всего населения мирного согдийского городка Даду, насчитывающего несколько тысяч семей. Этот варварский акт совершил в 655 г. танский военачальник Чэн Чжицзе во время военной кампании против Ашина Хэлу. См. жизнеописание Чэн Чжицзе [12, гл. 68, с. 6б]. У Н. Я. Бичурина дано неправильное чтение — город Хэнду [1, с. 291]. Вместе с тем в китайских текстах термин *ху* имел и собирательное значение: «западные иноземцы».

[5] Район к югу от Кашгара.

[6] Район современного Ташкургана в западной части Кашгарии.

уполномоченным по умиротворению; во главе войск прибыл на реку Ее[7], а воры укрылись на реке Матоу [8]. [Су] Динфан отобрал 10 000 отличных солдат и 3000 всадников и произвел нападение. День и ночь скакали и через 300 ли достигли того места. Тюмэн испугался, сражался нерешительно и потерпел сокрушительное поражение. Он бежал и укрылся в крепости Мабао [9]. Войска [Су Динфана] подошли и осадили [крепость]. Тюмэн, видя крушение [своих] планов, вышел со связанными сзади руками и сдался. Был взят в плен и представлен [Су Динфаном императору] во дворце Цяньян» [9, гл. 111, с. 5а]. В ЦТШ жизнеописание Су Динфана не содержит существенных подробностей в описании этого события [12, гл. 83, с. 4б].

Тюмэн был довольно крупной фигурой, а не каким-то мелким вождем, случайно попавшим на страницы китайских хроник. Имеются сообщения, свидетельствующие, что он был одним из претендентов на «западнотюркское наследство». Так, в ЦФЮГ сообщается следующее: «После умиротворения [Ашина] Хэлу, Аскель кюль-эркин Тюмэн захватил часть его земель. [Ашина] Мише и [Ашина] Бучжень не смогли уладить конфликт миром и оказали ему сопротивление. Затем [Тюмэн] во главе [войск] трех государств — Кашгара, Кокъяра и Хэпаньто — напал и разгромил Хотан» [10] [13, гл. 420, с. 20а]. Очень часто в работах (в том числе и отечественных), посвященных данному периоду, вождь этой группировки именуется Думань, т. е. употребляется китайская транскрипция его имени.

Выше я уже упоминал, что после проведения «районирования» территории Западнотюркского каганата любое сопротивление Танскому государству стало рассматриваться как «мятеж», «восстание» против ниспосланного самим Небом «законного императора» (Сына Неба). Приведенные выше тексты совершенно четко свидетельствуют, что столкновения с Чжэньчжу и особенно с Тюмэном были продолжением завоеваний, целью которых являлось установление фактического, а не номинального господства над землями бывшего Западнотюркского каганата. Эти действия танских войск и их марионеток нельзя даже рассматривать как подавление освободительной борьбы порабощенных народов, поскольку за пленением Ашина Хэлу не последовало занятие его территории. Поражение Ашина Хэлу не прекратило сопротивления, это был только этап в борьбе западных тюрок (туцзюэ) против нашествия с востока. Его сподвижники, а также и часть князей, занимавших выжидательную позицию и не выступавших вместе с ним, продолжали борьбу. Но теперь эта борьба, без единого руководства, была сопряжена с громадными трудностями.

В зарубежной, а отчасти и в отечественной литературе, очень часто трагедия Западнотюркского каганата излагается совершенно неверно. В качестве примера приведу некоторые высказывания Л. Н. Гумилева, который пытается интерпретировать события, развивавшиеся в этом районе после пленения Хэлу, в полном соответствии с духом китайских хроник и приходит к выводу о полной победе и установлении Танским государством контроля над землями западных тюрок. Так, в его книге можно прочесть: «Земли Западного каганата были разделены на округа и уезды, из которых образовались два губернаторства... Для наблюдения за вновь приобретенными владениями резиденция наместника „Западного края“ была перенесена из Турфана... в Кучу, поближе к кочевьям. Местные владетели Согдианы остались на своих местах, и на некоторое время здесь установился относительный мир» [2, с. 244]. Продолжение борьбы с завоеваниями Танского государства описывается им как «восстания»; при этом Л. Н. Гумилев недо-

---

[7] Река Куйтун, стекающая с северных склонов Восточного Тянь-Шаня; именуется также Кур-кара-усу.

[8] Чэнь Чжунмянь [14, с. 52] приводит сообщение «Сиюй каогу лу» (гл. 9), из которого следует, что река Матоу это современная река Юлдус. Следовательно, войскам Су Динфана пришлось перевалить Восточный Тянь-Шань, очевидно через хребет Борохоро, миновать верховья р. Кунгес и выйти в долину р. Юлдус.

[9] Дополнительных сведений о городе Мабао нет.

[10] Надо отметить, что в этом тексте ЦФЮГ искажены названия государств Кокъяр и Хэпаньто. В переводе они исправлены по СТШ и ЦТШ.

оценивает серьезность этой борьбы и преуменьшает ее значение. Так, борьба Су Динфана с Тюмэном описана так: «Какой-то нушибийский князек, пожелавший сохранить самостоятельность, был пойман Су Динфаном в 660 г.» [2, с. 244]. Обращает на себя внимание выражение «был пойман». Л. Н. Гумилев пишет так, словно речь идет о мелком разбойнике, а не о вожде независимого племени, выступавшего во главе значительной коалиции.

Характеризуя общую обстановку и деятельность танских марионеток Ашина Мише и Ашина Бучженя, Л. Н. Гумилев пишет: «Но эти бездарные правители не пользовались популярностью среди своих подданных и, несмотря на все усилия, не могли заслужить доверия. Правда, отдельные бунты кочевых князьков и оседлых владетелей подавлялись легко, но сами ханы, интригуя друг против друга, создали коллизию, которая в конечном счете стоила Китаю всех с таким трудом приобретенных успехов» [2, с. 245]. Эта цитата позволяет сделать вывод, свидетельствующий о твердой уверенности Л. Н. Гумилева, что Мише и Бучжень какое-то время, пусть даже непродолжительное, были действительными правителями тех территорий, которые им «выделили» танские владыки, и только из-за своей «бездарности» не пользовались популярностью и не смогли заслужить доверия своих подданных. Вполне возможно, что танские придворные историографы сделали запись о неспособности Мише и Бучженя к управлению только для того, чтобы таким путем объяснить провал широко задуманной операции по овладению Западнотюркским каганатом с использованием марионеток из тюркского правящего рода Ашина. В действительности события развивались не в соответствии с планами, начертанными в столице Танской империи, и конечный провал и ликвидация всех достижений танской политики объясняются совершенно другими причинами, из которых на первое место надо поставить упорную борьбу кочевых племен против танских завоеваний. Говоря о «бездарности» этих марионеточных правителей, Л. Н. Гумилев основывается только на свидетельстве СТШ, использованной им по переводу Н. Я. Бичурина, при этом он даже не пытается подойти к тексту критически и сопоставить его с другими. В СТШ, пятью строчками выше утверждения о бездарности Мише, говорится: «Мише, находясь при императоре в корейскую войну, оказал услуги, за которые был пожалован княжеским достоинством и повышен военным чином» (перевод Н. Я. Бичурина) [9, гл. 215Б, с. 7б; 1, с. 293]. Что касается популярности, то о ней не может быть и речи, так как свободолюбивые кочевники всегда ненавидели любых марионеток, навязанных им извне.

Борьба Ашина Бучженя и Ашина Мише носила скрытый характер и не перерастала в открытые столкновения, что объясняется зависимостью их от одного сюзерена — Танского государства. Они даже неоднократно участвовали вместе в одних и тех же наступательных акциях танских генералов. Так было и в десятом месяце 2-го года эры правления Лун-шо (17.XI — 15.XII.662), когда оба марионеточных кагана получили распоряжение присоединиться со своими войсками к танскому полководцу Су Хайчжэну для похода на Кучу, где, по-видимому, произошло восстание против танской администрации. Кроме этого упоминания, других сообщений, позволяющих проследить ход восстания и меры, предпринятые Су Хайчжэном, в источниках нет. Известно, что за несколько лет до этих событий, а именно в 685 г., сразу же после разгрома Ашина Хэлу, наместничество Аньси было вновь переведено в Кучу. Куча стала одним из важнейших опорных пунктов Танского государства, стремившегося овладеть Великим шелковым путем. Здесь находилась резиденция наместника, был сосредоточен большой административный аппарат и имелся сильный гарнизон [5, коммент. 303]. Поэтому трудно предположить, что возмущение могло произойти в самом городе, скорее всего восстало сельское население, в том числе и сравнительно небольшие группы кочевников, населявших значительные степные пространства в этом районе. Потому для подавления этого выступления и понадобились конные отряды Ашина Мише и Ашина Бучженя.

Из сообщений ряда источников можно понять, что Бучжень попытался

свести счеты с Мише вскоре после получения приказа о выступлении. Так, в ТХЯ сообщается следующее: «В десятом месяце 2-го года эры правления Лун-шо (17.XI — 15.XII.662) император повелел двум каганам — *синсиванy* (Мише.— *А. М.*) и *цзиванцзюэ* (Бучженю.— *А. М.*) мобилизовать войска и вместе с Су Хайчжэном атаковать Кучу. *Цзиванцзюэ* издавна враждовал с *синсиваном*, тайно просил [Су] Хайчжэна издать ложный указ, захватить и обезглавить [Мише]. Его (Мише.— *А. М*). племена разбежались, [Су] Хайчжэн догнал и умиротворил их. Вскоре умер *цзиванцзюэ*; десять племен остались без князей и присоединились к тибетцам» [11, гл. 73; 14, с. 54]. В ЦТШ это событие описано значительно более подробно, потому приведу его здесь полностью: «Бучжень уже давно хотел присоединить племена Мише. И поэтому тайно сообщил [Су] Хайчжэну, что Мише замышляет измену, и просил найти способ казнить его. В это время войска [Су] Хайчжэна насчитывали лишь несколько тысяч солдат и были расквартированы изолированно на территории, подвластной Мише. Поэтому [Су Хайчжэн], созвав военачальников, советовался с ними, говоря: „Если Мише изменит, то никто из нас не останется в живых. Сейчас следует заранее принять меры, тогда можно будет одержать победу". Затем ложно объявили о получении императорского приказа главнокомандующему распределить в качестве пожалования кагану и вождям полученные ткани в количестве нескольких миллионов кусков (*дуань*) (?). Поэтому Мише вместе со своими подчиненными прибыл для получения пожалований в соответствии с их рангами. [Су] Хайчжэн всех схватил и обезглавил. Позднее западные фани (тибетцы) усилились, объявили, что Мише не изменил, а был оклеветан Бучженем, [Су] Хайчжэн не сумел в этом разобраться и совершил бессмысленные убийства. К моменту воцарения императрицы Цзэ-тянь (У-хоу) десять племен уже в течение нескольких лет были без вождей и многие племена рассеялись» [12, гл. 194Б, с. 6б].

В ЦФЮГ этот текст повторен почти дословно, добавлен только эпизод из неудачного похода Су Хайчжэна на племя гунъюэ в район к югу от Кашгара, в котором рассказывается о том, как гунъюэ, пригласив на помощь тибетцев, поставили войска Су Хайчжэна в очень тяжелое положение. Для того чтобы спастись, ему пришлось откупиться от тибетцев всем имевшимся военным имуществом, и только после этого он получил возможность уйти. В СТШ эти события изложены значительно короче, однако и здесь есть очень интересное дополнение, заключающееся в том, что указаны названия двух племен, подчиненных Мише, которые после его убийства взбунтовались,— это шуниши и барскан (басайгань). Здесь же говорится, что Бучжень умер во время эры правления Цянь-фэн (666—668). В другом тексте ЦФЮГ уточняется, что смерть Бучженя произошла в 667 г. [13, гл. 449, с. 10б; 9, гл. 215Б, с. 7б; 13, гл. 967, с. 11б]. В источниках не указывается причина смерти этого марионеточного кагана.

После гибели обоих марионеточных каганов танские правители пытались привлечь на свою сторону еще одного представителя из рода Ашина, а именно Ашина Дучжи. Во 2-м году эры правления Сянь-хэн (15.II.671—4.II.672) он был назначен тутуком в тутукство Фуянь. Это одно из семи тутукств, созданных одновременно с наместничествами Мэнчи и Куньлин, оно было организовано на землях, населенных племенем чумугунь. Ашина Дучжи (в источниках он именуется также Ашина Фуянь Дучжи, Фуянь Дучжи или просто Дучжи), несомненно, и до этого «назначения» стоял во главе племени чумугунь. В данном случае танские правители поступили в соответствии с давно практиковавшимся приемом «назначения» на посты руководителей «создаваемых» на землях варваров административно-территориальных подразделений вождей этих племен. Подчеркнем, что эти территориально-административные единицы обычно совпадали с районом расселения племени и при этом администраторов мало интересовало, существовала ли реальная зависимость этого племени от Срединного государства.

Очень скоро, в начале эры правления И-фэн (676—679), Дучжи объявил себя каганом десяти племен, заключил соглашение с тибетцами и совершил

нападение на Аньси (Кучу). Этот акт Дучжи вызвал гнев при дворе Сына Неба, так как он свидетельствовал о новой неконтролируемой попытке объединения западнотюркских племен, что могло привести к созданию сильного кочевого государства. Было решено направить войска для ликвидации в зародыше возможной опасности. Однако видный военачальник и дипломат Пэй Синцзянь предложил план ликвидации Дучжи, исключающий необходимость мобилизации большой армии. Как раз в это время умер персидский принц Пероз (Фируз), его сын находился при императорском дворе в столице Танского государства [11]. В китайских источниках встречается много вариантов иероглифической транскрипции его имени — Нинеши, Нилишиши, Нихуанши и т. д. Чэнь Чжунмянь считает правильной транскрипцию Нили, которая, по его мнению, соответствует персидскому Narses [14, с. 58, 59] [12]. Пэй Синцзянь предложил воспользоваться предстоящим сопровождением персидского царевича в Персию и по пути попытаться обманным путем захватить Дучжи. Этот план был блестяще осуществлен. Дучжи попался в расставленные сети, был схвачен вместе со своими соратниками и отправлен в столицу Танского государства. Так описано это мероприятие в жизнеописании Пэй Синцзяня, помещенном в ЦТШ [12, гл. 84, с. 9а, 9б; 9, гл. 108, с. 4а, 4б].

В распоряжении Пэй Синцзяня были отряды — возможно, довольно большие,— для охраны такого важного посольства. Однако расчеты строились не на использовании военной силы, а на том, что Дучжи не проявит должной бдительности при прохождении мирного посольства и его можно будет захватить хитростью. В ЦТШ есть и другая версия. Так, в «Основных анналах» можно прочесть следующую запись: «В девятом месяце в день жэнь-у [1-го года эры правления Дяо-лу] (15.X.679) заместитель начальника (*шилан*) управления чинов Пэй Синцзянь выступил с карательной экспедицией против западных тюрок, захватил кагана десяти фамилий (*ши син* — десять племен) Ашина Дучжи, другого вождя (*бешуай*) Ли Чжэфу и вернулся» [12, гл. 5, с. 8б; 9, гл. 3, с. 10б].

В литературе эпопея Пэй Синцзяня описывается обычно как военная экспедиция против западных тюрок. Так, в «Очерках истории Китая» говорится, что император Гао-цзун направил в Центральную Азию войска под командованием Пэй Синцзяня и Ван Фанъи, чтобы оказать содействие сыну персидского шаха в возвращении на родину, а в 679 г. «приказал вновь нанести удар Западному тюркскому каганату (?)» [7, с. 212]. В другой работе читаем: «В 679 г. Пэй Синцзянь вернул Семиречье под эгиду Танской династии» [4, с. 134]. Некоторые авторы рассматривают эту экспедицию как демонстрацию: «Наконец, в 679 г. китайцы предприняли военную демонстрацию в защиту сасанидских принцев: император приказал своему военачальнику Фэй Цзин-цзяо (надо: Пэй Синцзяню.— *А. М.*) сопровождать сына царя Персии...» [8, с. 87]. Из известных мне работ только Л. Н. Гумилев излагает план Пэй Синцзяня по переводу Н. Я. Бичурина, однако и он предваряет это описание словами: «Против Дучжи был направлен сановник Пэй Хин-гянь с войсками, но дело до столкновения не дошло...» [2, с. 253]. Это утверждение не вытекает из смысла китайского источника.

Все изложенное выше свидетельствует о том, что этот вопрос изучен недостаточно. Мне представляется, что обстановка на бывшей территории Западнотюркского каганата была настолько запутанной и нестабильной, раз-

[11] Пероз (Фируз) один из сыновей персидского шаха Йездигерда III, убитого в 651 г. во время вторжения арабов. В результате арабских завоеваний в 661 г. Персия вошла в состав халифата Омейядов. Пероз вынужден был бежать в Тохаристан, к тюркам, а затем обратился за помощью к Танскому государству. Это обращение было расценено при императорском дворе по обыкновению как выражение покорности, и вместо посылки войск для борьбы с арабами танские вельможи провели «районирование» территории Персии [8, с. 85—87]. В СТШ сообщается, что с предложением о военном сотрудничестве к танскому двору прибыл сам Пероз [9, гл. 221Б, с. 9б].

(Подробнее о Перозе и его деятельности см. [8б, с. 257—258; 8в, с. 68].— *Примеч. отв. ред.*).

[12] Э. Шефер предлагает интерпретировать кит. *Niei-niet-ṣi как «Нарсе» [см. 8а, с. 76, 384 (примеч. 73)].— *Примеч. отв. ред.*

общенность среди племен достигала такой степени, что новое объединение их в данный момент было просто невозможным. Дучжи объявил себя каганом десяти племен, но это не означало, что было завершено их объединение, это скорее была декларация нового претендента, возвещавшего таким образом о своем желании возглавить борьбу за объединение тюрок, что было хорошо известно танским дипломатам и пограничным чиновникам. Поэтому Пэй Синцзянь при осуществлении своего плана смог ограничиться сравнительно незначительными силами. После пленения Дучжи в степях вновь создалась обстановка, которой всегда стремились добиться стратеги Срединного государства — по степи кочевали разрозненные, враждующие друг с другом отдельные племена или небольшие группы племен, а танские войска отсиживались в немногочисленных гарнизонах вдоль важнейших путей.

Однако ситуация в степи продолжала вызывать беспокойство императорского двора. Существовало опасение, что появятся новые вожди, которые смогут объединить племена для борьбы с империей Тан. Попытка опереться на Дучжи закончилась провалом и, по-видимому, по этой причине танские власти не стали искать в степи новых кандидатов на роль своих марионеток, а вспомнили о наследниках Ашина Мише и Ашина Бучженя и попытались использовать их как орудие своей политики.

Наследники Ашина Мише

В ЦТШ появление на политической арене наследников первых марионеточных каганов из рода Ашина описывается так: «При восшествии на престол императрицы Цзэ-тянь десять племен уже в течение нескольких лет не имели вождей, многие племена рассеялись. В начале эры правления Чуй-гун (685—689) сын Мише, начальник вспомогательной охранной гвардии, имеющей колчаны, обшитые шкурой леопарда, [Ашина] Юаньцин, был произведен в левые генералы гвардии, вооруженной секирами с древками, украшенными нефритом, и назначен наместником Куньлин, [ему] было приказано наследовать пост кагана [с титулом] *синсиван* и управлять пятью племенами долу. Сын Бучженя [Ашина] Хусэло произведен в правые генералы гвардии, вооруженной секирами с древками, украшенными нефритом, и назначен наместником Мэнчи, правителем пяти племен нушиби» [12, гл. 194Б, с. 6б]. В этом тексте пропущен титул Хусэло, который он носил до нового назначения, а также сообщение о наследовании им поста кагана. В СТШ эти пропуски восполнены: «Сын Бучженя шад бо́ри Хусэло... полностью наследовал должности отца и титул кагана» [9, гл. 215Б, с. 7б]. В ЦФЮГ допущена серьезная описка: Ашина Юаньцин назван сыном Бучженя, а Ашина Хусэло — сыном Мише [13, гл. 967, с. 11б].

Источники практически ничего не сообщают о деятельности Ашина Юаньцина на посту марионеточного кагана. Очень скоро после выдвижения Ашина Юаньцина произошло усиление тюргешей и оба марионеточных кагана — *синсиван* (Ашина Юаньцин) и *цзиванцзюэ* (Ашина Хусэло) — вынуждены были ретироваться в столицу Танского государства. Точная дата этого события не указана в источниках, но оно должно было произойти вскоре после выдвижения Юаньцина, так как уже в 692 г. (в 1-м году эры правления Жу-и, продолжавшейся всего пять месяцев — с четвертого по девятый месяц по лунному календарю 692 г.) он был обвинен в участии в дворцовом заговоре и казнен. Это произошло в столице, и можно утверждать, что это была обычная дворцовая интрига, не связанная с делами кочевников [12, гл. 194Б, с. 6б; 9, гл. 215Б, с. 7б].

После казни Ашина Юаньцина один из его сыновей, носивший, так же как и его отец, китайское имя, а именно Ашина Сянь, по сообщению ЦТШ, был сослан в округ Яйчжоу (в современной провинции Гуандун). В СТШ в параллельном тексте говорится, что местом ссылки Ашина Сяня был округ Чжэньчжоу (в современной провинции Гуандун) [12, гл. 194Б, с. 6б; 9, гл. 215Б, с. 8а]. Это одно и то же место, только в ЦТШ употреблено название, появившееся значительно позже. В Танском государстве этот округ назывался Чжэньчжоу [16, т. 4, с. 281; т. 5, с. 234].

В 3-м году эры правления Чан-ань (22.I.703—9.II.704) Ашина Сянь был возвращен из ссылки, ему присвоили чин «правый большой генерал мужественной стражи», он наследовал отцовский титул — каган *синсиван* и одновременно был назначен уполномоченным по умиротворению и привлечению племен [12, гл. 194Б, с. 6б]. В СТШ еще добавлено, что он был назначен великим наместником в Бэйтине, а потом генерал-губернатором (*цзедуши*) территорий к западу от пустыни [9, гл. 215Б, с. 8а]. Дальнейшая деятельность Ашина Сяня в СТШ описана значительно подробнее, чем в ЦТШ. После сведений о его назначении в ЦТШ говорится только следующее: «Владения [Ашина] Сяня были постепенно захвачены Мочжо (Капаган-каганом) и Учжиле (Учликом?), поэтому он не отважился вернуться в [свое] государство. Во время эры правления Кай-юань (713—742) несколько раз получал повышение, стал правым большим генералом стражи *цзиньу*. Умер в Чанъани» [12, гл. 194Б, с. 6б].

Перевод раздела СТШ, в котором рассказывается о деятельности Ашина Сяня, в свое время был сделан Н. Я. Бичуриным [1, с. 295, 296]. В этом повествовании, как в зеркале, отражается сложная обстановка в степи, а также путаная и противоречивая тактика танских политиков, стремившихся любым путем сохранить, а если удастся, то укрепить и расширить свое влияние. В связи с тем, что перевод Н. Я. Бичурина сделан давно и в настоящее время уже не может полностью удовлетворить предъявляемым требованиям, считаю необходимым дать новый перевод. «В 4-м году [эры правления Чан-ань] (10.II.704—29.I.705) [Ашина] Хуайдао [13] был назначен каганом десяти племен и одновременно наместником в Мэнчи. Вскоре [Ашина] Сянь поставлен генерал-губернатором (*цзедуши*) территорий к западу от пустыни (Гоби). Взбунтовался Дудань — [один из вождей] десяти племен. [Ашина] Сянь атаковал его, обезглавил, а голову препроводил ко двору [14]. Он привел к подчинению [Танскому государству] 30 000 аилов, находящихся к западу от Суяба. Удостоился поощрительной грамоты с императорской печатью. Три рода (*син*): карлуки, ху[лу]у и шуниши, присоединившиеся к [Танскому государству], подверглись нападению и ограблению со стороны Мочжо (Капаган-кагана). [Ашина] Сянь был назначен командующим войсками динъюаньского направления и вместе с наместником в Бэйтине Тан Цзяхуэем и другими окружал [врага]. Тюргеши скрытно высматривали недостатки в пограничной обороне, поэтому Ашина Сянь просил разрешения усилить войска и лично явиться ко двору. Император Сюаньцзун не дал разрешения, а распорядился отправить левого полковника воинственной гвардии Ван Хуэя с полномочиями для успокоения. После этого Тюргеш [15] был назначен на должность тутука, а Чапыш чур Сулу (Сулуку?) присвоен титул *гуна шуньго* [16], а Тюргеш уже окружил бархуанский [17] город Даши и собирался захватить четыре гарнизона. В это время [Тан] Цзяхуэй назначается помощником Великого наместника в Аньси; он отправляет войска трех карлукских родов (*син*) вместе с [войсками Ашина] Сяня атаковать [тюргешей]. Император намеревался отдать распоряжение Ван Хуэю, чтобы он вместе с министрами принял чрезвычайные меры. Первые министры [Сун] Цзин и [Цзи] Сюй сказали: „Тюргеши восстали, карлуки напали на них, это варвары [сами] себя уничтожают; без вмешательства императорского двора большие [племена] понесут урон, а малые — погибнут, все к нашей выгоде. А Ван Хуэй пусть едет для ободрения и успокоения, но нельзя вмешиваться в военные дела". Поэтому [план чрезвычайных мер]

---

[13] Сын Хусэло, внук Бучженя.

[14] В «Основных анналах» СТШ [9, гл. 5, с. 5а] отмечается, что Ашина Сянь захватил Дуданя в третьем месяце 2-го года эры правления Кай-юань (19.IV.—17.V.714).

[15] Здесь этноним «тюргеш» употреблен как имя собственное; по-видимому, подразумевается вождь тюргешей Учлик.

[16] *Гун* — аристократический титул, иногда переводится на русский язык как «герцог» (англ. Duke), но чаще употребляется без перевода. *Шуньго* — «следующий по пути государства», подразумевается Танское государство.

[17] Китайская транскрипция арабского слова «Barkhuan» — Бохуань — небольшое государство в районе современного уезда Аксу в Восточном Туркестане.

был отменен. [Ашина] Сянь в конце концов не смог сдержать напор Согэ и также вынужден был вернуться, он умер в Чанъани» [9, гл. 215Б, с. 8а].

Этот текст позволяет лучше понять обстановку на землях бывшего Западнотюркского каганата и сделать следующие основные выводы. В самом начале VIII в. Танское государство не имело достаточно сил для активного вмешательства в междоусобную борьбу в этом районе и установления там угодных ему порядков. Потому танский императорский двор вынужден был лавировать, пытаясь привлечь на свою сторону, или хотя бы только нейтрализовать, некоторых противников. Для этой цели использовались традиционные средства, в числе которых немаловажное значение имели пожалования почетных званий. В данном случае такие звания были пожалованы тюргешским вождям. Борьба танских марионеток за власть не имела успеха, они не находили поддержки среди кочевников. Им противостояли не только другие вожди западных тюрок, но также и другие претенденты на господство в степях — восточные тюрки, тюргеши и тибетцы. Таким образом, на обширных территориях Джунгарии и на некоторых соседних развертывалась четырехсторонняя борьба за господство над западными тюрками, которые, являясь коренным населением, несли самые тяжелые потери. Со смертью Ашина Сяня закончилась эта ветвь марионеточных каганов из рода Ашина.

Наследники Ашина Бучженя

После смерти Бучженя в 667 г. его наследники не сразу унаследовали его чины и должности. В течение 18 лет они, так же как и наследники Мише, находились в тени. В источниках нет сообщений, раскрывающих причину гибели Бучженя, поэтому такая длительная опала может рассматриваться как свидетельство возможного уничтожения Бучженя танскими властями также по подозрению в измене. Выше, где шла речь о наследнике Ашина Мише, приведены тексты из китайских источников, в которых также говорится о присвоении почетных званий и о назначении Ашина Хусэло на должность наместника Мэнчи и правителем пяти племен нушиби. Это произошло в начале эры правления Чуй-гун (685—689).

В ЦТШ имеется следующее описание деятельности Хусэло. После сообщения о присвоении ему почетных чинов и назначении на пост наместника говорится: «В 1-м году эры правления Тянь-шоу (8.X — 5.XII.690) произведен в левые большие генералы гвардии. Титул изменен на *цзечжун шичжу каган* [18], по-прежнему пожалован должностью наместника Мэнчи. Вскоре умер. Сын [Ашина] Хуайдао во время эры правления Шэнь-лун (705—707) несколько раз подряд получал пожалования: удостоен чина „правый большой генерал-квартирмейстер“, был главным сановником, ведающим питанием при дворе, затем произведен в главные конюшенные, одновременно назначен наместником Мэнчи и каганом десяти племен. После эры правления Чуй-гун (685—689) десять племен неоднократно подвергались нападению и разграблению со стороны тюркского [вождя] Мочжо (Капаган-кагана) и почти все погибли или разбежались, и только 60—70 тысяч человек вместе с Хусэло перешли на территорию [Танского государства]. Род Ашина западных тюрок затем прекратился... Хусэло после начала правления императрицы Цзэ-тянь (684—705) прибыл к двору и не смел возвращаться в свои кочевья. Его земли все были присоединены Учликом» [12, гл. 194Б, с. 7а].

В СТШ описание деятельности Хусэло и его наследников несколько более полное, чем в ЦТШ, есть и разночтения. Прежде всего указывается другая дата назначения Хусэло, а именно 2-й год эры правления Шэн-ли [19] (8.XII.698—26.XI.699), при этом отмечается, что он одновременно был наз-

[18] Т. е. каган, преданный до конца на службе сюзерену.

[19] После восшествия на престол императрицы Цзэ-тянь в 689 г. была проведена реформа календаря, заключающаяся, в частности, в том, что год стал начинаться на два лунных месяца раньше. Так, 1-й год эры правления Цзай-чу был сокращен на два месяца и продолжался с 27.I по 17.XII.689 (в пересчете на солнечный календарь), а последующие годы ста-

начен главнокомандующим армией умиротворения запада (*пин си цзюнь*). Ему было приказано успокоить и призвать к порядку десять племен. Указана также и более ранняя дата назначения его сына — Ашина Хуайдао — 4-й год эры правления Чан-ань (10.II.704—29.I.705) [9, гл. 215Б, с. 8а]. Заметим, что в ЦФЮГ задачи нового главнокомандующего указаны более определенно — «усмирение и умиротворение Суяба» [13, гл. 964, с. 10б].

Очень интересная характеристика деятельности Ашина Хусэло имеется в ЦТШ. Она дается в связи с несомненными успехами вождя тюргешей Учлика, который в сравнительно короткий промежуток времени сумел объединить вокруг себя многие разрозненные племена: «Тюргеши [во главе с вождем] Учжилэ (Учликом) были отдельным племенем (*бе чжун*) западных тюрок туцзюэ. Первоначально [Учлик] был в зависимости от Хусэло и именовался бага-тархан. Позднее, вследствие того, что наказания, назначаемые Хусэло, были жестокими, весь народ стал бояться [Хусэло]. [Учлик] особенно мог с любовью оказывать помощь своим племенам; поэтому из числа различных дальних и ближних ху, подчинившихся ему, учредил должности 20 тутуков, каждый ведал 7000 солдат. Он накапливал силы на северо-западе города Суяба, потом мало-помалу стал нападать и занял Суяб, куда перевел свою резиденцию» [12, гл. 194Б, с. 7а]. В этом тексте вызывает сомнение сообщение о подчиненном положении Учлика по отношению к Ашина Хусэло, которое отражает, по-видимому, официальную позицию танских властей, рассматривавших своего ставленника Ашина Хусэло как подлинного кагана западной половины бывшего Западнотюркского каганата. Что касается «дальних и ближних ху», то здесь, вероятно, имеются в виду не согдийцы, а вообще различные «варварские племена».

В СТШ далее упоминается, по-видимому, последняя попытка Танского государства использовать марионеток из рода Ашина для проникновения на запад и установления своего господства там. Описанные ниже события произошли после пленения в 739 г. вождя тюргешей Тухосяня, сына кагана Сулу (Сулука). Тюргешский каганат в это время переживал период внутренних неурядиц [3, с. 332—334] и танские стратеги решили, что наступил благоприятный момент для вмешательства во внутренние дела тюргешей, и с этой целью была использована очередная марионетка из рода Ашина. Сын Ашина Хуайдао Ашина Синь был объявлен каганом десяти племен, назначен наместником в наместничестве Мэнчи и ему был присвоен очень высокий придворный почетный титул — *кайфу итун саньсы* (обладающий правом иметь собственный дворец со штатом чиновников, пользующийся церемониалом, равным церемониалу трех гунов). Хроника сообщает, что он был направлен на запад вместе с женой, урожденной Ли, получившей в связи с назначением мужа также высокие почетные звания. Их сопровождал в качестве эскорта военный отряд для охраны. Источники не сообщают никаких подробностей об этом отряде. Однако к моменту «прибытия» танского ставленника у тюргешей уже был новый каган, именуемый в источниках как Бага-тархан, который и убил Ашина Синя в районе Суяба. Никаких подробностей этого события источники не сообщают, известно только, что жена Ашина Синя и его сын Ашина Чжунсяо бежали назад, в Танское государство. В конце повествования говорится: «Западные тюрки после этого погибли» [9, гл. 215Б, с. 8а, 8б]. Обращает на себя внимание, что в ЦТШ сообщения о деятельности марионеточных каганов выглядят более реалистично и заканчиваются фразой, говорящей о гибели рода Ашина, а не всего тюркского народа — западных туцзюэ.

Выше отмечалось, что в датах ЦТШ и СТШ имеются значительные расхождения, это прежде всего касается деятельности Хусэло, времени его бегства на территорию Танского государства. Чэнь Чжунмянь специально занимался этим вопросом и отметил, что в ряде других сочинений, например в «Тун дянь», ТХЯ, ЦФЮГ, часто указываются совсем другие даты [15,

---

ли начинаться в ноябре — декабре по солнечному календарю. Так продолжалось до 1-го года эры правления Цзю-ши, когда был восстановлен старый порядок.

с. 359; 14, с. 63, 67]. В задачу данной работы не входит анализ этих и других аналогичных расхождений, однако следует отметить, что большое число их при описании событий, связанных с попытками проникновения Танского государства на запад, может свидетельствовать о многом. Танские власти в поисках наиболее эффективных средств такого проникновения и закрепления своего влияния на землях бывшего Западнотюркского каганата предпринимали самые разнообразные, порой противоречивые меры, в том числе пытались широко использовать марионеток. Эти марионетки время от времени выдвигались на авансцену, а после очередного провала бежали в Чанъань, где отсиживались до нового подходящего момента. В связи с этим жонглированием марионетками составлялось большое количество разнообразных планов, издавалось много указов. Параллельно с этим шла работа по привлечению на сторону Танского государства и явных его противников или внесению раскола в их ряды. Большая часть многочисленных планов оставалась на бумаге. Эта бурная деятельность не могла не сказаться отрицательно на достоверности записей, не могла не породить ошибок, разночтений и, конечно, дезинформации.

По сообщениям источников, часть которых приводилась выше, многие из марионеток почти все время вынуждены были жить в столице Танского государства. Дети и внуки первых марионеточных каганов Ашина Мише и Ашина Бучженя были женаты на представительницах правящего класса Танского государства, получили соответствующее образование при дворе и уже настолько окитаились, что не могли вызвать доверия у своих кочевых «подданных». В Танском государстве название рода, к которому они принадлежали, а именно рода Ашина, превратилось в фамилию Ашина. Постепенно эта фамилия подверглась сокращению и по своей форме стала чисто китайской фамилией Ши. Это был естественный и закономерный процесс, соответствующий нормам китайского языка. Так, Ашина Сянь стал Ши Сянь, Ашина Хуайдао — Ши Хуайдао, Ашина Синь — Ши Синь и т. д. Интересно отметить, что в Танском государстве эта же фамилия Ши была широко распространена среди согдийских купцов, ремесленников и артистов, значительные колонии которых имелись в столице и других городах. Согдийцы, носившие фамилию Ши, происходили из владения Кеш, от сокращенного названия которого и произошла эта согдийская фамилия. Таким образом, обе фамилии — тюркская и согдийская,— различные по своему происхождению, пишутся с помощью одного иероглифа *ши*, имеющего значение «история; анналы, летописи».

Выше уже упоминалось, что один из сыновей Ашина Юаньцина сотрудничал с тибетцами и был поставлен ими как каган десяти племен. Это был Ашина Туйцзы, старший брат Ашина Сяня, также выступавшего в роли марионеточного кагана, но уже поставленного Танским государством. Поэтому китайские источники именуют Ашина Туйцзы самозваным каганом. Очевидно, во время гибели отца он находился вне досягаемости танских властей, а казнь отца стимулировала его переход на сторону тибетцев. Это не единственный случай использования тибетцами в своих интересах представителей того же рода Ашина.

Чэнь Чжунмянь отмечает, что иероглиф *туй* в имени Ашина Туйцзы очень часто употребляется наравне с иероглифом *во*, имеющим значение «лилипут» и обозначавшим в средние века Японию — Вого. В качестве примера Чэнь Чжунмянь приводит текст из «Суй шу» (гл. 81, с. 13а—15б), где в «Повествовании о государстве Во (Япония)» вместо иероглифа *во* все время употребляется иероглиф *туй* [14, с. 128, примеч. 16]. Возможно, имя этого вождя также следует читать Воцзы — Ашина Воцзы [20]. Почти все марионеточные каганы второго и третьего поколения, выступавшие на стороне Танского государства, имеют явно китайские имена. Что касается Ашина Туйцзы (Воцзы), то его имя вполне можно рассматривать как транскрипцию

[20] Н. Я. Бичурин [1, с. 295] ошибочно читает имя этого вождя как Суйцзы. Вслед за ним его так же читают и многие авторы, пользовавшиеся его переводами, например Л. Н. Гумилев [2, с. 254, 283].

иноязычного (тюркского) слова. Дело в том, что иероглиф *туй* настолько редкий (он встречается только в самых полных словарях типа «Кан-си»), что его трудно представить как имяобразующий элемент. Если же здесь должен стоять иероглиф *во*, то в этом случае можно предположить, что мы имеем дело с китайским прозвищем — карлик, лилипут. Замечу, что в доступных мне китайских словарях, а также в словаре Т. Морохаси, не указывается, что иероглиф *во* имеет значение «карлик, лилипут». Это значение есть только в русских и европейских словарях. Имена двух других представителей рода Ашина, сотрудничавших с тибетцами — Пуло и Бабу, несомненно тюркские.

В китайских источниках очень мало сведений о деятельности Ашина Туйцзы (Воцзы). Мне известны следующие. В СТШ в «Повествовании о туцзюэ» об Ашина Туйцзы (Воцзы) сообщается: «В следующем году (693 г.) племена западных туцзюэ поставили каганом Ашина Туйцзы (Воцзы) и вместе с тибетцами произвели вторжение. Главнокомандующий войсками увэйского направления Ван Сяоцзе сражался с ними у Лэнцюаня в долине Далин и нанес им поражение» [9, гл. 215Б, с. 8а]. Выше, перед этим сообщением, в источнике сообщается о казни Ашина Юаньцина и ссылке в южные районы Танского государства его сына Ашина Сяня. Таким образом, источники совершенно недвусмысленно намекают на существование прямой связи между выдвижением племенами в качестве кагана Ашина Туйцзы (Воцзы) и казнью танскими властями его отца Ашина Юаньцина. Такое развитие событий не отвечало планам танских дипломатов. Самовольное, по терминологии источников [21], выдвижение кагана создавало опасность потери контроля за развитием событий в степи и требовало соответствующих ответных мер. Одной из таких мер, принятых властями, наряду с отказом от признания свершившегося факта, было выдвижение собственного кандидата — Ашина Сяня, о чем подробно говорилось выше. Как известно, Ашина Юаньцин был казнен в 692 г., следовательно, его сын Ашина Туйцзы (Воцзы) стал каганом в 693 г.

О сотрудничестве Ашина Туйцзы (Воцзы) с тибетцами говорится еще в двух текстах. Эти тексты очень короткие, но каждый из них содержит что-либо новое, а вместе они дают возможность составить некоторое представление о событиях, в которых принимал участие Ашина Туйцзы (Воцзы). Так, в СТШ в «Повествовании о Тибете» говорится следующее: «Тогда вождь Бо-лунь-цзань с тюркским (туцзюэским) самозваным каганом Ашина Туйцзы (Воцзы) предпринял вторжение в южном направлении, сразился с [Ван] Сяоцзе у Лэнцюаня; потерпел поражение и ретировался» [22] [9, гл. 216А, 6а]. Как известно, в «повествованиях» и «жизнеописаниях», помещенных в династийных хрониках, описываемые события датируются очень редко, нет даты и в приведенном выше сообщении. Дата этого столкновения устанавливается по «Основным анналам» СТШ, где сказано: «В день цзи-мао второго месяца 1-го года эры правления Янь-цзай (26.I.694) главнокомандующий войсками увэйского направления Ван Сяоцзе сражался с тибетцами у Лэнцюаня и нанес им поражение» [9, гл. 4, с. 7б]. Чэнь Чжунмянь приводит еще одно сообщение об этом сражении из «Тун дяня», содержащее интересные подробности: «Во втором месяце [1-го года эры правления Янь-цзай] (2—30.I.694) командующий войсками увэйского направления Ван Сяоцзе разбил [вождя] тибетцев Бо-лунь-цзань-жэня и тюркского кагана Ашина Туйцзы (Воцзы) у Лэнцюаня и Далина, у каждого было по 30 000 и более человек» [14, с. 67].

Во всех приведенных выше текстах ничего не сообщается о характере

[21] Выше говорилось, что после проведения «районирования» все выступления кочевников против танских войск рассматривались при дворе как мятежи. Выдвижения же каганов и других вождей, выступавших против Танского государства, квалифицировались как самовольные акты, а каганы именовались самозваными и незаконными.

[22] Установить местонахождение упомянутого здесь пункта Лэнцюань (Холодный источник) и еще одного — Далин (Большой хребет) не удалось. Надо отметить, что в СТШ второй пункт именуется Далин, но пишется иероглиф *лин* — «шея; воротник; вести, руководить».

взаимоотношений Ашина Туйцзы (Воцзы) с тибетцами, их можно даже рассматривать как равноправные, союзнические, направленные против общего врага — Танского государства. Однако против такой трактовки этих связей свидетельствует вся обстановка в регионе. Слишком неравными были силы этих союзников. С одной стороны — могущественная тибетская держава, осуществлявшая широкие завоевательные акции и простершая свое влияние до Семиречья, с другой — отпрыск некогда правящего рода тюрок туцзюэ Ашина, вряд ли имевший под своим началом сколько-нибудь значительный отряд соплеменников, ведь значительная часть его родичей перешла на службу к Танскому государству.

Такое понимание взаимоотношений тибетцев с Ашина Туйцзы (Воцзы) находит подтверждение и в китайских источниках. Так, в жизнеописании Го Юаньчжэня, большая выдержка из которого приведена в конце статьи, говорится, что Ашина Туйцзы и еще два представителя этого рода западных туцзюэ были объявлены каганами при поддержке тибетцев, т. е. они были тибетскими марионетками и с их помощью тибетцы пытались проникнуть и закрепиться на землях бывшего Западнотюркского каганата. Они также выступали вместе с тибетцами и против попыток проникновения Танского государства в эти районы.

Во всех приведенных выше текстах описывается одно и то же столкновение тибетских и туцзюэских войск с танскими, другими словами, в распоряжении ученых имеется одно сообщение, но в четырех редакциях. В жизнеописании Го Юаньчжэня один из трех марионеточных каганов, выдвинутых тибетцами, а именно Ашина Туйцзы (Воцзы), упоминается еще дважды в связи с совместным выступлением государства Баханьна (Фергана) и тибетцев против четырех гарнизонов. Вот что говорится в этом сообщении: «Ху из государства Баханьна (Фергана) были не в состоянии нарушить границу; на юге они тайно сговорились с тибетцами и тогда с [Ашина] Туйцзы (Воцзы) вновь совершили набег на четыре гарнизона» [12, гл. 97, с. 6а]. В кратком жизнеописании Го Юаньчжэня, имеющемся и в СТШ [9, гл. 122, с. 16б], нет расхождений в сведениях, касающихся представителей рода Ашина.

В жизнеописании Го Юаньчжэня называются еще два представителя тюркского правящего рода Ашина, сотрудничавших с тибетцами, это Ашина Пуло и Ашина (?) Бабу. Ашина Пуло был младшим дядей Ашина Сяня, т. е. младшим братом его отца Ашина Юаньцина [12, гл. 97, с. 5б]. Никаких сведений о деятельности этого вождя, в том числе и о связях Ашина Пуло с тибетцами, кроме приведенного выше утверждения источника о выдвижении его тибетцами, обнаружить не удалось. Трудно составить более или менее точное представление о времени, когда он активно выступал на арене междоусобной борьбы, и о том, как закончилась его карьера. Можно лишь высказать предположение, что его сотрудничество с Тибетом также было вызвано убийством в конце 662 г. его брата Ашина Юаньцина. В жизнеописании Го Юаньчжэня сообщается, что и он был поставлен тибетцами каганом западных тюрок, но нет сведений, когда это произошло, как долго он играл эту роль и в каких отношениях в связи с этим находился со своим племянником Ашина Туйцзы (Воцзы). В упомянутом выше тексте, извлеченном из жизнеописания Го Юаньчжэня, каганы, назначенные тибетцами, перечисляются в следующем порядке: Туйцзы (Воцзы), Пуло и Бабу. Полный перевод этого интересного текста см. в конце статьи.

В источниках встречается еще одно упоминание имени Пуло — в ЦФЮГ, где говорится: «В день дин-вэй одиннадцатого месяца 6-го года [эры правления Кай-юань] (14.XII.718) Аши[на] тэлэ (тегин) Пуло представил на высочайшее имя доклад с жалобой...» [13, гл. 999, с. 14б]. В этом тексте, конечно, не может идти речь о том же самом тюркском вожде Ашина Пуло, который сотрудничал с тибетцами и был младшим братом убитого в 662 г. танского марионеточного кагана Ашина Юаньцина. С момента гибели Ашина Юаньцина прошло 58 лет и едва ли он смог бы дожить до этих дней. Сян Да в своей книге несколько раз упоминает это имя и пишет, что Пуло был младшим братом тохаристанского вождя Надукуанли (китайская

транскрипция) [10, с. 26, 33, примеч. 55] [23]. В приведенном выше тексте из ЦФЮГ в оригинале стоят только два первых иероглифа *а + ши* из обычной китайской транскрипции тюркского родо-племенного названия *ашина*. Аналогичных описок в ЦФЮГ очень много, и естественно было предположить, что в данном тексте пропущен иероглиф *на*. Можно также отметить, что имя Пуло, возможно, было широко распространено не только в Центральной, но и в Средней Азии.

Совершенно ничего не известно о Бабу, третьем ставленнике тибетцев. Нигде не говорится, что он был представителем рода Ашина. Чэнь Чжунмянь в своем списке представителей рода Ашина, составленном по китайским источникам, предположительно относит и его к этому роду, к потомкам кагана Истеми. Как мне кажется, единственным основанием для этого послужил тот факт, что тибетцы использовали его наравне с другими, несомненными представителями правящего рода Ашина, в качестве своего марионеточного кагана [14, с. 124, 126].

Очень своеобразно изложена политическая история Западнотюркского каганата с момента распада единого тюркского государства в 603 г. и до 740 г. в «Истории Казахской ССР». Авторы «забыли» упомянуть имя Ашина Хэлу, крупнейшего вождя западных тюрок, пытавшегося восстановить его могущество. Поражение Хэлу в 658 г. привело к окончательному распаду этого государства. Очень коротко касаясь истории западных туцзюэ после 658 г. уже в связи с историей тюргешей, авторы упоминают двух западнотюркских «каганов». Приведу эти высказывания. «Междоусобные распри в Западнотюркском каганате, военно-политические акции китайского императорского двора... способствовали тому, что власть кагана слабела и постепенно оказалась номинальной. Племена, входившие в состав „десяти стрел", все чаще выступали уже не от имени каганата, а под своим собственным флагом. В то время, когда взошедший на престол в 694 г. Ашина Туйцзы в союзе с тибетцами предпринимал попытки организовать сопротивление китайским войскам на востоке, в самом Семиречье... возвышение тюргешей в условиях раздробленности и бегства кагана Хусэло не было неожиданностью» [3, с. 332—333]. Эти цитаты свидетельствуют, что авторы предполагают существование в то время более или менее правильного престолонаследия, чего в действительности не было, а упомянутые «каганы» были марионетками — один тибетской, а другой танской. Да и «царствовали» они в одно время: Ашина Туйцзы с 693 г. (дата его смерти неизвестна), а Ашина Хусэло с 690 по 704 г.

В жизнеописании Го Юаньчжэня имеется очень любопытная оценка деятельности каганов из рода Ашина, сделанная им в докладе императору: «Однако отец [Ашина] Сяня, [Ашина] Юаньцин, его младший дядя [Ашина] Пуло, старший брат [Ашина] Туйцзы (Воцзы), а также [Ашина] Хусэло и [Ашина] Хуайдао, разве все они не потомки кагана? В четырех гарнизонах их беки и десять племен были неспокойны, просили поставить [Ашина] Юаньцина каганом; в результате он не смог принудить десять племен к повиновению. Когда же приказали [Ашина] Юаньцину уничтожить грабителей, четыре гарнизона были потеряны. В течение последних нескольких лет [Ашина кюль чур] Чжунцзе [24] просил назначить каганом [Ашина] Хусэло, [а затем] и [Ашина] Хуайдао, которые также не могли принудить к повиновению десять племен; когда же [одного из них] послали в Суяб, то он был

[23] Согласно Э. Шаванну [8б, с. 157, 200, 287], Na-tou-ni-li или P'an-tou-ni-li — джабгу Тохаристана.— *Примеч. отв. ред.*

[24] Видный вождь тюргешей. При Учлике был кюль чуром. После смерти Учлика у него возникли разногласия с Согэ, ставшим каганом. Чжунцзе вынужден был бежать в Танское государство. Пытался с помощью подкупленного им первого министра Цзун Чукэ организовать нападение на Согэ и с этой целью также договорился с тибетцами. Однако этот план был раскрыт и Согэ опередил его, напав в 708 г. через Кучу, Бохуань (район современного Аксу), Карашар и Кашгар на земли, подведомственные наместничеству Аньси. Во время этого рейда был захвачен Ашина Чжунцзе и погиб наместник Аньси Ню Шицзян. Фамилию Ашина этот вождь получил еще при существовании Западнотюркского каганата. В китайских источниках он именуется также Ашина Чжунцзе, Кюль чур Чжунцзе или просто Чжунцзе (Чжунцзе — его китайское имя).

в окружении несколько лет, воины голодали. Да и тибетцы за последние несколько лет одного за другим ставили каганами [Ашина] Туйцзы (Воцзы) и [Ашина] Пуло, а также Бабу, и тоже не могли привлечь десять племен. Все они сами собой исчезли. Почему? Эти потомки не имели талантов оказывать благодеяние низшим, доброе отношение и справедливость прервались, поэтому сердца людей не обратились к ним» [12, гл. 97, с. 5б].

Все, что было сказано здесь о провале многочисленных попыток использовать продажных вождей из рода Ашина для порабощения западных тюрок туцзюэ, свидетельствует только о том, что западные тюрки не хотели подчиняться ни танским, ни тибетским марионеткам. Свободолюбие кочевников поражает, тем более что в это время они вели очень трудную борьбу на четыре фронта. Заключительная часть цитаты, в которой Го Юаньчжэнь пытается объяснить причину провала всех планов танских стратегов, до некоторой степени перекликается с приведенным выше текстом из СТШ [9, гл. 215Б, с. 7б], в котором провал деятельности первых танских марионеток, Ашина Мише и Ашина Бучженя, объясняется их личными качествами — бездарностью. Крупный сановник и видный военный и политический деятель своей эпохи, каким был Го Юаньчжэнь, мог объяснить провал политики Танского государства только в соответствии с конфуцианскими догмами. Он не мог писать о борьбе кочевников за свою свободу: такое изложение причин провала всех усилий было бы крамольным, ибо в основе всех внешнеполитических представлений правящей верхушки Срединного государства лежала идея предопределенного самим Небом подчиненного положения всех «варваров». Более того, в соответствии с этими концепциями сами «варвары» стремились приобщиться к благам ханьской цивилизации.

В статье была предпринята попытка проанализировать по возможности все свидетельства китайских источников, касающиеся марионеток из рода Ашина. Приведенные материалы говорят о том, что использование марионеток не дало ощутимых выгод ни Танскому государству, ни Тибету. Более того, результаты изучения этой частной проблемы дают возможность сделать и более широкие выводы, свидетельствующие о том, что прочной и постоянной власти Танского государства не существовало даже на части территории бывшего Западнотюркского каганата. Были отдельные изолированные гарнизоны, охраняемые танскими войсками; танские войска, а чаще их марионетки, совершали более или менее успешные рейды в глубь территорий каганата, чтобы покарать непокорных, но такие вылазки ничего не меняли. На этих территориях шла непрерывная борьба среди племен, входивших в состав Западнотюркского каганата, в результате которой сформировался тюргешский каганат. Помимо Танского государства в дела этого региона вмешивались тибетцы и Второй восточнотюркский каганат, стремившиеся также поставить его под свой контроль.

1. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.— Л., 1950.
2. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967.
3. История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Т. 1. А.-А., 1977.
4. Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
5. Малявкин А. Г. Историческая география Центральной Азии. Новосибирск, 1981.
6. Малявкин А. Г. Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии.— Дальний Восток и соседние территории. Новосибирск, 1980.
7. Очерки истории Китая с древности до «опиумных» войн. М., 1959.
8. Ханыков Н. Записки по этнографии Персии. М., 1977.
8а. Шефер Э. Золотые персики Самарканда. М., 1981.
8б. Chavannes Ed. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux. St.-Pbg., 1903 (Труды Орхонской экспедиции. 6).
8в. Marquart J. Eränsahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i. B., 1901.
9. Синь Тан шу (СТШ) (Новая хроника государства Тан).— Эрши сы ши (Двадцать четыре династийные хроники). Т. 13. Пекин, 1958.
10. Сян Да. Тан дай Чанъань юй Сиюй вэньмин (Чанъань в эпоху Тан и культура Западного края). Пекин, 1957.

11. Тан хуэйяо (ТХЯ) (Сводное обозрение Танского государства). [Б. м., б. г.].
12. Цзю Тан шу (ЦТШ) (Старая хроника государства Тан).— Эрши сы ши (Двадцать четыре династийные хроники). Т. 12. Пекин, 1958.
13. Цэфу юаньгуй (ЦФЮГ) (Энциклопедия «Сокровищница книг большой черепахи»). Пекин, 1960.
14. Чэнь Чжунмянь. Си туцзюэ шиляо буцюэ цзи каочжэн (Дополнения и исправления к «Материалам по истории западных тюрок»). Пекин, 1958.
15. Чэнь Чжунмянь. Туцзюэ цзиши (Свод материалов по истории тюрок). Пекин, 1958.
16. Морохаси Т. Дай кан-ва дзитен (Большой китайско-японский словарь). Т. 1—13. Токио, 1966—1968.

О. Ф. Акимушкин

ХРОНОЛОГИЯ ПРАВИТЕЛЕЙ ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ЧАГАТАЙСКОГО УЛУСА

(линия Туглук-Тимур-хана)

Введение

В 747/1346 г. в борьбе с военно-кочевой аристократией тюркских племен Мавераннахра погиб Казан-хан — последний из Чагатаидов, чья власть признавалась во всем улусе Чагатая. Спустя год (в 748/1347 г.) эмиры восточной части улуса возвели на престол Туглук-Тимура, объявив его внуком Дува-хана [1].

Восточная часть этого удела состояла из собственно Моголистана («страны монголов»), который в исторических хрониках конца XIV—XV в. на персидском языке именуется Джете или страной Джете, т. е. страной разбойничьей вольницы [5, с. 154, 265]. В территориальном отношении этот обширный регион был ограничен Сырдарьей, Сарысу, Балхашем, Иртышом и южными склонами Центрального Тянь-Шаня. Именно эти оптимальные пределы Моголистана находим мы у мирзы Мухаммад-Хайдара Дуглата в его труде «Та'рих-и Рашиди», окончательно завершенном 3 марта 1546 г.: «Вместе с тем то, что в настоящее время называют Моголистаном, как в длину, так и в ширину [— это есть страна] на семь-восемь месяцев пути. На востоке она граничит со страной калмаков, это — Барс-Куль, Эмиль и Иртыш; на севере она ограничена Кукче-Тенгизом [т. е. Балхашем], Бум-Лишеш и Караталом; на западе ее находятся Туркестан и Ташкент; а на юге — область Ферганы, Кашгар, Чалыш и Турфан» [13, I, л. 195а; 18, с. 365; 4, с. 170; 9, с. 219].

Следовательно, в пределы Моголистана никогда не входила культурная область Восточного Туркестана со своими древними городами (видимо, за исключением Аксу). Это разделение было известно авторам персоязычных хроник XV в., которые его четко зафиксировали в своих трудах [1, л. 108б; 12, № 407]. Однако с течением времени в более поздних источниках (например, у того же Мухаммад-Хайдар Дуглата) под воздействием определенных исторических событий наблюдается ретроспективное смещение: границы региона значительно сужаются, и он практически сводится к территории Семиречья и Или-Иртышского междуречья [2].

Другой составной частью улуса Чагатая на востоке была область Манглай-Субе («Авангардная область»), которая, по утверждению Мухаммад-Хайдара Дуглата, являлась наследственным владением дуглатских эмиров-вассалов чагатайских ханов и границы которой он определяет следую-

[1] Шараф ад-Дин Йазди, Гийас ад-Дин Хондамир и Махмуд б. Вали называют его сыном Эмил-ходжи сына Дува-хана, но Захир ад-Дин Бабур и мирза Мухаммад-Хайдар Дуглат считают его отцом другого сына Дува-хана — Эсен-Бугу. Последнее является явным анахронизмом, так как Эсен-Буга умер задолго до рождения Туглук-Тимура. О всех указанных авторах и их трудах см. [3, с. 19; 9, с. 185—191; 10, с. 128—129; 11, л. 30а—32а; 12, № 465—466; 13, I, л. 6а—6б, 7б, 9а—9б, 14а; 14, ч. 1, с. 383—393, ч. 2, с. 797—807, 828—838, 1202—1206, 1135—1138; 18, с. 6—9; 20].

[2] Подробнее см. [16, с. 81—82].

щим образом: «Ее восточной границей является Кухистан и [она продолжается] до Букура; западной границей — Самгур и Чакисман, что есть конец области Ферганы; на севере ее находится Иссык-Куль, а на юге — Черчен и Сариг-Уйгур» [13, I, л. 7а; 18, с. 7]. Таким образом, владение дуглатов практически включало в себя значительную по размерам область, которая в этно-территориальном отношении обычно называлась в отечественной и зарубежной литературе Кашгарией, Алтышаром («Шестиградье») или Восточным Туркестаном, что одинаково равнозначно. При этом северные границы области заходили в пределы собственно Моголистана [3].

Следует иметь в виду, что приведенные выше оптимальные границы восточной части улуса, где правили подлинные либо мнимые потомки Чагатая, не были всегда строго фиксированными и постоянными. Политические бури, вызванные походами Тимура и его мавераннахрских преемников, движением калмаков, миграцией узбек-казаков и киргизов, наконец, походами узбеков, сменивших Тимуридов, расшатывали и ослабляли ханскую власть, сужали и размывали границы территории улуса, пока, в конце концов, полностью не вытеснили Чагатаидов из Моголистана. Последний был поделен между узбеками, узбек-казаками и киргизами, а Чагатаиды почти на два века закрепились в Восточном Туркестане [4].

В этом сравнительно коротком по времени (около 60 лет) процессе необходимо отметить следующие моменты:

1. Вплоть до 885/1480-81 г. Чагатаиды (иногда номинально) управляли всей восточной частью улуса, т. е. Моголистаном, Турфанским округом (включая Кусан) и Манглай-Субе. Однако в указанном году дуглатский эмир Аба Бакр б. Саниз-мирза воссоединил под своей властью все наследие дуглатов и дважды нанес поражение объединенным силам Йунус-хана (873—892/1468—1487) и своего дяди Мухаммад-Хайдар-мирзы, вследствие чего власть могольского хана распространялась теперь только на две первые отмеченные области.

2. После смерти Йунус-хана (892/1487 г.) власть его старшего сына Султан-Махмуда — номинального всемогольского хана — признавалась только в западной части Моголистана (районы, граничащие с Ферганой, Ташкентом и Туркестаном), а в центральной и восточной частях (Семиречье и Или-Иртышское междуречье), а также в Турфанском округе прочно утвердился после десятилетней борьбы с калмаками и узбек-казаками пришедший сюда около 890/1485 г. младший сын Йунус-хана Султан-Ахмад-хан. Любопытный штрих: среди могольских эмиров он слыл поборником старых степных традиций в отличие от своего отца и старшего брата, тяготевших к городам. Когда Йунус-хан направился к Сайраму, большинство моголов откололись от него и вместе с Султан-Ахмадом ушли на восток в степи. Этот акт не вызвал каких-либо карательных акций со стороны Йунус-хана, поскольку моголами правил его младший сын.

3. После смерти Султан-Ахмад-хана (909/1504 г.), захвата в том же году Аксу — зимней резиденции покойного хана — эмирами мирзы Аба Бакра, которые изгнали оттуда Мансур-хана — старшего сына и преемника Султан-Ахмад-хана, гибели в 914/1508-09 г. около Ходжента Султан-Махмуд-хана, поражения в битве при Чарун-Чулане, понесенного Султан-Са'идом и Султан-Халилем от старшего брата Мансур-хана, и последующей гибели Султан-Халила в Андижане в том же году Чагатаиды в лице представителя младшей линии, т. е. Мансур-хана, смогли удержать власть только на востоке Моголистана и в Турфанском округе (включая Кусан) [5].

4. В 920/1514 г. Султан-Са'ид-хан разбил мирзу Аба Бакра Дуглата и образовал новое государство с центром в Яркенде, которое впоследствии получило название Могольское государство, либо Могулийа, и в которое вошли все области Восточного Туркестана, кроме Турфанского округа. Ста-

[3] Отметим, что Турфанское владение было присоединено к улусу Хызр-ходжой-ханом в конце XIV в. [13, I, л. 426; 18, с. 52].

[4] Подробнее см. [2, с. 9].

[5] Подробнее см. [2, с. 6—9].

тус-кво был закреплен в соглашении между двумя братьями Султан-Са'ид-ханом и Мансур-ханом в 922/1516 г., согласно которому весь регион был разделен на два независимых владения с центрами в Яркенде и Турфане, причем старшим ханом номинально признавался Мансур-хан [13, I, л. 69б]. До 928/1521-22 г., когда в Центральный и Восточный Моголистан возвратились откочевавшие из улуса мангытов узбек-казаки, первый относился к владениям Султан-Са'ид-хана, а второй — Мансур-хана. Вместе с тем после 944/1537-38 г. в результате побед, одержанных 'Абд ар-Рашид-ханом в союзе с узбеками над узбек-казаками, Прииссыккулье и большая часть Семиречья, видимо, вновь вошли в сферу влияния могольских ханов, которому они не давали ослабнуть до начала 90-х годов XVI в., постоянно отправляя в эти районы военные экспедиции [6]. Сказанное выше, конечно, не означает, что Центральный Моголистан был подчинен ханами Могольского государства. Для этого у них не было ни сил, ни средств, ни опоры на местах.

5. В истории Могольского государства мы можем отметить только два периода, когда власть хана, сидевшего в Яркенде, распространялась также и на Турфанский округ, в состав которого до начала 70-х годов XVI в. входил Кусан (Куча). Это 70—90 годы XVI в.— время правления 'Абд ал-Карим-хана б. 'Абд ар-Рашид-хана и 40—60-е годы XVII в.— время правления 'Абдаллах-хана б. 'Абд ар-Рахим-хана. Остальное же время Турфанское владение было по существу независимым ханством, которым правили ханы — представители той же младшей линии Чагатаидов.

Имеющиеся источники позволяют проследить хронологию Чагатаидов линии Туглук-Тимур-хана от 748/1347-48 г. до 1107/1695-96 г. После гибели в 1107/1695-96 г. Мухаммад-Му'мин (Акбаш)-хана вся борьба за власть велась между двумя группировками ходжей — белогорскими, опиравшимися на Кашгар, и черногорскими, владевшими Яркендом. Эта шедшая с переменным успехом борьба продолжалась до завоевания маньчжурскими войсками в 1756 г. Восточного Туркестана.

Источники

Основными и наиболее надежными источниками для всего этого периода являются: 1) «Тарих-и Рашиди» Мухаммад-Хайдара Дуглата, завершенная в 1546 г.; 2) «Хроника» местного автора Шах-Махмуд б. мирза Фазил Чураса, составленная между 1673 и 1676 гг. и задуманная автором как продолжение «Тарих-и Рашиди»; 3) «Анис ат-талибин» того же автора — агиографическое сочинение (в своей последней части [7]), завершенное, видимо, в 1107/1696 г.; 4) Анонимная «История Кашгарии», или «Та'рих-и Кашгар», написанная на местном тюркй вскоре после 1107/1696 г. Ее содержание было подробно изложено В. В. Бартольдом [6, с. 174—181] и через посредство последнего широко использовано М. Хартманом [17, с. 195—288].

Для самого раннего периода сведения Мухаммад-Хайдара Дуглата, отличающиеся определенной сбивчивостью хронологии, существенно корректируются данными персидских источников эпохи Тимуридов. Это труды Му'ин ад-Дина Натанзи [8], Шараф ад-Дина 'Али Йазди, 'Абд ар-Раззака Самарканди, который в интересующем нас аспекте следует за сочинением Натанзи и «Маджма' ат-таварих» (четвертый том) Хафиз-и Абру [9], Гийас ад-Дина Хондамира, который в 3-м томе «Хабиб ас-сийар» широко пользуется

[6] Последний известный нам поход в Центральный Моголистан был совершен ок. 1000/1591-92 г. будущим ханом Мухаммедом [15, с. 169].

[7] Издана [15, с. 331—344].

[8] Сочинение этого автора известно в двух редакциях: первая (без названия) закончена в Ширазе в 816/1413 г. и посвящена правителю Фарса Искандер-султану, вторая завершена в Герате и поднесена Шахруху в 817/1414 г. Эта редакция получила название «Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини». Мы пользовались списком первой редакции по рукописи из собрания ИВАН СССР С 381 [12, № 242; 10, с. 112—113]. Об авторе сочинений и сохранившихся рукописях, а также литературу о них см. [14, с. 339—341].

[9] Эта часть носит особое название — «Зубдат ат-таварих-и Байсункури» [14, с. 341—349].

материалами, почерпнутыми у своих предшественников и у Захир ад-Дина Бабура [10].

Для более позднего периода (после 1546 г.) сведения Шах-Махмуда Чураса и анонимного тюркского историка дополняются и корректируются данными труда Махмуда б. Вали и хрониками на персидском языке, написанными в Индии в XVI—XVIII вв. Такими, как «Акбар-наме», «Падшах-наме», «'Аламгир-наме», «Ма'асир-и 'Аламгири» и др. [11].

Список правителей*

1. 748/1347-48 —Туглук-Тимур б. Эмил-ходжа [1].
2. 764/1362-63 —Илйас-ходжа б. Туглук-Тимур (убит дуглатским эмиром Камар ад-Дином в 765/1363-64 г.) [2] Смуты.
3. Не позднее 791/1389 —Хизр-ходжа б. Туглук-Тимур [3].
4. Ок. 802/1399-1400 —Шам'-и Джахан б. Хизр-ходжа [4].
5. 810/1407-08 —Мухаммад б. Хизр-ходжа.
6. 818/1415-16 —Накш-и Джахан б. Шам'-и Джахан.
7. 821/1418 —Вайс (Увайс) б. Шир-'Али оглан.
8. 824/1421 —Шир-Мухаммад б. Мухаммад-хан.

   828/1424-25 —Вайс (Увайс) б. Шир-'Али оглан (*вторично*; убит в 831/1428 г.) [5].
9. Ок. 833/1429-30 —Эсен-Буга б. Вайс (Увайс)-хан [6].
10. 866/1461-62 —Дуст-Мухаммад б. Эсен-Буга (Центральный и Восточный Моголистан, Турфанское владение).

    873—877/1468—1473 —Кебек-Султан оглан б. Дуст-Мухаммад (Турфанское владение).
11. 873/1468-69 —Йунус б. Вайс (Увайс)-хан (862—873/1458—1469 гг., правитель Западного Моголистана) [7].
12. 892/1487 —Султан-Махмуд б. Йунус-хан (Западный Моголистан, убит в 914/1508-09 г.) [8].

    Не позднее 890/1485 —Султан-Ахмад (Алача-хан) б. Йунус-хан (Центральный и Восточный Моголистан, Турфанское владение, умер в 909/1504 г.) [9].
13. 907/1501-02 —Мансур б. Султан-Ахмад (Алача)-хан (Восточный Моголистан (до 928/1522 г.), Турфанское владение, умер в 950/1543-44 г.) [10].
14. 13 раджаба 920/3 сентября 1514 —Абу-л-Фатх Султан-Са'ид б. Султан-Ахмад (Алача)-хан (Центральный Моголистан (до 928/1522 г.), Могольское государство) [11].
15. 1 мухаррама 940/23 июля 1533 —Абу-л-Музаффар 'Абд ар-Рашид б. Султан-Са'ид (Центральный Моголистан (с 944/1537-38 г.), Могольское государство) [12].

    949/1542-43 —Шах-хан б. Мансур-хан (Турфанское владение) [13].
16. 967/1559-60 —'Абд ал-Карим б. 'Абд ар-Рашид (Центральный Моголистан, Могольское государство, Турфанское владение (с 70-х годов XVI в.) [14].

---

[10] Об этих сочинениях см. примеч. 1.

[11] Разбор и сопоставление этих источников см. [15, с. 112—119, 306—307, 318—323].

* Комментарии к Списку правителей см. в конце статьи. Генеалогическая таблица по техническим причинам помещена в конце книги (с. 234—235).

978/1570 —Мухаммад б. Мансур-хан (Турфанское владение) [15].

17. 1000/1591-92 —Мухаммад б. ʿАбд ар-Рашид (Могольское государство) [16].

18. 1018/1609-10 —Шуджаʿ ад-Дин Ахмад б. Мухаммад [17].

19. Ок. 1028/1618-19 —ʿАбд ал-Латиф (Апак-хан) б. Шуджаʿ ад-Дин Ахмад [18].

20. Ок. 1040/1630-31 —Султан-Ахмад (Фулад-хан) б. Зийа ад-Дин Ахмад-султан (Тимур-султан) [19].

21. 1042/1632-33 —Султан-Махмуд (Кылыч-хан) б. Зийа ад-Дин Ахмад-султан (Тимур-султан) [20].

1045/1635-36 —Султан-Ахмад (Фулад-хан) б. Зийа ад-Дин Ахмад-султан (*вторично*).

22. 1048/1638-39 —ʿАбдаллах б. ʿАбд ар-Рахим-хан (Могольское государство, Турфанское владение (до 60-х годов XVII в.) [21].

23. 1078/1668 —Йулбарс-хан б. ʿАбдаллах (часть государства с Кашгаром и Яркендом) [22].

24. 11 зу-л-каʿда 1080/2 апреля 1670 —Исмаʿил-хан б. ʿАбд ар-Рахим (с 1078/1668 г. владел Учем, Аксу, Баем и Кусаном) [23].

25. 1091/1680 —ʿАбд ар-Рашид б. Султан-Саʿид Баба-хан.

26. ? —Мухаммад-Эмин б. Султан-Саʿид Баба-хан (убит ок. 1104/1692-93 г.)

27. Ок. 1106/1694-95 —Мухаммад-Муʾмин (Акбаш-хан) б. Султан-Саʿид-Баба-хан (убит в 1107/1695-96 г.) [24].

Комментарии к Списку правителей

[1] Дата — [8, с. 300; 19, с. 272]. О появлении Туглук-Тимура на политической арене и его правлении см. [7, с. 79—80].

[2] О его гибели от руки Камар ад-Дина говорят Муʿин ад-Дин Натанзи [10, л. 248а] и Махмуд б. Вали [11, л. 35б—36а]. Первый приводит также год гибели. Согласно Мухаммад-Хайдару [13, I, л. 26б], Илйас-ходжа-хан умер малолетним и его правление было столь кратковременным, что о нем нет упоминаний в могольских преданиях. Дата гибели не приводится ни у Лэн-Пуля [8, с. 300], ни у Цамбаура [19, с. 272].

[3] О «чудесном» спасении, жизни и деятельности Хизр-ходжи-хана см. [7, с. 82—84] (изложено по Мухаммад-Хайдару). Шараф ад-Дин Йазди отмечает его как хана в описании событий 791/1389 г. [10, с. 141—142]. Согласно Натанзи [10, с. 129], он умер в 799/1396-97 г. после 30 лет правления. У Шараф ад-Дина Йазди и ʿАбд ар-Раззака Самарканди известие о его смерти помещено в описании событий 802/1399-1400 г. [10, с. 146, 157]. Хондемир [20, с. 484] следует за последним. Лэн-Пуль [8, с. 300] и Цамбаур [19, с. 272] приводят 791 г.х.— вступление на трон, 801 г.х.— год смерти.

[4] Лэн-Пуль [8, с. 300] и Цамбаур [19, с. 272] приводят дату восшествия 801/1399 г. Ср. выше, примеч. 3.

[5] Даты приведены согласно Лэн-Пулю [8, с. 300] и Цамбауру [19, с. 272]. О политических событиях см. [7, с. 84—87]. Цамбаур [19, с. 272] приводит дату гибели Вайс (Увайс)-хана.

[6] Дата предположительна, выведена из следующего: Мухаммад-Хайдар [13, I, л. 41а] сообщает, что он был провозглашен всемогольским ханом после того, как его старший брат Йунус был уведен своими сторонниками в Самарканд к Улугбеку. Йунусу в то время было 13—14 лет, а родился он в 818/1415-16 г. [13, I, л. 62б]. Лэн-Пуль [8, с. 300] и Цамбаур [19, с. 272] дают 838/1434-35 г.; см. также [7, с. 87—88]. Японский ученый Мано Эйджи

полагает, что Вайс (Увайс)-хан умер не в 1428 или 1429 г., а в 1432 г. См. [17а, с. 47, примеч. 4].

[7] Даты по Лэн-Пулю и Цамбауру [8, с. 300; 19, с. 272]. У Цамбаура ошибочно: Йусуф б. Увайс. После того как Йунус был разбит под Кашгаром Эсен-Бугой, его резиденцией стал г. Ятикент на границе с Ферганой, откуда он управлял Западным Моголистаном [13, I, л. 45б]. После смерти Дуст-Мухаммад-хана в 873/1468-69 г. Йунус занял Аксу и был признан ханом моголов [13, I, л. 48а—48б]. О перипетиях его жизни см. [7, с. 88—89]. Ко времени своей смерти в Ташкенте в 892/1487 г. он управлял практически лишь Западным Моголистаном, поскольку владения дуглатов (Манглай-Субе) были им потеряны в 885/1480-81 г., а в Центральном и Восточном Моголистане и Турфанском округе ханствовал его младший сын Султан-Ахмад с 890/1485 г.

[8] Родился в 868/1463-64 г. [13, I, л. 57б], после смерти отца был признан как старший в роде номинальным всемогольским ханом, управлял только западной частью Моголистана. О всех перипетиях его жизни и правления см. [7, с. 89—91; 2, с. 6—11]. Следует отметить, что под Ходжентом в 914/1508-09 г. по приказу Шейбани-хана были убиты не все его дети. Старший сын по имени Султан-Мухаммад-султан находился в то время в Дашт-и Кипчак у Бурундук-хана и Касим-хана. Его нукеры, полагая, что при Шейбани ему будет лучше, привезли его в Ташкент, где он и был убит [13, I, л. 91б].

[9] Родился в 870/1465-66 г. [13, I, л. 66а]. В 890/1485 г., в то время, когда Йунус-хан направлялся к Сайраму, был уведен большинством могольских эмиров в степи Моголистана, где он после десятилетней борьбы с калмаками (ойратами) и узбек-казаками восстановил ханскую власть в Центральном и Восточном Моголистане. В 907/1501-02 г., направляясь на помощь старшему брату — Султан-Махмуд-хану против Шейбани-хана, назначил своего сына Мансура полномочным ханом всех своих владений. Мансур-хан сидел в Турфане. Вскоре после возвращения из неудачного похода против Шейбани-хана Султан-Ахмад-хан умер. Согласно Мухаммад-Хайдару [13, I, л. 67б], это произошло в конце зимы 909/1504 г. в Аксу. По Лэн-Пулю [8, с. 300] и Цамбауру [19, с. 272], он правил до 908/1502-03 г. В источниках нет сведений о том, что после возвращения в Аксу Султан-Ахмад-хан вновь взял в свои руки бразды правления и, хотя Мухаммад-Хайдар [13, I, л. 90б], перечисляя его детей, замечает, что Мансур-хан начал править в 909/1504 г., мы склоняемся к указанной в «Списке» дате начала его правления.

[10] В 922/1516 г. во время встречи Султан-Са'ид-хана и Мансур-хана последний был признан главным ханом, как старший в роду, причем Султан-Са'ид даже обязался бить монету с его именем и упоминать его в *хутбе* [13, I, л. 69б]. Согласно тому же автору [13, I, л. 91а], Мансур-хан назначил старшего сына — Шах-хана своим преемником и отошел от дел. Он умер в 950/1544 г. По Лэн-Пулю [8, с. 300] и Цамбауру [19, с. 272], он правил до своей смерти и, соответственно, та же дата вступления на престол Шах-хана.

[11] Лэн-Пуль [8, с. 300] и Цамбаур [19, с. 272] приводят только годы правления, у последнего ошибочно: Sayyid Khan. Полное имя см. [13, I, л. 5б]. О перипетиях его жизни — [7, с. 90—93; 2, с. 8—9]. Мухаммад-Хайдар приводит две даты его смерти: первая — последний день (*салх*) зу-л-хиджжа 939/22 июля 1533 г. [13, I, л. 76а]; вторая — 16 зу-л-хиджжа 939/9 июля 1533 г. [13, I, л. 81б]. Последняя дата нам представляется предпочтительней. Как известно, он умер от приступа астмы в горах, возвращаясь из похода на Малый Тибет (Ладак), а 'Абд ар-Рашид уже 1 мухаррама 940/23 июля 1533 г., т. е. на следующий день, вступил на престол. Он мог сделать это лишь по получении известия о смерти отца. Принимая во внимание дальность расстояния, за сутки получить такое сообщение он не мог. Правда, тот же автор [13, I, л. 78б] указывает другую дату вступления 'Абд ар-Рашида на престол — 10 мухаррама 940/1 августа 1533 г. Султан-Са'ид-хан вступил на престол в Кашгаре в месяце раджабе 920/августе — сентябре 1514 г. [13, I, л. 74б].

[12] О дате вступления на престол см. выше, примеч. 11, также у Чураса [15, с. 258—259, № 38]. Полное имя см. [13, I, л. 5б]. Дата смерти выведена из сообщения Чураса о числе лет его жизни и правления [15, с. 137]. О других датах, приводимых в различных источниках, см. [15, с. 271, № 69], Лэн-Пуль [8, с. 300] и Цамбаур [19, с. 272] отмечают, что он правил до 978/1570-71 г.

[13] О дате вступления на престол см. выше, примеч. 10, о дате смерти [8, с. 300; 19, с. 272]; см. также Чурас [15, с. 282, № 123 и с. 283, № 124]. На правлении этого хана заканчиваются хронологические таблицы этой династии у Лэн-Пуля и Цамбаура.

[14] Вступил на престол после смерти отца [15, с. 165]. Источники приводят две даты его смерти: конец 999/1591 г. и начало 1000/1591 г. Подробнее см. [15, с. 279, 280, 283, 290, № 117, 118, 127, 164].

[15] Захватил власть в Турфане после гибели брата. Подробнее см. [15, с. 282, № 123].

[16] Вступил на престол спустя три месяца после смерти брата, так как находился в походе на киргизов [15, с. 170, 177, 290, № 164]; см. также [6, с. 175].

[17] Вступил на престол сразу после смерти отца [15, с. 178], правил десять лет и был убит эмирами из семейства Шахи [15, с. 194]. Следовательно, он погиб в 1028/1618-19 г. Источники приводят также две другие даты: 1024/1615 г. и 1026/1617 г. [6, с. 180]. Разбор и сопоставление сведений источников см. [15, с. 297, 204].

[18] Сразу же после убийства Шуджа' ад-Дин Ахмад-хана заговорщики провозгласили ханом в Яркенде Курайш-султана б. Йунус-султана б. 'Абд ар-Рашид-хана. Но он был разбит сторонниками погибшего хана и убит, а его правление длилось девять дней [15, с. 195—199, 297—298, № 208—209].

'Абд ал-Латиф-хан был младшим сыном Шуджа' ад-Дин-хана, старшим был Зийа ад-Дин Ахмад-султан, известный как Тимур-султан и умерший ок. 1023/1614-15 г. [15, с. 293, № 185]. Источники расходятся, определяя дату смерти, на четыре года: от 1036/1626-27 г. до 1040/1630-31 г.

Мы принимаем хронологию Шах-Махмуд Чураса [15, с. 205]. Разбор данных источников см. [6, с. 181—182; 15, с. 304, № 236].

[19] Старший сын Зийа ад-Дин Ахмад-султана (см. примеч. 18); взошел на трон сразу после смерти дяди [15, с. 206; 6, с. 182].

[20] Младший сын Зийа ад-Дин Ахмад-султана; выступил против старшего брата и в 1042/1632-33 г. низложил его [6, с. 182; 15, с. 305, № 241]. Он умер в 1045/1635-36 г. [15, с. 209]. После него вторично стал править Султан-Ахмад-хан.

[21] Потерпев поражение в борьбе за власть с сыном 'Абд ар-Рахим-хана 'Абдаллах-ханом, Султан-Ахмад-хан в 1048/1638-39 г. бежит в Мавераннахр к Имам-Кули-хану. Последний оказывает ему воинскую помощь, но в том же году Султан-Ахмад погибает при осаде Андижана. На престол восходит 'Абдаллах-хан и объединяет под своей властью весь Восточный Туркестан от Турфана, где он до этого правил после смерти отца в 1044/1634-35 г., до Бадахшана [15, с. 210—212, 306—307, № 256—259; 6, с. 182—183].

В 1078/1667-68 г. 'Абдаллах-хан отказывается от власти и бежит в Индию. Эту дату приводят индийские источники, написанные на персидском языке [15, с. 318—319, № 338, с. 319—320, № 344]. Согласно Ма'асир-и 'Аламгири, 'Абдаллах-хан умер в Индии 10 ша'бана 1086/30 октября 1675 г. [15, с. 322, № 361].

[22] Йулбарс-хан захватил власть в Яркенде и был объявлен ханом вскоре после бегства отца в Индию. Ему также подчинился Кашгар, где он до этого правил с титулом хана. Два года спустя он был убит эмирами, которых поддержали калмаки [15, с. 241—244, 321, № 347].

[23] После бегства брата — 'Абдаллах-хана он пришел из Чалыша и подчинил себе Уч, Аксу и Бай. Дата вступления на престол — у Чураса [15,

с. 248]. Исма'ил-хан был низложен знаменитым ойратским предводителем Галдан-Бошокту-ханом (1671—1687). Мы склонны считать, что это произошло в 1091/1680 г., когда ойраты захватили Кашгар и Яркенд [15, с. 323—324, № 363].

[24] Мы располагаем весьма скудными данными источников о правлении последних, отмеченных в данном «Списке» ханов. Известно, что 'Абд ар-Рашид был правителем Турфана, участвовал вместе с младшим братом Мухаммад-Му'мином (Акбаш-ханом) в походе Галдана на Яркенд и был посажен последним на ханский трон. В результате смут он бежал из Яркенда, время его правления неизвестно. Спустя некоторое время на курултае в Яркенде ханом был провозглашен другой сын Султан-Са'ид-Баба-хана — Мухаммад-Эмин, который погиб в борьбе с белогорским ходжой Хидайаталлахом, более известным как Ходжа Афак (ум. 1105/1694 г.). Видимо, хан погиб в конце 1103 или начале 1104/1692 г., поскольку анонимная «История Кашгарии» сообщает, что Ходжа Афак умер спустя полтора года после убийства Мухаммад-Эмин-хана [6, с. 188—189]. Власть в Яркенде и Кашгаре захватили белогорские ходжи в лице Ходжи Афака и его сына Мухаммад-Йахйи, который был убит через полгода после смерти отца [15, с. 49—50, примеч. 88]. Около 1106/1694-95 г. в борьбу за власть включается Мухаммад-Му'мин (Акбаш-хан), он провозглашается ханом, но через год в 1107/1696-97 г. погибает в сражении с кашгарскими киргизами и сторонниками белогорских ходжей под Янги-Хисаром [15, с. 49—50, примеч. 88, с. 323—324, № 363]. В дальнейшем борьба за власть шла с переменным успехом между двумя группировками ходжей — белогорскими и черногорскими. Конец этой борьбе положило маньчжурское завоевание 1756 г.

1. 'Абд ар-Раззак Самарканди. Матла' ас-са'дайн ва маджма' ал-бахрайн, рук. ИВАН СССР С 443.
2. Акимушкин О. Ф. Моголистан, моголы и киргизы в первой половине XVI в. (Заметки по политической истории региона).— ПП и ПИКНВ. XI годичная сессия ЛО ИВАН СССР. М., 1975, ч. I.
3. Бабур-наме. Записки Бабура. [Пер. М. Салье]. Таш., 1958.
4. Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии.— Сочинения. Т. 5. М., 1968.
5. Бартольд В. В. История Туркестана (Конспект лекций).— Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М., 1963.
6. Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан.— Сочинения. Т. 8. М., 1973.
7. Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. — Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М., 1963.
8. Лэн-Пуль С. Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями. Пер. с англ. с примеч. и дополн. В. Бартольда. СПб., 1899.
9. Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). А.-А., 1969.
10. Материалы по истории киргиз и Киргизии. Вып. 1. М., 1972.
11. Махмуд б. Вали. Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар. Фотокопия ИВАН СССР ФВ-82.
12. Миклухо-Маклай Н. Д. Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения АН СССР. Вып. 3. Исторические сочинения. М., 1975.
13. Мухаммад-Хайдар Дуглат. Тарих-и Рашиди, рук. ИВАН СССР В 648 (I); рук. ИВАН СССР С 394 (II).
14. Стори Ч. А. Персидская литература. Био-библиографический обзор. В трех частях. М., 1972.
15. Шāх-Маḥмӯд б. мӣрзā Фāẓил Чурāс. Хроника. Крит. текст, перевод, комментарии, исследование и указатели О. Ф. Акимушкина. М., 1976.
16. Юдин В. П. [Рец. на:] А. М. Мугинов. Описание уйгурских рукописей Института народов Азии АН СССР. М., 1962.— ИАН КазССР, СОН, 1965, № 5.
17. Hartmann M. Der islamische Orient. Berichte und Forschungen. VI—X. B., 1905.

17a. Mano Eiji. Moghülistan.— Acta Asiatica. Tokio, 1978. [Historical Studies on Central Asia in Japan (Special issue)].

18. The Tarikh-i Rashidi of Mirza Muhammad Haidar, Dughlát. A History of the Moghuls of Central Asia. An English Version, ed. with Commentary, Notes and Map by N. Elias. The Translation by E. D. Ross. L., 1905.
19. E. de Zambaur. Manuel de généalogie et chronologie pour l'histoire de l'Islam. Avec 20 Tableaux généalogiques hors texte et 5 Cartes. Hanovre, 1927.
20. Тарих-и хабиб ас-сиййар фи ахбар афрад башар. Та'лиф-и Гийас ад-Дин ибн Хумам ад-Дин ал-Хусайни Хвандамир. Ба мукаддима ба калам-и Джалал ад-Дин Хумайи. Т. 3. Тихран, 1333 [=1954].

Л. А. Чвырь

ОБ ИЗУЧЕНИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ РЕМЕСЕЛ УЙГУРОВ

Совершенно ясно, что самый общий анализ искусства любого народа невозможен без самих произведений искусства. Отсутствие добротных коллекций предметов бытового декоративно-прикладного искусства уйгуров в наших музеях затрудняет его изучение, а роль литературных свидетельств о бытовании тех или иных художественных промыслов и ремесел или отдельных предметов искусства у уйгуров соответственно возрастает. Ни в советской, ни в зарубежной литературе пока не удалось обнаружить более или менее полного очерка народного искусства населения Восточного Туркестана, хотя обилие отдельных, вскользь брошенных замечаний, схематических описаний, фрагментарных заключений и многочисленных путевых зарисовок и фотографий в изданиях конца XIX — начала XX в. создает видимость огромного и разнообразного материала по Восточному Туркестану, который остается «только» собрать и обработать. Именно этой задаче и посвящена предлагаемая статья, преследующая при этом цель разрушить эту иллюзию и четче осознать, что конкретно дает и чего не может дать по нашей теме именно рассматриваемый источник — записки путешественников и ученых, побывавших в Восточном Туркестане в конце XIX — начале XX в. Конечно, ценность подобного этнографического источника изначально дискуссионна, но если письменные раннесредневековые источники донесли до нас обрывки громкой международной славы восточнотуркестанских городов — первоклассных художественных центров Центральной Азии, то, к сожалению, позднесредневековые, даже послемонгольские письменные источники с точки зрения интересов историка материальной культуры еще не анализировались (как, например, это сделано относительно среднеазиатского ремесла XVI в. Р. Г. Мукминовой [25]). Поэтому естественный интерес к судьбе этой мощной художественной традиции в Центральной Азии до сих пор не может быть удовлетворен даже в самых общих чертах, особенно при обращении к позднейшему периоду — концу XIX—XX в. В этих условиях попытка анализа любых, даже самых посредственных (с точки зрения информативности) источников представляется желательной. Извлекая из литературно-этнографических заметок скудные данные о художественных ремеслах Восточного Туркестана, мы вынуждены будем, следуя поэтическому совету, учиться «узнавать углы событий в мгновенной пене слов», ибо на сегодняшний день — это единственный реально доступный вид источника.

Правда, публикации русских, английских, французских, немецких, шведских и других экспедиций и путешественников конца XIX — начала XX в. часто снабжены иллюстрациями, частично относящимися к художественным ремеслам. Однако этот графический материал не охватывает всех отраслей народного искусства Восточного Туркестана, и, кроме того, распределяется неравномерно: одни ремесла освещаются больше, другие — меньше. Например, изображения восточнотуркестанских ковров довольно часты, а воспроизведения орнаментированных кошм или вышивок — уже единичны; довольно часто встречаются фотографии металлических художественных предметов (прежде всего ювелирных украшений, медных сосудов),

но и этот материал весьма не полон, часто плохо видны орнамент, детали формы, техника и пр. К сожалению, на большей части этих прекрасно выполненных (с технической точки зрения) фотографий и рисунков мера наглядности, необходимая для научного анализа, невелика. Рассматриваемый графический материал может служить либо дополнением, средством частичных конкретизаций, либо использоваться для воссоздания самого общего представления о народном искусстве уйгуров, но отнюдь не способен стать основой наших знаний о художественной культуре народов Восточного Туркестана в конце XIX — XX в.

Хотанский оазис — древнейшая крупная культурная область Восточного Туркестана. Сам город Хотан издревле славился своими искусствами и ремеслами; славу города высокой культуры и образованности Хотан сохранил вплоть до XX в. [34, с. 48].

О населении Хотана в XIX — начале XX в. известно немного. Основную, подавляющую часть [1] составляли местные оседлые тюркоязычные хотанцы [34, с. 62] и небольшое (в процентном отношении) по сравнению с ними пришлое население, весьма обычное для крупного торгового города: колонии индийских, бадахшанских, афганских, среднеазиатских купцов [31, с. 456], а также переселенцы из Аксу, Кашгара, Кучи и др. Собственно хотанцы жили не только в самом городе и нескольких небольших соседних городах, но и в сельской местности по всему оазису. В горах, окаймляющих оазис с юга (Куньлунь, Каракорум), жили кочевники, и прежде всего таглыки — родственные равнинным восточнотуркестанцам полуоседлые пастухи, численность которых, как, впрочем, и всех остальных групп населения Восточного Туркестана, доподлинно неизвестна, но которые, по-видимому, в конце XIX — начале XX в. составляли основное население гор Куньлуня [29, с. 166; 11, с. 190]. Сравнительно часто упоминаются в литературе и отдельные кочевья киргизов (в верховьях Яркенд-дарьи, по р. Каракаш и у перевала Санджу) [13, с. 512]. У того же перевала, расположенного на весьма оживленной дороге между Южной Кашгарией и Кашмиром, в XIX в. поселилась небольшая колония ваханцев (из Афганского Вахана) [14, л. 659; 50, с. 9]. К северу от Хотана, вдоль хотано-аксуйской дороги, в нижнем течении р. Юрункаш жили тюркоязычные полукочевники — долоны [10, с. 335—340]. Кроме того, в Хотанском оазисе обитала небольшая группа калмыков [31, с. 466; 34, с. 62; 5, с. 320].

Небольшой исторический очерк художественных ремесел Хотана, основанный на средневековых источниках, был сделан в свое время А. Стейном [56, с. 132]. Свой обзор он начинает с редкостной, экзотической отрасли искусства — изготовления художественных изделий из нефрита. Известно, что и сам нефрит, и некоторые поделки из него широко экспортировались в Китай, меньше — в Западную Азию [2]. Более массовыми производствами в Хотане в средние века были шелкоткачество и ковроделие [56, с. 133—134]. Кроме того, по всему Восточному Туркестану славились хотанский войлок, хотанская бумага, хотанская металлическая посуда, хотанские ювелирные изделия из золота и серебра [56, с. 134—136]. Перечисление характерных и экзотических ремесел средневекового Хотана у А. Стейна перемежается с замечаниями о современных ему отраслях народного искусства, причем нередко с указанием на преобладающую сферу распространения —

[1] В книге полковника Корнилова «Кашгария или Восточный Туркестан», которая в известной мере претендовала на обобщение многочисленных и разнородных известий о Восточном Туркестане конца XIX в., первая фраза главы о населении такова: «Точных сведений относительно численности населения Кашгарии не имеется» [19, с. 225]. Поскольку все цифры, приводимые путешественниками и исследователями, предположительны, представляется целесообразным в нашей статье вовсе опустить статистическую характеристику, оставив лишь общие указания о примерном соотношении этнических элементов населения в каждом рассматриваемом оазисе.

[2] Эта отрасль уйгурского народного искусства в XIX в. уже не была столь процветающей, как в средние века; некоторые ученые считали даже, что она прекратила свое существование после бурных политических событий второй половины XIX в. [47, с. 79]. Однако целый ряд путешественников упоминает о ней и в конце XIX в. [34, с. 58; 11, с. 58; 29, с. 142].

сельскую или городскую. Ведущим занятием сельских жителей Хотанского оазиса было хлопчатобумажное ткачество [56, с. 134]. Более скромное место здесь отводилось шелководству, которое, тем не менее, было известно в этих местах еще со времен Сюань-цзана [56, с. 133]. В городах оазиса, напротив, было весьма распространено шелководство и шелкоткачество, наряду с ковроделием и изготовлением художественных войлоков [56, с. 134].

Большинство путешественников конца XIX — начала XX в. подтверждали эти наблюдения А. Стейна. Так, К. Риттер, излагавший суммарные сведения из различных письменных и литературных источников, в том числе относящихся к XVIII—XIX вв., подчеркивал большой объем хотанского шелкоткачества и высокое качество производимого там шелка [34, с. 45], он же упоминал о знаменитых еще с VI в. н. э. медных сосудах Хотана, нефритовых печатках и тонких войлоках [34, с. 58—67]. М. В. Певцов довольно подробно перечисляет виденные им в Хотане художественные производства, особо выделяя ковроделие (шерстяные, хлопчатобумажные и шелковые ковры) [29, с. 93—94], шелкоткачество, хлопкоткачество [29, с. 142], войлоковаляние из белой шерсти, производство писчей бумаги [29, с. 98], производство изукрашенной медной посуды [29, с. 142], а также деревянной и металлической утвари, тыквенных фляг; он же отмечает, что керамическая посуда была здесь не очень распространена [29, с. 124]. С. Гедин, рассказывая о Хотане конца XIX в., прежде всего упоминает знаменитый хотанский шелк, белый войлок, бархатные ковры и кожевенные изделия [11, с. 58]. Можно назвать и других авторов, которые касались вопроса о ремеслах Хотана, но в основе их описаний будут лежать те же художественные изделия, что и перечисленные в книге А. Стейна: нефрит, ковры, шелк, войлок, металлическая посуда, ювелирные украшения из золота и серебра.

О хотанских коврах писали многие путешественники. Общепризнано, что это были лучшие во всем Восточном Туркестане и прилегающих областях Азии ковры, уступавшие по красоте и качеству лишь персидским и туркменским коврам (так считали знатоки, исколесившие весь Ближний Восток). Помимо великолепных шерстяных ковров, хотанцы изготавливали еще и шелковые «подстриженные» (?) ковры, производство которых к началу XX в. как будто заглохло. Шелковые ковры интенсивно вывозились и в Китай и в Западный Туркестан [29, с. 142; 11, с. 58, 62; 47, с. 80]. Т. Д. Форсит упоминает также шерстяные ковры с металлической (серебряной и золотой) ниткой, которые, по рассказам, были просто великолепны [47, с. 80]. Загадок, задач и проблем, связанных с хотанским (и восточнотуркестанским) ковроделием в целом, более чем достаточно, здесь не станем упоминать о них, поскольку этот раздел уйгурского искусства уже начал изучаться [43; 16]. Производство ковров в Хотане было столь широким, что позволило французскому исследователю Гренару заявить: «Все промыслы уступают войлочному и ковровому» [54, с. 194]. Действительно, хотанские войлоки вывозились и славились по всему Восточному Туркестану [11, с. 62]. По мнению Т. Д. Форсита, они производились в самом городе Хотане и среди горцев-киргизов Кашгарии [47, с. 80]. М. В. Певцов, С. Гедин и др. только упоминают о восточнотуркестанских белых войлоках из шерсти тонкорунных горных (куньлунских) овец [29, с. 93—94; 11, с. 58; 44, с. 83]. По свидетельству А. Стейна, производство войлоков в Хотанском оазисе было известно еще с III в. до н. э.; К. Риттер приводит данные китайских источников о том, что здесь уже в танское время выделывали весьма ценный тонкий войлок [34, с. 67]. Очевидно, что для здешних мест эта отрасль народного искусства традиционна. В XIX в. войлочные ковры «numdahs» также производили в больших количествах — и для себя, и на вывоз (на север Синьцзяна и в Кашмир) [56, с. 134]. Производство войлока было налажено и в самом городе, и в окрестных горах, особенно к югу от Каргалыка [56, с. 69]. Этот небольшой расположенный между Хотаном и Яркендом городок был важным центром производства и, главное, продажи художественных войлочных ковров [29, с. 142]. Правда, Гренар считал, что лучшие войлоки изготавливали все же киргизы, второе место по качеству

и красоте занимали хотанские изделия, а третье — войлоки из Аксу [54, с. 194]. Но итальянец Ф. Филиппи с восторгом отмечал бытование необычайно красивых, гладких и цветных «numdahs», по качеству не отличающихся от хотанских, именно в Каргалыке и его окрестностях [46, с. 457, 462, 466]. Т. Е. Гордон, как и А. Стейн [56, с. 69], называл два самых известных места, где производился войлок: город Хотан и селение Когияр (Kogiar) к югу от Яркенда [48, с. 52]. Как кажется, некоторую ясность в этот вопрос могут внести данные Б. Громбчевского [14, л. 521]: по его сведениям, тонкие белые кошмы производила группа таглыков-пахпу; это был единственный их промысел в дополнение к скотоводству и слаборазвитому земледелию. Из этих кошм они шили себе одежду, но главным образом сбывали их в Каргалык, находившийся в пяти днях пути от их селения, или в Кук-Яр (три дня ходу). Говоря о населении Кук-Яра, М. В. Певцов не указывал его этнической или этнографической принадлежности, он отмечал лишь небольшую численность жителей селения (800 чел.) и главное занятие — овцеводство [29, с. 75]. Г. Ярринг пишет, что в Кок-Яре, как он слышал, жили пахпу [50, с. 9].

Гренар [54, с. 193] упоминает также о производстве чрезвычайно красивых белых шерстяных поясов, известных только в Хотане и Каргалыке (см. у К. Риттера о красивых белых шерстяных одеждах, составлявших гордость Хотана еще в танские времена [34, с. 67]).

Г. Ярринг, работавший в сороковых годах XX в. в г. Гуме (также в Хотанском оазисе), пишет о развитом производстве разнообразных кошм: и одноцветных, и гладких цветных, и с цветочным орнаментом [50, с. 65—66]. Он же сообщает, что на базар в Гуму приходили с окрестных гор ваханцы, приносившие на продажу войлочные *пайпаки* (носки) [50, с. 9]. Таким образом, можно думать, что изготовителями войлочных изделий, видимо, были и горожане, и горцы.

Производство медной посуды зафиксировано в Хотане китайскими источниками еще в VI в. н. э. [34, с. 58]. Интересно, что по данным Гренара, разнообразные ремесла, связанные с художественной обработкой металла (ювелирное, кузнечное, изготовление металлической посуды), в конце XIX в. были особо развиты в г. Кашгаре, но именно Хотан по-прежнему славился художественной обработкой меди, изящными орнаментированными сосудами, «покрытыми белой краской» [54, с. 189]. О бронзовых и медных сосудах Хотана упоминал и А. Д. Кери [18, с. 44]. Металлические сосуды составляли лишь часть домашней утвари, часть посуды была деревянной; широко использовались тыквенные фляги для воды, вина, масла. Глиняной посуды в Хотане было сравнительно мало и, что характерно, ее не ввозили (по сообщению М. В. Певцова [29, с. 124, 142]). Гренар, напротив, считал, что керамика была в широком употреблении по всему Восточному Туркестану, но качество ее было весьма посредственное [54, с. 190]. Т. Д. Форсит уточняет эту картину: глина, наиболее подходящая для гончарства, была лишь в районе Аксу и Турфана, но она почти целиком шла на удовлетворение нужд местного крестьянства; металлодобывающая промышленность в Восточном Туркестане к концу XIX в. , по его мнению, практически затухает, поэтому массовое производство металлической посуды было невозможно; однако железные рудники функционировали, они поставляли на рынки всех западных городов Синьцзяна очень гибкий металл, употреблявшийся для домашних изделий [47, с. 79]. Медь частично ввозили из Аксу, в результате латунные и медные блюда, сосуды для воды, миски и т. п. в конце XIX в. все еще довольно широко бытовали по всему Восточному Туркестану [39, с. 127; 56, с. 135] (но больше всего в Хотане, Яркенде и Кашгаре). Правда, по другим сведениям, в начале XX в. знаменитые хотанские и яркендские медные сосуды уже не производились [53, с. 26; 55а, с. 174].

Еще одним ответвлением художественной металлообработки было злато- и сереброкузнечество, находившееся в конце XIX в. на весьма высоком уровне (особенно производство филигранных изделий) [56, с. 135].

Данные о промыслах и ремеслах Нии, Черчена, Керии (также входящих в Хотанский оазис) очень скудны, а сами промыслы минимальны по причине бедности населения и отдаленности от крупных торговых и культурных центров [29, т. 194; 39, с. 129].

Из отраслей народного ремесла, не отмеченных А. Стейном, но постоянно упоминаемых другими путешественниками, следует назвать кожевенное производство. О сравнительно широкой продаже кож сообщает С. Гедин [11, с. 58], К. Брюс [44, с. 209]; о выделке кож по всему Восточному Туркестану упоминает Гренар, впрочем оценивавший их невысоко [54, с. 190, 196]. Само кожевенное производство имеет косвенное отношение к сфере искусства, поскольку массовых данных о художественных изделиях из кожи у уйгуров Восточного Туркестана (в частности, у хотанцев) мы пока не имеем; исключением являются, быть может, яркендские женские вышитые сапоги (но для них использовали тонкую индийскую кожу [54, с. 196]). Впрочем, в словаре С. Е. Малова есть упоминание о вышитых калошах *туклук каш* [24, с. 163], ношение которых не привязывается к какому-то одному городу.

Все перечисленные выше ремесла уйгуров Хотана по характеру были товарными; домашние промыслы упоминались лишь изредка, скорее случайно. Лишь отдельные косвенные замечания о существовании домашних промыслов мы встречаем и в литературе более позднего времени — середины XX в. Г. Ярринг, например, сообщает, что на базаре в г. Гуме (близ Хотана) видел набойку, которую местные жители обменивали на вязаные носки у ваханцев-горцев [50, с. 10]. Набойка по хлопчатобумажной ткани вообще весьма дешевый и демократичный вид искусства, в Восточном Туркестане она, по-видимому, была распространена повсеместно (так же, как и хлопчатобумажное ткачество). Чаще всего ткани с набойкой использовались как дастарханы, подкладка для халатов и др. Набойка теснейшим образом связана с другой отраслью искусства — резьбой по дереву (из которого делали штампы-*колыбы*). О том, что резьба по дереву использовалась при украшении народного жилища в Хотанском оазисе (сел. Полу), сообщает К. Брюс [44, с. 82]. Резные решетки *панджаре* отмечены в Хотанском оазисе А. Стейном и С. Гединым [10, с. 197, 198].

Таким образом, составить достаточно полное представление обо всех этих отраслях народного искусства уйгуров пока что затруднительно, но факт их существования неопровержим (установление этого факта и является нашей задачей на данном этапе).

Яркенд, соседствующий с Хотаном, в конце XIX — начале XX в. был не столь крупным, но тоже весьма важным центром развития восточнотуркестанских ремесел. Интересно, что китайцы считали временно проживавших в Пекине яркендских торговцев и ремесленников народом в основном промышленным [8, с. 19]. Этническая ситуация в Яркенде была сходной с хотанской, только размеры и самого города, и всего оазиса, а следовательно и численность населения, были меньше. Основной элемент составляли оседлые тюрки местного происхождения, которых называли просто «яркендцы»; они населяли города оазиса и сельские равнинные поселения. Правда, есть свидетельство середины XIX в. о том, что яркендцы-горожане называли окружающее город сельское тюркоязычное население «могулами», т. е. как-то отделяли их от себя [5, с. 319—320]. В городе с уйгурами-яркендцами соседствовали многочисленные иноземные купцы —«андижанцы», бадахшанцы, балтистанцы, кашмирцы. Так, в семидесятых годах XIX в. в самом г. Яркенде на 50 тыс. местных жителей приходилось примерно около 8 тыс. «иностранцев, проживавших здесь более или менее постоянно» [49, с. 139].

В горах к югу от города обитали связанные с Яркендом кочевники: киргизы, небольшое число семей ваханцев и своеобразная группа таглыков-пахпу (верховья Тизнафа) [49, с. 90—97 и др.]. Кроме того, в оазисе зафиксированы калмыки [5, с. 320]. В XIX в. в Яркенде проживали и китайцы — ремесленники [34, с. 108] и купцы [37, с. 94]. Однако А. Борнс

(середина XIX в.) указывал, что живут они здесь отдельно, не вмешиваясь в жизнь мусульман [5, с. 319]. В начале XX в. Ф. Филиппи наблюдал сходную картину: китайцы в Кашгарии вообще «не утруждают себя изучением местных языков, живут в отдельных городках, окруженных высокими стенами; их обслуживают китайские купцы, у них иная религия, цивилизация, обычаи» [46, с. 463].

Среди художественных ремесел в Яркенде, о которых можно найти упоминания в записках путешественников, выделяются две группы: производства, продукция которых была рассчитана на широкую продажу, выходящую за пределы оазиса, и производства, более скромные по размаху, ориентированные на местные нужды (частично это товарные ремесла, частично — домашние промыслы). К первой группе прежде всего относится кожевенное производство. Еще К. Риттер упоминал скот в качестве главного богатства Яркенда в XIX в. [34, с. 107]; Т. Д. Форсит считал гордостью Яркенда особого качества кожи и весьма красивую яркендскую обувь [47, с. 80]; он же отметил широкую торговлю этой кожей по всему Восточному Туркестану [27, с. 99]. То же повторял спутник Форсита — Х. Беллью [3, с. 214]; о вывозе из Яркенда прекрасно выделанной кожи и обуви было известно и М. В. Певцову [29, с. 142]. Наряду с аксуйскими весьма славились и яркендские шорные изделия и седла [29, с. 142; 47, с. 80]. Здесь же как будто изготавливали своеобразные кожаные брюки (shim) из особого вида бычьей кожи [47, с. 80].

Другой весьма важной отраслью народного искусства Яркенда было ковроткачество (частично для собственного потребления, частично — на вывоз). Впервые об особых яркендских коврах упоминает Т. Д. Форсит [32, с. 192], отмечавший их своеобразную орнаментальную композицию с одним или двумя центральными узорами. О существовании особых, отличающихся от знаменитых хотанских, яркендских ковров есть замечание и у М. В. Певцова [29, с. 142]. Наконец, А. Л. Кун среди товаров, вывозившихся в Коканд из Кашгарии (где, кстати, были свои ковры, но худшего качества [22, с. 114]), называет именно яркендские ковры. Х. Беллью специально отмечал богатый и обширный суконный рынок в Яркенде [3, с. 208]. У К. Риттера приведены сведения о металлических (чаще медных) сосудах, вывозившихся из Яркенда в Хотан [34, с. 48], из чего можно смело сделать вывод об их первоклассном качестве, иначе зачем бы их везли в Хотан — едва ли не главнейший центр изготовления металлической посуды в Восточном Туркестане? О затухании производства медных сосудов в Яркенде в конце XIX в. упоминается у А. Лекока [53, с. 26].

О других художественных ремеслах Яркенда сведений пока очень мало — так же как и о домашних промыслах, о них можно найти лишь краткие упоминания. Так, Ч. Валиханов сообщал о производстве в Яркенде нефритовых художественных поделок (основным центром которого, безусловно, оставался Хотан) и о производстве высококачественной маты [7, с. 112]. Весьма внимательным к деталям был уже неоднократно упоминавшийся Т. Д. Форсит и его спутники. Излагая, например, по ходу руководимой им миссии свои путевые впечатления в «Таймс», он мимоходом замечает: «яркендские женщины весьма искусны в вышивке» [30, с. 268]; его коллега д-р Беллью обратил внимание на женские вышитые покрывала с нашитыми жемчужинами и рубинами, с золотой бахромой, а также на золотые и серебряные серьги с кораллами и браслеты [3, с. 213—214]. О каких-то тончайших белых женских покрывалах, которые уже почти исчезли к началу XX в., упоминает А. Лекок [53, с. 26]. У Т. Д. Форсита находим замечание о красивых яркендских войлоках, изготовлявшихся якобы только «для себя» [32, с. 192].

Кашгар был населен местным оседлым народом — уйгурами-кашгарцами. Дополнительным элементом, весьма важным в историко-культурном отношении и не малым по численности, было сословие иностранных купцов, прежде всего «андижанцев» (т. е. ферганских узбеков, прожи-

вавших здесь постоянно или поселившихся надолго) [13, с. 435]. Рядом находились колонии индийцев, кашмирцев, афганцев, бадахшанцев, поскольку город Кашгар в конце XIX в. был крупнейшим торговым центром Восточного Туркестана. Все это дало повод одному английскому офицеру охарактеризовать Кашгар как большой город, который «населен густо и преимущественно иностранцами» [34, с. 130].

Многочисленные городки, или, точнее, крупные селения, Кашгарского оазиса (за исключением Янги-Шахра — китайского форта) также были заселены главным образом кашгарцами, занимавшимися земледелием, разными промыслами и торговлей. Вокруг этих селений и городов функционировала целая сеть специальных базаров для торговли с кочевниками — киргизами, обитавшими в горах, окружающих Кашгарский оазис с юга, запада и севера, и казахами, приходившими из района Кульджи [13, с. 480—481]. Помимо оседлых кашгарцев, составлявших большинство населения оазиса, и кочевых киргизов, тоже довольно многочисленных здесь, в Кашгарских горах обитали и сравнительно небольшие группы полуоседлых пастухов — тюркоязычных таглыков [29, с. 112 и др.], по-видимому, родственных равнинному населению. Своеобразие этнического состава Кашгарского оазиса заключается в наличии компактной группы ираноязычного населения, впрочем, также весьма разнообразного: во-первых, это оседлые ираноязычные земледельцы — сарыкольцы, близкие по происхождению и языку памирцам [19, с. 241; 13, с. 498 и др.]; во-вторых, немногочисленные семьи ираноязычных ваханцев, сравнительно недавно переселившихся из Афганистана и занимавшихся в Кашгарии главным образом скотоводством [9, с. 21; 19, с. 241]; и, в-третьих, остатки загадочных горцев-пахпу, якобы изначально ираноязычных скотоводов [19, с. 242]. Какую из этих трех групп имел в виду Ч. Валиханов, называя соседями киргизов в Кашгарских горах «диких калча», неясно [6, с. 303].

Что касается пришлого китайского элемента в составе населения Кашгара, то ситуация здесь абсолютно типичная для всех крупных городов Восточного Туркестана: в конце XIX в. китайцы (представители администрации и гарнизоны из китайцев и маньчжуров) в большей или меньшей степени проживали во всех городах (Корнилов составил даже соответствующую таблицу [19, с. 245]). В самом Кашгаре их было как будто больше всего (около 150 дворов); д-р Беллью также отмечал множество виденных им на кашгарских базарах китайцев, маньчжуров и дунган [3, с. 232]. Но в Кашгаре, как и везде, они жили обычно отдельно, в специальных фортах, «китайских городках» или в «мусульманском» городе, но в специальных отдельных кварталах, редко — чересполосно с тюрками-мусульманами [19, с. 245; 13, с. 480; 34, с. 128 и др.].

О Кашгаре упоминается уже в записках Сюань-цзана, посетившего его в VII в. В те времена город уже славился своими тканями, изготовлением войлоков и тканых ковров. Суммарные данные о Кашгаре, извлеченные из записок европейских путешественников XIX — начала XX в., свидетельствуют о сохранении этой традиции народного творчества до XX в. В Кашгаре изготавливали разнообразные ткани — от великолепной парчи и атласа [37, с. 97; 34, с. 133—134] до самой дешевой во всем Восточном Туркестане хлопчатобумажной маты. Хлопчатобумажное ткачество было развито в Восточном Туркестане исключительно широко, но товарное производство маты концентрировалось вблизи крупных городов, в том числе в Кашгарском оазисе (селения Артуш, Ханарык, Файзабад и др.) [19, с. 307; 23, с. 38—39]. Кашгарская мата составляла 81% всей маты, вывозившейся в Среднюю Азию. С художественной точки зрения представляет интерес «мата, набитая вручную в один или два цвета», именовавшаяся *сарғяз*, т. е. набойка [19, с. 307]. Ее изготовляли и для себя, и, в довольно больших количествах, для киргизов [19, с. 66]. Кстати, еще у К. Риттера находим замечание о том, что в Кашгаре «составляют отличные краски» [34, с. 134], необходимые в художественном производстве цветного шелка, ковров, цветных войлоков, набойки и т. п.

Относительно кашгарских ворсовых ковров сообщения путешественников более чем лаконичны: из работы в работу переходит лишь тезис об их более низком, по сравнению с туркменскими, персидскими, хотанскими и даже киргизскими коврами, качестве и соответственно об их дешевизне и распространенности [19, с. 308]. В Среднюю Азию вывозились не только большие постилочные ковры, но и небольшие *джойнамазы* [19, с. 321]. Известный интерес представляют упоминания о существовании и производстве шерстяных паласов на хлопчатобумажной основе (отмечены в Кашгаре, Хотане, Яркенде, Аксу) [19, с. 308]. Этническая принадлежность производителей этих паласов неизвестна, но, видимо, их производили немало, если даже вывозили в Среднюю Азию [19, с. 308]. Войлоковаляние в Кашгаре также существовало, но не более, чем в других местностях Восточного Туркестана. Зато типично кашгарским промыслом, видимо, было гончарство. Мастерские города снабжали глиняной посудой все окрестные селения [19, с. 309]. Правда, Гренар отмечал весьма посредственное качество ее [54, с. 190]. Считается, что в остальных оазисах и городах Восточного Туркестана глиняная посуда не имела широкого распространения, в быту преобладала посуда деревянная и металлическая [19, с. 309]. Особых центров по изготовлению деревянной посуды в конце XIX в. в Восточном Туркестане как будто не существовало, этим занимались, как сообщает Корнилов, бродячие артели токарей [19, с. 309]. Производством металлической посуды и утвари — чайников, мисок, сосудов и т. п.— занимались во многих городах Восточного Туркестана, но признанными центрами считались Яркенд и Кашгар [19, с. 310], а также Хотан и Аксу. Следует добавить, что в конце XIX в. медную руду добывали в нескольких месторождениях, главным образом на юго-западе Кашгарии и близ Кучи, но отовсюду медь везли в Аксу и Кашгар, где располагались китайские монетные дворы. Кроме того, медь, железо и чугун в этот период частично ввозили в Кашгарию из России, а также иногда из Китая [19, с. 315—316; 7, с. 152—153, 687, 691]. По впечатлению весьма строгого в своих художественных оценках Гренара, металлическая бытовая утварь г. Кашгара была довольно разнообразной, многочисленной и интересной с эстетической точки зрения [54, с. 189—190]; может быть, поэтому довольно много кашгарских *кумганов* вывозили в Фергану [23, с. 63].

Таким образом, в конце XIX — начале XX в. г. Кашгар, наряду с другими городами южного Синьцзяна, был крупнейшим центром художественной металлообработки. Другое ее ответвление — это ювелирное производство золотых и серебряных женских украшений, о которых упоминали (в первой половине XIX в.) Е. Тимковский [37, с. 97], К. Риттер [34, с. 133—134], а также путешественники конца XIX — начала XX в.— Гренар [54, с. 189—190], Р. Шоу (Ша) [41, с. 343; 55, с. 240], А. Лекок [51] и др. В Кашгаре было развито и кожевенное производство, поскольку поставки скота от окружающих оазис киргизов были отлично налажены [13, с. 449].

В своей книге полковник Корнилов попытался среди прочих материалов дать также и краткий обзор ремесел Южной Кашгарии, но сделал это весьма лаконично и, как теперь выясняется, с некоторыми лакунами, не всегда оправданными. Отдавая должное тщательности и разнообразию подобранного им материала о ремеслах и торговле Кашгара, надо все же отметить, что его утверждение о зачаточном состоянии обрабатывающей промышленности среди кочевого и полукочевого населения оазиса неправдоподобно. Конечно, всякое утверждение не в последнюю очередь зависит от точки отсчета, и, разумеется, после сжатого, но яркого перечня городских ремесел Хотана, Кашгара, Яркенда сельские, и в особенности горские, промыслы наверняка выглядят более чем скромно. Не исключено также, что у Корнилова попросту отсутствовали какие-либо сведения на этот счет, так, весьма настораживает тот факт, что нет даже упоминания о киргизских коврах и войлоках (безусловно существовавших!) или о войлоковалянии у таглыков и т. п.

А к с у — старейший населенный пункт и культурный центр Восточного Туркестана, расположенный у южных склонов Тянь-Шаня, на перекрестке проторенных еще в древности торговых путей из Яркенда и Кашгара в Аксу и далее на восток, к Турфану, и на север, в Кульджу. Основное население города и оазиса Аксу в XIX — начале XX в. составляли местные уйгуры-аксуйцы, а к западу от города, на сырте кочевали довольно многочисленные здесь киргизы [7, с. 267 и др.], на юге оазиса жили долоны [31, с. 484]. Китайцы жили в Аксу издавна [2, с. 316]; известно, что в XIX в. небольшая китайская колония жила здесь отдельно от мусульман [34, с. 178; 13, с. 401]. Заслуживает внимания тот факт, что в Аксу была таможня, собиравшая в городе много китайцев, индийцев, кашмирцев, киргизов, туркестанцев из других городов Восточного Туркестана [37, с. 92]. Довольно многочисленной была в конце XIX в. и колония сартов-кокандцев [31, с. 484, 486].

Аксу был не только торговым, но и ремесленным городом. Почему-то разные путешественники сообщают о различных ремеслах Аксу, но все сходятся в одном: этот город славился прекрасной выделкой кож, среди которых были какие-то редкие виды, известные только в Яркенде и в Аксу, причем здесь — более качественные [47, с. 80]; Ч. Валиханов подчеркивал, что славу местных ремесленников составляет великолепная замша [7, с. 112, 687]; К. Риттер среди прочих изделий упоминал весьма ценившиеся по всему Восточному Туркестану аксуйские шорные изделия [34, с. 177]; последнее подтверждал англичанин Вильямс [36, с. 182] и Е. Тимковский, особо отмечавший вышитую конскую сбрую из оленьих кож и прекрасные седла [37, с. 93].

Весьма качественными на внутреннем синьцзянском рынке считались аксуйские хлопчатобумажные ткани [34, с. 177; 37, с. 93] и белый войлок, соперничавший качеством выделки со знаменитыми хотанскими кошмами [54, с. 194]. Известны также тканые ковры со специфическим растительным орнаментом, характерным именно для Аксу [52, с. 131]. С другой стороны, город славился таким изысканным промыслом, как гранение драгоценных камней [34, с. 177], обработка яшмовых изделий [37, с. 93], производство женских ювелирных украшений и т. п. [52, табл. 7]. По сведениям, собранным К. Риттером, Аксу некогда славился производством сосудов (правда, не указывается, каких именно: металлических, деревянных или глиняных) [34, с. 177]. В связи с этим важно сообщение Ч. Валиханова о производстве здесь «медной посуды в китайском вкусе», он упоминает также китайское шитье [7, с. 691]. Этот вопрос требует подробного исследования.

К у ч а — древнейший культурный центр Восточного Туркестана. В XVIII—XIX вв.— это небольшой город, куда Цинами были переселены частично турфанцы, частично китайцы. Ч. Валиханов писал, что этот город славился отличной бязью, наличием меди и нашатыря в окрестностях [7, с. 112]. Значительно разнообразнее выглядит набор ремесел и промыслов Кучи у А. Лекока, но, к сожалению, главным образом на иллюстрациях: здесь представлены кумганы и кальяны [52, табл. 8], в том числе из меди и серебра [52, с. 48], женские филигранные серьги [52, табл. 7, 22], вышитые шапочки и тюбетейки [52, табл. 22 и др.] и богато орнаментированные войлоки [45, с. 177, табл. 48].

Заселение городов и селений вдоль южных склонов Тянь-Шаня турфанцами и китайскими переселенцами в последней четверти XIX в. вообще было характерной тенденцией государственной китайской политики. Потому важной задачей при исследовании народного уйгурского искусства является выявление фактов китайского влияния. Разработка этой сложной проблемы — впереди, но уже сейчас можно сказать следующее. Единичные заметки о наличии в том или ином городе Восточного Туркестана китайского населения (в частности, представителей администрации, военных, купцов, а иногда даже ремесленников) встречаются у многих путешественников, но в то же время все авторы отмечали изолированное существова-

ние китайцев и мусульман-тюрок в Кашгарии во второй половине XIX в.: в каждом городе была «китайская» часть и «мусульманская», нередко разделенные пространством в несколько километров [15, с. 125, 190, 633; 29, с. 66, 92; 58, с. 558]. Известна позиция китайских правящих кругов, всемерно ограничивавшая контакты китайских купцов с мусульманским населением Восточного Туркестана [21, с. 15]. Для Джунгарии, где численность и социальный состав китайцев значительно отличались от Кашгарии и соответственно роль китайского культурного элемента увеличивалась, еще не вполне уяснен вопрос о конкретных локальных формах принесенной китайскими переселенцами культуры, хотя известно, что они прибыли из провинции Ганьсу, частично Шэньси и др. [21, с. 28 и др.]. Однако в этих районах как будто рядом с китайскими проживали также тюркоязычные поселяне [2, с. 398; 8, с. 6, 16, 17; 59, с. 147]. Кроме того, следует отметить определенное «размежевание»; например, в конце XIX в. в Джунгарии существовали города преимущественно тюрко-мусульманской культуры и города, в которых концентрировалась китайская и близкая ей дунганская культура (например, в городах Урумчи, Суйдун, Гучен, Манас и др.) [13, с. 515; 39, с. 137; 12, с. 292; 35, с. 451; 15, с. 89, 128—133; 33, с. 137].

В связи с проблемой китайского влияния на народное искусство уйгуров особенно интересен анализ турфанских материалов, поскольку Турфан долгое время был своеобразным центром транзитной торговли Восточного Туркестана с Китаем.

Турфан — один из важнейших городов и своеобразнейших оазисов Синьцзяна. Специфика турфанской культуры и населения обусловлена исторически, большое значение имели и климатические условия. Все побывавшие там путешественники утверждают, что турфанский оазис, давший миру великолепные образцы древней художественной культуры, в конце XIX в. становится преимущественно аграрной областью. Здесь действительно не было городов, подобных Хотану, Яркенду или Кашгару (сам Турфан значительно меньше их). Этнический состав этой северо-восточной части провинции Синьцзян довольно сложен. Подавляющую часть оседлого населения в конце XIX в. составляли местные уйгуры-турфанцы, а также переселенцы из Аксу, Уч-Турфана и Аньси (например, в Люкчуне, Пичане, Бугуре и других селениях оазиса [35, с. 397—398]). Сравнительно небольшое число составляли появившиеся во второй половине XIX в. дунгане и китайцы (последние преобладали лишь в сел. Чиктым [35, с. 400—405]). Климат и географические условия Турфанской котловины таковы, что ведущей отраслью хозяйства здесь являлось земледелие (зерноводство, виноградарство, садоводство), которое требовало особых усилий и внимания из-за жаркого климата. В этом обстоятельстве некоторые исследователи видели одну из причин сравнительно слабого развития турфанских ремесел [15, с. 222]. «Насколько турфанец хороший земледелец, настолько плохой ремесленник и торговец»— считал Г. Е. Грумм-Гржимайло [15, с. 254]. «Никаких выдающихся ремесел и производств Турфан не имеет»,— заключает В. Роборовский [35, с. 391]. Аналогичная картина рисуется им и относительно Хамийского оазиса [35, с. 384]. Однако и в Турфане, и в Хами те же исследователи отмечают наличие ремесленников, удовлетворявших своими изделиями насущные бытовые потребности населения. Так, Г. Е. Грумм-Гржимайло отмечал выделываемые только в Турфане особо хорошего качества хлопчатобумажную ткань *тёрт-баг* и турфанскую армячину [15, с. 254, 258], при этом он, однако, считал, что все ремесла Турфана находятся в руках пришлых людей (дунган, китайцев, «андижанцев», кашгарцев, яркендцев), но не самих турфанцев [15, с. 254]. Это — как бы крайняя точка зрения. В. Роборовский, исследовавший не сам город Турфан, а восточную часть оазиса — Люкчунскую котловину, уже не столь категоричен. Он отмечает (и именно у турфанцев) наличие чугунного производства, изготовление кирпичей, войлоковаляние [35, с. 405, 418], а при описании одежды — вышивку

по ткани и коже, ювелирные украшения и т. п. [35, с. 432—428]. Книги же А. Лекока демонстрируют уже вполне наглядно (в фотографиях) и великолепное ювелирное производство турфанцев, и вышивку на одежде [53, с. 56].

Случилось так, что через полстолетия мнение об отсутствии или слабой развитости турфанского народного искусства было полностью опровергнуто побывавшим там румынским исследователем Т. Бенацэану. Он, напротив, считает турфанцев весьма талантливым народом, достигшим определенных высот в искусствах и ремеслах [42, с. 9]. Уже одно перечисление им основных ремесел Турфана производит впечатление. В чем же дело? Не могло же все так круто измениться за 50 лет?! Разумеется, нет. Объяснение может быть только следующее. Во-первых, вполне вероятно, что в начале века население в своей массе было беднее, чем в середине XX в., и поэтому количество самих предметов искусства было меньше. Но главное, видимо, в другом. Г. Е. Грумм-Гржимайло и В. Роборовский не были искусствоведами и свои заключения о сравнительно мало интересовавших их художественных ремеслах делали между прочим, основываясь на беглых личных впечатлениях. Здесь мы имеем дело с двумя разными позициями: путешественника, занятого своими исследованиями и лишь попутно отмечающего в окружающей народной жизни то, что ему бросалось в глаза или как-то заинтересовывало, и этнографа, специально интересующегося искусством и ремеслами.

Статья Т. Бенацэану невелика. В ней лишь перечисляются основные отрасли народного искусства турфанцев, особенно связанные с домашними промыслами: богатая вышивка, резьба по дереву на бытовых предметах, художественное ткачество, войлоковаляние и т. п. [42, с. 7—10]. Часть изделий все же выносилась на местный базар (седла, сапоги, ковры, тюбетейки) — именно эти вещи обычно видит проезжий путешественник в первую очередь. Создается впечатление, что в Турфане преобладали именно домашние производства (частично скрытые от постороннего взгляда).

Заключения и оценки Т. Бенацэану, касающиеся его турфанских материалов, весьма интересны, хотя и не бесспорны. Но для нас важно сейчас одно: подтверждение существования в Турфане целого ряда отраслей искусства. Например, вышивки. Разнообразие вышитых изделий, традиционность самих этих предметов, различие орнаментов вышивки на разных категориях вещей — все это вместе свидетельствует о давней (а не вновь появившейся) традиции, явно выросшей из местного, турфанского быта (хотя, возможно, и испытавшего влияние иных культур).

Однако было бы неосторожным все перечисленные ремесла приписывать только оседлым жителям Турфанского оазиса. Если можно допустить, что большая часть вышивок, предметов из резного дерева, ювелирных украшений скорее всего изготавливалась именно местными уйгурами, то авторство чернолощеной керамики, определенных разновидностей войлочных ковров (напоминающих самому автору казахские) [42, с. 10], некоторых других художественных изделий остается дискуссионным.

Из-за отсутствия обширных пастбищ по соседству с оседлыми селениями сами турфанцы мало занимались скотоводством. Но в горах Тянь-Шаня, к северу от оазиса обитали группы кочевого и полукочевого населения — небольшое число калмыков [35, с. 397], небольшая группа караходжинцев (Караходжа — старинное оседлое поселение Турфанского оазиса), фактически превратившихся в таглыков (горцев) и уже даже антропологически якобы отличавшихся от своих равнинных родственников [35, с. 405, 422]. И те, и другие обитатели гор пасли скот, в том числе и принадлежавший оседлым земледельцам Турфана, Люкчуна, Пичана, даже Урумчи. В. Роборовский отмечал также в окрестных горах появлявшихся там киргизов, которые пригоняли сюда для продажи баранов с Алтая [35, с. 417] (неясно, правда, кого он имел в виду — собственно киргизов или казахов). Ч. Валиханов упоминал эти места в связи с расселением здесь

полукочевых уйгуроязычных племен нюгейт [7, с. 339], однако никаких дополнительных данных о них пока нет.

Связи оседлого населения Турфана с горцами-пастухами и кочевниками в конце XIX в. были, по-видимому, весьма интенсивными. Еще Гренар отмечал, что яркендцы с большой выгодой продавали в Лех козий пух для знаменитых кашмирских шалей, и лучший пух поставлял им именно Турфан [54, с. 193]. По сведениям А. Стейна, Турфан в конце XIX в. был также весьма устойчиво связан через Урумчи с Гучэном, население которого, в свою очередь, тесно общалось с Монголией, Китаем, Южной Сибирью и, в частности, с приходившими с севера казахами. Турфанцы получали с гучэнских базаров все, что производилось в самом городе или привозилось кочевыми соседями [58, с. 553—554]. Поэтому на турфанских базарах могли появляться изделия, ориентированные на вкус и потребности кочевников. Одним словом, этническая принадлежность произведений некоторых ремесел, зафиксированных в Турфане, по-прежнему остается неясной. Но уже теперь очевидно: Турфан был средоточием многих весьма развитых в художественном отношении отраслей ремесла, и исследователям еще только предстоит детальное описание турфанского народного искусства и выявление его своеобразия (особенно с точки зрения степени китайского влияния).

Если об отдаленном Турфане в конце XIX в. было известно сравнительно мало, то, казалось, прямо противоположного можно было ожидать от северо-западной части Синьцзяна — Илийского, или Кульджинского, края. Он не только непосредственно граничил со Средней Азией, но в 1871—1881 гг. находился под русским протекторатом и позже также был одним из наиболее посещаемых русскими людьми районов Синьцзяна. Всего в Илийском крае в последней трети XIX в. насчитывалось около 100 тыс. человек [17, с. 131].

Центром края являлся город Кульджа, основным населением которого были оседлые уйгуры, переселенные в эти места в XVIII в. китайским правительством из разных городов Восточного Туркестана, большей частью из Кашгара. Не входя в ненужные здесь подробности, отметим, что оседлые уйгуры, называемые здесь таранчами, составляли подавляющую часть населения всего Илийского края (и городов, и селений — приблизительно 30—40 тыс. чел.) [1, с. 206—208; 17, с. 131 и др.]. Другим элементом оседлого населения были дунгане, занимавшиеся земледелием, ремеслами и торговлей (г. Суйдун, китайская Кульджа и др.— 5—10 тыс.чел.). По соседству с Кульджой располагались сравнительно немногочисленные селения маньчжуроязычных сибо, солонов и др.— 4—5 тыс. чел. [17, с. 131]. Вокруг Кульджи, в горах и по берегам рек, кочевали значительные массы калмыков (30—40 тыс. чел.) и киргизов (30—35 тыс. чел.), а также постепенно переселявшиеся сюда на протяжении всего XIX в. племена казахов [1, с. 206—208; 17, с. 128; 4, с. 105 и сл.].

Таким образом, этнический состав населения Кульджинского (или Илийского) края и его расселение в этот период изучены довольно подробно. К сожалению, того же нельзя сказать о народном искусстве кульджинских таранчей и других народностей края. Мнения большинства посещавших и даже живших там русских офицеров сходны и неутешительны: «В Кульдже ремесло ничтожно»,— констатирует Л. Костенко [20, с. 94]; «здесь преобладают лишь необходимые в быту ремесла»,— считает Н. А. Аристов [1, с. 212]; с ним согласен А. В. Каульбарс [17, с. 143—145]. Н. Н. Пантусов дает сводную таблицу кульджинских ремесел, в которой действительно преобладают «нехудожественные» отрасли, но все же упоминаются серебряники и медники [28, с. 154—155]. Наличие серебряных женских украшений в Кульдже у таранчей отмечал и А. П. Хорошхин [40, с. 321]. Насколько были развиты эти отрасли, неясно, но они существовали. Н. Н. Пантусов со свойственным ему педантизмом и систематичностью подтвердил это наблюдение, указав даже число *мастеров* [28, с. 154].

Известный интерес представляет для нашей темы и описание кустарной

промышленности Кульджи в 20—30-х годах XX в., основные направления которой развивались в русле местных традиционных ремесел и промыслов [26]. Среди них прежде всего отмечается кожевенное производство; своеобразное, отличное от киргизско-казахского войлоковаляние и особенно деревообделочная отрасль [26, с. 38, 43, 51]. Однако до ознакомления с конкретными кульджинскими изделиями трудно судить, имела ли хотя бы часть изделий этих отраслей отношение к художественной сфере.

В конце XIX в. в самой Кульдже и ее пригородах жило некоторое количество китайцев и маньчжуроязычных сибо, также имевших свои ремесла. У Н. Н. Пантусова перечень китайских ремесел был даже разнообразнее, чем у уйгуров. Но для нас существенно также, что представители этих народов жили довольно обособленно друг от друга, так что сама вероятность массового обслуживания китайскими или маньчжурскими ремесленниками нужд (тем более художественных) кульджинских уйгуров должна быть отклонена [28, с. 339].

Тот факт, что народное искусство кульджинских таранчей представлено столь скромно, сами уйгуры обычно объясняют, во-первых, их большей бедностью по сравнению с кашгарцами, хотанцами и др. И, во-вторых, отсутствием древней местной городской традиции (как на юге Синьцзяна). К тому же Кульджа в конце XIX в. была важным центром транзитной торговли и, естественно, часть привозимых необходимых товаров оседала здесь, не стимулируя развития местных ремесел. Однако это мнение нельзя считать окончательно доказанным.

Итак, что же дает рассматриваемый в данной статье источник?

Прежде всего заметим, что его следует расчленить хронологически. Первый период — XIX — начало XX в.— самый обильный по количеству и разный по качеству сообщаемых сведений. Второй — 20—30-е годы XX в., когда путешественников в Синьцзяне было уже значительно меньше, а интерес к этой части Азии (в связи с общемировой экономико-политической ситуацией) возрос. Наконец, последний период — середина XX в. (к этому времени относятся небольшие публикации-заметки в китайских журналах, этнографические материалы Т. Бенацэану, Г. Ярринга). Сразу следует оговорить, что второй и третий периоды содержат сравнительно малый по объему и ограниченный территориально материал (который при всем том весьма ценен как профессионально собранный). Ниже речь будет идти главным образом о периоде конца XIX — начала XX в. Это было время массового, но нелегкого проникновения иностранцев в Восточный Туркестан. По большей части это были путешественники — европейцы и русские, приезжавшие в Синьцзян с научной целью (географические исследования) или в составе торговых и дипломатических миссий. Другая группа иностранцев, посетивших Восточный Туркестан в конце XIX — начале XX в.,— искусствоведы, археологи, языковеды. Начало нашего века было эпохой поразившего весь цивилизованный мир открытия восточнотуркестанской культуры I тысячелетия н. э. И следовавшие одна за другой английские, французские, немецкие, русские, шведские, японские экспедиции соперничали друг с другом в открытии великолепных памятников. Блеск и роскошь совершеннейшей монументальной живописи, изысканной скульптуры, величественной архитектуры ранее неведомой части Азии естественным образом отодвинули в тень незамысловатое бытовое искусство живших по соседству с этими памятниками местных обитателей. Тогда народное искусство обошли вниманием. Поэтому для интересующихся уйгурским искусством наибольший интерес представляют, как это ни парадоксально, заметки и сведения, приведенные не археологами и искусствоведами, а путешественниками, «не специалистами», и мы благодарны им за каждый сообщаемый факт. Но необходимо отдавать себе отчет, что в дошедшем до нас материале для сегодняшнего уровня исследования есть и недостающие звенья.

Безусловно, только благодаря многочисленным описаниям объехавших почти все местности Синьцзяна путешественников мы представляем себе общий облик и своеобразие основных и второстепенных культурных и ремесленных

центров Восточного Туркестана в конце XIX — начале XX в. Но в этих описаниях предпочтение, естественно, отдавалось большим городам, таким, как Кашгар, Хотан, Яркенд, более же мелкие оазисы, например Черчен, Ния, Керия, даже Хами, лишь упоминались. Очень мало сохранилось сведений о сельских ремеслах в Синьцзяне (в частности, у кочевников). Из поля зрения путешественников (иноземцев, мужчин, военных — безусловно окруженных на всем своем пути незримым кордоном местных обычаев и подозрительности) фактически выпала вся огромная сфера домашних, преимущественно женских, промыслов. Имея перед собой иные официальные цели и задачи, путешественники лишь в силу своего культурного кругозора и личных склонностей между делом описывали окружавших их людей, фрагменты местного быта, жанровые сценки, например на базаре. Кстати, описание ремесел в том или ином городе у всех путешественников, как правило, связано с посещением базаров, но при этом сам их перечень относительно одного и того же города у разных авторов не всегда совпадает; часто приводятся не вполне проверенные слухи; посещение базара не всегда дает ответ на вопрос об этнической принадлежности создателей тех или иных изделий и т. п. И все же из заметок путешественников можно почерпнуть некоторые, имеющие, правда, косвенное отношение к народному искусству, данные. Заслуживают, например, внимания, опять-таки вскользь брошенные замечания о наличии в городах Восточного Туркестана китайских ремесленников. Обычно не указывается ни число последних, ни степень их участия в работах местных мастеров, ни даже основные отрасли их занятий. Решить вопрос о китайском влиянии на этом материале невозможно, но поставить сам вопрос и иметь его в виду при анализе вещественных источников необходимо.

Пятицветные шерстяные ворсовые и шелковые ковры с золотой и серебряной нитью так же потрясли воображение китайца, как и через сотню лет англичанина Форсита. Здесь же изготавливали золотую парчу и сине-белую мату (по-видимому, с набойкой), различные вещи с гравировкой по золоту, меди, нефриту, женские ювелирные головные украшения, обрабатывали драгоценные камни. Наконец, существовал массовый промысел по изготовлению обуви, шапок, шуб, седел, т. е. имела место обработка кож и шкур [43, с. 24]. Лишь единственное производство, по-видимому, исчезло к концу XIX в.— производство особо чистых зеркал.

Тщательно подобранные сведения о прикладном искусстве населения Восточного Туркестана IX—XIV вв. (т. е. начального периода пребывания основной массы уйгуров в Восточном Туркестане, до всеобщей исламизации и объединения в единое государство) содержит книга Д. И. Тихонова [38]. Даже самое беглое сравнение нарисованной им картины с ситуацией в XIX в. свидетельствует о сходстве основных отраслей народного искусства Восточного Туркестана. Это: 1) художественный текстиль (хлопчатобумажное и шелковое ткачество и как особые художественные ответвления — вышивка шелком на одежде, головных уборах, обуви; ковроделие и войлоковаляние [38, с. 82—83; 214]; 2) художественный металл (конкретно: производство металлической посуды и ювелирных украшений) [38, с. 79 — 80, 214]; 3) гончарство (ныне сохранившееся частично) [38, с. 83, 214]; 4) деревообрабатывающая отрасль (токарные работы и резьба по дереву) [38, с. 213—214]; 5) обработка кож и шкур [38, с. 83]. (Кстати, доуйгурское население Восточного Туркестана также знало ковроделие, войлоковаляние, резное дерево, гончарство [58, с. 134—135, 147].)

Таким образом, набор ведущих (но отнюдь не всех!) уйгурских ремесел XIX в. оказался не только сравнительно единообразным во всех основных оазисах страны, но и традиционным, исторически устойчивым.

1. Аристов Н. А. О Кульдже.— ТС. Т. 60. СПб., 1873.
2. Бартольд В. В. Собрание сочинений. Т. 3. М., 1965.
3. Беллью Х. Кашмир и Кашгар. СПб., 1877.
4. Богоявленский Н. В. Западный застенный Китай. СПб., 1906.
5. Борнс А. Путешествие в Бухару. Ч. 3. М., 1848.

6. Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. А.-А., 1962.
7. Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2. А.-А., 1962.
8. Венюков М. Очерки современного Китая. СПб., 1874.
9. Венюков М. Путешествие по Памиру Гордона.— ТС. Т. 149. СПб., 1876.
10. Гедин С. В сердце Азии. Т. 1. СПб., 1899.
11. Гедин С. В сердце Азии. Т. 2. СПб., 1899.
12. Города Западного Китая.— ТС. Т. 52. СПб., 1873.
13. Григорьев В. Дополнения.— Риттер К. Землеведение... Восточный или Китайский Туркестан. Вып. 2. СПб. 1873.
14. Громбчевский Б. Л. Дневник экспедиции в Дарваз, на Памиры, в Раскем и северо-западный Тибет.— Архив РГО, ф. 45, оп. 1, № 6.
15. Грумм-Гржимайло Г. Е. Описание путешествия в Западный Китай. М., 1948.
16. Исмаилова-Мамедова Э. М. Ковры уйгуров.— Материалы по истории и культуре уйгурского народа. А.-А., 1978.
17. Каульбарс А. В. Заметки о Кульджинском крае.— Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. 3. СПб., 1874.
18. Кери А. Д. Путешествие вокруг Китайского Туркестана и вдоль северных границ Тибета.— ИИРГО. Т. 24. СПб., 1888, вып. 1.
19. Корнилов. Кашгария или Восточный Туркестан. Опыт военно-статистического описания. Таш., 1903.
20. Костенко Л. Очерки Семиреченского края.— ТС. Т. 50. СПб., 1873.
21. Кузнецов В. С. Экономическая политика цинского правительства в Синьцзяне в первой половине XIX в. М., 1973.
22. Кун А. Л. Очерки Коканского ханства.— ТС. Т. 149. СПб., 1876.
23. Куропаткин А. Н. Кашгария. СПб., 1879.
24. Малов С. Е. Уйгурские наречия Синьцзяна. М., 1961.
25. Мукминова Р. Г. Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре в XVI в. Таш., 1936.
26. Муравьев, Палюкайтис. Кустарная промышленность Кульджинского округа.— Рынки стран Востока. М.— Л., 1933.
27. О книге Форсита.— ТС. Т. 193. СПб., 1878.
28. Пантусов Н. Н. Статистические сведения по Кульджинскому району.— Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. 4. СПб., 1878.
29. Певцов М. В. Путешествие в Кашгарию и Кун-Лунь. М., 1949.
30. Поездка Форсита в Яркенд.— ТС. Т. 60. СПб., 1873.
31. Пржевальский Н. М. От Кяхты на истоки Желтой реки. Исследование северной окраины Тибета и путь через Лобнор по бассейну Тарима. СПб., 1888.
32. Путешествие Форсита в Яркенд.— ТС. Т. 115. СПб., 1876.
33. Регель А. Путешествие в Турфан.— ТС. Т. 247. СПб., 1880.
34. Риттер К. Землеведение. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россиею. Восточный или Китайский Туркестан. Вып. 1. СПб. 1869.
35. Роборовский В. И. Путешествие в Восточный Тянь-Шань и в Нань-Шань. М., 1949.
36. «Срединное государство» Вильямса.— СМА. Т. 12. СПб., 1884.
37. Тимковский Е. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 г. и в 1821 г. Ч. 1—3. СПб., 1824.
38. Тихонов Д. И. Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X—XIV вв. М.— Л., 1966.
39. Форсита миссия в Яркенд в 1873 г.— СМА. Т. 10. СПб., 1884.
40. Хорошхин А. П. Очерки Семиречья.— Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876.
41. Ша Р. Очерки верхней Татарии, Яркенда и Кашгара. СПб., 1872.
42. Banateany T. Notes ethnographiques sur les ouigours de Tourfan.— Studia et acta orientalia. 3. Bucarest, 1961.
43. Bidder H. The Carpets from Eastern Turkestan Known as Khotan, Samarkand and Kansy Carpets. L., 1964.
44. Bruce C. D. In the Footsteps of Marco Polo. Edinburgh — London, 1907.
45. Falke O. Filzeteppiche aus Kutscha.— A. Le Coq. Von Land und Leuten in Ost-Turkistan. Lpz., 1928.
46. Filippi F. The Italian Expedition to the Himalaya, Karakoram and Eastern Turkestan. L., 1932.
47. Forsyth T. D. Report of a Mission to Jarkand in 1873. Calcutta, 1875.
48. Gordon T. E. The Roof of the World. Edinburgh, 1876.
49. Henderson G., Hume A. O. From Lahore to Jarkand. London, 1873.— ТС. Т. 106. СПб., 1873—1875.
50. Jarring G. Materials to the Knowledge of Eastern Turki. 4. Lund, 1951.
51. Le Coq A. Volkskundliches aus Ost-Turkistan. B., 1916.
52. Le Coq A. Von Land und Leuten in Ost-Turkistan. Lpz., 1928.
53. Le Coq A. Auf Hellas Spuren in Ost-Turkistan. Graz, 1974 (Nachdruck).
54. Rhins D. de. Mission scientifique dans la haute Asie. T. 2. P., 1898.
55. Shaw R. Reise nach der Hohen Tartarie, Jarkand und Kaschgar. Jena, 1872.
55a. Skrine C. P. Chinese Central Asia. L. 1926.
56. Stein A. Ancient Khotan. Vol. 1. Ox., 1907.
57. Stein A. Innermost Asia. Vol. 1. Ox., 1928.
58. Stein A. Innermost Asia. Vol. 2. Ox., 1928.
59. Teichman E. Travels of a Consular Officer in North-West China. Cambridge, 1921.

Э. М. Исмаилова

К ВОПРОСУ О ТАНЦЕВАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ УЙГУРОВ

Яркое, темпераментное танцевальное искусство уйгуров, популярное в народе и поныне, занимало важное место в культурной жизни оседлых уйгуров еще в глубокой древности. Поскольку эта отрасль уйгурского искусства пока совсем не исследовалась, мы попытаемся в настоящей статье собрать и осмыслить имеющиеся в наличии материалы об уйгурских танцах, отнюдь не преследуя более масштабных целей. Статья опирается на данные ряда исторических и литературных источников, а также беседы с артистами Уйгурского музыкально-драматического театра (Алма-Ата) и песенно-танцевальных коллективов (Алма-Ата, Ташкент) — знатоками традиционного уйгурского танца.

Современное танцевальное искусство уйгуров впитало и сохранило ряд элементов культуры далеких этнических предшественников, отразило различные этапы общественной и хозяйственной жизни народа и, возможно, культурные связи с другими народами, особенно соседними. В современном репертуаре уйгурских артистов можно увидеть бережно, с любовью донесенные из глубины веков осколки древней танцевальной культуры: танцы с огнем, танцы, изображающие животных, шуточные танцы с масками, старинные боевые танцы воинов, танцы скорби и др.

Красота танцевальных образов доставляла глубокое эстетическое наслаждение еще древним уйгурам V—VII вв. Повсюду — в богатых плодородных оазисах древнего Восточного Туркестана, в крупных городах, стоявших на скрещении транзитных торговых артерий, в тихих отдаленных селениях песни и пляски были неотъемлемым элементом общественной жизни населения.

Интересны записи о высоком уровне развития танцевальной культуры в китайских летописях («Суй шу», VI в. н. э.). Там, в частности, среди буддийских мелодий Хотана специально отмечены танцевальные мелодии. В период поздней Вэй (первая половина VI в.) мелодии Западного края, в частности Кашгара и Бухары, были известны при китайском дворе «во множестве» и исполнялись императорским оркестром. Сохранилось название одной из танцевальных мелодий Кашгара — «Юаньфу» [1]. Летопись весьма лаконично констатирует: «было заимствовано их (т. е. Западного края.— *Э. И.*) искусство».

Мастерство восточнотуркестанских танцоров столь высоко ценилось в соседних странах, что в особых случаях в качестве почетных даров к их правителям отправлялись танцовщики и музыканты из городов Восточного Туркестана, а также Средней Азии. Так, отрывок из «Танхуэйяо» (танский период) сообщает, что когда император У-ди сочетался браком со знатной девушкой из племени тукюэ, «из всех городов Западного края приехали [послы] с поздравлениями. Одновременно была преподнесена музыка Кучи и Сулэ (Кашгара.— *Э. И.*), Самарканда и Бухары» [7, с. 122].

В VII в. в танском Китае, где «умели ценить прекрасное и любить далекое», возникла мода на все тюркское — одежду, блюда, домашний рекви-

[1] Китайская транскрипция названия [7, с. 122].

зит и особенно музыку, поэзию, танцы [14, с. 467]. Тогда для внутренней жизни Китая отношения с «Великой степью» — многочисленными и сильными тюркскими кочевыми племенами, окружающими страну,— имели огромное значение. Поэтому императоры Танской династии проводили политику сознательного поощрения культурного обмена.

В этот период активных политических и культурных связей Китая с центрально- и среднеазиатскими государствами в столице империи Чанъани жило «десять тысяч семей» — выходцев из Западного края [14, с. 466 — 467], среди которых музыканты и артисты занимали далеко не последнее место. Мелодичная музыка и красивые танцы артистов из восточнотуркестанских земель Западного края покоряли самых взыскательных знатоков и ценителей искусства при китайском дворе, вызывая подражания и заимствования в китайском искусстве.

К событиям, удостоенным занесения в лаконичные анналы музыкального раздела «Старой Танской истории» («Цзю тан шу») отнесено появление в империи во время установления дипломатических отношений Западной Вэй с Гаочаном (Турфан) артистов из этого владения. Талантливый и энергичный Тай-цзун, захватив Гаочан, не преминул целиком забрать и «его музыку». Далее в летописи дается довольно подробное описание костюмов гаочанских танцоров: «танцоры [из Гаочана] одеты в белые кафтаны с расшитыми рукавами, сапоги из красной кожи... а лоб натирают краской (не исключено, что здесь имеется в виду просто красная повязка на лбу.— *Э. И.*)» [7, с. 124]. Артисты Кучи были одеты несколько иначе: «...лбы их натерты красным, [они одеты] в темно-красные куртки, белые штаны, кожаные сапоги цвета вороньего хвоста». У танцоров Сулэ (Кашгара) «куртки белые, рукава расшитые, сапоги и пояса из красной кожи» [7, с. 124].

Китайский сановник Ван Янь-дэ, прибывший в 981 г. послом в независимый Гаочан (уйгурское владение в Восточном Туркестане), отмечал в отчете, что во время торжественного обеда, данного правителем Арсланханом в честь китайского посла и длившегося до глубокой ночи, присутствовавших на нем все время развлекала музыка [10, с. 429, 436] и, вероятно, танцы.

Изображения танцовщиц и божеств, связанных с культами, в ритуалах которых большую роль играли танцы, имеются на прекрасных настенных росписях пещерных храмов в уйгурских землях Восточного Туркестана (например, в Минг-ой у Кумтуры). Судя по нескольким изображениям, сохранившимся на настенных росписях, можно предположить существование у древних уйгуров бытовых и ритуальных танцев, связанных с местными религиями. Изображение двух фигур синего цвета со скрещенными ногами и с развевающимися шарфами, колокольчиками и ореолом вокруг головы — «князей-демонов» — принято связывать с каким-то местным небуддийским культом, в ритуале которого танцы занимали, видимо, главное место [8, с. 41].

Манихейско-буддийская тематика ряда дошедших до нас музыкальных произведений Восточного Туркестана (например, «Мелодия вечности», «Изобилие вечного мира», «Волшебный белый конь» и др.) наводит на мысль о возможном существовании ритуальных танцев, исполнявшихся под эту музыку. Известно, что музыка и танцы считались «украшением», посвященным Будде или его учению. Поэтому в религиозной сфере танцы играли значительную роль. В дуньхуанской живописи нередко перед Буддой и его приближенными на переднем плане изображались платформа-сцена и танцующие на ней. По сторонам от танцоров располагался оркестр (прекрасный фрагмент такого изображения сохранился в Кумтуре). Это должно было изображать небесный оркестр и символизировать высшую радость, внушаемую буддийским учением. Имеются и соответствующие тексты [12, с. 154—155]. Были и другие ритуальные танцы. Сохранилось, например, изображение танцующей девушки, из-за плеча которой виден скелет (погребальный танец) [13, с. 30, рис. 226].

Изображение в Минг-ой танцующего человека, на голове и плечах ко-

торого мы видим тарелкообразные и пиалообразные сосуды или лампады (танец с пиалами среди уйгуров популярен до сих пор), и фигура женщины, удивительно напоминающая полуобнаженную балерину в изящном танце [9, с. 155], свидетельствуют о параллельном существовании другой ветви танцевального искусства — бытовых танцев и, возможно, о наличии зачатков театрального искусства. Иногда в живописи изображаются девушки, исполняющие в танце сложные акробатические номера, например, танцуют на руках [13, с. 26, рис. 163]. Есть данные и о наличии пантомимы [12, с. 155]. Особенно славились музыканты и танцоры из Кучи. Знаменитый артист кучинец По Минг-та написал музыку к балету «Трель осенней мелодии», который прославлялся поэтами и исполнялся даже в Японии [15, с. 55].

Любовь к ярким праздникам, музыке, гуляньям, различным обрядам была свойственна древним уйгурам. Марко Поло, проезжавший уйгурские земли Восточного Туркестана в XIII в., особо отметил эту черту их общественной жизни: «Городов и замков тут много, а главный город зовется Комулом... живут земледелием; еды и питья у них обилие... Народ веселый, то и дело, что играют на инструментах, поют, пляшут да ублажают свою плоть» [6, с. 81].

С началом исламизации уйгуров (в их западных землях — с X в., в восточных — с XIV в.) и включением обоих (западного и восточного) государств в рамки политических образований, связывавших их со Средней Азией (государство Караханидов, Моголистан в рамках империи Джагатаидов), общественная и культурная жизнь уйгуров во многом изменилась. Суровые мусульманские властители и их духовные наставники объявляли запретными многие виды художественного творчества, в том числе скульптуру и драму, музыку и танцы. Многие художники и скульпторы Восточного Туркестана были вынуждены покинуть родину. Но ислам, который оказывал значительное влияние на вкусы и эстетические идеалы, не смог сломить уже сложившуюся духовную культуру местного населения, его своеобразное мышление и видение мира, представление о прекрасном.

Хотя письменных сообщений, подтверждающих бытование и развитие у уйгуров танцевального искусства в средние века, сохранилось немного, они убедительно говорят о том, что оно не только не деградировало, но продолжало занимать большое место в их общественной жизни. Турецкий географ Хаджи Халифа в своем труде, датированном 1640 г., пишет: «... по сказаниям мекканских паломников, Енги-Хиссар находится по дороге из Яркенда в Кашгар и славится своими танцовщицами, которые не уступают индийским, но закон исповедуют мусульманский» [2, с. 112]. Когда Китай в XVIII в. вновь включил Восточный Туркестан в свои политические границы, танцевальное и музыкальное искусство там по-прежнему было популярно в народе. В отчете китайского путешественника XVIII в. читаем: «...в огромном тюркском городе Кашгар... живет в роскоши много куртизанок, достигших совершенства в искусстве пения и танцев» [11, с. 24]. В XIX в. начинается активное научное исследование Восточного Туркестана географами, археологами, лингвистами разных стран. В трудах многих из них, в частности русских ученых, отмечены странные для общества, исповедующего ислам суннитского толка, особенности общественной жизни страны: отсутствие религиозного фанатизма, относительная свобода женщин, которые ходили с открытым лицом и посещали различного рода общественные собрания и празднества, поразительная любовь к музыке и танцам. «Все среднеазиатцы, можно сказать,— народ филармонический, а таранчи и кашгарцы (уйгуры Джунгарии и Кашгарии.— *Э. И.*) — в особенности. В Кашгарии во всяком почти доме есть дуто (дутар). Среди таранчей половина мужчин умеет играть, женщины же почти все, ибо они... от безделья выучиваются музыкальной игре, служащей им одним из главнейших развлечений и забав»,— писал известный этнограф Н. Пантусов о жителях Кашгарии [4, с. XII]. Ч. Валиханов сообщал следующее: «Туркестанцы любят веселиться, пьют вино. Женщины ходят не закрываясь,

и без них нет увеселения и пиршества.... Женщины хорошо поют, пляшут и знают разные фиглярства. Занимательно смотреть, как они вертятся кубарем, ходят по медной проволоке и пр.» [1, с. 101].

Эти особенности общественной жизни страны, возможно, объясняются окраинным положением Восточного Туркестана в мусульманском мире, смешением народов, идеологических воззрений и культурных влияний, где к заповедям ортодоксального суннизма относились несколько свободнее, чем, например, в Западном Туркестане. Наблюдения А. Стейна подтверждают сохранение этой особенности культурной жизни уйгуров и в начале XX в.: «Музыка и пение дороги народам всего Туркестана, но, вероятно, нигде больше маленькие группы профессиональных музыкантов не были так многочисленны и потребность в них более велика, чем в Хотане. Для всех хотанцев и по сей день живы любовь и неистребимая жажда к музыке и танцам, которые отмечал Сюань-цзан и его последователи. Интересно, что танцы... составляют приятное времяпровождение хотанцев обоих полов и всех классов. Эта местная особенность... должна была войти в противоречие с верой, особенно с исламом, и является странным контрастом серьезности и этикету принципов ислама» [16, с. 141].

В этом пристрастии охотно признавались и сами уйгуры, в одной из народных песен они добродушно подсмеиваются над собой:

Доланы [2] вышли из песков,
хваля Аллаха за спасение,
но настолько увлеклись развлечениями,
что совсем позабыли о нем [3, с. 233].

Увеселения (*тамоша*) с танцами и музыкой устраивались по поводу всех мусульманских праздников, календарных и семейных народных обрядов (например, праздника весны — *науруза*, сбора урожая, рождения детей, обрезания, помолвок, свадеб и др.). Танцы были сольные и массовые, предназначенные для исполнения на площадях при большом скоплении народа и камерного характера, исполняемые в узком кругу лиц.

Еще в XIX в. некоторые виды танцев приурочивались к определенным праздникам и торжественным датам. Так, вечером десятого дня поста *уразы*, после захода солнца молодежью устраивалось праздничное шествие, шутливый карнавал. Наделав из цветной бумаги, лент, камыша забавных фонариков в виде гусей, рыб, свечей и пр. и прихватив с собой музыкальные инструменты — дойру, танбир, а в Кашгарии обязательно и сафаили (народные ударные инструменты), молодежь и дети отправлялись по домам состоятельных жителей. Иногда к этому дню заранее делались карнавальные маски из тыквы с прочной коркой (*капак*) в виде зверей и чудовищ [3]. Обходя дома, молодые люди пели колядки (*Черлусы* и *Рамазан кушагы*) и танцевали, получая в награду мелкую монету, сладости и пр. Исполнялись танцы с подносами (*лаганами*), пиалами, сафаилями, а также танец *Кема-уйин*, изображающий катающуюся на разукрашенной лентами и бумагой лодке ханскую дочь [4]. Через семьдесят дней после мусульманского поста (*рамазан-руза*) устраивался *курван-аит* — праздник жертвоприношения, длившийся три дня. Во всех общественных местах — на базарных площадях, возле мечетей — устраивались массовые гуляния и зрелища. Группа музыкантов образовывала оркестр, и начинались массовые танцы, в которых принимали участие празднично одетые мужчины и женщины. Исполнялись танцы *Хеит усуллари*, *Ногира усули*, *Сурнай усули*, *Сапоиль усули*, танцы с лаганами и пиалами. В праздник Нового года (*науруз*), с которым народ связывал надежды на новую жизнь, гуляние продолжалось в течение трех дней. На базарах устраивались качели [5], на которых с песнями качались женщины. Возле качелей играла музыка и исполнялись мас-

[2] Доланы (долоны) — этнографическая группа уйгурского народа.
[3] Сообщение заслуженного артиста КазССР Д. Асимова.
[4] Сообщение солистки уйгурского ансамбля УзССР К. Умаровой.
[5] У мусульман качаться на качелях считается богоугодным делом (*савоб*), поэтому в дни праздников на качелях качались даже старушки.

совые и сольные танцы. Танцевали также в ночь *барат* — ночь общественного моления, когда отпускались все грехи [5, с. 134]. Празднику весны *наурузу* обычно посвящали танцы с цветами, венками и пр. Осенью отмечался радостный праздник урожая, на котором все пили вино и дружно плясали. Таким образом, многие уйгурские народные танцы отражали различные эпизоды из жизни простых людей.

В настоящее время уйгурские народные танцы представлены несколькими локальными группами, различающимися местными особенностями танцевального языка, стилем исполнения и пр. Известно, например, девять вариантов старинного национального танца *Санам* (свадебный лирический танец), по-разному исполнявшегося в восьми местностях и городах уйгуров — Или, Хотане, Долане, Кашгаре, Комуле, Кучаре, Каргалыке, Аксу. Но если брать не тонкости, а характерные, определяющие черты танцевального стиля уйгуров, то выделяются две локальные группы танцев: южная (кашгарская) и северная (илийская).

В южной части страны, равнинной земледельческой Кашгарии с ее преимущественно уйгурским населением, древняя, самобытная, глубоко национальная основа танца сохранилась в наиболее чистом виде. Танцы этого района исполняются под музыку с яркой, мелодической основой и удивительным богатством ритмов. Танцы Кашгарии отличаются поэтической трактовкой образов, тонкостью и изяществом узора. Женские образы в танцах в большинстве очень лиричны, нежны и традиционно стыдливы [6]. Среди мужских танцев есть медленные (они считаются старинными), есть и подвижные, зажигательные (более современные).

Среди кашгарских танцев несколько выделяются танцы долонов. Религиозное влияние в их общественной жизни было менее сильным, чем в остальной Кашгарии. Мужчины и женщины долонов, в отличие от других уйгуров, на *машрабах* сидели вместе, свободно танцевали. Мужчина приглашал женщину на танец, во время исполнения которого допускалось даже касание плечом плеча партнерши [7].

Танцы северных, илийских, уйгуров несколько отличаются от кашгарских. Возможно, это связано с тем, что повседневная жизнь илийских уйгуров не была так скована нормами и предписаниями ортодоксального суннизма, как в Кашгарии в XIX в. Кроме того, специалистами отмечены следы китайского влияния в мелодиях илийских уйгуров. В отличие от тонких, плавных, изящных движений сложного кашгарского танца, илийский танец исполняется темпераментнее, в нем много динамики. Женщина держится и танцует свободно и смело, сохраняя при этом изящество и пластичность. От мужчин во всех районах танец требует большой энергии и темперамента в сочетании с пластичностью и легкостью движений. Илийский мужской танец содержит, видимо, несколько больше резких и широких жестов (возможно, в этом и проявилось влияние Китая и Монголии), чем кашгарский.

Рассмотрим некоторые танцы, бытующие у уйгуров в настоящее время. Один из наиболее древних танцев, доживших до настоящего времени, танец с огнем — *Ут усулири*, быть может, связанный с огнепоклонничеством: в древности кочевые уйгуры были шаманистами и огнепоклонниками, а остатки верований и ритуалов, связанных с поклонением огню, отмечались в глухих районах Синьцзяна даже в XX в. Танцевальная техника в танцах с огнем разработана слабо — это, скорее, театрализованное полуцирковое представление. Известно три его разновидности: 1) танец с огнем изо рта; 2) танец с огнем на голове (на голове, на специальной подставке помещается металлическое блюдо с огнем — *чирог*, танцуют, стараясь,

---

[6] Эта манера до известной степени отражает обычаи и нравы кашгарского общества, где позиции ислама вплоть до революции 1949 г. были сильны. В быту сохранялись все предписания ислама, женщины ходили под паранджой и не смели разговаривать с мужчинами (сообщение К. Умаровой).

[7] Сообщение руководителя танцевального ансамбля Уйгурского музыкально-драматического театра (Алма-Ата) М. Азиза.

чтобы этот факел не упал; на женских *машрабах* танец исполняли в темноте, при потушенном свете); 3) танец вокруг костра.

Весьма архаическими представляются «танцы обезьян» (*Маймун усули*). Обезьян в Восточном Туркестане нет. Между тем древняя терракота Хотана (юг Кашгарии) поражает обилием изображений фигурок обезьян в самых различных положениях: играющих на музыкальных инструментах, едущих на лошадях или верблюдах и пр. Интересно, что «танец обезьян» был особенно популярен именно в Хотане. Вероятно, это объясняется тесными культурными связями Хотана с Индией в древности и раннем средневековье (в начале н. э. область Хотана была даже частично колонизована выходцами из индийского княжества Таксила). *Маймун усули* также представляет собою театрализованное зрелище с цирковыми номерами, сюжет которых прост — человек играет с обезьяной.

Осколком былых времен является и «танец на лодках» (*Кема усули*), содержание которого в дошедшем до XX в. виде — светское, земное: девушка (или девушки) сидит в лодке, мужчина (или мужчины) качает лодку, заигрывая с девушкой и забавляя ее.

Из всех древних танцев наиболее популярным в народе по сей день является бытовой танец с пиалами и тарелками — *Тахса усули*. Сейчас это исключительно женский танец, исполняемый на праздниках (тоях, женских *машрабах*). Танцовщица ставит на голову пирамидку из семи-восьми пиал, в руки берет тарелочки и палочки для еды (*чуки*) или просто надевает на пальцы наперстки (*уймок*), которыми ритмично отбивает такт во время танца. Разновидностями этого танца являются танцы с подносами (*ляган*), чайниками и самоваром на голове (мужские танцы). *Тахса усули* популярен в районе Турфана.

Среди многочисленных народных танцев, разнообразных по исполнению, жанрам, форме и назначению, выделяются лирические танцы. Некоторые из них (например, танец *Санам*) считаются старинными. Лирические танцы, предназначенные и для исполнения во время народных празднеств на больших площадях, и носящие камерный характер, были очень распространены в Синьцзяне. Лирические танцы исполнялись обычно с песенно-музыкальным сопровождением. Музыкальное сопровождение вообще всех танцев составлял аккомпанемент струнных и ударных инструментов — бубна, дутара, литавров, барабанов, сетара, гиджака. Песня, исполнявшаяся музыкантами, хором, а иногда и самими участниками *машраба*, служила сюжетом для танцора. Среди лирических танцев есть сольные мужские, сольные женские и парные, для мужчины и женщины (*Санам*, *Алтынджан*, *Назыргум*). В некоторых районах Синьцзяна бытовал старинный парный лирический танец, исполнявшийся на общих для юношей и девушек, мужчин и женщин праздничных встречах — *машрабах*. К лирическим танцам относится сольный танец *Сайла усули*, рассказывающий о наслаждающейся прогулкой по прекрасному саду девушке или молодой женщине.

Необходимость борьбы за политическую независимость в течение многих веков вызвала появление в танцевальном искусстве такого вида танца, как *Джанг* — боевой танец воинов. *Джанг* был широко распространен среди воинов уйгурской армии еще два века назад, до завоевания Восточного Туркестана Цинами. Танец исполнялся группой молодых воинов на военных смотрах и празднествах, перед готовыми к бою рядами бойцов, с холодным оружием в руках — саблями *гурзи*, кинжалами и пр. Резкие, четкие движения танца были воинственными, демонстрировали ловкость и героизм, силу и умение сплоченно драться и побеждать. По сообщению М. Азиза, в танце *Джанг* были, например, такие интересные движения, которые изображали приемы разведчиков, выслеживающих врага, бойцов, спускающих с тетивы лука стрелу, демонстрировались приемы поединков на саблях, рукопашного боя. Прямые шеренги воинов нападали друг на друга, становились на колени, манипулировали оружием и производили воинственные движения в такт музыке. Мужественный, воинственный танец был призван пробуждать в сердцах воинов высокий патриотический дух, смелость, непреклон-

ную волю к победе, воодушевлять их на ратные подвиги. Сейчас этот танец почти забыт, как и другой некогда популярный мужской охотничий танец *Укиё усули*, состоящий из движений, изображающих охоту на птиц и зверей, с луком и стрелами.

Веселый по натуре, любящий смех и шутку народ создал немало веселых шуточных танцев. Многие из них бытуют в народе и сейчас. Среди них: *Ололмайсан* («Не сможешь взять»), *Жон бургам* («Душенька блоха») и др. В танце *Ололмайсан* на середину комнаты или площадки для танцев бросается платок или какая-то другая небольшая вещь. Танцующий делает вид, что очень хочет поднять ее, но не может. Веселый танец с комическими движениями и позами сопровождался соответствующей мимикой лица. Популярны в народе также живые сольные женские и ансамблевые танцы, искрящиеся юмором и весельем. Они составляют цикл *Ханумлар пэрдиси* и сопровождаются забавными песенками и задиристыми куплетами. В цикл *Ханумлар пэрдиси* входят такие танцы, как *Лангтырлан*, *Мэшугум*, *Назырган* и т. д. [8].

Все танцы различаются темпом исполнения и характером танцевальных движений. Есть старинные традиционные танцы, исполняющиеся в замедленном темпе, со спокойными и плавными движениями рук и тела (например, танец *Сема*). В танце *Сырылма* ноги танцующих двигаются плавно и медленно, зато движения корпуса и рук ускорены, подчинены уже иному, динамическому ритму. Мужской танец *Шадиян* танцуют вприпрыжку, с сильными, резкими движениями. А популярная мужская пляска *Седыр* исполняется в лихом, зажигательном темпе. Живые, энергичные движения корпуса и рук в этом танце дополнены различными движениями по кругу вприсядку и попеременными прикосновениями в этом положении обоих колен к полу.

Основные танцевальные движения:

а) *Жилва хэрикити* — передают различные оттенки чувств: кокетство, радость, мужество, тревогу, печаль, страдание, горделивость, удивление и пр. Эти чувства передаются своеобразными движениями шеи, обоих плеч у мужчин, одного плеча у женщины, дрожанием мускулов груди у женщины, богатой мимикой лица — движением глаз, бровей, ушей, волос.

Каждое из перечисленных движений имеет определенное значение. Сочетание их может передавать сложные понятия.

б) Трудовые движения — имитируют движения мужчин и женщин, занятых в различных сферах хозяйственного труда. Здесь — самый большой выбор движений, вынесенных из обыденной жизни в искусство. Облагороженные с точки зрения пластики, линий и округленности движений, они сделались декоративными, обрели стилизованный характер.

в) *Кайгу, зулум хэрикити* — передают различные идеи общественной несправедливости и угнетения, горе, переживания подневольного человека, идею гнета и бесправия и т. д. К этому виду танцев относятся *Гуламхон*, *Пота усули*, *Маргули*.

г) *Кураш хэрикити* — движения борьбы. Они составляют основной рисунок военных танцев *Джанг*, охотничьих *Укиё усули* и пр.

д) Движения, передающие народную радость, довольство, воплощены в праздничных танцах *Хеит усуллари* (*Сапоиль усули*, *Ногира усули*), посвященных сбору урожая, коллективный танец *Рак* и пр.

Следует заметить, что большая часть сюжетов, движений уйгурских танцев весьма сходна с узбекскими. Есть также некоторые движения, как будто навеянные мотивами индийского и китайского танцев, монгольских обрядов. Но в отличие, например, от индийского танца, где движения рук и ног, всего корпуса несут равную смысловую и эстетическую нагрузку, в уйгурском (и в узбекском) танце движения головы, верха корпуса и рук заметно преобладают.

Вся эта богатейшая сокровищница танцевальной мудрости, созданная и

[8] Сообщение С. Исамбаевой (г. Андижан).

бережно донесенная до наших дней десятками поколений уйгуров, глубоко народна. Танцевальная культура уйгурского народа и в наши дни продолжает жить и развиваться.

1. Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2. А.-А., 1962.
2. Риттер К. Землеведение. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россиею. Восточный или Китайский Туркестан. Перевел, с присовокуплением критич. примеч., и дополнил по источникам, изданным в течение последних тридцати лет, В. В. Григорьев. Вып. 1—2. СПб., 1869—1873.
3. Муканов С. Шаги великана. А.-А., 1962.
4. Пантусов Н. Таранчинские песни.— «Записки РГО по отд. этнографии». Т. 17. Вып. 1. СПб., 1890.
5. Певцов М. В. Путешествие в Кашгарию и Куэнь-Лунь. М., 1949.
6. [Поло Марко]. Книга Марко Поло. М., 1955.
7. Рифтин Б. Л. Из истории культурных связей Средней Азии и Китая. (II в. до н. э.— VIII в. н. э.).— Проблемы востоковедения. 1960, № 5.
8. Скульптура и живопись древнего Пянджикента. М., 1959.
9. Хамраев М. Расцвет культуры уйгурского народа. А.-А., 1967.
10. Якубовский А. Ю. Арабские и персидские источники об уйгурском Турфанском княжестве в IX—X вв.— Труды Отдела Востока Эрмитажа. Л., 1947.
11. Bidder H. The Carpets from Eastern Turkestan. L., 1964.
12. Gabain A. Das Leben im uigurischen Königreich von Qočo (850—1250). Textband. Wiesbaden, 1973.
13. Le Coq A. Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittel-Asiens. Graz, 1977 (Nachdruck).
14. Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). Buch 1. Wiesbaden, 1958 (Göttinger asiatische Forschungen. Bd 10).
15. Schafer E. H. The Golden Peaches of Samarkand. A Study of T'ang Exotics. Berkeley — Los Angeles, 1963.
16. Stein A. Ancient Khotan. Detailed Report of Archaeological Explorations in Chinese Turkestan. Vol. 1. Ox., 1907.

Н. П. Кочергина

АУРЕЛ СТЕЙН И ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА

Одним из самых крупных западноевропейских исследователей Восточного Туркестана был Аурел Стейн (1862—1943 гг.) — путешественник, археолог, востоковед. Его деятельность органически входит в обширный цикл работ по Восточному Туркестану, проводившихся учеными разных стран, и прежде всего русскими исследователями, в XIX — первой половине XX в. [6].

Материалы о жизни и деятельности А. Стейна сосредоточены в двух венгерских публикациях — Л. Рашоньи «Аурел Стейн и его наследие», 1960 г. [12] и В. Борош «Переписка между Игнацем Хиршлером и Эрне Стейном», 1970 г. [5], а также в обширной работе американского автора Ж. Мирской «Сэр Аурел Стейн, исследователь-археолог», 1977 г. [9].

В этих трех изданиях приведен обширный документальный материал. Особенно большую ценность представляют отрывки и данные из переписки А. Стейна (в венгерских публикациях — из венгерских архивов, в американской — из английских). Работа Ж. Мирской, претендующая на обобщающий характер, в научном отношении страдает серьезными недостатками. Немало данных содержится в некрологах, опубликованных вскоре после смерти А. Стейна [4; 7; 11; 30].

Отечественные ученые, дореволюционные и советские, положительно относились к А. Стейну, высоко ценили его научную деятельность. С. Ф. Ольденбург, В. В. Бартольд и многие другие ученые исследовали в своих трудах материалы А. Стейна, часто ссылались на него. Однако на русском языке нет ни одной работы, специально посвященной А. Стейну как ученому или какой-либо стороне его деятельности. Единственное исключение — работа Л. Дойеля «Завещанное временем. Поиски памятников письменности» (М., 1980), в которой две главы (XXI—XXII) посвящены деятельности А. Стейна.

Чтобы как-то восполнить этот пробел, мы приводим некоторые данные об А. Стейне и его деятельности, главным образом в связи с Восточным Туркестаном. С этой целью мы использовали указанные выше биографические исследования, но главным источником для нас были многочисленные труды самого Стейна. Стейн не написал обобщающей книги по истории культуры Восточного Туркестана. Значение его деятельности состоит в том, что он обнаружил, описал и опубликовал огромное количество материала для написания такой книги. Он был одним из пионеров в исследовании этого обширного региона, и именно поэтому его материалы так широко используются всеми исследователями, работающими над изучением культуры и истории Центральной Азии.

Марк Аурел Стейн (Marc Aurel Stein) [1] родился 26 ноября 1862 г. в Будапеште [2]. Начальную школу он окончил здесь же. Семья стремилась раз-

[1] Обычно его имя приводят в примечаниях и даже в библиографиях в форме A. Stein, так как сам он предпочитал второе имя — см. [8, с. IX].

[2] В 1904 г. А. Стейн принял английское подданство.

вивать умственные способности одаренного ребенка. В возрасте десяти лет его отдали в школу Краузе в Дрездене, где Стейн изучал греческий, латынь, французский и английский языки и где был заложен фундамент для развития его исключительных лингвистических способностей. Лекции учителя школы д-ра Хаусмана о мировом значении греческой культуры, о походах Александра Македонского на Восток впервые привлекли внимание юного гимназиста к территории, расположенной между реками Окс и Инд. В этой школе А. Стейн провел четыре года.

Последние классы средней школы он закончил в Будапештской высшей гимназии евангелистов (1876—1879), которая не уступала школе Краузе по уровню преподавания. Здесь в 1879 г. Стейн успешно сдал экзамены на аттестат зрелости. Сохранилась переписка между дядей А. Стейна — Игнацем Хиршлером и старшим братом — Эрне Стейном. Из семейной переписки видим, какое большое влияние на развитие А. Стейна оказали Игнац Хиршлер и старший брат Эрне. Еще школьником привел Игнац Хиршлер племянника в библиотеку Венгерской Академии, и тут открылись перед жаждущим знаний молодым человеком таинства науки [5, с. 17].

В 1879 г., не достигнув и 17-летнего возраста, Стейн поступает в Венский университет (1879—1880), где изучает санскрит и сравнительное языкознание, а также классическую филологию у Ф. Мюллера. В 1880 г. Стейн продолжает образование в Лейпцигском университете.

Родители Стейна привили сыну любовь к путешествиям, к археологии. Его отец познакомил мальчика со знаменитым Арминием Вамбери, известным своими путешествиями в среднеазиатские ханства. Его рассказы и чтение книг, в частности известного специалиста по Тибету Чома Кёрёши, открыли мальчику удивительный мир Востока.

В 1881 г. в целях усовершенствования знаний по индологии и иранистике Стейн переводится в Тюбингенский университет, где он работает под руководством профессора Р. Рота [12, с. 6]. Весной 1883 г. в Тюбингене он получает диплом доктора филологии. Позднее Стейн продолжал поддерживать связь с Тюбингенским университетом. Будучи уже известным ученым, он читал там лекции.

Полученная им государственная стипендия помогла ему и в последующие годы продолжать обучение за границей. Так, в 1884—1885 гг. он занимается иранистикой в Кембридже и Оксфорде. В 1886 г., пройдя на родине годичную военную подготовку в военной академии Людовика и изучив топографию и картографию, он возвращается в Лондон. Он много занимается в Британском музее, изучая его богатейшие коллекции, в частности нумизматические. Записи, сделанные в карманном календаре на 1887 г. и дошедшие до нас, позволяют проследить его деятельность в последующие месяцы. Эти краткие, словно телеграммы, записи, сделанные на английском языке, наглядно показывают процесс становления молодого ученого, человека, который благодаря своим разносторонним знаниям находит поддержку выдающихся востоковедов того времени. Он сближается с такими корифеями, географами и востоковедами, как Г. Юл и особенно Г. Роулинсон. Много раз А. Стейн ссылается на свои занятия парфянской нумизматикой. Первая его крупная работа «Зороастрийские божества на индоскифских монетах» была опубликована в 1887 г. [13]. Она явилась значительным шагом вперед в исследовании этой проблемы и надолго вошла в науку (ее продолжают цитировать и в наши дни).

В конце 1887 г. Стейн переезжает в Индию. Молодого ученого манила Индия, изучению истории, культуры и языков которой он решил посвятить свою жизнь.

12 декабря 1887 г. Стейн делает запись: «В 12 час 30 мин. прибыл в Бомбей». 16 декабря: «...Только что прочел объявление о вакансии на должность директора Лахорского Восточного колледжа, как вдруг получил письмо от д-ра Госта с предложением этой должности» [12, с. 8]. В 1888 г. его назначают архивариусом Пенджабского университета. В 1889 г. Стейн, уже освоившись с новой обстановкой и работой, посвятил каникулы знакомству

с Кашмиром. Путевой дневник Стейна был опубликован мюнхенским издательством в «Allgemeine Zeitung» [14].

В Сринагаре Стейн много времени проводит в библиотеках, изучая рукописи, часто общается с индийскими знатоками санскрита. Эта страна на всю жизнь приковала к себе А. Стейна-ученого. В октябре Стейн покидает Сринагар, чтобы вновь начать работу в Лахорском Восточном колледже. Вскоре Стейн разбил постоянный палаточный лагерь в горах Моханд Марг, возвышающихся над долиной Синд. Сюда Стейн время от времени приезжал отдыхать, здесь обрабатывал результаты своей научно-исследовательской работы. Он называл этот лагерь «единственным истинным домом».

В 1891 г. Стейн писал, что занят подготовкой критического издания истории кашмирских правителей [12, с. 9]. В 1892 г. он издает санскритский текст этой хроники [15], а позже — ее перевод с комментариями и исследованием [16]. Как о работе, «известной своей исторической подлинностью в индийской классической литературе», пишет об этом труде Стейна А. Олдхэм [10, с. 4].

В последние годы жизни Стейн много трудился над подготовкой переработанного издания этого труда, внося поправки, дополнения, иллюстрации.

Стейна интересовала история и историческая география Кашмира, и в 1900 г. он публикует важную работу на эту тему [16]. Во второй половине 90-х годов он занимается и полевой археологией, проводя экспедиции в разных местностях Северного Индостана. В 1899 г. он был назначен главой Калькуттского медресе.

В 1895 г. благодаря своим работам и исследованиям Стейн был избран членом-корреспондентом Венгерской Академии наук. В связи с этим в 1897 г. А. Стейн прочитал в Венгерской Академии наук доклад на тему: «Белые гунны и родственные племена в истории северо-западной пограничной области Индии». Доклад был затем опубликован в августовском номере журнала «Budapesti Szemle» в том же, 1897 г. Английский перевод, дополненный кратким предисловием, появился в 1905 г. [18]. В предисловии ученый писал, что за прошедшие годы появилось много публикаций по смежным проблемам (особенно отмечая работы Э. Шаванна и И. Маркварта), но что он решил не перерабатывать свою работу и опубликовать ее в том виде, в каком она была в 1897 г. [12, с. 11].

Эта работа Стейна сыграла определенную роль в истории науки. В ней он широко использовал самые разнообразные индийские письменные источники, в том числе эпиграфические, более поздние персидские и арабские хроники, а также нумизматические материалы. Этой работой ученые пользуются до сих пор. Разумеется, некоторые ее положения устарели (как, например, утверждение о тюркоязычности эфталитов), но в целом она ознаменовала новый шаг в разработке истории гуннов-эфталитов.

Занимаясь филологией, Стейн все больше проявлял себя и как археолог. Он планировал большую экспедицию в Центральную Азию, в чем встретил поддержку англо-индийского правительства.

В начале 1898 г., когда английская армия захватила в Индии часть бывшего района Идяна, территорию Бунера, расположенную между долинами рек Сват и Инд, куда до того времени не могли проникнуть европейцы, Стейн воспользовался случаем, направился по следам военного корпуса и посетил археологические памятники этого района. Результаты бунерской экспедиции были важны не только с точки зрения изучения археологических материалов, связанных с историей Кашмира. Она много дала и для более поздних работ, касающихся похода в Индию Александра Македонского [12, с. 11].

Об индийском периоде деятельности ученого следует сказать, что все, кто знал Стейна в то время, были поражены не только его большими способностями в той области науки, которую он избрал, но и его энергией, с которой он добивался от властей необходимой помощи в проведении программы исследований.

Летом 1898 г. Стейн был полностью поглощен подготовкой экспедиции

в Центральную Азию. В 1900 г. его усилия были вознаграждены, и он получил разрешение организовать экспедицию для исследования погребенных под песком руин Хотана в Восточном Туркестане.

Стейну был предоставлен годовой отпуск и 14 000 рупий для этой цели. Согласно мнению специалистов, это была очень незначительная сумма и тем не менее Стейн достиг огромных результатов уже в этом первом своем путешествии. Как пишет Л. Рашоньи в своей книге «А. Стейн и его наследие», это, вероятно, была «самая результативная экспедиция XX в.» [12, с. 11].

Стейн отправился в экспедицию 29 мая 1900 г. Вместо одного года она продолжалась 14 месяцев, до июля 1901 г.

«Как бы ни была богата открытиями огромного археологического и культурного значения первая половина XX в., едва ли найдется еще такая территория, исследование которой зажгло бы для специалистов столько огоньков в темноте прошлого, как исследования Восточного Туркестана. Горизонты истории в первой половине XX в. в значительной степени расширились. Однако и по сравнению с этими масштабами поразительно богатство тех открытий, благодаря которым стала известна ранняя история бассейна реки Тарим и представилась возможность оценить ее значение в истории общей цивилизации. Львиная доля этих открытий принадлежит Аурелу Стейну»,— пишет Л. Рашоньи [12, с. 11].

В конце 90-х годов внимание Стейна было приковано к этой пустыне, где сыпучие пески поглощают воду ледников, которые сползают с высоты 7000 м, с гор Тянь-Шаня на севере, с хребтов Куньлуня на юге. Однако прежде чем затеряться в песках, реки дарят жизнь: в их долинах много тысяч лет тому назад возникли города-оазисы. Эти города были стоянками на караванных путях, ведущих из Китая. Когда-то они представляли арену древних переселений народов, их пытались захватить древние китайские правители. Но все это еще предстояло установить. Лишь немногочисленные находки древних рукописей [12, с. 12] да отрывочные сведения о развалинах старых городов на территории Хотана были известны тогда науке.

В другой же части Восточного Туркестана, в Турфане, русская экспедиция Д. Н. Клеменца в 1898 г. открыла замечательные памятники древней культуры. Именно в это время А. Стейн впервые стал говорить о необходимости отправки в бассейн Тарима, и в особенности в провинцию Хотан, экспедиции для проведения систематических исследований. Полагаясь только на себя, Стейн принял все заботы об экспедиции.

Из Кашмира через Гилгит, Хунзу и памирские перевалы он достиг Кашгара, оттуда двинулся в Хотан и, пройдя вдоль южной границы пустыни Такла-Макан, затем вновь пересек высочайшие горы Азии и возвратился в Индию. Были составлены прекрасные карты огромных районов Внутренней Азии, не картографированных до того времени,— Стейн был первоклассным топографом. Только работа, проделанная в области картографии, не говоря уже о результатах археологических исследований, могла бы выдвинуть экспедицию Стейна в число выдающихся.

Стейн также оказался весьма эрудированным специалистом в области исторической географии. Ему удалось идентифицировать многие места, лежащие на пути экспедиции, с пунктами, описанными китайским паломником VII в. Сюань-цзаном.

По дороге от оазиса к оазису крепнут сомнения Стейна относительно происхождения рукописей и оттисков с «неизвестной письменностью», которые согласно существовавшему в то время мнению происходили из каких-то затерянных развалин, расположенных севернее караванного пути. В Хотане путешественнику удалось разоблачить фальсификаторов и положить конец их фальсификациям [9, с. 161].

В то же время Стейн взялся за решение важной географической задачи: за время пятинедельного путешествия он произвел картографирование неизвестного района Куньлуня, к югу от Хотана.

Затем он предпринял путешествие в пустыню, сделав при этом архео-

логические открытия в развалинах городов Дандан-Уйлык, Равак, Ния и Эндере. Найденные им разнообразные предметы, прекрасно сохранившиеся благодаря чрезвычайно сухому климату, представляют собой богатые реликвии местной, индийской, китайской и эллинистической культур, которые встречались и смешивались там почти в течение тысячелетия. Во многих местах были обнаружены остатки стен небольших буддийских храмов с настенными росписями, изображающими Будду, бодхисаттв, различные буддийские сюжеты. Сохранились росписи, в которых нашли отражение местные легенды. В районе Нии Стейн обнаружил около двухсот деревянных табличек с надписями, сделанными письменностью кхароштхи, а также множество памятников китайской и других письменностей. Подобные находки были обнаружены в развалинах Эндере, Мирана, Лоуланя, в дельте Курукдарьи. Все эти памятники были чрезвычайно древними: указанные города были покинуты уже в IV—V вв. Стейн был уверен, что в этом районе еще остались не выявленные им развалины.

Многочисленные документы, обнаруженные Стейном, были ценны не только в лингвистическом, но и в историческом отношении, поскольку проливали свет на политическую, военную и экономическую организацию того времени [3].

После того как были открыты крепость и часовня в Эндере и найдены санскритские и тибетские документы, Стейн повернул обратно на запад и, двигаясь вдоль р. Керии, углубился в пустыню вплоть до развалин Карадонга и ступ в Раваке. Одна из ступ в Раваке была украшена огромными барельефами, выполненными под влиянием гандхарского искусства и относящимися к IV—V вв. Через Хотан и Кашгар Стейн продолжил свой путь пешком и на лошади до русской границы. Проехав через город Ош (ныне в КиргССР), он в Андижане (ныне в УзССР) погрузил на железную дорогу 12 больших ящиков с находками, предназначавшимися для Британского музея.

2 июля 1901 г. Стейн прибыл в Лондон, где сделал доклад на заседании Королевского географического общества, в котором представил отчет о своем путешествии, и в первую очередь о результатах, полученных в области географии. В том же году Стейн сделал доклад о своем путешествии на Международном конгрессе востоковедов, состоявшемся в Гамбурге. Конгресс принял решение, в котором была выражена благодарность всем лицам, а также индийскому правительству, оказавшим Стейну поддержку в организации столь успешной экспедиции [12, с. 14]. Конгресс призвал официальные органы сделать все возможное в интересах выполнения работы Стейна и в будущем.

Подробное описание путешествия было опубликовано в 1903 г. Этот труд, изданный в виде большого, хорошо иллюстрированного тома, носил название «Погребенные в песках руины Хотана» [17]. В нем содержался увлекательный рассказ о самом путешествии, о людях, с которыми Стейн встречался, о природе этой малоизвестной страны, об археологических памятниках. Книга была адресована самому широкому кругу читателей.

Стейн продолжал кропотливую работу по осмыслению сделанных им наблюдений, сопоставлению их с данными письменных источников, анализу археологических находок и произведений искусства. К обработке материалов он привлек большой коллектив специалистов — тибетологов, китаистов, искусствоведов, нумизматов и др. Потребовался не один год напряженных исследований, пока наконец в 1907 г. появился двухтомный научный отчет об этой экспедиции — «Древний Хотан» [19]. Первый том, содержащий 621 с. текста, 72 иллюстрации и индекс, был написан в значительной своей части самим А. Стейном. Каталожное описание находок было составлено Ф. Х. Эндрусом, искусствоведом и археологом, близким другом А. Стейна. Частично материал (преимущественно письменные документы)

---

[3] Подробный анализ документов на кхароштхи см. в статье М. И. Воробьевой-Десятовской в настоящем сборнике.

был разработан и опубликован в виде приложений к книге такими крупнейшими специалистами, как Л. Д. Барнетт, С. У. Бушел, Э. Шаванн, Ф. В. Томас, А. Х. Франке, Д. С. Марголиус, Э. Рапсон и др. Второй том содержал таблицы — 119 таблиц (в том числе цветные), 24 плана. Это было образцовое издание, свидетельствующее о том, что А. Стейн достиг научной зрелости. Вместе с тем здесь проявилось умение А. Стейна собрать для обработки экспедиционных материалов целый коллектив ученых — специалистов в разных областях. В результате наука впервые получила основанное на разнообразных письменных (в том числе эпиграфических) источниках, археологических и нумизматических материалах комплексное исследование истории и культуры Хотана — одной из важнейших областей Восточного Туркестана.

Несмотря на успех первого путешествия и даже на то, что оно (и на это не надо закрывать глаза) имело большую ценность и с точки зрения военно-географической разведки, Стейну пришлось выдержать нелегкую борьбу, прежде чем он смог отправиться во вторую экспедицию.

В 1904 г. Стейн принимает британское подданство и переходит на работу в Археологический департамент Северо-западной пограничной области и Белуджистана [12, с. 14], где он был загружен административной работой.

Начало новой экспедиции все оттягивалось. А. Стейн очень переживал это, тем более что в изучение Восточного Туркестана включились новые группы ученых из разных стран. Так, с 1902 г. ежегодно стали функционировать немецкие экспедиции А. Грюнведеля (позже в них включился А. Лекок). В 1902—1904 гг. работает японская экспедиция К. Отани, в 1906—1908 гг.— французская П. Пельо. Замечательные успехи А. Стейна в Хотане явились толчком, ускорившим организацию этих экспедиций.

С большим огорчением писал об этом Стейн в 1906 г. своему старому лондонскому другу Дуке: «Ценой долгой борьбы удалось вырвать у государственных органов средства и разрешение для продолжения моих китайско-туркестанских исследований. Однако власти сочли необходимым задержать мое отправление, поставив такие условия, выполнение которых было связано с риском для здоровья и заняло целый год. Вследствие этой задержки мне теперь необходимо бороться со многими немецкими и французскими конкурентами в той области, изучение которой я считал первоочередной задачей в течение ряда лет» [12, с. 15].

Зная энергию и активность Стейна, нельзя даже предположить, чтобы годы ожиданий оставались для него бесплодными. А. Стейн вписал свое имя в историю археологии Индии. Он занимался изучением археологических памятников и исторической географией северо-западных провинций Индии.

18 апреля 1906 г. Стейн отправился в свою вторую центральноазиатскую экспедицию. Расходы на нее взяли на себя англо-индийское правительство и Британский музей [12, с. 15]. Экспедиция продолжалась около двух с половиной лет (1906—1908 гг.). Ее путь пролегал сначала по долинам рек Сват и Панджкора, затем она следовала по дороге, которой когда-то шел Александр Македонский, потом — через перевал Даркот, расположенный на высоте 4620 м. Идя через Памир, Стейн стремился использовать дорогу, по которой в 747 г. китайское войско вторглось в Индию, в Гилгит [26]. Далее экспедиция направилась через плоскогорье Чичеклик и затем по следам Сюань-цзана в направлении Кашгара. Пока летний зной препятствовал проведению исследований в пустыне, Стейн вместе с индийским картографом Рай Сингхом занимался картографированием ледникового участка Куньлуня, расположенного южнее Кашгара. А в сентябре Стейн приступил к поискам развалин в пустыне. В Хадалыкских развалинах были обнаружены фрагменты лепных украшений, фрески, памятники с надписями на китайском, хотанском и тибетском языках и монеты. В результате новых раскопок в Нии были получены предметы домашнего обихода, текстильные материалы, документы, написанные по-китайски и письменностью кхарошткхи. В одном из помещений был обнаружен небольшой архив с документами. Изображения на печатях в большинстве случаев свидетельствовали

о влиянии эллинистических гемм. Открытия Стейна во многом способствовали выявлению влияния гандхарского искусства, в формировании которого большую роль сыграло бактрийское искусство.

В середине декабря Стейн пересек пустыню Лобнор и вышел к развалинам Лоуланя, которые в 1900 г. обследовал Свен Гедин, а еще раньше — Пржевальский. Работа продолжалась при ледяном ветре и низкой температуре. В процессе работ удалось восстановить план многих построек; были найдены серии документов, выполненных на шелке, папирусе и деревянных дощечках. Документы свидетельствовали о былом значении Лоуланя. Когда иссякли запасы льда, который брали вместо питьевой воды, экспедиции пришлось совершить семидневный поход обратно в Чарклык; оттуда они направилась к руинам Мирана. Здесь в IX—X вв. находился тибетский гарнизон. К этому времени и относятся найденные здесь многочисленные тибетские документы. Кроме того, были обнаружены тюркские рунические памятники письменности еще более раннего времени. Среди развалин храмов и ступ Стейну удалось обнаружить древнейшую в Восточном Туркестане настенную живопись [12, с. 16]. Живопись Мирана — это А. Стейн понял сразу — хронологически предшествует другим памятникам живописи Восточного Туркестана. Она обнаруживает и сюжетно и стилистически следы глубокого влияния эллинистического и римского искусства. На одной из фресок была обнаружена подпись «художник Тита», имя этого художника — явно римское. Последующие открытия, в том числе и на территории Средней Азии (Фаяз-тепе), сделанные уже после смерти А. Стейна, показали, что памятники искусства, обнаруженные в Миране, следует датировать III—IV вв. н. э. и что пути распространения этого искусства пролегали через Бактрию.

Далее Стейн направился на восток по следам Сюань-цзана и Марко Поло. После десятидневного перехода Стейн увидел остатки китайских пограничных постов (древние стены и сторожевые башни), неизвестное до того времени продолжение Великой китайской стены, которая протянулась почти на 240 км. Эти пограничные посты защищали военные и торговые дороги, связывающие Китай с Западом, от нападения с севера. В развалинах башен и казарм было найдено около 2000 китайских документов, относящихся в основном к середине II в. Наряду с этими документами были обнаружены также раннесогдийские письма и документы на брахми, связанные с торговлей. Фундаментальное значение имело открытие согдийских документов. Конечно, о том, что согдийцы жили за пределами Согда, в том числе в Центральной Азии, было известно и раньше. Но теперь были обнаружены реальные следы их жизни и деятельности. Впоследствии немецкий ученый Х. Рейхельт расшифровал часть этих документов. Среди них оказались письма согдийцев в Самарканд, где остались жить их родственники.

В мае 1907 г. Стейн изучает пещерные храмы Дуньхуана, объединенные под общим названием «Пещеры Тысячи будд» [12, с. 17]. Здесь были обнаружены важные документы и настенная живопись, истоки которой находились в Индии и которая подверглась сильному центральноазиатскому, а затем танскому влиянию. Древнейшие пещеры относились к IV—V вв., очень много пещер — к IX—X вв. Несмотря на заброшенность и разрушение, Дуньхуан постоянно на протяжении веков посещался паломниками. Стейну стало известно, что недавно в процессе реставрационных работ в одном из пещерных храмов было найдено большое количество рукописей на китайском языке, а также на неизвестных или малоизвестных языках: хотано-сакском, согдийском и тохарском. Благодаря стараниям Стейна это ценнейшее собрание обогатило Британский музей.

Большую радость испытал исследователь, обнаружив картины, нарисованные на шелке, полотне, папирусе, которые представляли собой художественные произведения танского времени: изображения Будды, бодхисаттв, буддийского рая и др. Каждая из более чем 400 картин является предметом монастырского обихода. Некоторые картины датированы, на некоторых сохранилось имя принесшего их в дар. С репродукциями многих из

них можно ознакомиться в книгах А. Стейна «Serindia» [24] и «The Thousand Buddhas» [25].

После напряженной работы в Дуньхуане Аурел Стейн вновь выезжает на лето в горы и картографирует отдельные участки Наньшаня. В сентябре он повел свой небольшой караван многосоткилометровой дорогой через пустыню — по древнему пути Сюань-цзана [23, с. 256—277] до Карашара, где остановился, чтобы исследовать находящиеся в его окрестностях буддийские храмы. У города Куча он повернул на юг, пересек пустыню, дойдя до реки Керия, и посетил руины Хотана, Дандан-Уйлыка и Домоко. Затем экспедиция вновь пересекла пустыню и после картографирования горного района, расположенного в южном Тянь-Шане, возвратилась в Хотан, где Стейн занялся инвентаризацией находок. В обратный путь А. Стейн отправляется в 1908 г. Он проводит разведки и картографирование ледников в истоках рек Каракаш и Керия. Во время этого путешествия Стейн обнаружил следы древнего караванного пути, связывающего Хотан с Ладаком, и направился по нему. Пересекая один из ледников, Стейн отморозил пальцы правой ноги. С большим трудом прибыл он в Лех — конечный пункт пути протяженностью 16 000 км. Здесь ему ампутировали пальцы ноги [12, с. 18]. В конце января 1909 г. он возвращается в Англию.

В своих отчетах Стейн не упоминает о трудностях и опасностях. Его целью было умножение знаний в тех областях, которые он исследовал, а не привлечение внимания к своей личности. «Он не написал ни одной книги о приключениях и опасностях, хотя видел их множество. Даже в своих письмах он умалчивает о трудностях. Один из немногих случаев, о котором он упоминает, относится к августу 1914 г. Он пишет: „Я достиг восточных истоков реки Каншу, когда глупая случайность вывела меня из строя на некоторое время". Оказалось, что конь Стейна, переходя через реку, встал на дыбы и опрокинулся навзничь вместе с всадником. Хотя переломов не было, бедренные кости были сильно ушиблены, и он вынужден был пролежать две недели» [4, с. 72].

Благодаря своим поразительным открытиям и трудам Стейн обратил на себя внимание всего ученого мира. Индийское правительство предоставило ему отпуск на два с половиной года для обработки результатов второй экспедиции. На мартовском заседании Королевского географического общества Стейн сделал отчетный доклад [20, с. 241—271]. На майском заседании А. Стейну была вручена золотая медаль учредителей Общества, высшая награда географов, что поставило его имя рядом с именами Ливингстона, Стенли, Нансена и Скотта [12, с. 19].

В 1904 г. Оксфордский, а в 1910 г. и Кембриджский университеты присудили А. Стейну почетную степень доктора. Многие географические общества — парижское, антверпенское, римское, будапештское, венское — избрали его своим членом. В 1912 г. английский король посвятил Стейна в рыцари, ему был присвоен титул сэра. В период с 1910 по 1930 г. Стейн получил еще много других медалей.

Описание этого путешествия в популярной форме заняло два объемистых тома — «Ruins of Desert Cathay» [21].

Одному из важнейших объектов, исследованных во время второй экспедиции,— дуньхуанским Пещерам Тысячи будд, собственно заключенным в них памятникам искусства, А. Стейн посвятил специальный труд «Тысяча будд» [25], который представляет собой публикацию коллекции древней буддийской живописи, обнаруженной во время второй экспедиции А. Стейна в Центральную Азию в Пещерах Тысячи будд около Дуньхуана. Подробное описание обстоятельств находки изложено в книге «Ruins of Desert Cathay» [21], а еще более полно — в «Serindia» [24].

В предисловии к работе «Тысяча будд» А. Стейн пишет, что его цель — дать иконографическую информацию к каждой таблице иллюстраций, чтобы не специалист в этой области мог понять идею и отдельные детали. Кроме того приводятся данные о сохранности живописи, характере мастерства художников, цвете и т. п. [25, с. IX].

Работа посвящена М. Рафаэлю Петруччи, известному специалисту по искусству Дальнего Востока, синологу, который изучил дуньхуанскую живопись и надписи, составил приложение к «Serindia», помог отобрать картины для данной книги, а также опубликовал отдельную работу по живописи Дуньхуана.

Вступление ко второму тому этой книги написано Лоренсом Бинью, который выполнил огромную техническую работу. Во вступлении Бинью пишет об истории изучения памятников искусства в Пещерах Тысячи будд. Вывезенные А. Стейном произведения искусства были поделены между индийским правительством и Британским музеем. Среди них — произведения вотивной живописи различного размера (в основном на шелке), большое число небольших знамен, два образца вышивки, контурные рисунки и гравюры на дереве.

Второй том содержит также 33 таблицы иллюстраций.

Третий том книги «Тысяча будд» содержит только таблицы иллюстраций (15 таблиц) (XXXIV —XLVIII).

В конце 1911 г. Стейн уже вновь в Индии, где он занимает должность генерального инспектора, шефа Археологической инспекции пограничных районов. Именно в это время Стейн работает над книгой «Serindia» [24]. Первые три тома ее (1580 страниц текста, 59 планов) — это монументальный труд, который включает детальнейший отчет о ходе экспедиции, большие исторические и историко-географические очерки о нескольких областях Центральной Азии и детальное описание археологических комплексов и отдельных памятников. Описания находок, включенные в основной текст, но набранные другим шрифтом, были составлены Ф. Х. Эндрусом и Ф. М. Лоримером. Письменные и некоторые другие категории памятников были опубликованы в приложениях, авторами которых являлись такие специалисты, как Д. Аллан, Л. Д. Барнетт, Э. Шаванн, Р. Петруччи, А. Ф. Хёрнле, И. А. Джойс, Ф. В. Томас и др. Четвертый том книги содержит иллюстрации (179 таблиц), пятый — карты.

Одновременно Стейн занимается подготовкой третьей экспедиции. Расходы, связанные с третьей экспедицией, были покрыты индийским государственным секретариатом с тем условием, что все археологические находки будут помещены в музей этнографии, искусства и археологии Индии, который строился в то время в Дели.

В июле 1913 г. Стейн отправился в самую длительную экспедицию в Центральную Азию (1913—1916 гг.). С караваном экспедиция пересекла перевал Дарел в горах Гиндукуша. Средневековые паломники пользовались этой дорогой и описали ее, однако европейцы практически еще не бывали здесь. Пройдя через Тагдумбаш-Памир и следуя вдоль южного края пустыни Такла-Макан, караван продвигался к оз. Лобнор, потом направился к Наньшаньскому хребту, затем на север к Хара-Хото, далее через труднодоступные перевалы в Джунгарию, затем в Турфан, Безеклик, а оттуда в Кашгар. Далее экспедиция продолжала свой путь у подножия гор Тянь-Шаня, затем повернула на юг, пройдя через пустыню, добралась до Хотанского оазиса. И вновь караван отважного исследователя был нагружен сокровищами, найденными в Домоко, Нии, Миране. Была обнаружена неизвестная до того времени крепость в Лоулане, в северо-восточной части ее было найдено древнее кладбище. Обнаруженные здесь текстильные материалы говорят о существовании в те времена торговли с греко-римским Западом. Шерстяные ковры, частично доставленные сюда с Ближнего Востока, несомненно, свидетельствуют об эллинистическом влиянии.

В конце марта лагерь Стейна находился в Дуньхуане, в мае — в Хара-Хото. Стейн установил, что где-то неподалеку должен быть город Эцзина, упоминавшийся Марко Поло. В этом районе в 1908 г. побывала экспедиция, возглавляемая русским путешественником П. К. Козловым, которая обнаружила важные буддийские тексты и картины [2, с. 10]. Систематический осмотр руин и древних развалин позволил Стейну получить много предметов с надписями на тибетском, тангутском, китайском и уйгурском языках.

Когда наступила июньская жара, Стейн перенес свои исследования, теперь уже географического характера, из пустыни в снежные районы Наньшаня.

В сентябре Стейн отправляется в 800-километровое путешествие через пустынные горные цепи Бэй-Шаня к северовосточному подножию Тянь-Шаня и затем через Баркуль и Гучэн в оазис Турфан. В течение зимы Стейн картографировал районы Турфана, наиболее низкие участки которого расположены на 294 м ниже уровня моря [28, с. 236—246]. Однако основной целью путешествия было вторичное исследование многочисленных, занимающих огромные территории развалин, которые до этого уже исследовались русскими, немецкими и японской экспедициями. Результаты подтвердили правильность такого решения: были найдены рукописи, предметы искусства, а в Муртуке, в пещерных буддийских храмах, изучались фрески. Экспедиция А. Грюнведеля, побывавшая в Муртуке, сняла фрески пещерного храма довольно небрежно. Стейн решил спасти оставшееся [9, с. 377]. Он снял фрески со стен и тщательно их упаковал. Изучались также могильники. В могильных камерах благодаря чрезвычайно сухому климату сохранилось так много предметов, что по ним можно было воспроизвести повседневную жизнь населения Турфанского оазиса в VI—VII вв. и торговые отношения с Западом и Востоком.

Далее из Турфана Стейн направился вдоль отрогов Тянь-Шаня на запад, в Кашгарию, оттуда через Алай в Самарканд, затем на юг, в иранский Систан. Там, занимаясь археологическим исследованиями уже третью зиму, Стейн обнаружил среди больших развалин древнего дворца Кух-и Ходжа самые древние в Иране памятники настенной живописи, на которых изображены, по определению А. Стейна, легендарные герои Рустамиады. Он относил их к парфянскому периоду. Были найдены картины парфянского происхождения и картины, выполненные в эллинистическом стиле. Следуя от оз. Хамун по р. Гильменд, экспедиция обнаружила цепь сторожевых постов. Вероятнее всего, эти пограничные сооружения — парфянского происхождения. В марте 1916 г. Стейн возвратился в Кашмир и позаботился о награждении коллег, входящих в состав экспедиции, за их добросовестную работу.

В июне 1916 г. Стейн, находясь в Лондоне, сделал отчетный доклад о своем путешествии на заседании Королевского географического общества [22, с. 117—130]. Оценка значения культурно-исторического материала, доставленного экспедициями Стейна (несколько сотен ящиков), в то время еще не представлялась возможной. Как заявил в 1919 г. крупнейший востоковед Винцент А. Смит, «материал настолько велик, что можно сказать: работа с ним никогда не будет закончена... Десятки специалистов на протяжении многих поколений не смогут исчерпать этот предмет» [12, с. 22].

Прежде чем полностью посвятить себя изучению материалов третьей экспедиции, Стейну необходимо было заняться изданием «Serindia», связанной со второй экспедицией. Он посвятил это произведение памяти умершего в 1918 г. знаменитого синолога Э. Шаванна, своего коллеги, который в течение длительного времени участвовал в обработке добытых его экспедициями материалов.

Следующие несколько лет, до 1926 г., прошли в основном в подготовке подробных отчетов о второй и третьей экспедициях. Стейн занимался также изданием своих многочисленных работ и подбором сотрудников для издания [9, с. 394].

Материалы третьей экспедиции были опубликованы в 1928 г. в книге «Innermost Asia» [27] и составили четыре огромных тома. В двух первых — текст (1159 страниц и индекс). Основная часть текста, как и прежде, принадлежала перу самого А. Стейна, инвентарные описания находок были выполнены Ф. Х. Эндрусом и Ф. М. Лоримером. Приложения, в которых публиковались и разрабатывались отдельные виды источников, были написаны Д. Алланом, Э. Бенвенистом, А. Х. Франке, С. Коновом, А. Лекоком, В. Лентцем, С. Леви, Г. Масперо, Ф. В. Томасом и др. Третий том — это иллюстрации (87 таблиц и 59 планов), четвертый — карты (51 карта).

Этот труд А. Стейна — один из самых капитальных. Написанный по тому же плану, что и отчеты о его предыдущих экспедициях, он поражает огромным количеством опубликованного в нем материала.

А. Стейна приглашают для чтения лекций в Соединенные Штаты Америки. В лекциях, которые ученый прочел в Бостонском Lowell Institute, он дал общее представление о всех трех путешествиях во Внутреннюю Азию. Спустя несколько лет эти лекции были изданы отдельной книгой под названием «On Ancient Central-Asian Tracks» [29] (второе издание: University Chicago Press, 1964).

А. Стейн, казалось бы, мог считать свой долг перед наукой выполненным — проделанная им работа по изучению Центральной Азии была воистину титанической. Но именно он, как никто другой, понимал, сколько «белых пятен» еще осталось на археологической карте Центральной Азии и как много предстоит сделать. Несмотря на преклонный возраст, он решил организовать еще одну — четвертую экспедицию в Центральную Азию. В 1930 г. ученый отправляется в Китай. Во время посещения Нанкина Стейн получил от китайского правительства разрешение на экспедицию во Внутреннюю Азию, вплоть до Внутренней Монголии. В августе шестидесятивосьмилетний исследователь отправился в путь через Каракорум и горные хребты Памира. Однако китайское правительство, сначала давшее согласие, в процессе экспедиции стало чинить препятствия, вызванные, по словам самого Стейна, «националистической подозрительностью» (или ревностью — «nationalist jealousy») [9, с. 473]. В результате Стейн смог осмотреть лишь территорию от Хотана до Черчена, откуда, обогнув пустыню Такла-Макан, вернулся в Индию [11, с. 83].

В научной деятельности А. Стейна можно выделить три органически связанных периода. Центральной проблемой первого периода является археология и историческая география Северной Индии, второго — культурные связи и пути, соединяющие Индию и Китай, история и археология Центральной Азии, третьего — древние связи Индии и Передней Азии (в особенности Месопотамии). Работы Стейна третьего периода выходят за рамки нашей статьи.

Осенью 1943 г., получив разрешение начать работы в Афганистане, Стейн прибыл в Кабул [9, с. 542]. Он всегда и везде стремился посетить музеи. Посещение Кабульского музея в разгар зимы оказалось для него роковым. Здесь он простудился и незадолго до своего 82-летия, 26 октября 1943 г. скончался в Кабуле в зените славы и в полном расцвете творческих сил. Смерть оборвала его неистощимые планы. В своем прощальном письме, он писал: «Я прожил прекрасную жизнь, и то, что она завершилась именно в Афганистане, посетить который я мечтал на протяжении шестидесяти лет, — большая удача» [30, с. 6].

Друг Стейна Ф. Х. Эндрус писал об этом печальном событии: «Я был потрясен, когда утром 28 октября, открыв „Times", увидел портрет в той колонке, которая регистрировала смерть многих великих людей. Казалось невероятным, что неукротимый Стейн, Стейн, полный сил и энергии, мой близкий друг на протяжении более 50 лет, мог уйти» [4, с. 74]. Его похоронили на заброшенном кладбище для иностранцев, и надпись увековечивает его имя. Как пишет другой его друг, известный итальянский востоковед Д. Туччи, «мрачная могила является свидетельницей безразличия» тех, кому пришлось с ним работать и кому Стейн помогал. «Хотелось бы, чтобы могила этого действительно великого человека выглядела подобающим образом и вызывала воспоминания о нем, о его качествах и о том примере, который он собой являл» [31, с. 11—12]. С уходом Аурела Стейна мир потерял действительно выдающегося человека. «Однако больше всех, видимо, будут скорбеть о нем трудолюбивые, смелые и преданные индийские исследователи, которые были его единственными помощниками в большинстве экспедиций» [11, с. 86].

Труды Стейна остаются доказательством его поразительного мужества и невероятной трудоспособности. Он обладал обширнейшими знаниями,

хорошо знал источники, владел многими восточными языками — как живыми, так и мертвыми.

В то же время Стейн был наделен неукротимой энергией, он презирал опасности и обладал неиссякаемой потребностью в новых открытиях и непредвиденных приключениях.

Результаты его экспедиций в Центральную Азию открыли для науки новые горизонты. Обнаруженные им документы на китайском, тохарском, иранских, тюркском и других языках, в настоящее время находящиеся во многих музеях мира, привели к созданию новых областей науки.

Стейн оставил после себя огромное научное наследство. Помимо археологии велик его вклад в историческую и физическую географию. Он открыл множество памятников искусства и памятников письменности. Он успешно занимался сбором лингвистических и антропометрических данных, которые были опубликованы соответствующими специалистами. На наш взгляд, наиболее полно, точно и объективно результаты работ А. Стейна и его вклад в изучение прошлого Центральной Азии осветил выдающийся советский историк и археолог А. Н. Бернштам. По его словам, А. Стейн «...наиболее разносторонний исследователь Восточного Туркестана. Достоинство работ А. Стейна заключается не только в широком территориальном охвате его экспедициями оазисов Туркестана, но и в установлении историко-культурных связей Синьцзяна с Китаем, Индией и Афганистаном. Широкий и разнообразный интерес А. Стейна к историко-культурным проблемам Туркестана четко выражен разнообразными исследовательскими сюжетами в его фундаментальных трудах — отчетах. Здесь и вопросы истории, исторической географии, истории культуры, искусства и религии, нумизматики, языка, и общие вопросы филологии, и, наконец, постановка ряда специальных вопросов археологии. Археологический диапазон исследований А. Стейна — от неолита Лобнора... до этнографических зарисовок современного населения Сарыкола и Алтая.

Большой и высококвалифицированный по своему составу коллектив, участвовавший в обработке материалов А. Стейна, обеспечил установление ряда решающих моментов в истории Восточного Туркестана... Этот коллектив и обеспечил, если не всегда решение, то часто постановку важнейших историко-культурных проблем, прежде всего в силу личных исторических интересов руководителя экспедиции А. Стейна... А. Стейн завоевал несомненное первенство в накоплении разнообразного материала, обогатившего Британский музей и музеи Индии. Однако в его исторических концепциях выявляется несколько одностороннее преувеличение роли Индии и ее культуры в культуре Туркестана. Не получили и должной археологической классификации многочисленные памятники материальной культуры, которым он посвятил гораздо больше внимания, чем все остальные исследователи» [1, с. 53—54].

К сказанному А. Н. Бернштамом можно было бы добавить и другие критические замечания, например, по методике проведения археологических работ [4]. Но они ни в малейшей степени не умаляют того человеческого и научного подвига, который совершил А. Стейн своими исследованиями Восточного Туркестана.

1. Бернштам А. Н. Проблемы истории Восточного Туркестана.— ВДИ. № 2, 1947.
2. Козлов П. К. Монголия, Амдо и мертвый город Хара-Хото. М., 1947.
3. Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977.
4. Andrews F. H. Sir Aurel Stein: The Man.— «Indian Art and Letters». New Series. Vol. 18. 1944, № 2.
5. Boros H. V. Stein Aurél Ifjúsaga. Hirschler Ignác És Stein. Ernö Levelezése Stein Aurelról. 1866—1891. Budapest, 1970.
6. Dabbs J. A. History of the Discovery and Exploration of Chinese Turkestan. The Hague, 1963 (The Central Asiatic Studies, III).

[4] На это обращал внимание уже С. Ф. Ольденбург. (Об этом см. [3, с. 278].)

7. Gray B. Sir Aurel Stein.— «Nature». 1944, Febr.
8. Minorsky J. Introduction.— «A. Stein. On Ancient Central-Asian Tracks». N. Y., 1964.
9. Mirsky J. Sir Aurel Stein. Archaeological Explorer. Chicago and London, 1977.
10. Oldham C. E. A. W. Sir Aurel Stein, 1862—1943.— «Proceedings of the British Academy». Vol. 29. L., 1943.
11. Oldham C. E. A. W. Obituary Notices. Sir Aurel Stein.— «Journal of the Royal Asiatic Society». 1944, April.
12. Rásonyi L. Stein Aurél és hagyatéka. Budapest, 1960.
13. Stein A. Zoroastrian Deities on Indo-Scythian Coins. L., 1887. (Reprinted from the Oriental and Babylonian Record, 1887).
14. Stein A. Eine Ferienreise nach Srinagar (Kashmir). München, 1889.
15. Stein A. Kalhana's Rajatarangini or a Chronicle of the Kings of Kashmir. Ed. by M. A. Stein. Vol. 1. Sanscrit Text with Critical Notes. Bombay, 1892.
16. Stein A. Kalhana's Rajatarangini, a Chronicle of the Kings of Kashmir. Transl. with an Introduction, Commentary and Appendices by M. A. Stein. Vol. 1—2. Westminster, 1900.
17. Stein A. Sand-buried Ruins of Khotan. Personal Narrative of a Journey of Archaeological and Geographical Exploration in Chinese Turkestan. L., 1903.
18. Stein A. White Huns and Kindred Tribes in the History of the Indian North-West Frontier.— «Indian Antiquary». Vol. 35. P. 428. Bombay, 1905.
19. Stein A. Ancient Khotan. Detailed Report of Archaeological Explorations in Chinese Turkestan. Vol. 1—2. Ox., 1907.
20. Stein A. Exploration in Central Asia, 1906—1908.— «The Geographical Journal». № 34, 1909.
21. Stein A. Ruins of Desert Cathay. Personal Narrative of Explorations in Central Asia and Westernmost China. Vol. 1—2. L., 1912.
22. Stein A. A Third Journey of Exploration in Central Asia 1913—16.— «The Geographical Journal». № 48, 1918.
23. Stein A. The Desert Crossing of Hsüan-Tsang, 630 A. D.— «The Geographical Journal», 1919.
24. Stein A. Serindia. Detailed Report of Explorations in Central Asia and Westernmost China. Vol. 1—5. Ox., 1921.
25. Stein A. The Thousand Buddhas. Ancient Buddhist Paintings from the Cave-Temples of Tun-Huang. Vol. 1—3. L., 1921.
26. Stein A. A Chinese Expedition Across the Pamirs and Hindu-Kush, A. D. 747.— «The Geographical Journal». 1922, Febr.
27. Stein A. Innermost Asia. Detailed Report of Explorations in Central Asia, Kan-su and Eastern Iran. Vol. 1—4. Ox., 1928.
28. Stein A. Note on a Map of the Turfan Basin.— «The Geographical Journal». № 82. 1933.
29. Stein A. On Ancient Central-Asian Tracks. L., 1933.
30. Sykes P. M. Sir Aurel Stein.— «Journal of the Royal Central Asian Society». Vol. 31. 1944.
31. Tucci G. Sir Aurel Stein.— «East and West». N. S. Vol. 23. 1973, № 1—2.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия. М.
АРТ — Археологические работы в Таджикистане. Душ.
ВДИ — «Вестник древней истории». М.
ЗВОРАО — «Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества». СПб.
ИАН — «Известия Императорской Академии наук». СПб.
ИАН КазССР — «Известия Академии наук Казахской ССР». А.-А.
ИАН КиргССР — «Известия Академии наук Киргизской ССР». Фрунзе.
ИАН ТаджССР — «Известия Академии наук Таджикской ССР». Душ.
ИАН ТуркмССР — «Известия Академии наук Туркменской ССР». Аш.
ИВАН — Институт востоковедения АН СССР
И(И)РГО — «Известия (Имп.) Русского географического общества». СПб.
ИЭ АН СССР — Институт этнографии АН СССР.
ККАЭЭ — Киргизская комплексная археолого-этнографическая экспедиция.
КСИА — «Краткие сообщения Института археологии АН СССР». М.
КСИИМК — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР». М.— Л., М.
КСИЭ — «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР». М.— Л., М.
ЛО ИВАН — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.— Л.
НАА — «Народы Азии и Африки. История, экономика, культура». М.
ООН — Отделение общественных наук.
ПП и ПИКНВ — Памятники письменности и памятники истории культуры народов Востока. М.
ПС — «Палестинский сборник». М.— Л.
РГО — Русское географическое общество.
СА — «Советская археология». М.
САИ — Свод археологических источников.
СВ — «Советское востоковедение». М.— Л., М.
СМА — «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии». СПб.
СНВ — Страны и народы Востока. М.
СОН — Серия общественных наук.
СЭ — «Советская этнография». М.— Л., М.
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа. Л.
ТОВЭ — «Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа». Л.
ТС — Туркестанский сборник. СПб.— Таш.
ТЮТАКЭ — «Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции». Аш.
УЗИВАН — «Ученые записки Института востоковедения АН СССР». М.— Л., М.
ЭВ — «Эпиграфика Востока». М.— Л.
ЭО — «Этнографическое обозрение». М.
ABAW — «Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften». München.
AO — «Acta orientalia». Ediderunt societates orientales Batava, Danica, Norvegica (Svecica). Leiden.
BGA — Bibliotheca geographorum arabicorum. Edidit M. J. de Goeje. Leiden.
BSM — Buddhistische Spätantike Mittelasien. B.
BSO(A)S — «Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies, London Institution (University of London)».
CRAIBL — «Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-lettres». P.
EW — «East and West». Roma.
HJAS — «Harvard Journal of Asiatic Studies». Cambridge, Mass.
IHQ — «Indian Historical Quarterly». Calcutta.

JA — «Journal asiatique». P.
JASB — «Journal of the Asiatic society of Bombay».
JRAS — «Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland». L.
MDAFA — «Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan». Paris, Cairo.
MPP — Mission P. Pelliot. P.
MRDTB — «Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko (Oriental Library)». Tokyo.
PIAC — Permanent International Altaistic Conference.
RE — Pauly's Real-Enzyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Stuttgart.
SPA — Survey of Persian Art.
SBAW — «Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften zu München».
SPAW — «Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften». B.
ZDMG — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft». Leipzig, Wiesbaden.

К статье С. Кучеры

Схема 1. Памятники первобытных культур на территории Синьцзяна [30, с. 169]

К статье С. Кучеры

Схема 2. Неолитические и энеолитические стоянки на территории Восточного Синьццзяна (по У Чжэню) [32, с. 333]

К статье С. Кучеры

Схема 3. Акэтала и другие памятники на территории уезда Шуфу (Западный Синьцзян) [29, с. 107].

К статье С. Кучеры

Рис. 1. Артефакты из Мулэй (*1—5*), Карсана (*6—24*) и Шижэньцзы (*25—33*)
Каменные орудия: *1* — пластинка; *2*, *6* — тесла; *3* — резец-скребок; *4* — мелкий наконечник стрелы(?); *5* — наконечник стрелы; *7* — точильный камень; *8*, *28* — пестики; *13* — горшок *гуань*; *14* — мотыгообразное орудие; *27* — кусок камня с отверстием, с обеих сторон не просверленным до конца
Изделия из кости (*9*, *12*), рога (*11*) и меди (*10*): *9* — фрагмент кинжала; *10* — наконечник стрелы; *11* — орудие из рога оленя; *12* — шило
Фрагменты керамики: *15—26*, *29—33*
25, *26*, *28—30*, *32*, *33* — $^1/_6$ натуральной величины; *2*, *3*, *6*, *8*, *13—20*, *23* — $^1/_4$ натуральной величины; *27*, *31* — $^1/_3$ натуральной величины; *7*, *9—12*, *21*, *22*, *24* — $^1/_2$ натуральной величины; *1*, *4*, *5* — в натуральную величину

К статье С. Кучеры

Рис. 2. Артефакты из стоянок, расположенных в Восточном Синьцзяне: *1—8*, *11*, *13*, *15—17* — Астана; *9* — Мулэй; *10*, *14* — Карсан; *12*, *18* — Шижэньцзы
Каменные изделия: *1* — рубило; *2* — остроконечник-резец; *3*, *8* — остроконечники; *4*, *7* — нуклеусы; *5*, *6*, *15* — наконечники стрел; *9* — тесло; *10* — горшок *гуань*; *11* — шар; *12*, *14* — зернотерки; *13* — скребок с пилообразным лезвием; *16* — наковальня
Керамика: *17* — круглодонная миска *бо*; *18* — расписной горшок *гуань*

К статье С. Кучеры

Рис. 3. Каменные (*1—15*) и микролитические (*16—36*) орудия из Астаны
Скребки разных типов: *1*, *2*, *5*, *6*, *10*, *11*, *21—23* — из отщепов; *9*, *16—19* — из нуклеусов; *25* — скругленно-продолговатый; *26*, *28* — ножевидные; *27* — в форме полукруга; *31—33* — изготовленные целиком или частично техникой отжима; *34* — с пилообразным лезвием; *35* — листообразной формы
Остроконечники: *7*, *8*, *12—14* — из отщепов; *4*, *20* — из нуклеусов; *3* — теслообразное орудие из отщепа; *15* — рубило из нуклеуса; *24* — наконечник стрелы; *29*, *30* — нуклеусы; *36* — галечная подвеска с отверстием

К статье С. Кучеры

Рис. 4. Фрагменты керамики из Астаны (*а*, *в*, *г*) и Шижэньцзы (*б*): *а* — формы сосудов; *б*, *в*, *г* — разные типы орнамента, включая расписной (*б*, *в*) (*а* — $^1/_3$ натуральной величины; *б*, *в* — $^1/_2$ натуральной величины)

К статье С. Кучеры

Рис. 5. Находки из Янбулакэ (Саньбао) (*1*, *6*), Шижэньцзы (*2—5*), Юйэргоу — Алагоу (*7*, *9*), Акэтала (*8*) и Убао (*10*)
Расписные сосуды: *1* — кубок *бэй*; *6* — горшок *гуань*; *3* — кубок *бэй* черного цвета; *4* — горшок *гуань* красного цвета; *5* — сосуд в форме лодки
Каменные орудия: *2* — топор; *8* — серп
Деревянные изделия: *7*, *9* — палочки для добывания огня; *10* — расписная бадья

К статье С. Кучеры

Рис. 6. Каменные орудия из Акэтала (*1—7, 11—17*), Вэньгулокэ (*8—10*) и Кулукэтала (*18*): *1, 3, 7, 8, 13, 16* — ножи; *2, 6, 12, 14* — серпы; *4* — наконечник стрелы; *5* — медный нож; *9, 15* — зернотерки; *10, 11* — пестики; *17* — кольцо; *18* — молот-топор

К статье С. Кучеры

Рис.7. Керамика и костяные изделия из Акэтала (*1—17*), Вэньгулокэ (*18—21*), Кулукэтала (*22—23*) и Дэволэкэ (*24—27*):
1 — кубок *бэй*; *2, 3, 20, 24* — миски *бо*; *6—8, 14, 19, 25* — миски *пэнь*; *4* — чашка-пиала *вань*; *5, 16—18, 22, 23, 26* — горшки *гуань*; *9* — поддон; *10* — дно сосуда; *11* — миска-тарелка *пань*; *12, 13, 21* — горшки-бутылки *вэн*; *15* — котел *фу*; *27* — костяной наконечник стрелы

К статье Н. В. Дьяконовой

Рис. 8. Рыцарь Шакья. Лессовая статуэтка из Кучара

К статье Н. В. Дьяконовой

Рис.9. Рыцарь Шакья. Реконструкция по скульптуре из Шикшина (рисунок)

К статье Н. В. Дьяконовой

Рис. 10. Доспехи персонажей «богатырского» класса. Реконструкция по скульптурам из Шикшина (рисунок)

К статье Н. В. Дьяконовой

Рис. 11. «Осада Кушинагары». Панно (правая половина) из пещеры 11 в Шикшине

К статье Н. В. Дьяконовой

Рис. 12. Всадники. Прорисовка панно из пещеры 11 в Шикшине

К статье Н. В. Дьяконовой

Рис. 13. Конская сбруя. Реконструкция по материалам Шикшина

К статье Н. В. Дьяконовой

Рис. 14. Вооружение кучарского воина. Прорисовка

К статье Н. В. Дьяконовой

Рис. 15. Вооружение шикшинского воина. Прорисовка

К статье Н. В. Дьяконовой

Рис. 16. Освящение статуи. Деталь панно из пещеры 11

К статье Н. В. Дьяконовой

Рис. 17. Освящение статуи. Прорисовка

К статье Е. И. Лубо-Лесниченко

Рис. 18. План могилы 59 ТАМ 305. 384 г. I период

К статье Е. И. Лубо-Лесниченко

Рис. 19. План могилы 66 ТАМ 53. I период

К статье Е. И. Лубо-Лесниченко

Рис. 20. План могилы 66 ТАМ 62. I период

К статье Е. И. Лубо-Лесниченко

Рис. 21. План могилы 64 ТАМ 18. 589 г. II период

К статье Е. И. Лубо-Лесниченко

Рис. 22. План могилы 73 ТАМ 506. 766—779 гг. III период

К статье Е. И. Лубо-Лесниченко

Рис. 23. План могилы 64 ТАМ 37. III период

К статье Е. И. Лубо-Лесниченко

Рис. 24. План могилы семьи Чжан. VIII в. III период

К статье Е. И. Лубо-Лесниченко

Рис. 25. План могилы 73 ТАМ 501. VIII в. III период

К статье Е. И. Лубо-Лесниченко

Рис. 26. Деревянные изделия. I период. Раскопки А. Стейна

К статье Е. И. Лубо-Лесниченко

Рис. 27. Фигурки из дерева. I период. Раскопки А. Стейна

К статье Е. И. Лубо-Лесниченко
Рис. 28. Деревянная фигурка лошади. I период. Раскопки 1966 г.

К статье Е. И. Лубо-Лесниченко
Рис. 29. Глиняные фигурки. I период. Раскопки 1972 г.

К статье Е. И. Лубо-Лесниченко
Рис. 30. Живопись на бумаге. I период. Раскопки 1964 г.

К статье Е. И. Лубо-Лесниченко
Рис. 31. Глиняный сосуд. I период. Раскопки 1965 г.

К статье Е. И. Лубо-Лесниченко
Рис. 32. Шелковая полихромная ткань. I период. Раскопки 1959 г.

К статье Е. И. Лубо-Лесниченко
Рис. 33. Фигурки из дерева. II период. Раскопки 1972 г.

К статье Е. И. Лубо-Лесниченко
Рис. 34. Деревянный сосуд. II период. Раскопки 1960 г.

К статье Е. И. Лубо-Лесниченко
Рис. 35. Деревянная фигурка утки. II период. Раскопки 1972 г.

К статье Е. И. Лубо-Лесниченко
Рис. 36. Глиняные сосуды. II период. Раскопки 1966 г.

К статье Е. И. Лубо-Лесниченко
Рис. 37. Лицевое покрывало. II период. Раскопки 1972 г.

К статье Е. И. Лубо-Лесниченко
Рис. 38. Металлические наглазники. II период. Раскопки А. Стейна

К статье Е. И. Лубо-Лесниченко
Рис. 39. Фуси и Нюйва. Живопись на шелке. II период. Раскопки 1964 г.

К статье Е. И. Лубо-Лесниченко
Рис. 40. Глиняная статуэтка. III период. Раскопки 1972 г.

К статье Е. И. Лубо-Лесниченко
Рис. 41. Деревянная модель постройки. III период. Раскопки 1973 г.

К статье Е. И. Лубо-Лесниченко
Рис. 42. Глиняный сосуд. III период. Раскопки 1970 г.

К статье Е. И. Лубо-Лесниченко
Рис. 43. Глиняный сосуд. III период. Раскопки 1969 г.

К статье Е. И. Лубо-Лесниченко
Рис. 44. Глиняное блюдо. III период. Раскопки 1973 г.

К статье Е. И. Лубо-Лесниченко
Рис. 45. Сасанидские монеты VII в. II—III периоды. Раскопки 1959 г.

К статье Е. И. Лубо-Лесниченко
Рис. 46. Шелковая набойка. III период. Раскопки 1972 г.

К статье Е. И. Лубо-Лесниченко
Рис. 47. Живопись на шелке. III период. Раскопки 1972 г.

К статье Е. И. Лубо-Лесниченко
Рис. 48а. Глиняная статуэтка воина. III период. Государственный Эрмитаж

К статье Е. И. Лубо-Лесниченко
Рис. 48б. Глиняная статуэтка всадника. III период. Государственный Эрмитаж

К статье Е. И. Лубо-Лесниченко
Рис. 49. Глиняная статуэтка воина. III период. Государственный Эрмитаж

К статье Е. И. Лубо-Лесниченко
Рис. 50а. Деревянная фигурка иноземца. III период. Государственный Эрмитаж

К статье Е. И. Лубо-Лесниченко
Рис. 50б. Деревянная фигурка иноземца. III период. Государственный Эрмитаж

К статье Е. И. Лубо-Лесниченко
Рис. 51. Деревянная фигурка женщины. III период. Государственный Эрмитаж

К статье Е. И. Лубо-Лесниченко
Рис. 52. Фигурка женщины. III период. Государственный Эрмитаж

К статье Е. И. Лубо-Лесниченко
Рис. 53. Шелковые наглазники. III—IV вв. Карабулак. Раскопки Ю. Д. Баруздина

К статье Е. И. Лубо-Лесниченко
Рис. 54. Металлическая маска. VII—VIII вв. Государственный Эрмитаж

К статье Е. И. Лубо-Лесниченко
Рис. 55. Прорисовка шелковой вышивки. III—IV вв. Карабулак. Раскопки Ю. Д. Баруздина

К статье О. Ф. Акимушкина
Генеалогическая таблица (см. с. 224—225)

К статье Л. А. Чвырь
Рис. 56а. Уйгурская вышивка. Тюбетейка

К статье Л. А. Чвырь
Рис. 56б. Уйгурская вышивка. Тюбетейка

К статье Л. А. Чвырь
Рис. 57. Уйгурская вышивка на женской одежде

К статье Л. А. Чвырь
Рис. 58. Ювелирные изделия уйгуров

К статье Л. А. Чвырь
Рис. 59а. Медночеканные сосуды из Восточного Туркестана

К статье Л. А. Чвырь
Рис. 59б. Медночеканный сосуд из Восточного Туркестана

К статье Л. А. Чвырь
Рис. 60. Образцы резьбы по дереву (штампы-колыбы для набойки)

К статье Л. А. Чвырь
Рис. 61. Уйгурская вышивка

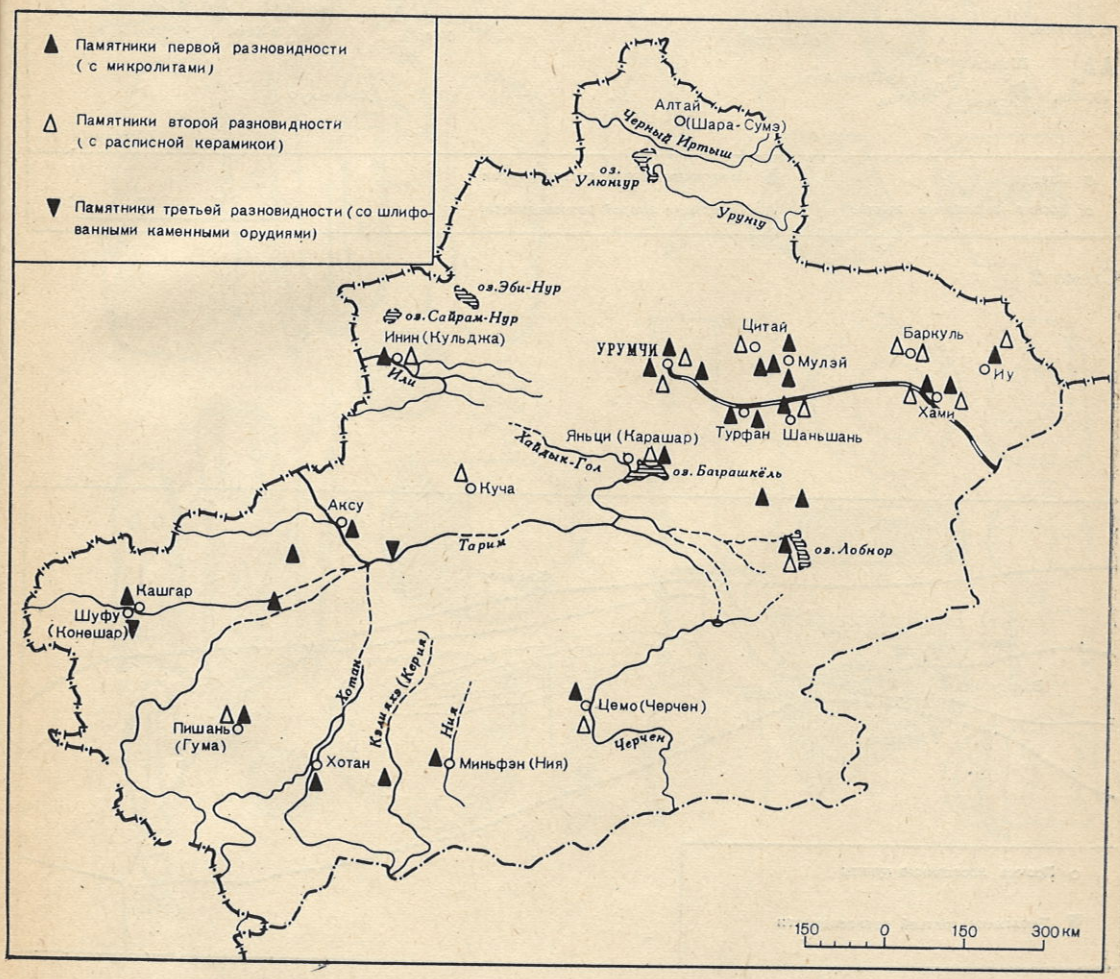

Памятники первой разновидности (с микролитами)
Памятники второй разновидности (с расписной керамикой)
Памятники третьей разновидности (со шлифованными каменными орудиями)
Алтай
(Шара-Сумэ)
Черный Иртыш
оз. Улюнгур
Урунгу
оз. Эби-Нур
оз. Сайрам-Нур
Инин (Кульджа)
Или
УРУМЧИ
Цитай
Мулэй
Баркуль
Иу
Хами
Турфан
Шаньшань
Яньци (Карашар)
Хайдык-Гол
оз. Баграшкёль
Куча
Аксу
Тарим
оз. Лобнор
Кашгар
Шуфу
(Конешар)
Пишань
(Гума)
Хотан
Кэнцзя (Керия)
Ния
Миньфэн (Ния)
Цемо (Черчен)
Черчен
150 0 150 300 км

Схема 1

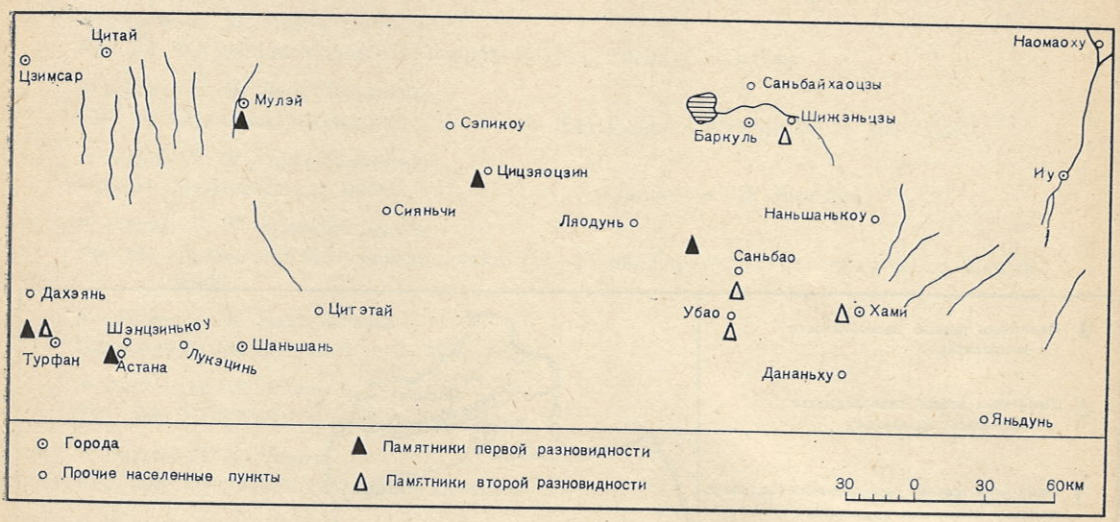


Схема 2

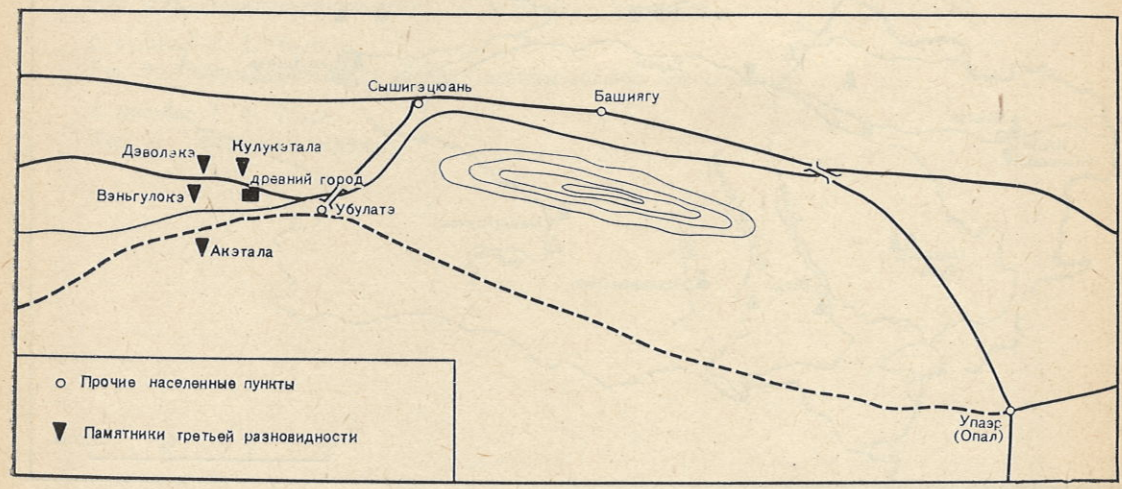


Схема 3

Рис. 1

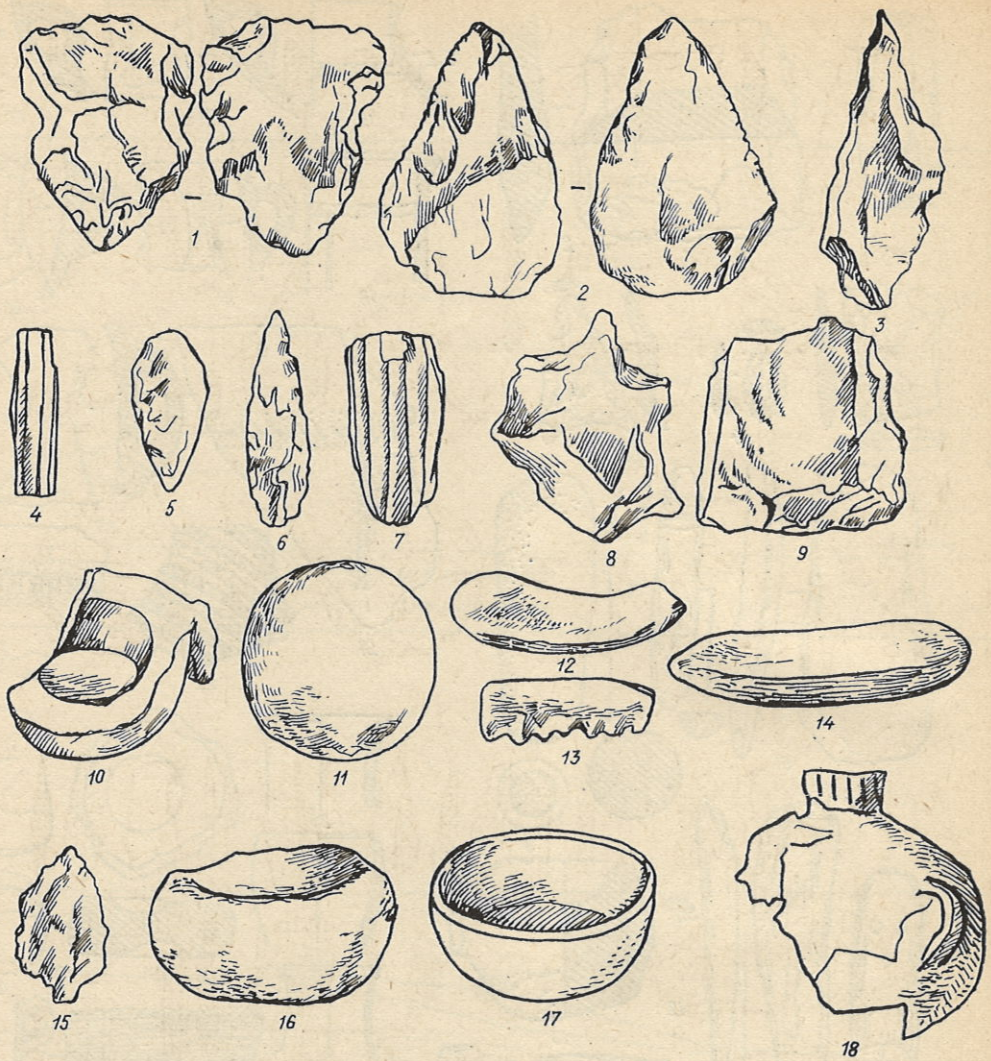


Рис. 2

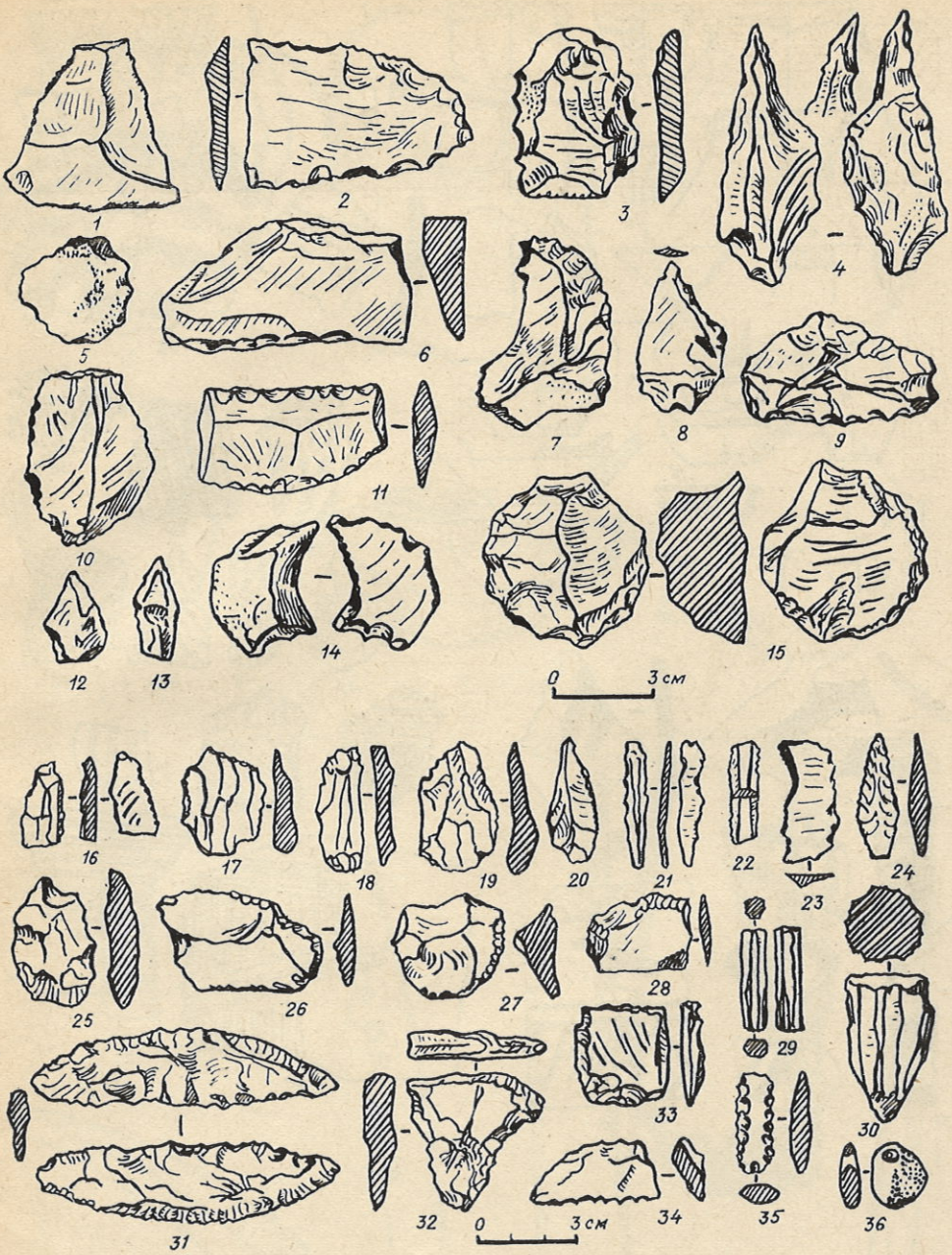

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
0 3 см
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
0 3 см

Рис. 3

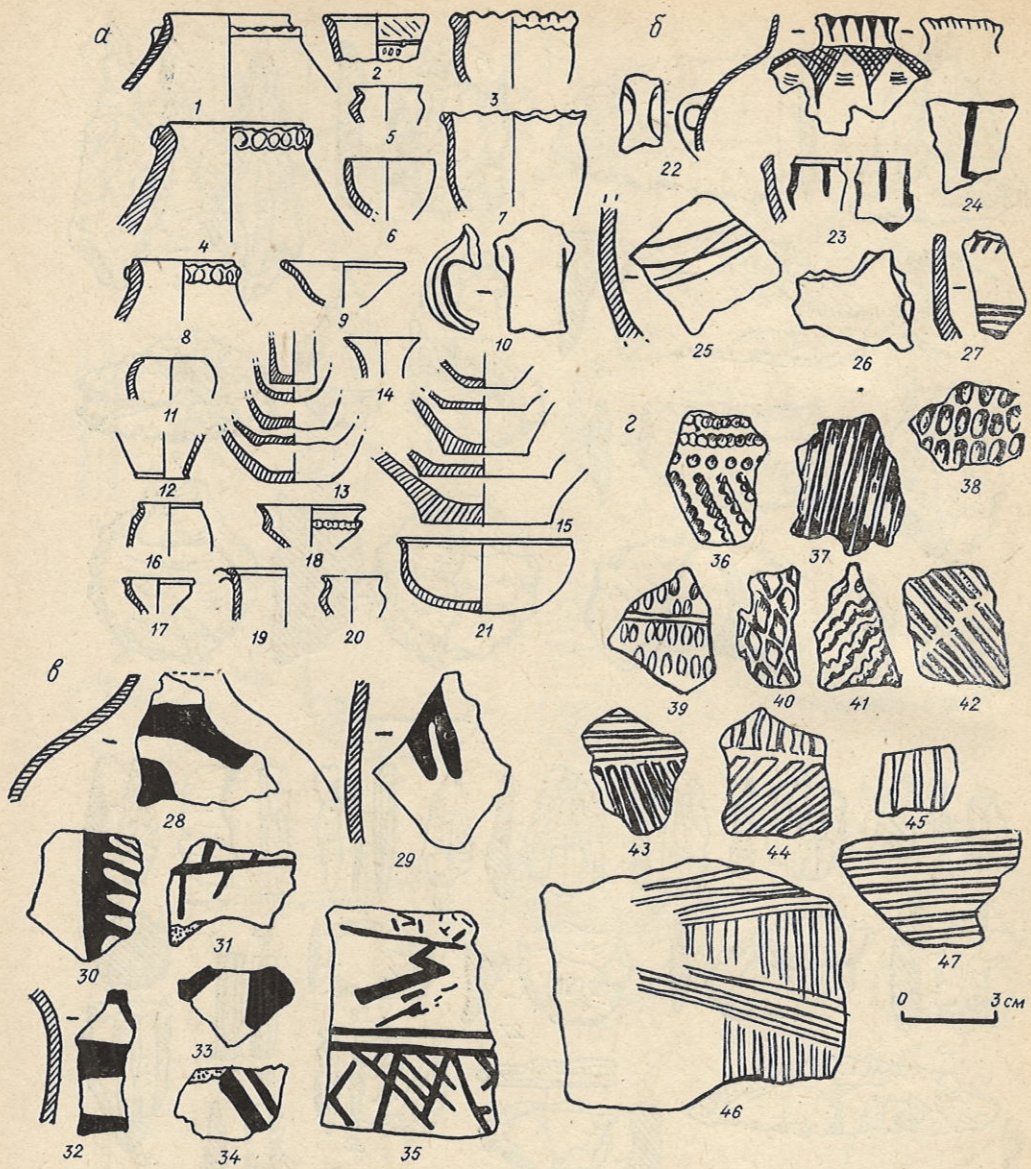


Рис. 4

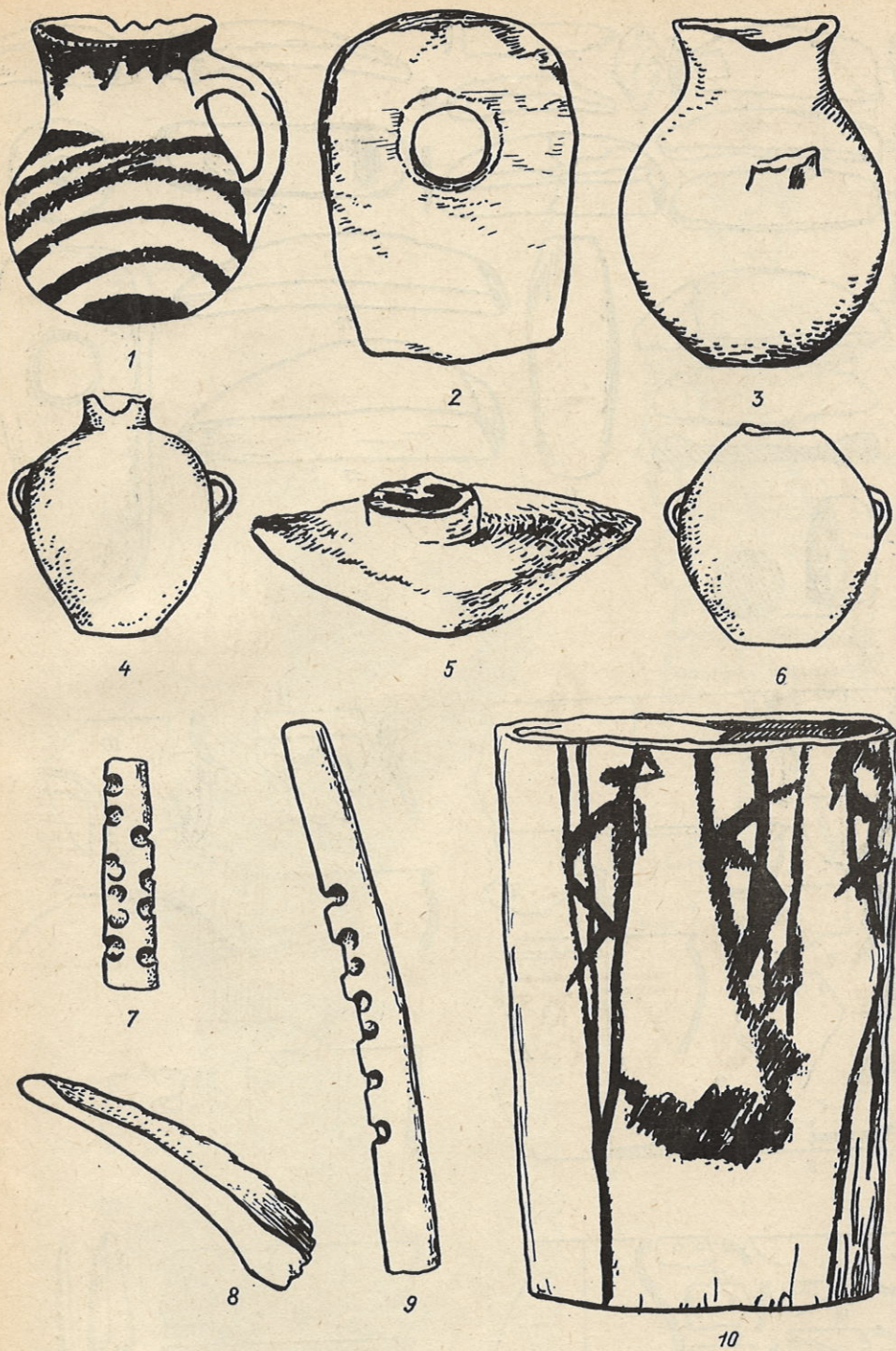


Рис. 5

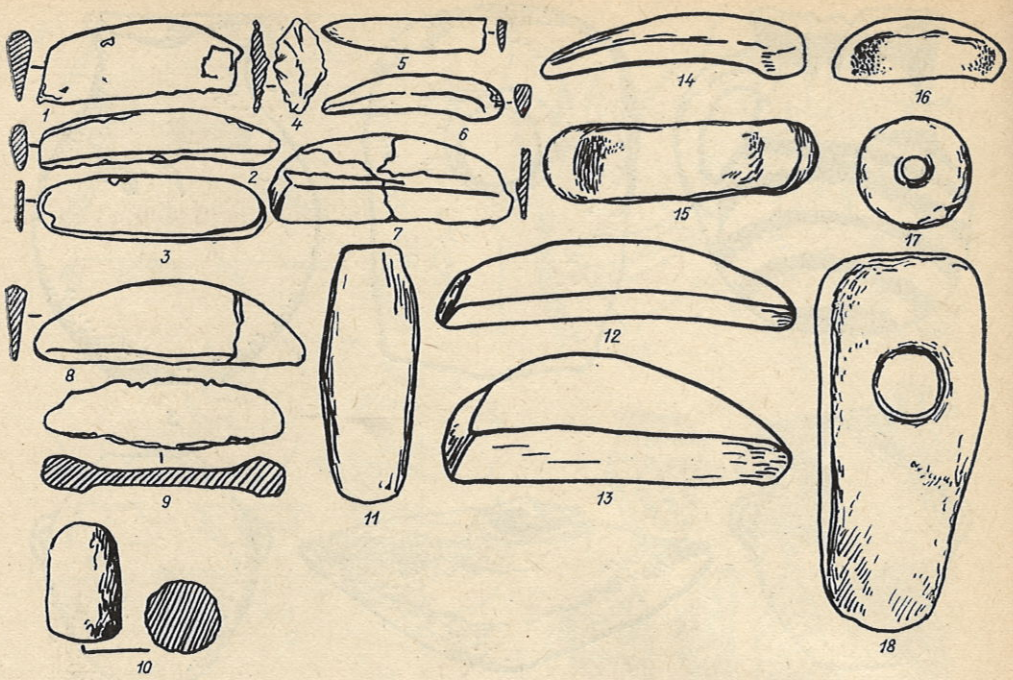


Рис. 6

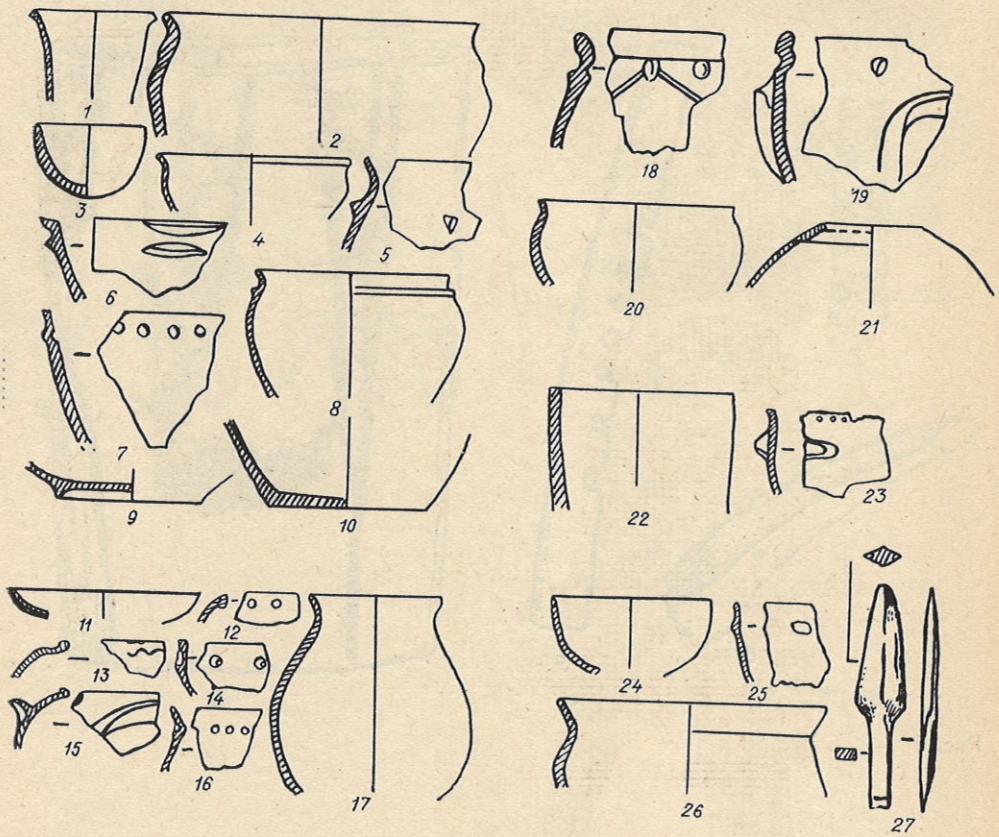


Рис. 7

Рис. 8

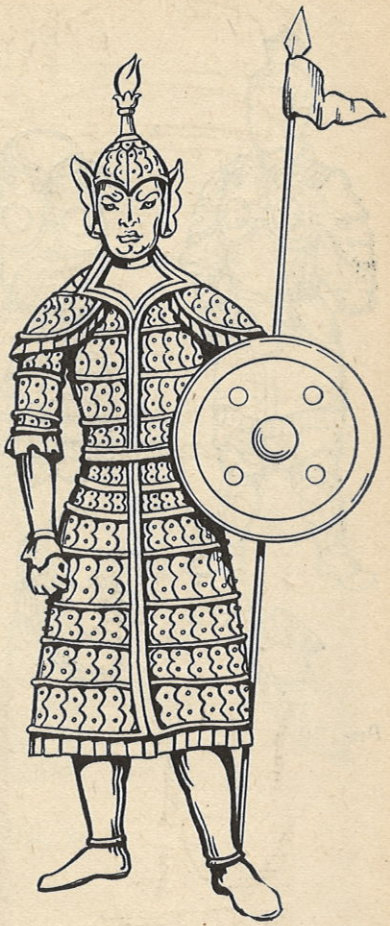


Рис. 9

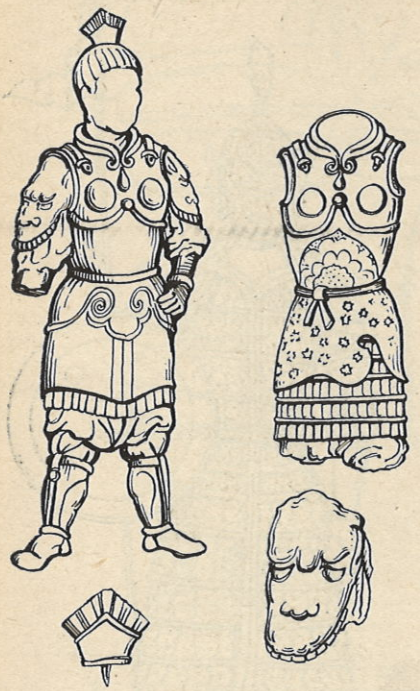


Рис. 10

Рис. 11

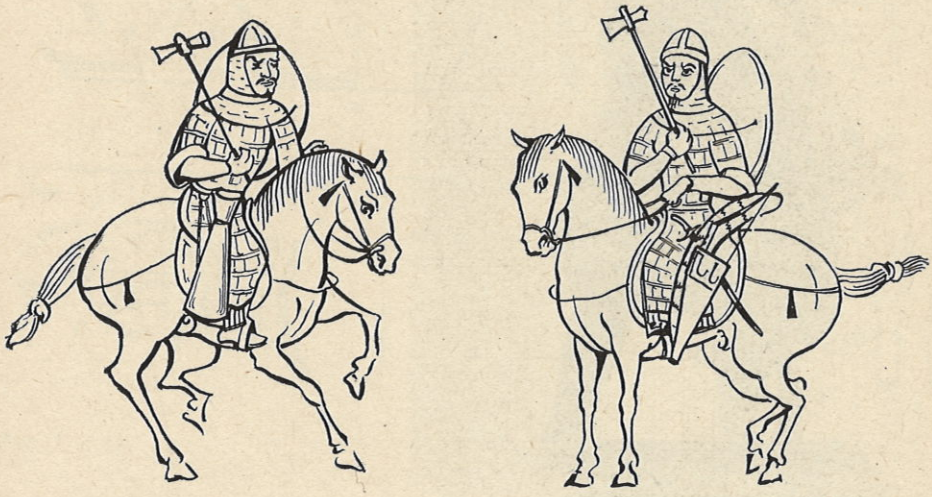


Рис. 12

Рис. 13

Рис. 14

Рис. 15

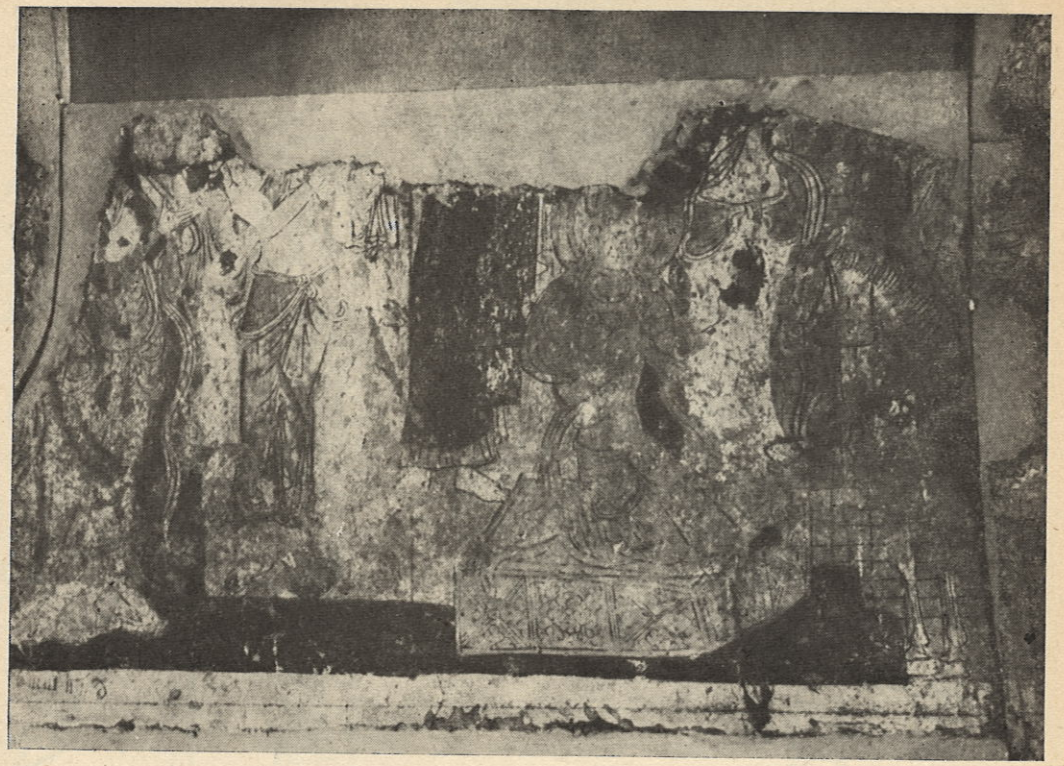


Рис. 16

Рис. 17

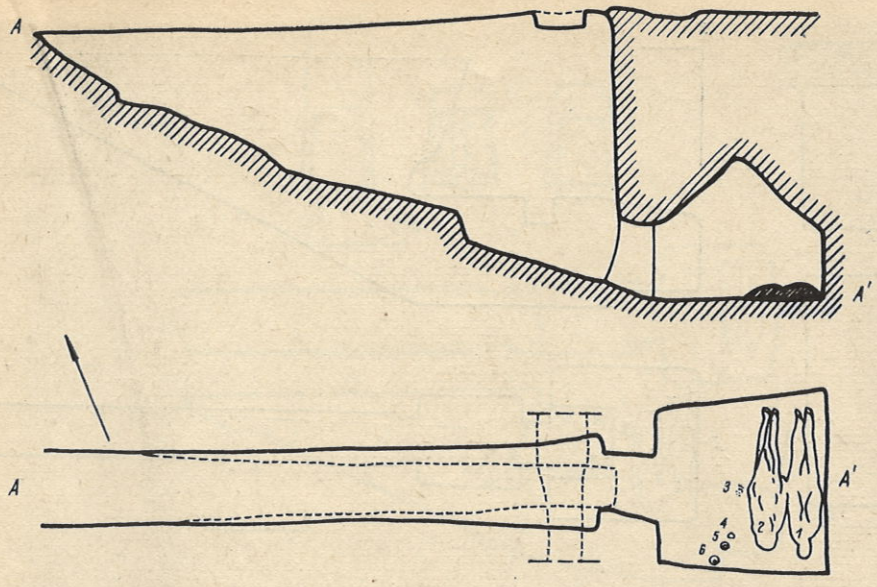


Рис. 18

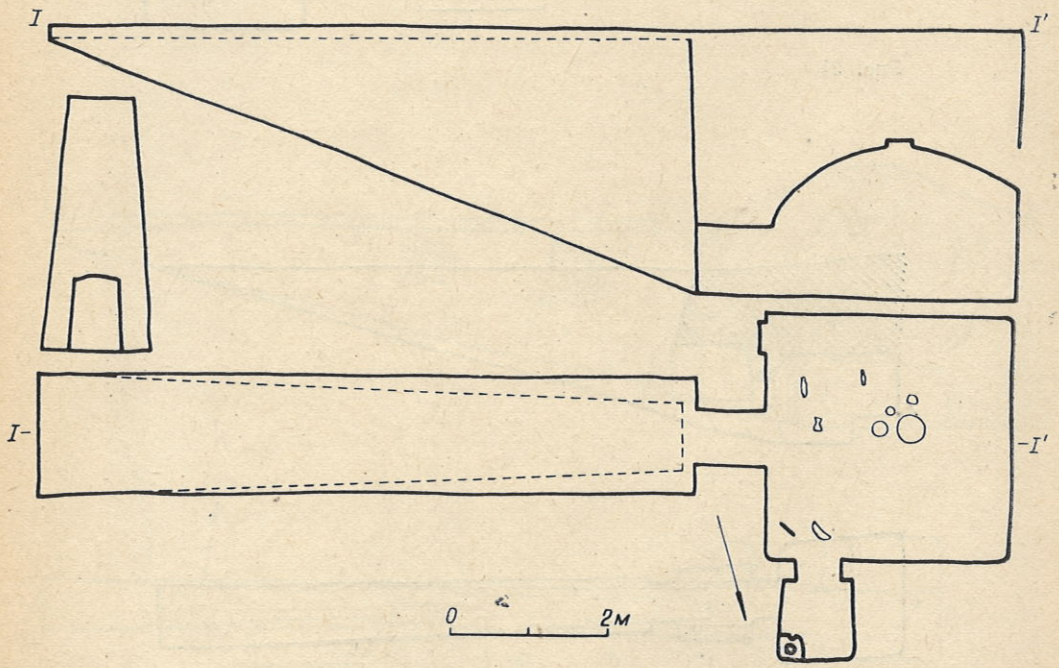


Рис. 19

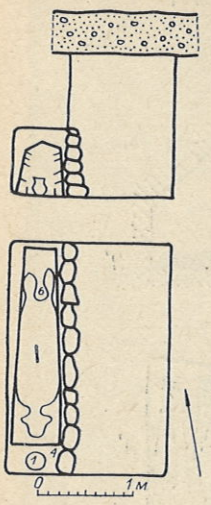


Рис. 20

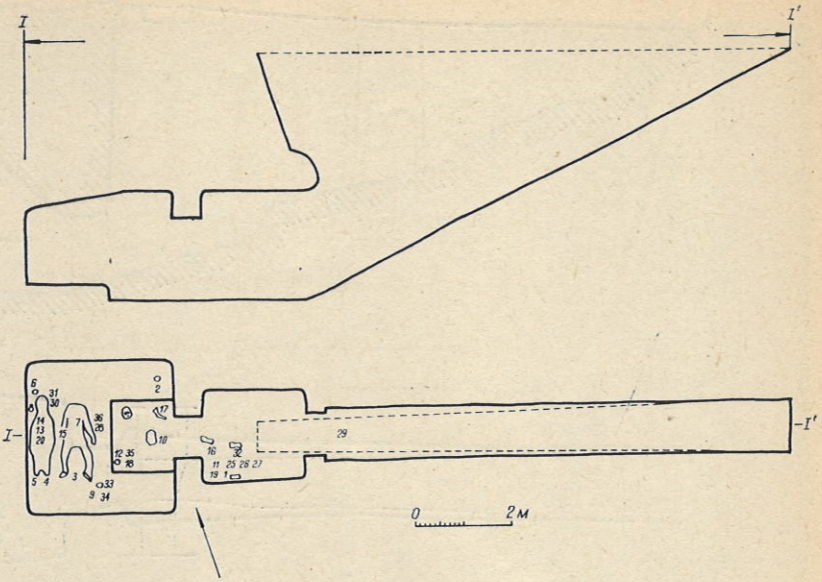


Рис. 22

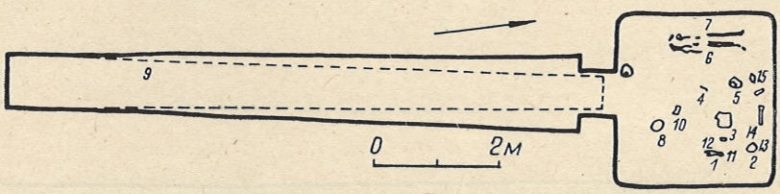


Рис. 21

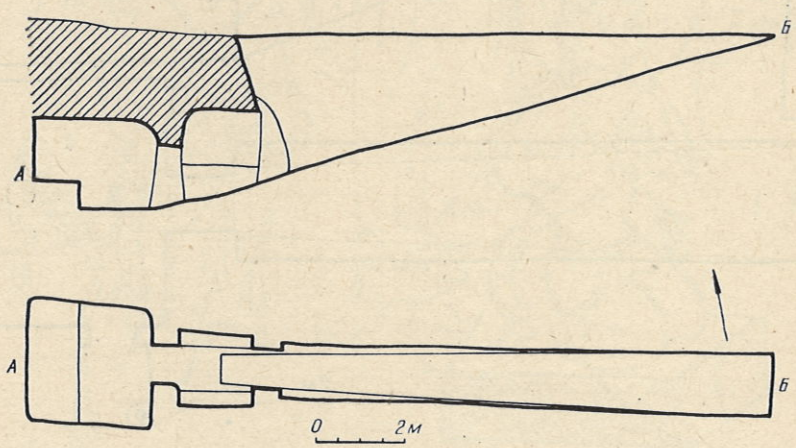


Рис. 23

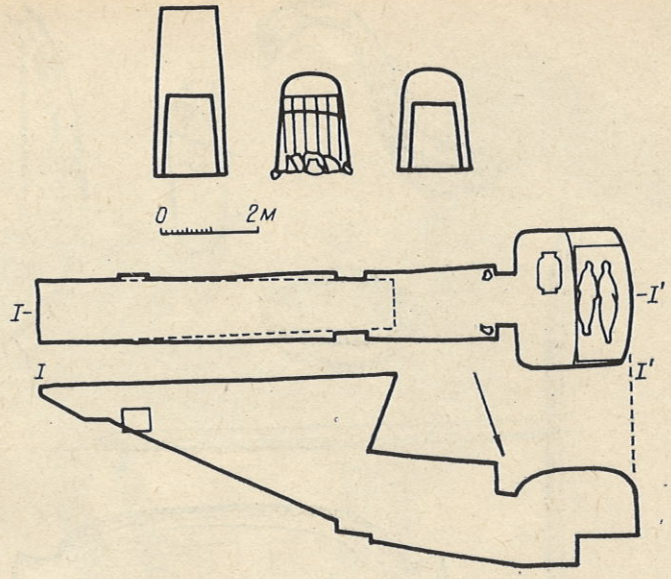


Рис. 24

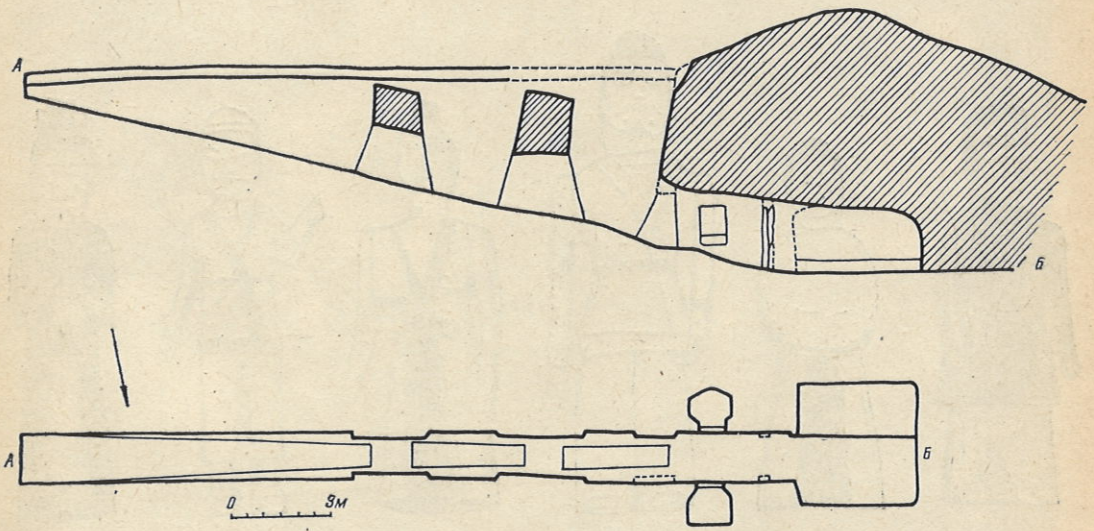


Рис. 25

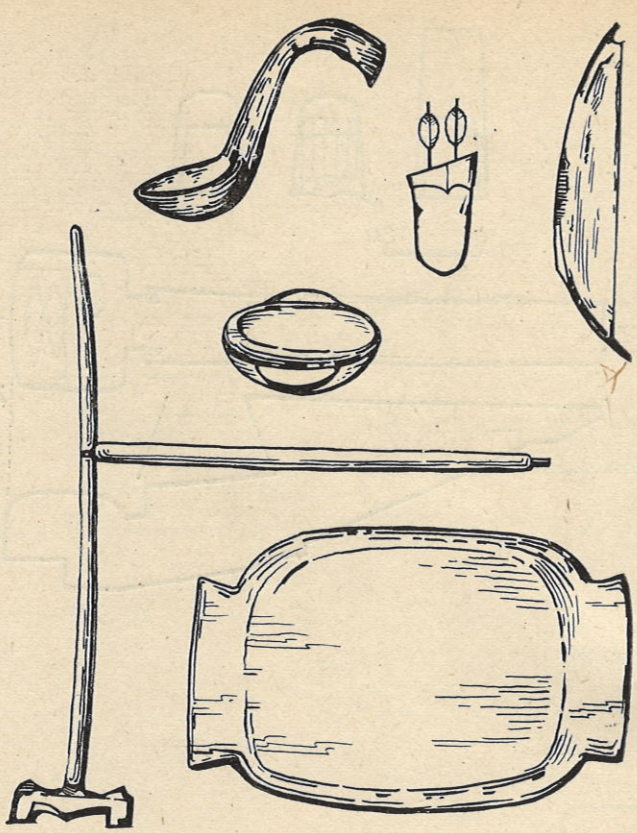


Рис. 26

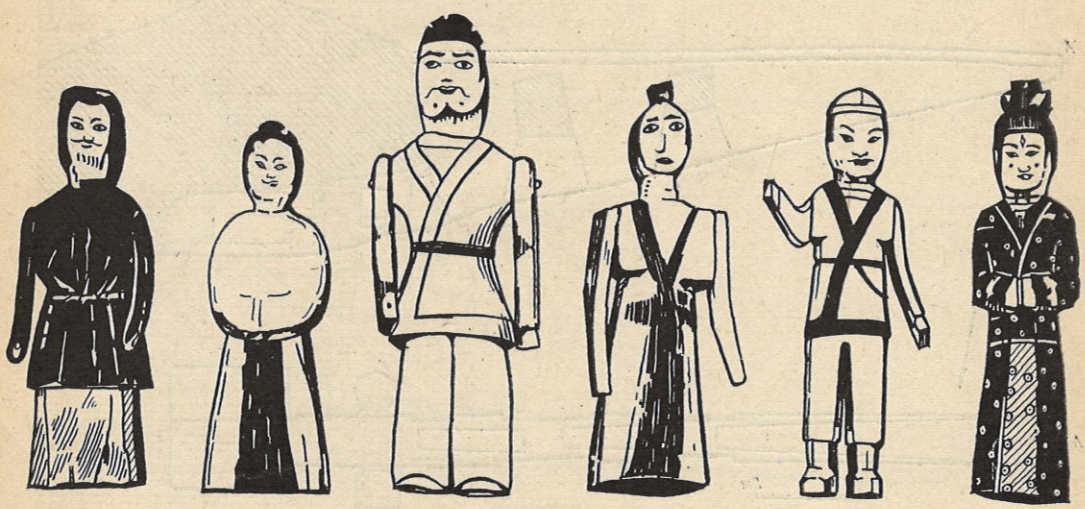


Рис. 27

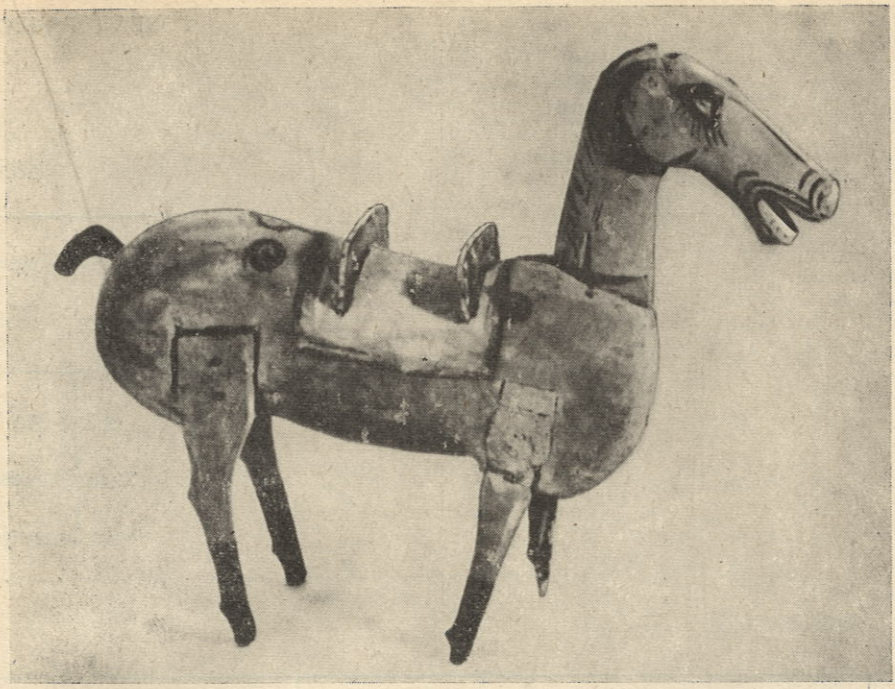
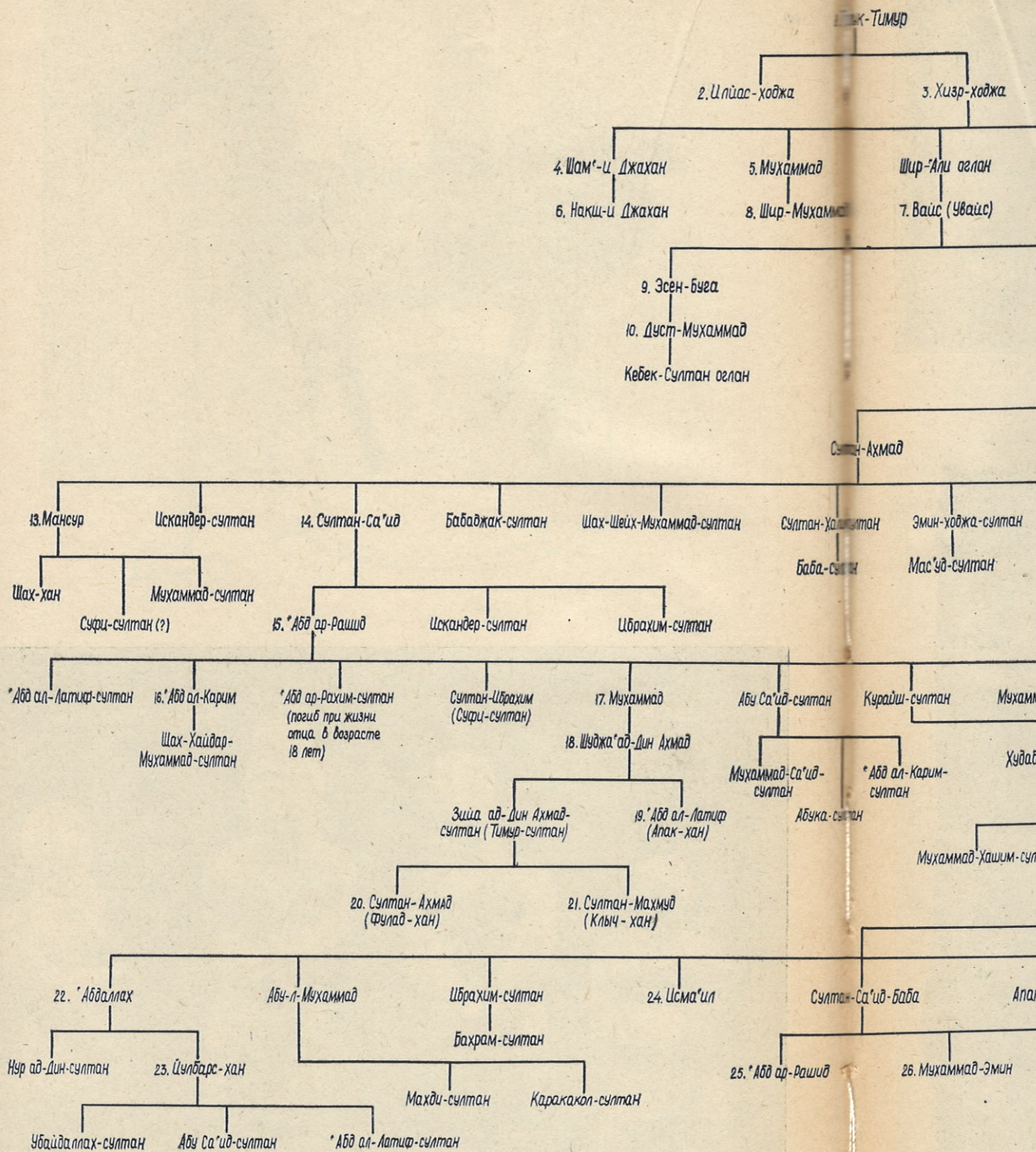


Рис. 28

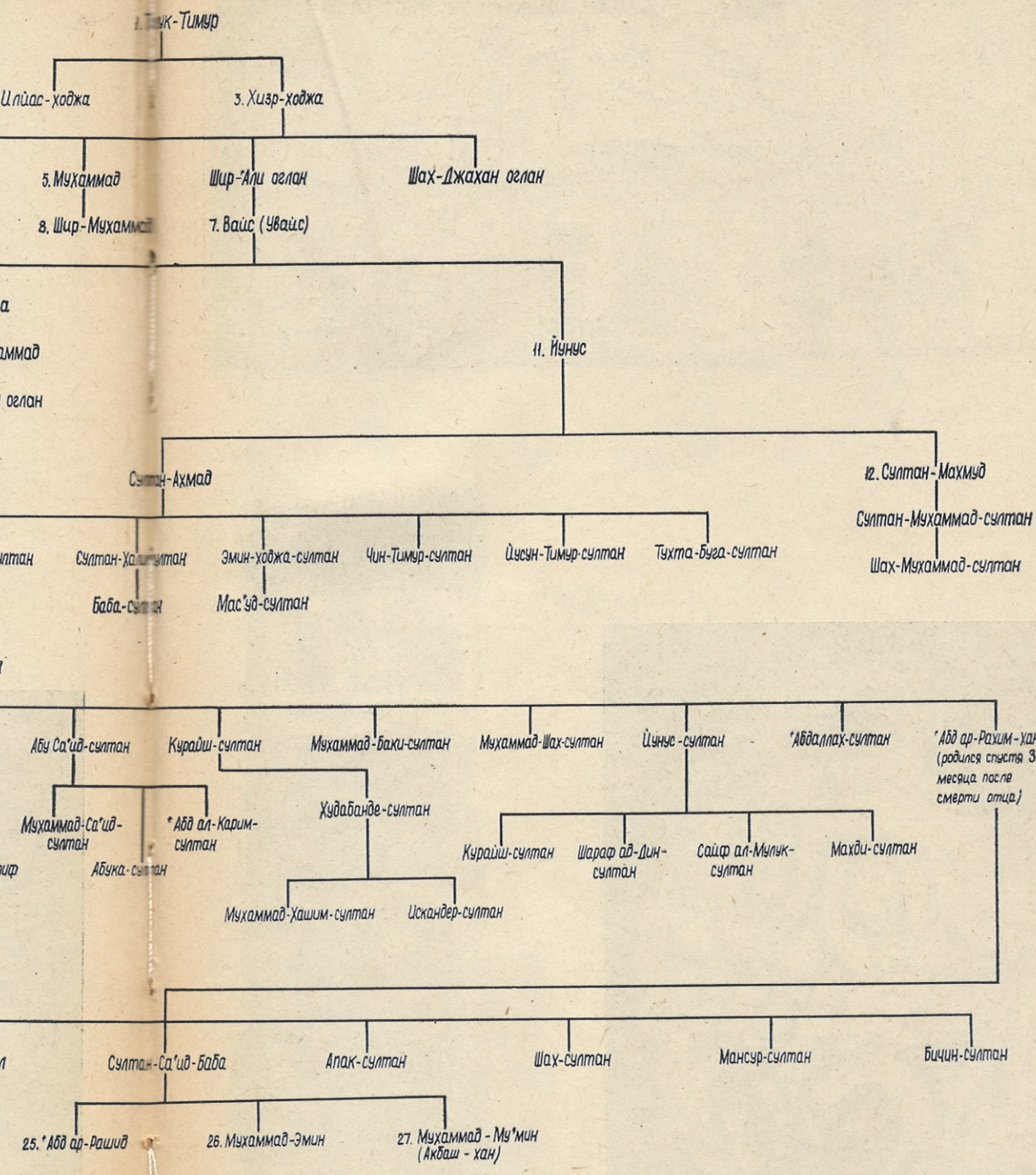
Рис. 29

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА



* Ист
пер. Росса,
Хроника [1
Отчет о ко

ЕСКАЯ ТАБЛИЦА*



* Источники: Мухаммад-Хайдар. Тарих-и Рашиди, рук. 1, рук II [13]; пер. Росса, предисловие Н. Илайеса [18], табл. после с. 50; Шах-Махмуд Чурас. Хроника [15]; «История Кашгарии», рук. ИВАН СССР С 576 (590 oi); В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан [6], с. 170—190, 191 (табл.).

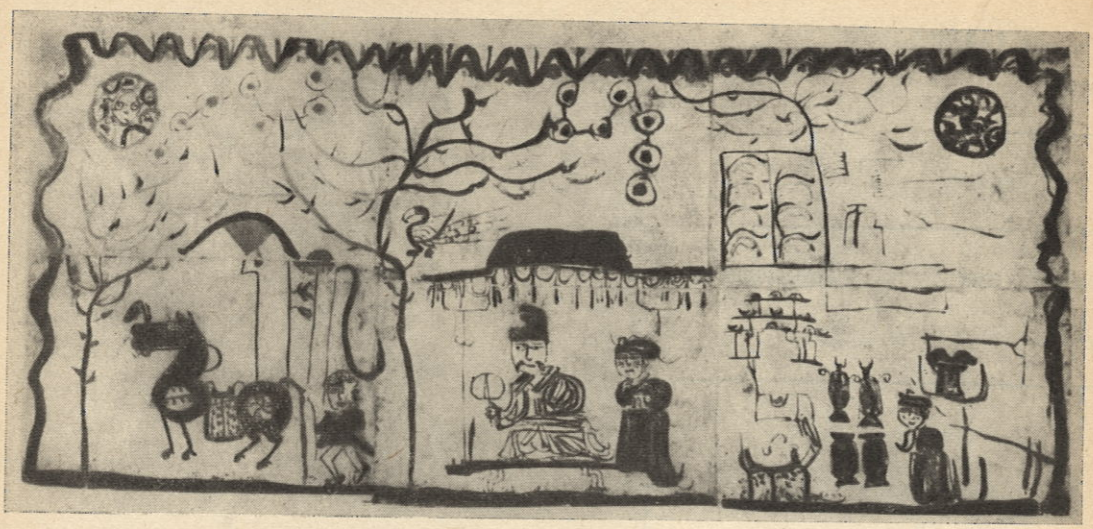


Рис. 30

Рис. 31

Рис. 32

Рис. 33

Рис. 35

Рис. 34

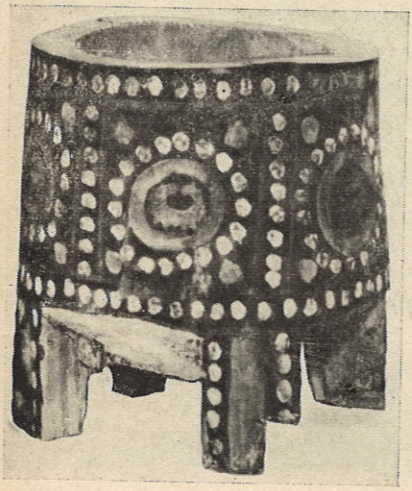


Рис. 36

Рис. 37

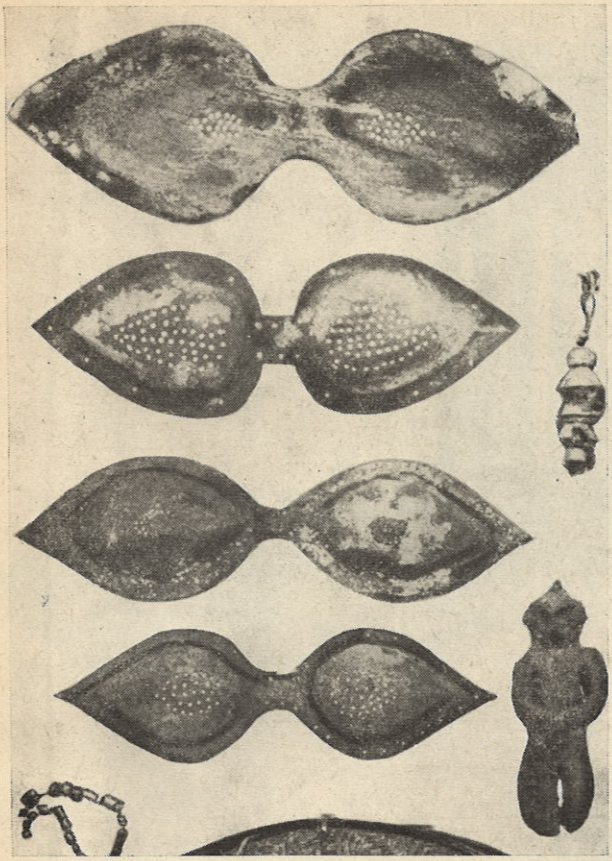


Рис. 38

Рис. 39

Рис. 40

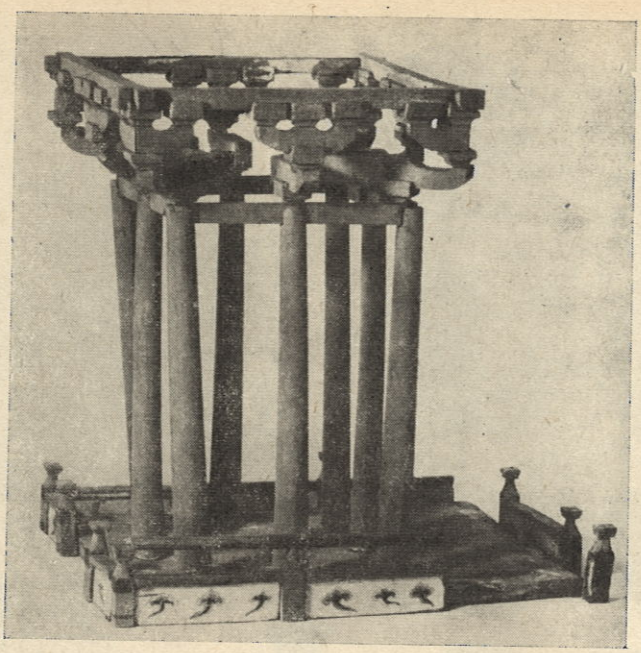


Рис. 41

Рис. 42

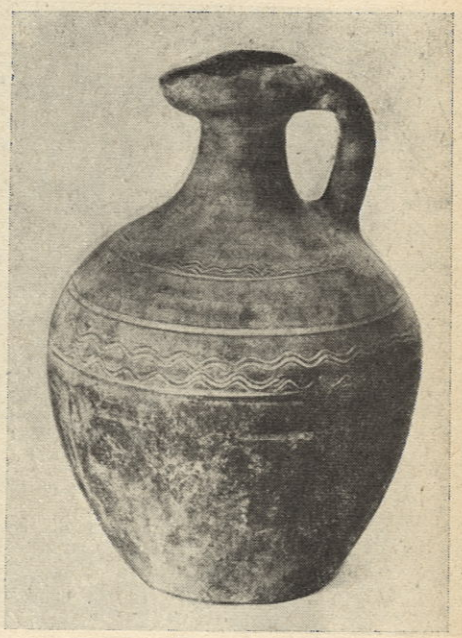


Рис. 43

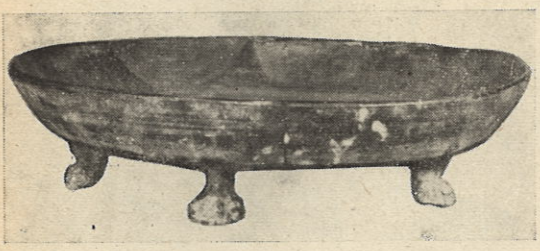


Рис. 44

Рис. 46

Рис. 45

Рис. 47

Рис. 48а

Рис. 48б

Рис. 49

Рис. 50б

Рис. 50а

Рис. 51

Рис. 52

Рис. 53

Рис. 54

Рис. 55

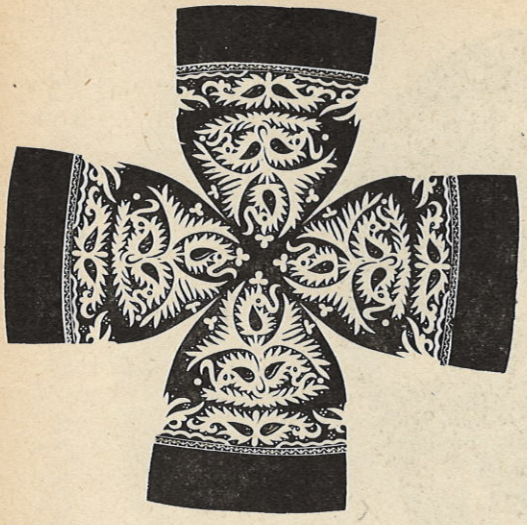


Рис. 56а

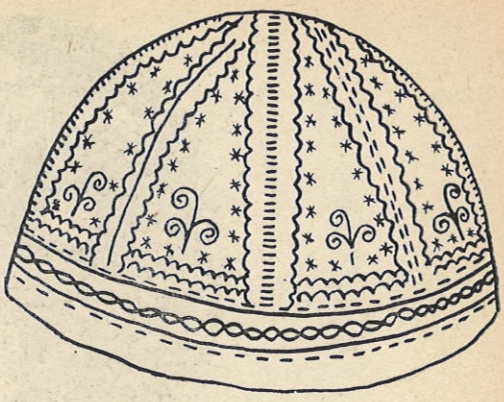


Рис. 56б

Рис. 57

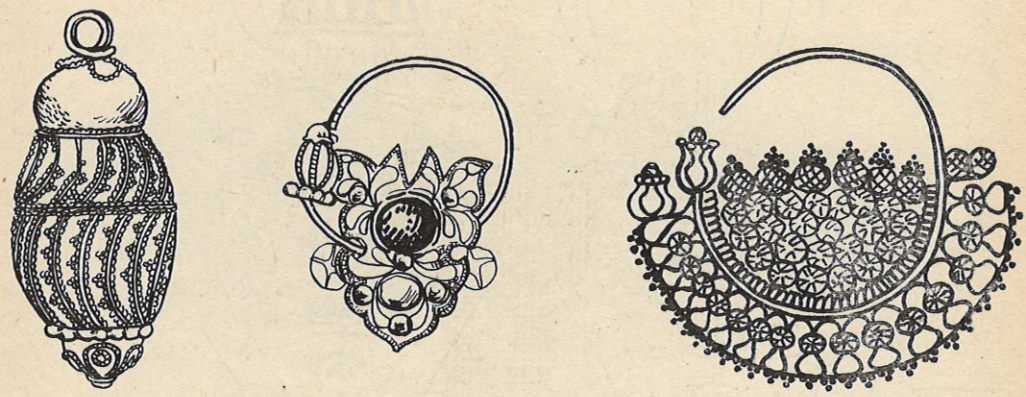


Рис. 58

Рис. 59а

Рис. 59б

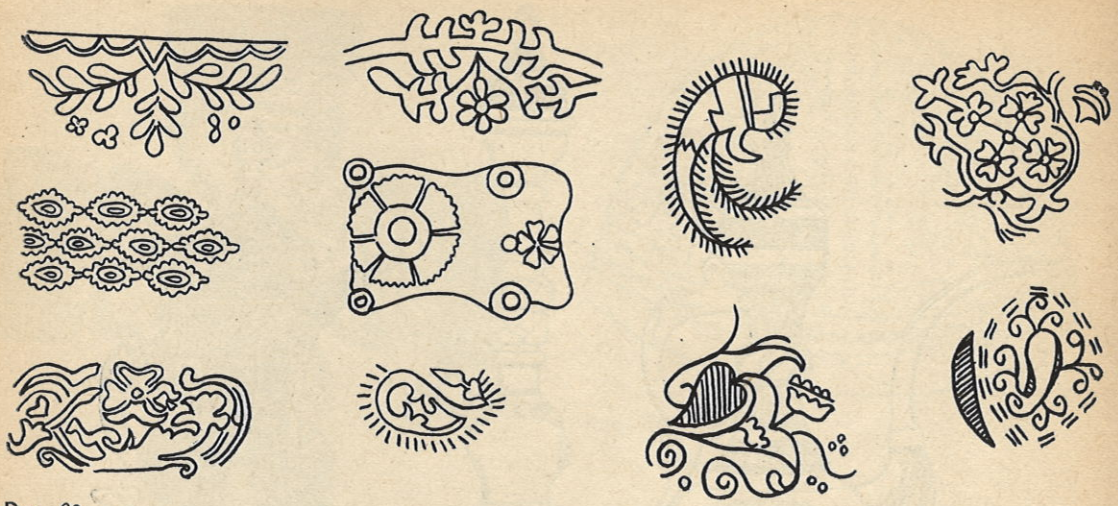


Рис. 60

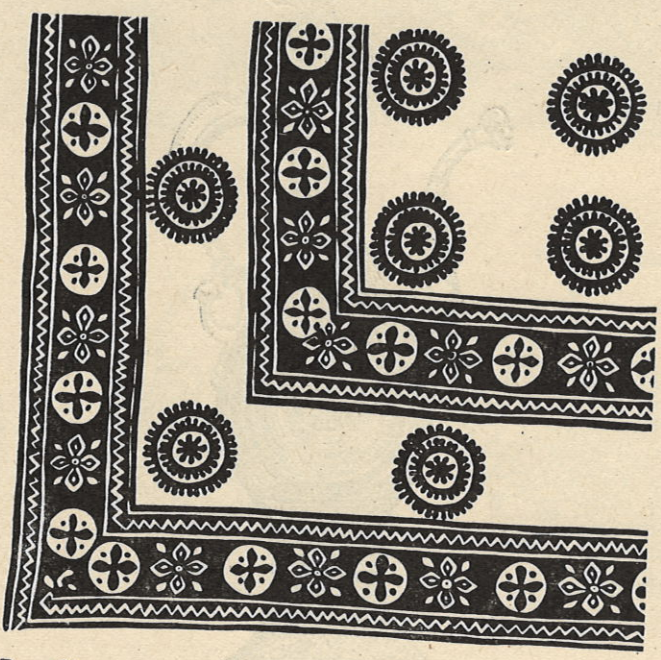


Рис. 61

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Б. А. Литвинский (Москва). Исторические судьбы Восточного Туркестана и Средней Азии (проблемы этнокультурной общности) 4

С. Кучера (Москва). Ранняя история Синьцзяна: неолит — начало века металла 29

Е. В. Антонова (Москва). Несколько заметок о первобытной археологии Синьцзяна 55

М. И. Воробьева-Десятовская (Ленинград). Индийцы в Восточном Туркестане в древности (некоторые социологические аспекты) 61

Н. В. Дьяконова (Ленинград). Осада Кушинагары 97

Е. И. Лубо-Лесниченко (Ленинград). Могильник Астана 108

А. Б. Никитин (Москва). Христианство в Центральной Азии (древность и средневековье) 121

А. Г. Малявкин (Новосибирск). Марионетки из рода Ашина 138

О. Ф. Акимушкин (Ленинград). Хронология правителей восточной части Чагатайского улуса (линия Туглук-Тимур-хана) 156

Л. А. Чвырь (Москва). Об изучении художественных ремесел уйгуров 165

Э. М. Исмаилова (Ташкент). К вопросу о танцевальном искусстве уйгуров . . . 180

Н. П. Кочергина (Москва). Аурел Стейн и его исследования Восточного Туркестана 188

Список сокращений 201

Список иллюстраций 203

Иллюстрации 207

ВОСТОЧНЫЙ ТУРКЕСТАН И СРЕДНЯЯ АЗИЯ
История. Культура. Связи

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор *Л. С. Ефимова*
Младший редактор *Т. Н. Толстая*
Художник *Н. П. Ларский*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *М. В. Погоскина*
Корректор *Л. Ф. Орлова*

ИБ № 14750

Сдано в набор 27.05.83. Подписано к печати 10.02.84.
А-09394. Формат 70X108¹/₁₆. Бумага типографская №2.
Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая.
Усл. п. л. 21. Усл. кр.-отт. 21. Уч.-изд. л. 22,65.
Тираж 2600 экз. Изд. № 5300. Зак. тип. № 2932.
Цена 2 р. 70 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-31, ул. Жданова, 12/1
2-я типография издательства «Наука»
121099 Москва, Шубинский пер., 10